

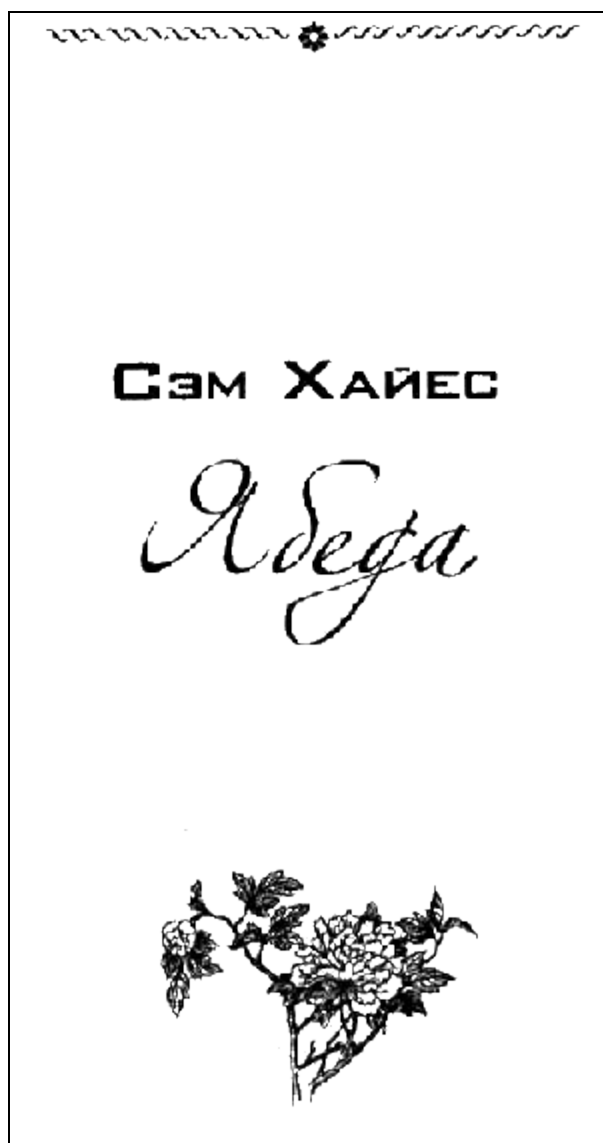
СЭМ ХАЙЕС

Адефа

Новый, напряженный и завораживающий роман писательницы Сэм Хайес, автора международных бестселлеров «Моя чужая дочь» и «В осколках тумана». История трех женщин, которых связала одна ужасающая тайна. Женщина стоит на мосту, над яростно бурлящей водой, от смерти ее отделяют лишь несколько десятков метров. Кто она? И в чем причина ее отчаяния? Нина Кеннеди — обычная женщина, любящая мать и жена, вот только от прочих женщин ее отличает страх. Восемилетняя Эва день за днем просиживает на каменном подоконнике старинного особняка, в котором располагается детский приют. Эва ждет папу. Она ждет, что однажды он все-таки приедет и увезет из этого страшного места, где властвуют шепоты и тени... Здравомыслящая Фрэнки работает в престижной школе для девочек, где нет места никаким ужасам. Но Фрэнки боится.

Истории трех героинь причудливо переплетаются, заставляя читателя предполагать, что он сможет самостоятельно распутать головокружительную интригу, потянув за ниточку правильной версии. Однако неожиданная развязка поразит даже тех, кто обычно может вычислить преступника задолго до финала детектива. Сэм Хайес, как всегда, откроет тайну на самых последних страницах.

*Бену — сыну и другу.
С огромной любовью.*

В головокружительной пропасти бушует водный поток.

Она цепляется за страховочную проволочную сетку от самоубийц, чтобы не упасть, когда порыв ветра выдирает и раздувает юбку, зажатую меж дрожащих колен. Теперь уже скоро; с минуты на минуту к ней бросятся служители, начнут уговаривать спуститься, как уговаривали десятки раз до нее. Надо успеть раньше, но не прежде, чем они смогут собственными глазами увидеть ее прыжок. Водитель проезжающей мимо машины сигналиит и машет рукой, словно подгоняет.

Три секунды — и смерть.

Она смотрит вниз, на воду. Во рту пересохло, она сглатывает с трудом — горло сдавило. Вспоминаются его слова: *сначала ноги... носочки как у балерины... руки в замок... иходишь чистенько*. Волосы стянуты на затылке в хвост, но одна прядь, выбившись, хлещет по щеке.

— Следуй за пузырьками, — шепчет она. Это ее последние слова.

«Там, внизу, темным-темно, — сказал он. — Следуй за пузырьками, они выведут на поверхность. А уж тогда — плыви что есть мочи! — Он расхохотался. — Если и впрямь решилась. Хотя на такое никто не пошел бы. Без специального оснащения, во всяком случае».

Она отпускает юбку, точнее, сшитые в форме юбки лоскуты особой материи. Под ней липнет к телу гидрокостюм. Зажим для носа стискивает ноздри, трепещущие от страха, и она перехватывает руки. Чувствуя, как ледяные прутья решетки режут пальцы, принимает позу для прыжка. Река далеко внизу, словно другая планета, другая жизнь.

На пешеходной дорожке моста, метрах в пятидесяти от нее, оцепенела женщина: ладонь накрыла рот, сдерживая крик. За спиной женщины неуклюже семенит к перилам толстый смотритель моста. Небо тяжело нависло взвихренными грозой тучами, только чайки скользят против шквалистого ветра. Белый фургон водопроводчика притормаживает, но тут же снова набирает скорость, а красный автомобильник встает как вкопанный. Она замечает все это, делая мизерный шагок в пустоту.

Три секунды — и смерть, но на это потребуется вся оставшаяся жизнь.

Медленно, медленно, есть время сосредоточиться. Босые ступни до боли вытянуты, руки вскинута над головой и зажаты в замок. Ее пронзает ветер — истребляющий, воскресающий. Спасительный. Она улыбается тому, что произойдет. Не при ударе — позже.

Песочного цвета юбка вздувается, полощет и натягивается тугим колоколом за полторы секунды до того, как пальцы ее ног врезаются в поверхность реки. Она силится откинуться назад, но мощь течения не дает. Тело входит в иной мир. Ступни, лодыжки, колени, бедра охватывает бетонная твердость воды. Туловище, грудь, плечи, шею засасывает поток. Она инстинктивно зажмуривается, когда и голова уходит под воду. Тишина. Темнота. Замедленное движение.

Но вот она уже в состоянии шевельнуть тяжелыми конечностями, убеждаясь, что они у нее еще есть. Выворачивается из юбки, и та медузой уплывает по течению. Теперь она видит лишь спутанные пряди собственных волос да пенистую дорожку во мраке.

Где верх, где низ? «Следуй за пузырьками», — мелькает в мозгу, будто набрякшем от воды.

Руки работают как весла. В груди печет, ноги точно окаменели. Наверх! Хоть бы один

лучик света, один проблеск жизни, той, что по ту сторону...

Глава 1

Скинув туфли, Нина Кеннеди размяла налившиеся свинцом ступни и прикрыла глаза.

— Дай-ка, солнышко, парочку таблеток от головной боли.

— Возьми, мам. — Джози притащила таблетки и стакан воды. — Как ты?

Нина через силу усмехнулась:

— Нормально.

Тяжелый выдался денек, испытание на прочность, зато теперь каждая минута — истинное наслаждение.

— Ноги как чужие, голова раскалывается, но оно того стоило. — Нина обняла дочь. — Благодаря этой демонстрации дело в шляпе!

— То есть... ты получила контракт? — Джози, не смея дышать, часто-часто захлопала ресницами — нервный тик изводил ее долгие годы. Откинула назад длинные волосы, открыв худенькое личико уже не ребенка, но еще не женщины.

— А то! «Студия Хамелеон» официально отвечает за грим и спецэффекты для трех следующих фильмов «Чартерхаус Продакшнз».

Джози помолчала, переваривая новость.

— На «Пайнвуд»? — Ей надо было убедиться.

Нина кивнула и проглотила таблетки.

— Начинаем с «Могилы». Съёмки через две недели. Конец каникул можешь провести со мной на съемочной площадке.

Дочка бредит актерством. А чем не способ выразить подростковые переживания и эмоции? Все лучше, чем курить или колоться.

Джози надолго онемела. Глаза у нее округлились, щеки надулись — вот-вот лопнут. Наконец она вылетела из комнаты, и до Нины донесся захлебывающийся восторгом дочкин голос — та по телефону делилась новостями с подружками. *Мама будет гримировать знаменитостей!*

Нина стянула жакет, набросила на спинку стула и отправилась на кухню распаковывать сумки с продуктами, купленными по дороге домой. Налила бокал вина, присела к кухонному столу. Губы сами собой сложились в блаженную улыбку.

Мик пока не знает про ее успех. Вернется — и она сразу ему расскажет. Таких крупных контрактов у «Хамелеона» еще не бывало. Обычно Нина работала на театральных постановках, на съемках моделей и рекламы, немножко — на телевидении. Было несколько художественных фильмов, да и то очень давно, но там Нина всего лишь была на подхвате. Добиться, чтобы «Хамелеон» заметили в условиях крайне жесткой конкуренции, — ее самое заветное желание. Шанс заявить о себе, продемонстрировать собственные таланты: умение превращать актеров в героев фильма, а реальность в фантазию. Главное — преобразование, и это удавалось Нине лучше всего.

— Вставать придется в несусветную рань, уже в семь надо быть на площадке, — рассказывала Нина спустя час, накрывая стол к ужину (фасолевый салат и баранина с овощами). — Мы ведь справимся, да?

— Справимся, сама знаешь, насчет дома не волнуйся, — не задумываясь, отозвался Мик. На сегодня он разделался с работой, голод выманил его из мастерской. С нежностью глянув на дочку, он подложил ей на тарелку фасоли. — А ты, клопуля, как считаешь?

Выдюжим?

Джози дернула плечом, а на добавку замахала руками. Вечно он называет ее этим дурацким прозвищем! И вечно наваливает гору еды, откармливает как на убой. Джози без разницы — мама может хоть сутками пропадать, лишь бы и самой Джози можно было крутиться на студии. Стать актрисой она мечтает с тех самых пор, как в пять лет мама впервые привела ее в театральный кружок. Делать вид, что ты не ты, а кто-то другой, — вот кайф!

— Нет, правда, ты это заслужила. — Мик поймал Нинину руку, сжал запястье. — Я горжусь тобой. Очень! — Он потянулся губами к ее шее. Все складывалось именно так, как они мечтали.

Потом Джози скрылась в своей комнате, а Нина с Миком вышли на террасу подышать свежим воздухом. Благоухание жасмина мешалось с илистыми запахами обнажившегося во время отлива устья реки. Еще не стемнело. Сердце в груди радостно екнуло, и Нина засмеялась сумеркам:

— А ведь у нас получилось!

Скорей бы утро, чтобы позвонить Лоре. Та будет в восторге.

— Что получилось?

Мик задумчиво смотрел в небо. Уже несколько недель его не отпускали мысли о работе. Он проводил взглядом уходящий в сторону моря самолет.

И прекрасно он понимает, что она хотела сказать, — вон как ухмыляется. Просто хочет от нее услышать.

— Все! — Нина бросила взгляд на их дом — особнячок на две семьи, постройки 1930-х годов, переоборудованный и удобный. Не дворец, конечно, но очень к тому близко. — Начать с того, что у нас свой дом.

— Если не вспоминать о кредите. — Мик закатил глаза.

— У нас прекрасная дочь.

— Что да, то да!

Мик был любящим отцом, не в пример отцам большинства друзей Джози, которые видали своих отпрысков разве что во время редких общесемейных обедов, на днях рождения или когда требовалось прочесть нотацию.

— А у меня — замечательный, красивый и талантливый муж, — продолжала перечислять Нина, пряча улыбку: знала, что последует.

— И это бесспорно. — Мик отставил свой бокал. Огонек свечи подрагивал на столе между ними. — Иди сюда.

Возражать бесполезно, он все равно добьется своего.

— Не будем забывать и про твои хорошие новости. — Нина допила вино и встала. — Не позволю, чтоб моя новость задвинула их на второй план. — Она уселась верхом на колени к мужу. Деревянный стул возмущенно скрипнул. — Наконец-то у нас все пошло хорошо. Я так счастлива, Мик! — Она заглянула в его глаза. С каждым днем она любила мужа все сильнее.

— Для меня все пошло хорошо с той самой минуты, как я встретил тебя. — Мик всей пятерней, будто гребнем, спереди назад провел по волосам жены, ласково притянул ее к себе, поцеловал. Потом чуть отстранился, но губы их были по-прежнему рядом. — Я хочу кое-что показать тебе.

— Правда? — Нина выпрямилась. — А что?

Восторг закружился в душе цветной вертушкой. Мик, он такой, рядом с ним всегда

праздник. Кое-кто из подруг жалуется, мол, всего два года прошло после свадьбы, а браку уже требуется подзаводка. Измены, скука, несхожесть характеров, стрессы на работе — и вот от супружеского счастья одни руины. В семье Кеннеди не так.

Нине даже совестно признаваться, что у нее страстный, непредсказуемый, по-прежнему обожающий ее муж. Однажды вечером, откупорив вторую бутылку вина, она выложила все это Лоре. Нет, Нина не думала хвастаться и тем более не собиралась колоть Лоре глаза ее браком — просто не сдержала чувств.

— Не хотел показывать, пока не закончу, но сил нет терпеть! — торжественно объявил Мик.

— Вы меня заинтриговали, мистер Кеннеди.

Он потянул ее за руку, повел через сад к мастерской. Пять лет назад, когда они переехали сюда, Мик заказал постройку деревянной хижины в саду, и она превратилась в его второй дом.

На середине лужайки они остановились. И вдруг стало темно.

— Эй, что за шутки?

Пальцы мужа, закрывшие ей глаза, пахли никотином. На мгновение Нина испуганно замерла, потом рассмеялась.

— Войди в мое мрачное жилище, — прорычал Мик. — Я сотворю с тобой непотребное!

Нина, хихикая, послушно пошла с закрытыми глазами по траве. Хрустнула ветка под ногами, запахло чайной розой, которую она недавно посадила, — значит, миновали цветник.

— Мик Кеннеди, ты мерзкий греховодник, но я тебя обожаю.

Достойное завершение знаменательного дня. Она слышала, как Мик сопит, отпирая дверь. Ключ он всегда держал при себе, оберегая бесценное содержимое мастерской.

Внутри Нина вдохнула запах его одеколона и его работы. Захлопывая дверь, он все еще закрывал ей глаза. Щелкнул выключатель.

— Что за сюрприз, Мик? — Прикосновение теплой ладони к лицу волновало Нину. — Я сейчас умру от любопытства!

Внезапно в зрачки плеснуло светом: Мик опустил руку. Нина зажмурилась.

— Ну как? — Мик шагнул к огромному холсту, раскинул руки. — Что скажешь?

У Нины перехватило горло.

— Потрясающе! — Слезы подступили к глазам, туманя портрет обнаженной женщины в натуральную величину. Ее портрет. — Мне безумно нравится. Но почему ты нарисовал *меня*?

— Чтобы видеть тебя, когда работаю. Всю, как есть, — с полуулыбкой ответил он, довольный реакцией жены. — Теперь, когда я договорился с галереей Марли в Лондоне, придется выкладываться по полной. (Мик и так очень устал, отметила Нина. В последнее время он сам не свой.) Вот и составишь мне компанию до зари.

— Она такая... живая!

Вспыхнув, Нина подошла к картине. Ощупала взглядом каждый штрих, каждую линию. Сплетенные руки, переплетенные ноги; пряди длинных волос, приковывающие внимание к изгибам тела. Слегка абстрактная, как большинство работ Мика, картина была реалистична в своей изысканной чистоте. Мик ухватил и передал ту грань ее характера, о которой Нина и сама уже забыла, — ребенок, скрывающийся во взрослой женщине.

— А чтобы приодеть меня, пожалел краски? — Она вернулась к мужу, закинула ему за шею руки. Под ложечкой еще сладко ныло от их последнего поцелуя.

— Но я вижу тебя такой — обнаженной, свободной, прекрасной. Беззащитной как младенец.

— Спасибо хоть за шарфик. — Нина кивнула на длинную полоску материи, которой Мик обвязал на портрете ее запястье. Другой конец свободно обвивал второе запястье. Темно-лиловый с алым шифон словно гладил обнаженную кожу. — Прелесть, сама носила бы. Но тебе не кажется, что я уж очень худая?

— А ты такая и есть, — буркнул Мик, закручивая крышки у тюбиков с краской. Критику он воспринимал не слишком хорошо.

— Нет же, я толще! — Нина пригляделась к краске, которая «вылепила» ее тело. Кое-где Мик пользовался шпателем, кое-где — тончайшей соболиной кисточкой.

— Докажи. — Глаза Мика вспыхнули иссиня-черным пламенем.

Нина подумала, что разозлила его своим замечанием, но лишь на секунду.

— Имей в виду, тебе придется обследовать все досконально, каждый сантиметр, чтобы убедиться в сходстве, — объявила она, расстегивая верхние пуговицы на блузке.

Мик с ухмылкой одной ладонью сцепил ей запястья, а другой снял с нее все до последней нитки. Никто ничего не услышал, не узнал о страсти, которой они пылали, лежа под картиной; никто не испытал их счастья.

Когда Нина, спотыкаясь, брела по саду к дому, уже совсем стемнело. Она задула свечу, горевшую на задней террасе. Мик, нередко работавший по ночам, остался в залитой светом мастерской.

Стоя перед зеркалом в ванной, Нина внимательно оглядела себя. Медленно кивнула: ничего не скажешь, похожа. Забравшись под одеяло, улыбнулась в темноте и уснула.

Урчит с перебоями мотор, а я смотрю на высоченные ворота. Кованая решетка выкрашена черным, бахрома пырея украсила столбы, толстые, как стволы старых деревьев; сбоку — кнопки кодового замка. Код пропуска прилагался к пакету документов нового сотрудника, и я набираю 4716.

Железные створки со скрипом расходятся посередине, я трогаюсь потихоньку, хотя сгораю от нетерпения. В боковое зеркало вижу, как ворота сходятся, запирая меня на территории. Еду дальше, сглатывая комок — нервное напряжение сжимало горло несколько последних дней.

Дорожка обсажена деревьями; корявые ветви, словно изуродованные артритом руки, образовали пестрый навес. Стоят на часах бук и дуб. Я проезжаю мимо, глядя только вперед.

Дорожка распаивается в широкий двор с викторианским особняком посередине, между конюшнями и зданием современной постройки. Приблизившись, читаю на неприглядной кирпичной стене: «Учебный корпус».

С чемоданом в руках, шаркая ногами по гравию, я направляюсь к главному входу. Накануне шел дождь, воздух приторно пахнет цветами, что развешаны в корзинах и расставлены в кадках у входа.

Сделав глубокий вдох, вхожу и объявляю как можно жизнерадостнее:

— Я — Фрэнки Джерард, здравствуйте! Франческа, — уточняю для озадаченной секретарши.

— Ах да, конечно. Мы вас ждем. — Она улыбается, выходит из-за стола и берет меня под руку. — Добро пожаловать в Роклифф. Пойдемте, я покажу вашу комнату, а затем познакомитесь со всеми.

— Спасибо.

Секретарша назвала свое имя, но оно тотчас выскочило у меня из головы.

— Здесь у нас столовая, — объясняет она на ходу, и я заглядываю внутрь. Мои шпильки звонко цокают по плиткам пола. Обычно я не ношу высоких каблуков, но по такому случаю пришлось надеть. — А это библиотека. Видите, сколько призов завоевали наши девочки? У нас очень спортивная школа, — с гордостью добавляет она.

— Впечатляет, — замечаю я, стараясь не отставать.

Мы идем длинным коридором, поднимаемся по нескольким лестничным пролетам на самый верх полуторавекового здания, спускаемся по скрипучим ступенькам, минуем еще один проход. Наконец мы на месте.

Секретарша отпирает дверь. Мы входим, и она вручает мне допотопный ключ, к которому красной ленточкой привязана бумажная бирка с моим именем.

— Это на тот случай, если потеряете, — объясняет она. — Надеюсь, вам здесь будет удобно. Ванная в конце коридора. Если что-нибудь понадобится, дайте мне знать.

— Тут очень мило, — улыбаюсь я и разжимаю пальцы. Чемоданчик шлепается на бок, словно чувствует, что он уже дома.

— Ну, устраивайтесь. В три педсовет по поводу начала нового учебного года. Чаю выпьете, познакомитесь со всеми сразу. — Судя по взгляду, она еще немного насторожена. — Вы у нас не единственная новенькая — пришел новый физкультурник, и на год приехала учительница французского, прямо из Парижа!

Она старается ободрить меня.

— Спасибо. — Вымучивая улыбку, я открываю перед ней дверь. — Тогда до встречи.

Она уходит, а я запираюсь на замок.

Опускаюсь на узенькую кровать: железный каркас, провисшая сетка, линялое одеяло.

— Что ж... — говорю вслух, проверяя звучание нового жилища. Закрываю глаза и вслушиваюсь в тишину новой жизни.

Глава 3

Самое важное из всего когда-либо сказанного мне папой — что мое имя означает «птица». Это по-латыни, говорил он; мама перед смертью выбрала для меня имя. Следующие десять лет своей жизни я свято верила, что однажды проснусь с крыльями и улечу.

— Эва, — говорил папа. — Моя птичка-худышка.

Я висла у него на шее, вдыхая смесь перегара и табака. Все годы я помнила этот запах, в ушах гудел рев мотора его огромной удаляющейся машины, и мне казалось, что папа где-то рядом, хотя на самом деле он был за тридевять земель.

— Теперь уж на следующей неделе, Эва. На следующей неделе я к тебе приеду.

Но он не приехал.

Раньше он держал слово и навещал меня каждое воскресенье, почти два месяца подряд. С того самого дня, как заявил, что ему не справиться.

— А я буду сама справляться! — объявила я, в свои восемь лет. — Я умею!

Но папа не поверил, кому-то позвонил — я так и не узнала кому, — этот кто-то приехал в наш убогий домишко и забрал меня.

— Ну же, Эва, не дури, — строго сказал папа, когда я вцепилась в дверной косяк. — В воскресенье я к тебе приеду.

— В это воскресенье? — спросила я, глядя волчком. Он кивнул и дернул себя за ус. — А в следующее воскресенье приедешь? А в последующее?

Я спрашивала и спрашивала, наверное, раз сто, пока папа не оторвал мои пальцы от косяка и не вытолкнул меня за дверь.

Волоча за собой чемодан, я забралась в поджидавший автомобиль, и меня увезли в детский дом.

С тех пор по воскресеньям я сидела на широком каменном подоконнике у входа. Ждала папу. А чтобы скоротать время, вспоминала, как мы жили раньше — только он да я. Как валялись на грязном диване, как бубнил футбольный комментатор по телику, а папина рубашка воняла пивом. Он спал, а я смотрела, как поднимается и опускается его грудь, считала хмельные всхрапы. Если тяжелое дыхание замедлялось или сбивалось с ритма, я пихала его, пока он не зашевелится.

Иногда — не слишком часто — я помогала папе в саду. Солнце слепило глаза, и я, сощурившись, следила за папой, который орудовал лопатой в конце нашего огорода. Выковыривая землю из-под ногтей, я размышляла: какой в этом смысл, если все равно картошка, как всегда, останется гнить в земле.

Каждую весну папа собирался выращивать овощи.

— Мы с тобой устроим пир горой! На Рождество у нас будет своя брюссельская капуста.

Но каждый год Уильяма Фергуса Этвуда хватало лишь на то, чтобы посбивать макушки у здоровенных сорняков и вскопать разве что квадратный метр тяжелой глинистой почвы, а затем бутылка брала свое.

Иногда я ходила в школу. Мне там нравилось, но ежедневно я ходить не могла: частенько не оставалось ничего чистого надеть, хотя бы футболки. Я перебирала одежды, которые словно вихрем замело под кровать, расшвыряло по углам моей малюсенькой комнаты. Полоски и клетки на них, некогда яркие и нарядные, скрывались под грязными

пятнами, а в трусах и майке в школе не появишься.

Я слонялась по дому и доводила папу до белого каления играми с его вещами. Я возилась с его драгоценными бутылками, любуясь, как в горлышках вскипают пузырьки рвущегося на свободу вина. Жуя всухомятку хлопья для завтрака, путала его леску и рассыпала табак. Вытаскивала из коробки яйца и устраивала гнездышко для цыплят, которым не было суждено вылупиться.

Время от времени к нам приходила женщина из муниципалитета — что-нибудь приготовить, постирать, разгрести бардак, пока папа храпит. Она опасливо передвигалась по дому, словно гнушалась заходить в загаженные комнаты. Бормотала что-то себе под нос, брезгливо, кончиками пальцев, перекладывая наши вещи. После нее на какое-то время становилось лучше. Я радовалась: снова можно надеть что-нибудь чистое и пойти в школу. Я училась читать и обожала рисовать.

Но бывало, что и чистая одежда еще оставалась, а побежать с другими детьми в школу я все-таки не могла. Папа перегораживал дверь — значит, накануне вечером дорога из пивной его добила и сил хватило только на то, чтобы ввалиться в дом. Его тело лежало мертвым грузом, до краев налитое таким количеством спиртного, которого другому хватило бы на несколько дней.

— Пап, вставай! — кричала я. — Иди ложись на кровать!

Я тянула его за волосы, силилась откатить, оттащить, пинала ногой, пока он, замычав, не отползал в сторону. Тогда я с натугой приоткрывала дверь сантиметров на пятнадцать, и мне этого хватало, чтоб протиснуться наружу и догнать остальных ребят.

Если же папа не шевелился и протиснуться в дверь не было никакой возможности, я усаживалась у окна и, подперев голову руками, с завистью смотрела, как мои друзья вприпрыжку бегут в школу и у каждого в руках пакет с завтраком. Я пробовала выбраться другим путем, но окна на первом этаже слиплись от краски, а задняя дверь покоробилась от старости и сырости, с ней только папа справлялся с помощью обоих кулаков и тычка ногой. В такие «пропускные», как я их называла, дни я была узницей.

«Совсем как теперь», — думала я, барабаня пальцами по дубовому переплету окна (куда там хлипким окошкам нашего дома на Уэсли-Террас) и поджидая, когда же из-за поворота покажется папина машина. К детскому дому Роклифф редко подъезжали машины. Мир забыл о нас. Иногда автофургоны подвозили мешки с картошкой и морковкой, изредка навевался ремонтник, гремел в бойлерной. Старшие ребята шептались, что он является не только за этим, но я не понимала, про что они. А еще говорили, что, бывает, приезжает автобус (хотя я его еще ни разу не видела) и увозит детей на экскурсию. Я не собиралась оставаться здесь надолго, чтобы выяснить, правда это или нет.

Когда же из-за деревьев в конце аллеи и в самом деле внезапно выкатывался автомобиль, новость мгновенно облетала дом и все прилипали к окнам — кто появился? А я... Я как пришитая сидела на своем подоконнике. Я ждала только папу. Я хотела махать ему, пока он не подъедет к самым дверям.

Я любила папу, хоть он был и не таким, как другие папы. Думаю, потеряв маму, он потерял и разум.

Я вжималась лбом в холодное стекло, мечтая продавить его головой. Пусть бы кровь потекла по лицу, вдоль носа, вокруг рта. Поднялась бы паника, воспитатели бросились бы вытирать кровь салфетками и ругать меня за глупость. Я надавила на стекло так сильно, как только смела, и вдруг подскочила как ужаленная. Мне на плечо опустилась рука.

— Тебе что, делать больше нечего?

Я обернулась — на меня смотрел человек, которого я не знала. При виде его рябого лица и мощного, как древесный ствол, туловища я оцепенела. Руки как сучья, морщины на лице будто прутья на фоне темного неба. Мне стало жутко холодно, от испуга сердце застучало быстро-быстро. Я хотела домой. К папе!

Я затрясла головой, силясь ответить, но ничего не вышло. Я прожила здесь совсем недолго, но уже успела наслушаться страшилок, дурацкого вранья, которое передавалось из одних чумазных уст в другие. Я крепко зажмурилась и стиснула губы, чтобы подавить крик.

— Тогда пошли, поможешь мне, — проворчал страшный дядька, не дождавшись ответа.

Отважившись приоткрыть один глаз, я увидела какие-то узлы у него на горле, под дряблой кожей, как будто дядька проглотил гроздь гнилого винограда.

Дядька ухватил меня за руку и стащил с подоконника.

— А не то сатана найдет работу для праздных рук. — Он зашагал по длинному коридору, волоча меня за собой, как щенка на веревочке.

Словно порыв ветра прошелестел страницами потрепанной книжки — в памяти пронеслись страшилки. Ночные рассказы детей были затянуты туманом сна и противных таблеток. Может, эти сказки вообще мне почудились? Однако непонятные события каким-то образом проникали в нашу повседневную жизнь как самые обычные дела — такие же, например, как развешивать на веревках выстиранные простыни, подметать полы или разводить огонь в камине.

Я плелась за незнакомцем по мрачным коридорам нашего дома. За одной комнатой следовала другая, за той — третья, четвертая, без конца.

— Куда мы? — собравшись с духом, спросила я, но дядька не ответил.

С вытаращенными глазами, с перекошенным в немом крике ртом я упиралась, цеплялась непослушными ногами за половицы, но дядька без малейшего усилия преодолевал мое жалкое сопротивление, пока мы не остановились перед дверью. Страшный дядька постучал и сразу вошел, втащив меня за собой.

Ослепительный свет, как будто кто-то изловил и запер в комнате само солнце, заставил меня зажмуриться. Я ничего не могла различить, кроме темного силуэта за столом. От ужаса и рези в глазах я закрыла лицо рукой и только молилась, чтобы все это исчезло.

— Эта не годится, — сказал человек за столом таким голосом, что мне показалось, я уже в аду. — Папаша имеется. Другую приведи.

Глава 4

— Мисс Дже-рард, — произносит мужчина по слогам. — А я — Палмер, директор школы.

На один миг его мягкая и влажная рука касается моей в вялом рукопожатии.

— Пожалуйста, называйте меня Фрэнки, — говорю я.

— Обживаетесь? Как вам нравится Роклифф? Сестра-хозяйка мне рассказала о вас.

Ответить я не успеваю.

— Да она здесь всего-то час, Джефф! Дайте ей опомниться, — вмешивается секретарша, протягивает мне чашку чая и отводит в сторону. — Пообщайтесь лучше с Сильвией, дорогая. Поверьте, Джефф изведет вас своими историями про то да про се. Школьная жизнь — его конек, он думает, что все кругом только и мечтают его послушать. — Она снисходительно усмехается.

Со смущенной улыбкой я иду за ней через толпу сотрудников, чувствуя себя рыбой, выброшенной на берег.

— Привет! — Сильвия расцеловывает секретаршу в обе щеки. — Как отдохнула, Бернис?

Сильвия, сестра-хозяйка, два дня назад беседовала со мной по телефону. Все произошло стремительно. На прошлой неделе я увидела на школьном сайте объявление о вакансиях. Мест было несколько, но на остальные требовались учителя, а я не по этой части. У меня голова кружится, как вспомню последние дни.

Я собралась с духом и позвонила насчет работы. Сестра-хозяйка призналась, что без помощницы не справляется. Договорилась было с одной девушкой, но та в последнюю минуту без всяких объяснений отказалась. Узнав, что я несколько лет работала с подростками, Сильвия тут же дала согласие.

Я потягиваю чай и терпеливо слушаю болтовню Сильвии и Бернис про долгие летние каникулы. Сильвия не очень похожа на сестру-хозяйку.

— Здравствуйте еще раз, — говорю я, когда она наконец обращает на меня внимание. И с натужным смешком добавляю: — Прибыла в ваше распоряжение.

Она хватает обе мои руки и крепко жмет. Несмотря на ее импульсивность, мне нравится Сильвия. Она дала мне шанс. Благодаря ей я начинаю думать, что в один прекрасный день, быть может, стану здесь своей.

— Фрэнки, какое счастье видеть вас в Роклифф-Холле! Я ужасно рада, что вы будете у нас работать. Комната устраивает? — Привстав на цыпочки, она чмокает меня в щеку. — Если что понадобится, только кликните. Уж я теперь постараюсь, чтоб вы у нас остались, не хочу вас потерять, как остальных.

— Все отлично, — уверяю я. — Мне здесь... очень нравится. И вид из окна замечательный — вся территория как на ладони.

Потерять, как остальных? О чем это она?

— То ли будет осенью! Деревья потрясающие.

— Не сомневаюсь. А когда прибывают ученицы?

Я представляю, как встречу девочек, увижу их взволнованные лица, услышу болтовню про каникулы, загляну в затуманенные слезами глаза, когда уедут родители и начнется новый учебный год.

— С семи до девяти. У нас еще несколько часов, чтобы подготовиться к гормональной атаке, — смеется Сильвия.

— Ну, ей-богу! — фыркаю я не к месту громко и захопываю рукой рот.

— Что за веселье? — С боку подходит рыжеволосый мужчина и подпихивает Сильвию локтем. — Не хочешь меня представить?

— Фрэнки, познакомьтесь с Эдамом. Эдам у нас — история.

— Это точно. Я живу в прошлом, — добродушно соглашается он.

Я различаю легкий акцент. Южно-африканский, что ли?

— Это небезопасно для здоровья, — шучу я, чтобы поддержать разговор.

— Фрэнки теперь — моя правая рука, — продолжает Сильвия. — Ей нужна работа с проживанием, а я, с тех пор как та девчонка меня подвела, осталась без помощницы. Из каких краев, вы говорите, приехали, Фрэнки?

— Из южных, — уклончиво отвечаю я, избегая заинтересованного взгляда Эдама.

Он высок, стоит в небрежной позе, словно опираясь на воображаемую стену. Чайная чашка на блюде в его крупных ладонях выглядит игрушечной. Черные джинсы и полосатая рубашка навывпуск, растрепанный чуб свисает на загорелый лоб: скорее серфингист, чем учитель.

— Так, та-ак, — тянет он, и губы над выдающимся вперед подбородком ломает кривоватая ухмылка. — С юга. Как я, стало быть. Но вы, надо полагать, в заботах о девочках будете жить исключительно настоящим. — Он подносит чашку ко рту, не спуская с меня глаз. — Грохот музыки, Интернет, электронные игры, косметика, мальчишки и слезы. Желаю удачи!

У него такие синие глаза, что больше ни на что не обращаешь внимания. Лишь потом я замечаю у него под мышкой ноутбук.

Сильвия уже отошла, с кем-то болтает.

— Расскажите о девочках. Какие они? — спрашиваю я у Эдама. Не молчать же как пень, а ничего другого в голову не приходит.

Эдам глазеет на мою щеку. Он открывает рот, снова закрывает, и так несколько раз подряд. Я заливаюсь краской.

— Они... да, в общем, неплохая компания, хотя есть и разбалованные, и трудные. — Он все пялится.

— Может, в семьях нелады? — Мне страшно неловко, я впиваюсь ногтями себе в бедро.

— Семьи слишком обеспеченные — так будет точнее. Вы поранились. — Эдам хмурится, а я дергаюсь, будто он сейчас притронется к моему лицу, и отступаю на шаг.

Директор звенит ложечкой по чашке, избавляя меня от необходимости отвечать. Однако Эдам и не думает отводить глаза.

— Пустяки. Просто ссадина, — шепчу я и поворачиваюсь к нему спиной, чтобы послушать главу школы.

В нескольких словах директор наставляет нас, напоминает об ответственности перед ученицами Роклифф-Холла (в количестве трехсот пятидесяти семи человек) и предлагает вознести молитву за еще один благополучный учебный год. Все склоняют головы, а я нет. Я смаргиваю горячие слезы. Знаю по опыту: молитвы не помогают.

Девочки появились около семи — разноголосый гомон и горы вещей. Из маленького зарешеченного окошка своей комнаты я наблюдала за чередой автомобилей на подъездной

аллее. От моего дыхания старое стекло запотело. Прибывшие в дорогах экипажах родители сдавали детей после долгого летнего общения в школу — и отправлялись восвояси, порой лишь небрежно махнув на прощанье рукой. А у меня сжималось горло.

— Сильвия, можно я быстренько позвоню? — Мы разводили девочек по спальням и помогали новеньким.

Она отпустила меня взмахом руки:

— Пулей!

Я полетела в глубь коридора, где раньше заметила телефон-автомат, мобильника у меня не было. Девчачий галдеж сюда почти не долетал. На стене под пластиковым козырьком красовались имена и телефоны вперемешку с рисунками, выполненными лаком для ногтей и белой мазилкой для исправления ошибок.

Я выудила из кармана пятьдесят пенсов, опустила в прорезь и несколько минут вслушивалась в длинные гудки, затем дала отбой. Монета выпала. Не вешая трубку, я набрала номер без денег, на всякий случай.

— Все в порядке, мисс Джерард?

Проходивший мимо директор замедлил шаг. В тусклом свете его лицо казалось вырезанным из куска старого дерева. Вздвогнув, я сунула монетку в карман.

— Да, спасибо.

Но он уже шагал дальше.

На следующее утро за завтраком Эдам садится рядом со мной, остальные места за длинным общим столом заняты. Кивком здоровается со мной и со всеми, открывает ноутбук и принимается барабанить по клавиатуре, периодически впиваясь зубами в намазанный джемом тост. Затем просит женщину, которую я пока не знаю, передать чайник.

— Ну, как прошла первая ночь? — Эдам отрывает взгляд от экрана. Похоже, думать, печатать, есть и говорить одновременно — дело для него нехитрое.

Остальные коллеги ограничились лаконичным «здравствуйте» в мой адрес.

— Будили всего четыре раза. Три раза — горячие слезы, один раз рвота. — Я делаю большой глоток кофе.

Тост застывает на полпути ко рту Эдама, историк кладет его на тарелку и минутую другую стучит по клавишам. Что там у него на экране, мне не видно. Лучи солнца, проникая сквозь мозаичные окна, подсвечивают его волосы радужными бликами.

— Не повезло, — замечает он, будто и не было никакой паузы.

— Да ничего страшного, — уклончиво отзываюсь я. По правде говоря, я так и так вряд ли заснула бы.

— Ну-с. — Эдам захлопывает ноутбук, берет чашку и поворачивается ко мне. — Что вам приготовил первый день в Роклиффе?

Хоть бы уж звонок прозвенел и разогнал всех по классам. Однако его акцент почему-то не дает мне покоя, никак не могу распознать.

— Надо посмотреть, все ли вещи девочки распаковали. Потом кровати, грязная одежда, косметика, фантики, салфетки и прочий девчачий хлам. Еще нужно проверить, нет ли наркотиков, разобрать потерянные в прошлом году вещи, проконтролировать, чтобы все пообедали — у меня есть список малоежек. Затем собрание обслуживающего персонала по поводу стирки и...

— Ясно, ясно! — смеется Эдам. — Вы определенно эксперт по этой части. Где,

говорите, раньше работали?

Общий говор в столовой внезапно смолкает, словно ответ интересует всех.

— Фрэнки, вам нехорошо? — хмурится Эдам.

Я мотаю головой. В столовой снова поднимается гул.

— Голова что-то закружилась. (Так и есть.) Но уже прошло.

Я не хочу быть невежливой, но мечтаю, чтобы он ушел и занялся своими уроками, а я — своими делами.

Эдам по очереди перекидывает ноги через школьную скамью, со стуком ставит чашку на тарелку: до него дошло.

— Бог даст, еще увидимся. — Смерив меня взглядом, он направляется к двери, и спустя мгновение звенит звонок.

Я сижу неподвижно, а вокруг стучат по деревянному полу десятки каблуков, звук этот пробирает до мозга костей, воскрешает память. Суматошный топот учителей и школьников, переполох, которым строго по расписанию начинается каждый новый день, сотни юных жизней, которые кроют в этом здании, — все отбрасывает меня на целую жизнь назад. Туда, куда я не предполагала возвращаться.

Нина растушевала у Джози под глазом карандашную линию. Джози сердито зыркнула на мать:

— Хватит, а то опоздаю.

— Сейчас, только веки остались. — Нина глянула поверх очков и наложила дочке мерцающие тени. Потом поцеловала Джози в лоб. — Красавица!

— Ничего подобного!

Джози не кокетничала, она терпеть не могла комплиментов своей внешности.

— Иди, веселись, и чтоб никакого...

— ...алкоголя, наркотиков и секса, так?

— Я собиралась сказать — никакого смывания в ванной моих усилий, но ничего *этого* тоже, юная леди. Когда мама Натали вас привезет?

— В двенадцать?

— В половине одиннадцатого, как договаривались. Я просто хотела убедиться, что ты помнишь. Вы же не заставите Лору ждать?

— Ну, мам!.. — Джози поправила ремень на бедрах, перекинула через плечо сумку и поцеловала мать.

— Ну, Джози!.. — с усмешкой передразнила Нина. — Беги, а то опоздаешь на свой концерт.

Джози выскочила было из спальни, но тут же вернулась к компьютеру, поерзала мышкой. Нина с порога успела заметить, как на экране что-то мелькнуло, и Джози, щелкнув клавишей, закрыла «окно».

— Что это было?

— Да так, дурацкая игра.

Джози бросила на мать взгляд, означавший, что если та вздумает углубиться в тему, то испортит прекрасное расположение духа, в котором обе пребывали после целого часа возни с одеждой и макияжем. Нина учла молчаливое предостережение и только оглянулась на компьютер, выходя из комнаты.

Со двора донесся нетерпеливый гудок.

— Папа уже в машине!

Джози застряла на пороге.

— Иди же! Он ждет. — Нина подтолкнула дочку за дверь. — Концерт тебе понравится.

Она коснулась головы Джози невесомым поцелуем и проводила взглядом двух самых дорогих ей людей.

Мика Кеннеди занесло в Нинину жизнь штормовым ветром.

Летом нежданный циклон перекрыл судоходные фарватеры в устье реки, бортовым машинам запретили въезд на высокие мосты. Струи теплого ливня стегали по стенкам студийного фургона, порывы ветра сотрясали его от колес до самой крыши. Грохот стоял такой, что приходилось орать во все горло, чтобы тебя услышали.

— Я почти закончила. — Нина легкими движениями прижимала губочку к щекам репортера. И жутко нервничала. До этого она видела его только по телевизору, а теперь, поди ж ты, кладет тон на его нос.

— Какого черта тратить время! — проворчал он далеко не таким приятным голосом, какой Нина привыкла слышать с экрана. — Все к дьяволу смоем, как только я шагну за дверь. Какому идиоту придет в голову торчать на улице в такую непогоду, не говоря уж о том, чтоб выйти в море?

— Один такой нашелся, и ты сейчас возьмешь у этого идиота интервью, — бросил помощник режиссера, защелкивая планшет. — Нина, у нас одна минута.

Нина кивнула и ускорила темп. После окончания колледжа это была ее первая настоящая работа. Во время учебы она пару недель проходила здесь практику и, получив диплом, подала заявление на постоянную работу сюда же, в новостную редакцию. Люди интересные, и пусть зарплата мизерная, зато Нина делала то, что ей нравилось больше всего и что у нее здорово получалось, — меняла людям внешность.

— Готово. — Нина захлопнула крышку на бутылочке с гримом. — Нет, погодите. — Она провела мягкой кисточкой по лбу раздраженного репортера. — Теперь все.

Дверь фургона отъехала в сторону, ворвавшийся внутрь ветер поднял мини-смерч. Репортера приняла в свои объятия съемочная группа, которой предстояло снять короткое интервью с человеком, несколькими часами ранее вытащившим из волн собаку. Он и сам едва не утонул, пришлось вызывать спасательный катер. Нина подумала, что собачьему спасителю тоже не помешало бы наложить грим — щеки у него были пунцовыми.

Она шагала за командой через автостоянку к краю пристани, спотыкаясь и качаясь под шквалистыми порывами ветра. Непромокаемая куртка вздувалась парусом, к груди Нина прижимала сумку с гримерскими принадлежностями. Хотя что в них проку при такой погоде? Команда взялась за дело, репортер расспрашивал бедового смельчака про его подвиг.

— Новостей не хватает, что ли? — Ветер отнес слова Нины, оставив на губах соленый привкус. — Я там подожду! — крикнула она, но никто не услышал: команда с кислыми лицами сражалась с непогодой.

Мечтая укрыться от нестерпимого ветра, она подошла к деревянному навесу с тремя стенами, что смотрел открытой стороной на море.

Внезапно несколько бумажных листов вылетело из-под навеса и закружилось вокруг ее ног, один мокрый лист солдатской крагой обернулся вокруг щиколотки.

— Ой-ой! — воскликнула Нина, глянув вниз. Серо-голубая краска измазала штанину ее черных рабочих брюк.

— Изумительно! — произнес глубокий голос. — Оттенки идеальны.

Нина подняла голову, вглядываясь в пелену морозящего дождя. Этот голос, не в пример ее собственному, не улетал с ветром в море. Из-под навеса появился мужчина с кистью в руках. Нина с подозрением уставилась на него.

— Я про краску у вас на ноге. Это просто невероятно.

— Неужели? — Она потянула с ноги бумажный лист, а тот взял и надорвался. — Ох, простите.

Незнакомец не слушал. Присев, он изучал Нинины брюки.

— Видите, как ультрамарин смешался с виридианом? Как одна краска проникает в другую? Как размывается по краям? — Прищурившись, он разглядывал край брючины. — Я целый день пытался добиться этого эффекта. И вдруг откуда ни возьмись являетесь вы, прогуливаетесь тут, и у вас на ноге появляется именно то, что мне необходимо. — Мужчина встал.

— Вообще-то я не прогуливаюсь. — Ветер трепал Нинины волосы, хлестал длинными прядями по лицу, превращая картину перед глазами в сплошной сюр. — Я искала, где бы спрятаться от ветра и переждать, пока наша группа отснимется. Мне надо быть поблизости.

Она махнула в сторону студийного фургона и приподняла свою гримерскую сумку. А ветер ухватился за рисунок, разорвал надвое, и одна половинка, вырвавшись из ее пальцев, умчалась, хлопая крыльями, в море. Нина испуганно ахнула и закусил губу.

— Пустяки. Ничто в сравнении с этим. — Мужчина снова нагнулся и, едва касаясь, провел пальцем по Нининой ноге.

— Не страшно, честное слово. Отстирается.

Она смотрела на склоненную голову. Волосы у незнакомца были не седыми, а скорее пепельными, цвета остывших угольков. Под стать погоде, подумалось Нине.

— Нет, нет, только не надо стирать! Знаете что? — Он выпрямился, и его лицо оказалось совсем рядом с Нининым. — Продайте их мне. Я хочу купить ваши брюки!

Нина рассмеялась, и в этот момент порыв ветра толкнул ее в сторону. Сквозь морось сверкнула ее белозубая улыбка.

— Продать вам брюки? Вы с ума сошли! — Качая головой, она двинулась назад к съемочной группе.

— Постойте! Я дам сто фунтов. Умоляю!

Нина обернулась. В глазах мужчины сгустилась сероватая синева грозового облака, в тон волосам. Он не шутил.

Нина вскинула руки: сдаюсь!

— Бог с ними, с деньгами. Раз для вас это так важно, черкните адрес — я вам пошлю брюки по почте. Все равно они старые. — Соленый ветер обжигал губы, которые не могли сдержать улыбки. — Меня еще никто не просил снять брюки по такому странному поводу.

Ухмыльнувшись, мужчина размашисто намалевал кистью имя и адрес на оставшемся обрывке рисунка и вручил Нине.

— Опережая вопросы, подтверждаю — да, я голодранец, — сообщил художник, пока она изучала адрес.

Нина с трудом разобрала написанное:

— Инглстон-парк. Никогда не слыхала.

— Счастливица! Это мерзостный гадюшник на задворках города. Населен исключительно последними неудачниками, потерпевшими крушение и в этой жизни, и в прошлых инкарнациях. — Он расхохотался. — А кроме шуток — ничего такого. Просто хижина. В лесу.

— Здорово. — Нина подумала о собственной комнатухе над дешевой забегаловкой. — Держу пари, вас не будит по утрам запах пригоревшего масла и сосисок.

— Нина! — донесся крик помощника режиссера.

— Похоже, я нужна. Ждите посылки с брюками!

Нина бегом припустила к своей группе. Короткий взмах руки через плечо — и художник остался стоять на пристани, провожая взглядом студийный фургон.

— Уже дрыхнет как сурок. — Нина забралась с ногами на диван.

— Похоже, знатно повеселились на концерте. Но у меня душа не на месте всякий раз, когда она уходит по вечерам. Мало ли что может случиться. — Мик опустил на диван рядом с женой. — И если честно, даже не знаю, как я переживу, когда она приведет домой

приятеля. При одной мысли, что какой-то чумазый пацан прикоснется к моей девочке, я... — Мик сморщился и затряс головой.

— Не переживай, она у нас не дурочка, не бросится на шею первому встречному, — засмеялась Нина.

— Может, и так, но когда это произойдет, тебе все-таки лучше меня связать покрепче.

Они и не думали, что это время когда-нибудь наступит, что Джози станет девушкой, будет бегать на свидания и вечеринки, влюбится. Казалось, до этого еще так далеко.

— Знаешь, наверное, зря мы провели ей Интернет. Ты обновил настройки родительского контроля? — Это была главная Нинина головная боль.

— Само собой. Я уже говорил, ничего опасного ей не увидеть.

— Не в том дело. Я Джози доверяю, меня другое тревожит. Чаты всякие, все эти социальные сети, снимки и видео, куда ни кинь глаз... а Джози сейчас — такая легкая добыча.

— Да там все довольно безобидно. — Мик вытянулся на диване. — И тем не менее все под контролем. Ты ведь сама сказала — она у нас не дурочка. Я ее спрашивал, чем там она в Интернете занимается. По большей части играет в какую-то интерактивную игру, как все. Так что у нас нормальный ребенок.

Нина задумчиво кивнула.

— Должно быть, эту игру Джози и закрыла перед выходом. Мне показалось, она не хочет, чтоб я видела.

— Конечно, не хочет. Ей же пятнадцать. Ну и кто из нас с ума сходит? — Мик крепко провел руками по усталому лицу. — Брось, не бери в голову. Там у них все понарошку. Выдуманный мир.

— Да, но этот мир у нее в комнате. И в голове.

«Самое уязвимое место. Запросто может ей навредить».

— Все подростки скрытные, так уж они запрограммированы. Ничего нам не рассказывают. — Мик зевнул и взял Нину за руку. Если бы не пришлось допоздна ждать Джози с концерта, они с Ниной давно были бы в спальне. — Подумаешь, девочка немножко посидела в Интернете. Нашла из-за чего переживать. Вот заведет она себе настоящего парня, тогда — да!

— Ты прав. Просто меня нужно время от времени урезонивать. Непростое это дело — растить дочку, я вечно дрожу за нее. Каждый день читаешь про педофилов, поножовщину и...

— Ш-ш-ш. — Мик прикрыл ей рот сначала пальцем, потом губами.

У себя наверху они занялись любовью, беззвучно и медленно, — два родных тела, доверяющих и нужных друг другу.

Прикрыв голые ноги простыней, Нина долго слушала тишину. В соседней комнате что-то пробормотала во сне Джози, затем и Нина окунулась в тревожный сон, и снилось ей нечто давно забытое.

Косой дождь ударил по саду, по дому. На западе, над устьем реки, нависли серо-лиловые тучи. Гнилое выдалось лето. Голову на отсечение — дождь зарядит на весь день.

— Вот и поработала в саду, — бормотала Нина, поднимаясь по лестнице.

Мик отправился в мастерскую ни свет ни заря. Время поджидает, к концу недели ему надо закончить несколько полотен для одной известной лондонской галереи, где изъявили

желание получать его работы регулярно. О деталях заказа Мик помалкивал и разве что не краснел стыдливо, словно опасался хвастовством сглазить удачу. Но если не управится к сроку, на его место, как он говорил, слетятся десятки голодных художников.

Нина постучалась в спальню к Джози:

— Как насчет шопотерапии, солнышко? Тебе не мешает пара новых джинсов.

Ответа не последовало, и Нина вошла.

Шторы были еще задернуты, в комнате пахло сладкими духами и нестираным бельем.

Джози, вздрогнув от неожиданности, крутанулась на стуле.

— Мам! — Она поспешно закрыла «окно» на экране компьютера. — Я тебя не слышала.

Лицо у нее пылало, и на мгновение Нине показалось, что дочка плакала.

— Ты еще не одета, Джо? А я думала, прошвырнемся по магазинам.

Нина забрала в горсть дочкины лохмы и завязала узлом. Джози мотнула головой, узел рассыпался.

— Не трогай меня, мам. — Она отстранилась. — Нам обязательно куда-то идти?

— А что, у тебя есть более интересное занятие? — Нина отдернула шторы и приоткрыла окно. На подоконник упали капли дождя.

— Нет, просто хочу побыть одна.

— Дай тебе волю, так ты весь день проторчишь за компьютером.

Нина подхватила дочь под мышки и приподняла. Джози кулем повисла у нее на руках, нехотя встала и, хмуро глядя на мать, отодвинулась подальше.

— Отправляйтесь-ка в душ, юная леди, а потом — по магазинам! — Нина взяла в охапку грязную одежду.

Будто стирая мамино прикосновение, Джози обхватила себя руками.

— Почему я всегда должна делать то, что мне говорят другие?

Нина остановилась в дверях, обернулась:

— Не нарывайся, Джози. Тебе и так позволено очень многое, так что давай не будем ссориться.

— Мне просто надоело... — Джози запнулась, и Нине показалось, что дочкины глаза на мгновение заволокло слезами. Джози, однако, сдержалась. — Прости, мам.

— Да что там у тебя такое в этом компьютере, что ты сидишь возле него как приклеенная?

— Это просто игра, мам. У нас все в нее играют. — Она потупилась, ковырнула босой ногой ковер. — Ну что ты дергаешься?

— Просто игра? Тогда покажи. — Нина свалила ворох одежды у двери и уселась за дочкин стол. — Хочу убедиться, что это безобидно.

Джози хмуро пожалала плечами, кликнула мышкой — и на экране задергались, заплясали бредовые персонажи.

— Смотри. Это я. Можно создать похожего на тебя человечка. Он вроде бы ты, а вроде и не ты. Сечешь?

Нина не отвечала. Представляться в Интернете кем-то другим — не так уж безобидно. Сведя брови, приоткрыв рот, Нина наблюдала, как склонившаяся над ее плечом дочь шустро скачет по сайту.

— Это мой дом. Смотри, у меня есть собачка! Ко мне могут заходить друзья, а я могу ходить в гости к ним. Можно устроиться на работу, зарабатывать баллы, покупать на них шмотки и все такое. Можно болтать с кем хочешь — печатаешь вот здесь, а друзья видят у

себя на экране. Круто! — Голос Джози возбужденно зазвенел, словно придуманная жизнь была куда лучше настоящей.

Нина сглотнула. Час от часу не легче...

— А ты уверена, что знаешь всех, к кому ходишь в гости, с кем болтаешь?

— Ну конечно! Ко мне могут зайти только те, кто у меня в списке приглашенных, да и то если я разрешаю. Никакой опасности, мам, правда! — Она чмокнула мать в щеку. — Я ж не дура.

— Ты тут совсем на себя не похожа. Рыжая, господи помилуй! — Нина рассмеялась, чтобы как-то разрядить обстановку. Роль матери-деспота ее не привлекала.

— Именно это мне больше всего и нравится! В «Afterlife»^[1] можно быть кем угодно и какой угодно. — Джози немигающим взглядом уставилась в окно. — Начать с чистого листа.

— Где, где? — Нина заглянула в дочкины глаза: не морочит ли матери голову?

— Так это называется. «Afterlife». — Джози со вздохом вышла из игры.

А потом, когда они прочесывали магазин за магазином, покупали ненужные вещи, набивали животы пончиками и молочными коктейлями, примеряли туфли, перебирали губную помаду и духи, Нина все возвращалась мыслями к игре и шансу стать другим человеком.

В первый день я больше не встретила Эдама. Только видела в окно, как он шагает по двору к школе, решительно переставляя длинные ноги в джинсах, края которых потемнели от мокрой травы.

Я отодвинулась от окна, машинально пробежала пальцами по каменному переплету. Пожалуй, и хорошо, что мы не столкнулись. Я не сумела бы увильнуть от беседы, не показавшись невежей, а отвечать на новые вопросы не хотелось.

Кроме того, мои обязанности не оставляли времени даже на размышления, не говоря уж о том, чтоб сесть и поболтать. С той минуты, как началась учеба, моего внимания неустанно требовали все девочки, а одна вообще не давала проходу.

— Меня бесит до чертиков, что им на меня наплевать! — Лекси, четырнадцатилетняя блондинка, топталась возле меня в бельевой, пока я проверяла инвентарный список. — Они меня ненавидят. Точно, ненавидят, иначе не сплавил бы сюда.

— Неправда, — возразила я, хотя не имела ни малейшего представления о семейных обстоятельствах Лекси. — Родители тебя любят. И не выражайся, пожалуйста.

— Мама умерла, а папа полный мерзавец, — заявила она с интонациями придворной дамы.

— Но ты сказала «они». — Я прицепила бирку на стопку полотенец.

— Они. Мерзавец и его подельница. Мерзавка.

Да, и как теперь доказывать, что у нее счастливая судьба? Хотя ведь мама у девочки умерла, так что какая уж тут счастливая судьба...

— Они сдают меня в школу и уматывают в отпуск. Сами валяются на своем чертовом пляже, а я торчу в этой дыре. — Лекси со всей силы поддала ногой кипу простыней, но та не развалилась, чем здорово взбесила Лекси.

— А тебе не приходило в голову, что твоему папе после маминой смерти очень несладко пришлось? — Я только начала, а Лекси уже трясла головой. — И может, он только и мечтает, чтобы ты полюбила свою мачеху и вы снова зажили дружной семьей?

— Зачем тогда спроваживать меня в интернат? — огрызнулась Лекси. Сердитые глаза ее были на мокром месте, но она не позволила слезам пролиться.

— Затем, чтобы ты получила хорошее образование, завела новых друзей, стала самостоятельной. — Я потянулась к ней, но Лекси отдернула руку. — У твоего папы наверняка есть веские причины, чтобы отправить тебя сюда. Постарайся верить ему.

В конце концов Лекси не выдержала, привалилась ко мне, и мое плечо намокло от ее слез. Я крепко сжала ее тоненькие пальцы. Мы сидели на полу среди стопок чистого белья, и она целый час рассказывала мне, как потеряла мать, как чувствовала себя брошенной и никому не нужной. Я гладила ее по голове и слушала.

Она так безутешно рыдала, вся в слезах и соплях, что даже не обратила внимания на мои слова:

— Значит, у нас с тобой много общего, мисс Лекси.

Раз в неделю в Роклифф-Холле устраивается общий обед. Персонал и ученицы, одеревенелые в своих форменных жакетах, усаживаются плечом к плечу за длинные дубовые столы, расставленные под углом друг к другу, как ребра гигантской селедки. Центральный

проход между столами ведет к громадному пустому камину. В конце первого семестра, как еще раньше сообщила мне сестра-хозяйка, на рождественском обеде в камине запыляет огонь.

«Разжигать камин в другое время запрещается глупейшими санитарными нормами и правилами безопасности», — сетовала она, складывая простыни, заправляя постели, выгребая из спален горы мусора, выраставшие едва ли не быстрее, чем их выметали. Из болтовни за работой я постепенно узнавала Сильвию, которая была матерью практически каждой девочке в Роклиффе, сама же на ее расспросы отвечала немногословно, а от прямых вопросов уходила, принимаясь встряхивать простыни или ныряя под кровать за очередным отбившимся носком. Я напоминала себе, что пришла сюда не друзей заводить.

Передо мной стоит тарелка с нетронутым, давно остывшим обедом.

— Жаль. — Глядя в пустой очаг, я представляю, как от узловатых бревен отскакивают искры, как сизый дымок, ускользнув от вытяжки, наполняет зал лесным духом, золотой сноп взмывает в широкий закоптелый дымоход, подушка тлеющих углей греет босые ноги. Немного уюта здесь не помешало бы.

— Чего? — Эдам в рубашке с завернутыми рукавами, открывающими легкую рыжеватую поросль на руках, занимает место возле меня и встряхивает салфетку. — Чего жаль? — Он пьет воду, потом, насупившись, пристально смотрит на меня. Нож и вилка замерли над тарелкой. — Когда я сяду, вы сказали «жаль». Надеюсь, это относилось не к тому, что я сел рядом с вами?

— Хотите правду? — спрашиваю я и роняю с вилки кусочек мяса. Уж это-то я могу ему сказать. — Жаль, что нет огня в пустом камине.

Всего-то капля истины, а сердце в груди спотыкается.

— В конце сентября? Да ведь еще тепло. — Эдам принимается за цыпленка, явно разочарованный моим признанием. — Зачем нам огонь?

— Верно, только... — Я набиваю полный рот. — Неважно.

Эдам пожимает плечами. Он не может знать того, что вижу я. Зимний вечер, горящий очаг, у всех ушки на макушке — вдруг шаги? — в животе крутит то ли от страха, то ли от возбуждения, что сейчас будем делить леденцы и скудную порцию фруктового салата.

— Как думаете, вам здесь понравится? — Эдам кладет вилку с ножом на край тарелки, ставит локти на стол. Его плечо касается моего.

— Сильвия говорит, в прошлом году у нее уволились три помощницы. — Я запикиваюсь едой, надеясь, что больше вопросов не будет.

— Я спросил, понравится ли вам здесь? — смеется он. — Что другим не понравилось, я знаю.

— Да? — шамкаю я, выдавливая ответную улыбку, и еще больше набиваю рот. Теперь не то что говорить, едва дышать могу. Извиняюсь, развожу руками.

Эдам поворачивается к своей тарелке.

— Не подавитесь, — в раздумье бормочет он и примиряется с моим молчанием до конца обеда.

Нина возилась на кухне, время от времени поглядывая на дочь, которая примостилась на диване возле стеклянной двери. На Джози халат в сердечках, волосы замотаны розовым полотенцем. Два часа назад она выпросила материн ноутбук, заявив, что ее компьютер «тормозит». Нина прилежно демонстрировала безучастие, старательно не замечала эмоций, сменявшихся на лице девочки, яростно барабанившей по клавишам. Не иначе опять торчит в своей любимой игре. Хитрющая — скрючилась над клавиатурой, весь экран загораживает.

Узнать бы, что ее так взволновало. На лице — смятение и порыв. Нина как ни в чем не бывало занималась своими делами, но лишь только Джози сползла с насиженного места, закрыла ноутбук и отправилась в ванную, Нина не преминула воспользоваться удобным моментом. В конце концов, это ее компьютер.

Нина вытерла руки. Страница, где сидела ее барышня, наверняка закрыта. Нет, поглядите-ка, открыта. Так и есть — «Afterlife».

— *Надо бежать,* — прочла Нина напечатанные дочкой слова. Символ в конце не оставлял сомнений: виртуальный двойник Джози послал собеседнику поцелуй.

Нина затаила дыхание.

— *Подожди, не уходи.* И ответный поцелуй.

— *Еще только 5 мин, а то мне попадет.*

Нина вообразила, как дрожали, печатая, пальцы Джози.

— *Что на тебе сейчас надето?*

— *Балда. Сам не видишь?*

Ага, вот почему Джози вдруг захихикала. Нина оглянулась на дверь. Пока не начались репетиции новой постановки в Молодежном театре, Джози болтается без дела, это понятно, но Нина никак не ожидала, что свободное время дочка коротает *таким* образом.

— *Сними все,* — писал собеседник. Нина увидела, что его зовут Коготь.

— *Запрещено, сам знаешь. Правила игры.*

Хоть на это ума хватает, подумала Нина. Видно, тогда Джози и зажала рот рукой — когда отвечала на это требование. Нина вздрогнула, вспомнив, сколько раз Джози и Нат, склонившись голова к голове над компьютером, давились от смеха у Джози в комнате.

— *Тогда трусики и лифчик.*

— *Ни за что!*

Джози как-то рассказывала об этом мальчишке. Коготь учился в их школе на класс старше, и, похоже, по нему сохли все девчонки. Джози обронила, что такие, как она, его не интересуют. Нина стало ужасно жаль Джози: вместо нормального общения у дочери лишь пошлая болтовня в Интернете.

— *Раздеваться не буду,* — снова напечатала Джози, к большому облегчению Нины. Ничего удивительного — Джози очень стыдливая, даже родной матери стесняется, чудачка. — *На боулинг пойдешь?* — продолжала Джози. Пытается отвлечь, сообразила Нина.

— *Не,* — ответил Коготь.

Какое разочарование для Джози. Она, должно быть, уже жалела, что не нацепила виртуальное бикини, чтоб угодить Когтю. Дальше Нина увидела, что персонаж Когтя стал сереньким и исчез. Парень отключился. Наверное, поэтому и Джози спешно покинула комнату.

Нина закрыла ноутбук и побежала к ванной.

— Солнышко, что так долго? Перекусить не хочешь? — крикнула она через дверь.

— Не хочу, — мрачно отозвалась Джози. — Я пойду к Нат.

Дочери явно не терпелось посеCRETничать с подружкой о последних событиях в игре.

— Давай я тебя подвезу. — Нина замерла в ожидании ответа: по дороге можно было бы поговорить.

— Пешком дойду, — пробурчала Джози.

— С Джози не соскучишься. Настроение у нее скачет как мяч, — пожаловалась Нина, и Лора скроила физиономию. Нина ответила бы тем же, если б не полный рот спагетти. Она прожевала, проглотила. — Хотя, если честно, это у нее началось примерно в три года, и с тех пор она вечно надутая и капризная как старушенция.

Подруги расхохотались. Раз в месяц они ходили в ресторан — только вдвоем, больше никого — поделиться новостями и посплетничать, поддержать друг друга в тяжком деле воспитания подростков. У Лоры было двое: шестнадцатилетний Джеймс, недавно окончивший школу, и Натали, закадычная подружка Джози.

— А у нас все заранее известно, — подхватила Лора. — Могу слово в слово пересказать, о чем мы каждое утро говорим за завтраком, пока Джеймс уминает свою овсянку.

— Нет уж, не надо, — с улыбкой покачала головой Нина. — Но вы хоть разговариваете за завтраком, а Джози даже не завтракает. Напяливает форму там, где накануне ее скинула, причесываться отказывается наотрез — ей, видите ли, нравится ходить лохматой — и часами торчит перед зеркалом, подводит глаза. Об ее уходе в школу я узнаю, когда дом сотрясается до самой крыши — барышня дверью хлопнула!

— Вот погоди, разъедутся по университетам, и мы с тобой еще вспомним это время, — заметила Лора. — Скучать начнем по хмурому молчанию.

— А они будут часто навещаться — когда кончатся деньги и чистая одежда, когда им осточертеют бобы с хлебом. — Нина снова разлила вино. Все равно домой каждая поедет на такси, хоть обе и живут неподалеку. — Но шутки в сторону — как у вас дела с Томом?

В последнюю встречу Лора призналась, что их с Томом брак при последнем издыхании. «Этакий „супружеский рак“, — сказала она. — Сомневаюсь, что мы долго протянем».

— Держимся из последних сил, — вздохнула Лора и надолго приложилась к бокалу. — На прошлой неделе были на первой консультации. Мой любезный супруг выскочил вон, не дождавись окончания. Разобиделся на консультанта, когда тот посоветовал ему обратиться за помощью по поводу вспышек гнева. А перед тем я прозрачно намекнула, что у Тома кто-то есть, так что слова консультанта стали последней каплей. — Она скорчила гримасу. Перед Ниной сидела совсем не та подтянутая и уверенная в себе Лора, какую она знала; сейчас уголки рта опустились, глаза в мелкой сеточке морщин потускнели. — Все указывает на другую женщину.

— Ох, подруга...

Нина коснулась ее руки, но у Лоры влажно заблестели глаза, и она поспешила скрыться в туалете. Когда Нина пришла за ней, та горько рыдала над раковиной. Нина повернула ее к себе и обняла, вытянула из коробки несколько салфеток, утерла заплаканные глаза подруги. А потом без слов, покачивая, прижимала к себе. Десять минут спустя, когда обе вернулись за стол, Лора была спокойна и собранна, словно на собеседовании с будущим начальником.

— Ну? — бодро воскликнула она. — А как твоя работа?

— Набираю обороты. «Чартерхаус» вот-вот примется за съемки. Помнишь, я тебе говорила, у меня с ними контракт? Так вот, первая картина, «Могила», — фильм ужасов. У меня на него почти все время уходит, а ведь я кое-что и в театре делаю. Когда начнутся съемки, придется еще людей нанимать. — Нина оборвала себя и глотнула вина. Какой стыд: у подруги жизнь наперекосяк, а она не в силах сдержать своих восторгов.

— Чудесно! — Лора потянулась через стол и обняла Нину.

Они познакомились, когда Натали и Джози пошли в детский сад, и с тех пор вместе справляли праздники, помогали друг другу с детьми. Нина даже на несколько вечеров одалживала подруге Мика, когда Тома уложили в больницу с коленом, а у Лоры враз забарахлили и стиральная машина, и автомобиль. Семьи дружили, а женщины друг без друга жить не могли.

— А как поживает злобный шеф? — хихикнула Нина. Она знала, что Лора, несмотря ни на что, обожает свою работу в банке. — Сознайся, ты без него со скуки помрешь.

— Скажем так: на покой еще не удалился. И как всегда придирается. В прошлый понедельник в отдел взяли новую помощницу. Предполагалось, что отныне я смогу нормально обедать, даже время от времени брать один-два выходных. — Лора скорбно покачала головой. — К среде бедняжка уволилась.

Нина рассмеялась:

— Он никогда не переменится.

— Как и Том, — вздохнула Лора. — Казалось бы, при таком богатом опыте общения на работе со всякого рода мерзавцами уж собственного мужа я могла бы раскусить.

— И совсем не обязательно, — возразила Нина, понимая, что это слабое утешение.

Иногда ей было совестно, что, если не считать пустячных размолвок, они с Миком живут душа в душу, как молодожены. Да, оба сетовали на приступы угрюмой хандры у Джози, но в сравнении с проблемами других родителей это были цветочки. Конечно, когда в семье один ребенок, все внимание направлено на него, но они старались не баловать девочку, хотя иной раз Нина говорила Мику, что тот превращает Джози в папенькину дочку.

Много лет подряд они пытались завести второго ребенка — не вышло. Оба тяжело переживали, но разве можно это сравнить с тем, что выпало на долю Лоры? Стоило им смириться, что их будет всего трое — Нина, Мик и Джози, — и жизнь покатила своим чередом.

— Все будет хорошо. — Нина на мгновение задумалась. — Знаешь, постарайся сосредоточиться на том, что у тебя есть, а не на том, чего нет.

— Пытаюсь... — Лора провела рукой по лицу. — Мне во многом повезло, но голову даю на отсечение — у Тома есть другая. Он сам не свой. — Лора всхлипнула. — Самое смешное, я уверена: в глубине души он не хочет причинить мне боль.

Нина взяла меню.

— Шоколадный торт — как раз то, что доктор прописал. — Она кивком подозвала официантку. — Две порции.

Нина прекрасно поняла подругу. Она знала Тома почти столько же, сколько и Лору. Да, он способен лгать жене, а заносчивость вполне может довести его до беды. И он куда более замкнут и скрытен, чем Мик, все мысли которого она может прочесть по лицу, по мельчайшим изменениям в поведении.

— Я — пас. Торт не хочу. — Лора одним махом допила вино и криво усмехнулась, со стуком опуская бокал на стол. — Ну-ка, признавайся! Отчего ты у нас такая счастливая? Как

это у тебя получается? Вода, что ли, на вашей улице другая?

В первый раз за все время Нина уловила нотки горечи в ее голосе.

— Нет, по-моему, дело...

— Нина, я пошутила! Но будем смотреть на вещи трезво. Возможно, твой счастливый брак — не менее тяжкое бремя, чем мой дерьмовый.

— В каком смысле? — Нина напряглась. Подруга явно перебрала с выпивкой.

— Сама посуди. Случись что — тебе, моя дорогая, падать дольше. Так-то. — Лора встала и пошла за пальто.

Официантка положила перед Ниной счет и топталась поблизости, пока та не заплатила. Потрясенная Нина нагнала подругу на улице. Лора курила, прислонившись к фонарному столбу.

— Мне такое в голову не приходило. — Вытаскивая сигарету из Лориных пальцев, Нина размышляла о том, насколько долго ей придется падать.

Всего несколько дней учебы — и школу захлестывает череда желудочных расстройств. Изолятор полон, а меня посылают за следующей жертвой, которую подкосил недуг.

— Фрэнки, заберите, пожалуйста, Лекси из кабинета информатики. У нее тоже колики, будь они прокляты! — Сильвия записывает температуру очередной болящей. — Вот, пожалуйста, еще одна свалилась!

Я медлю, вбирая в себя ее душевную силу и стойкость. Сильвия не из слабаков, таких женщин и возраст не берет. Надо думать, всю жизнь была сестрой-хозяйкой.

— Да-да, сейчас.

Я мою руки, перестелив новую порцию сбитых простыней, и отправляюсь петлять по коридорам. В кабинет информатики мне заходить еще не доводилось, но знаю, где он находится. «Бедные девочки», — шепчу я.

Сощурившись от яркого света из квадратного окошка двери, я вхожу в класс и тону в теплом сухом воздухе и приглушенном жужжании компьютеров.

— Еще одна, — бормочу я про себя. — Еще одна заболела!

Ученицы оборачиваются, ерзают, хихикают. Скрип стула возвращает меня на землю.

— Сестра-хозяйка сказала, что Лекси нехорошо, — обращаюсь я к учителю.

Тот кивает в угол, где согнулась над мусорным ведром девочка, и бурчит:

— Забирайте. — Недоволен, что урок срывают.

Я пробираюсь между столами и обнимаю Лекси за плечи:

— Пойдем, тебе надо прилечь.

Мы идем через класс. Нас окутывает призрачный свет выстроившихся широким полукругом компьютеров.

— За работу! — громко командует учитель.

Все затихают и поворачиваются к экранам. Я веду Лекси вдоль шеренги столов и внезапно замечаю нечто такое, отчего на мгновение застываю на месте; такое, что заставляет меня приглядеться к двум склонившимся над компьютером и тихонько хихикающим ученицам. Я должна запомнить их: скобка на зубах, синяя ленточка, длинные светлые волосы. Провожая Лекси к сестре-хозяйке, а перед глазами стоит картинка на экране компьютера.

В руках у меня кипа чистого белья, в нос бьет запах стирального порошка. Я как выжатый лимон. Если повезет, он даже не заметит, кто там за горой простыней; если повезет, просто отступит в сторону, пропуская меня. Но, выглянув из-за своей белоснежной ноши, я вижу, что Эдам прочно застрял в дверях, увлекшись разговором с несколькими старшеклассницами. Под мышкой у него зажат ноутбук, другой рукой он жестикулирует. И намертво загораживает мне дорогу.

— Простите, — говорю я. Белье тяжелое, еле держу. — Позвольте пройти.

— Да, сэр, — говорит одна из девочек. — Как скажете, сэр. — И снова россыпь девчачьего хихиканья. — Для вас — *что угодно*, сэр!

— Разрешите... — Я чувствую себя героиней комедии: еще мгновение — и груда стираного белья окажется на полу, под грязными ботсами целого табуна школьников.

— Когда же, сэр? Когда мы должны сделать это для вас? — Опять смешки.

Стискиваю зубы и пододвигаюсь к двери, за которой длинный коридор.

— Ну, довольно! — Разгневанный голос Эдама наполняет прачечную, и учитель топает вон, отбросив меня к стене.

— Осторожней! — кричу я, но вижу лишь широкую спину разгневанного Эдама в глубине коридора.

Естественно, почти все белье на полу. Замызганный табун, правда, по нему не прошелся, но Эдам не оборачивается, чтобы извиниться или предложить помощь, а девиц след простыл. Эх, зарыться бы в этот мягкий ворох и провалиться в сон без сновидений...

— Может, просто дадите какую-нибудь таблетку?

Я делаю вид, что не слышу, и продолжаю разбирать носки по парам. Работа неблагодарная — уже завтра эти носки снова очутятся в моей корзине, — зато неплохой способ выучить имена наших подопечных и даже попробовать угадать возраст по размеру ноги. Мысленно вижу, как матери пришивают именные метки на вещи дочерей.

— Уж простите, — качает головой сестра-хозяйка, — но сначала нужно вас осмотреть.

— Да у меня просто горло побаливает. Ну и живот немного.

Я отрываюсь от носков и, скользнув взглядом по пяти койкам, где в испарине стонут наши больные, смотрю в соседнюю комнату. У Эдама все еще компьютер под мышкой. И он все еще не извинился.

— Мистер Кингсли, по школе гуляет опасный вирус! — говорит Сильвия. — Скоро здесь будет доктор. Если половина сотрудников сляжет, школу могут закрыть. Хотите получить лекарство — дайте мне вас осмотреть.

Я снова поднимаю глаза, откладывая очередной непарный носок, уже девятый. Эдам высокий и крепкий, но сегодня плечи у него сторблены, шея будто с трудом держит голову прямо, пряди бронзовых волос липнут ко лбу. Да, плоховато он выглядит. Нехотя, кивком, он соглашается на требование сестры-хозяйки, и она уводит его в другой кабинет. А я сосредоточиваюсь на корзине с темно-синими носками.

Вернувшись минут через десять, Сильвия приостанавливается у одной койки, у другой, склоняется над больными, проходит мимо меня и мимо растущей горы свернутых в клубок носков. Со вздохом улыбается:

— Конца этому не будет.

Такие люди в тяжелые времена только крепче становятся.

— Помощь нужна?

Сильвия роется в кладовой.

— Ага, нашла! — восклицает она, не услышав меня, и появляется с коричневой бутылкой в руках. — Бедняга Эдам. Вот уж огорчение для него — свалиться с этим вирусом. Особенно сейчас.

— Почему?

— Одержим своим исследованием. Занимается им все свободное время. Он книгу пишет. — Сильвия яростно трясет бутылку, на мутноватой жидкости вскипает пена и снова оседает. Сильвия приглядывается к этикетке. — Небось срок годности вышел. А ему лекарство вынь да положь — страсть как не хочет разболеться! Крепкие орешки эти австралийцы. — Она строит кислую физиономию микстуре, которой, судя по виду, лет тридцать, не меньше, и удаляется с ухмылкой, потряхивая на ходу бутылкой, словно погремушкой.

Австралиец. Сказал, что с юга, как я. Выходит, почти на двадцать тысяч километров южнее.

Я вытаскиваю из корзины очередную охапку носков. В школе я очень стараюсь быть со всеми вежливой, но не более, и до сих пор никто из сотрудников не пробовал покопаться в моем прошлом.

— Худо ему. — Мимо меня снова пробегает сестра-хозяйка и на этот раз, поджав губы, встряхивает градусник, а затем из смотровой появляется Эдам: глаза обведены темными, как грибные шляпки, кругами, рот будто синяк на бескровном лице.

— Господи! — невольно вырывается у меня.

— Да уж, — мрачно откликается Эдам и обращается к Сильвии: — У меня сегодня три урока, нужна замена. Поможете?

— Положитесь на меня. Отправляйтесь к себе и немедленно в постель. Фрэнки проводит Эдама до комнаты. Не дай бог, где-нибудь по дороге свалится.

Сестра-хозяйка бросается с ведром к одной из девочек, которую снова тошнит. Она гладит ребенка по голове, а я перевожу взгляд с Эдама на свою корзину.

— Право слово, это ни к чему. Можете отдаться... своим носкам.

Он еще и острит, хотя, судя по лицу, ему совсем не до шуток.

— Простите за давешнее... Я помог бы собрать белье, но...

— Ничего страшного. Подумаешь, стопка простыней.

Зря я его перебила. Любопытно, что за разговор был у него с девчонками.

— Я не хотел вас обидеть, — добавляет Эдам и тяжело шаркает на выход из лазарета. Я, как было велено, направляюсь за ним. — Да не надо... — Он приостанавливается, смотрит на меня. Спорить у него сил нет. — Тогда сюда.

— Стало быть, вы австралиец? А из каких мест?

Может, мне следует поддержать его, взять под руку?

— Кто говорит, что я австралиец? — На его больном лице мелькает слабое подобие улыбки, к которой я уже начала привыкать.

— Сильвия.

Поклясться могу, что проходы в этой части здания еженощно меняются местами, нарочно чтоб меня запутать. Один темный коридор переходит в другой, третий сплетается с четвертым.

— В какую сторону? — Я кручу головой, очутившись перед развилкой.

— Я такой же англичанин, как вы, — говорит Эдам тусклым голосом, словно все его силы уходят на то, чтобы оставаться на ногах. Вид у него — краше в гроб кладут.

Мы снова поднимаемся по лестнице. Эдам грузно опирается на перила и хватается ртом воздух, как при последнем издыхании.

— А поговору вы не похожи на англичанина.

— Не все мы в действительности таковы, какими кажемся, — пыхтит он, переводя дух и вытирая бисерины пота с лица. Затем вытаскивает из кармана связку ключей. — Вот моя комната.

— Верно, — соглашаюсь я. — Выздоровливайте. — Развернувшись, иду в обратную сторону.

— Мервилламба, если вам интересно, — сообщает он мне вслед. — Я там прожил достаточно долго, чтоб подцепить акцент.

— Мерви... что?

Я не оборачиваюсь, напоминая себе об опасности. Друзья — это опасно, оговорки, любая утечка информации — опасно. Для всех я загадка и должна ею остаться. Я не имею права увлекаться.

— Местечко в Австралии, где выращивают бананы, — говорит Эдам.

За спиной у меня раздаётся щелчок замка, я тороплюсь прочь и снова теряюсь в пуганице лестниц и коридоров.

Нина всегда не ладила с высотой. Лестница пошатнулась, Нина ухватилась за перекладину, и в палец впилась заноза.

— Ой! — Она слизнула с пальца кровь и пробормотала, силясь дотянуться до пыльной коробки на полке: — Никак... не достать.

— Надо было повыше залезть. Пустите, дайте-ка я попробую.

Стоявшая внизу девушка-помощница, симпатичная и молоденькая, только что из колледжа, напоминала Нине ее саму лет двадцать назад — такая же дерзкая, полная решимости добиться успеха.

Нина с трясущимися коленями, потихоньку, ступенька за ступенькой, спустилась вниз. У нее сильно кружилась голова.

— Прости. Думала, одолела свой страх. — Нина виновато развела руками, сконфуженно засмеялась, но горло перехватило. — Оказывается, стало еще хуже...

— Посторонитесь, — ухмыльнулась Петра.

Невесомая и гибкая, она по-мальчишечьи ловко вскарабкалась по лестнице. У нее была короткая стрижка и чистая, без малейших следов косметики, кожа. Между репетициями Нина хотела испробовать новые румяна и попросила Петру послужить ей моделью. Та отказалась наотрез, заявив, что касаться ее кожи дозволено лишь воде и натуральному оливковому маслу.

— Осторожнее! — Нина с тревогой наблюдала, как балансируют на тонкой перекладине кроссовки Петры. — Не хватало только, чтоб ты грохнулась. Ты мне нужна живая и здоровая — нам еще с кордебалетом работать. Смывать эту сажу между сценами — тихий ужас!

Нина шутила, а у самой внутри все похолодело, когда девушка потянулась за коробкой.

— Есть! — Мгновение спустя Петра уже стояла рядом. — Вы что, в самом деле боитесь высоты?

Нина пожала плечами, вдруг ощутив себя древней старухой рядом с этой девочкой.

— Не так чтобы. Когда-то и повыше залезала.

Усмехнувшись, Петра скинула с коробки крышку. Поднялась пыль, заплясала в столбе света, проникавшего в кладовку через оконце на задней стене. Викторианский театр Нина знала как свои пять пальцев — работала здесь на многих постановках, — потому все у нее и спрашивали, где что лежит. А через пару недель тут начнет репетировать «Чикаго» молодежная труппа. Джози получила главную роль Рокси Харт, обойдя на прослушивании других претенденток. Сбылась голубая мечта ребенка, и Нина очень гордилась дочкой. Та буквально оживала на сцене, словно в чужом образе сбрасывала с плеч все заботы и тревоги, вечно терзающие подростков.

— Отлично, — хмыкнула Петра, заглянув в коробку. — Что скажете?

— Что ты заслужила одну из них — за то, что добыла с такой верхотуры, — улыбнулась Нина, вынимая парочку потускневших медалей. — Как раз то, что нужно нашим солдатам. Как у тебя с питьем?

— Примерно так же, как у вас с чувством высоты. — Петра весело хлопнула Нину по плечу, и обе вышли из кладовой.

— Увидимся в обеденный перерыв. — Нина кивнула девушке и направилась к

гримерным — она знала, что сейчас там никого нет.

Актеров собрали на летучку прямо на сцене, и у Нины появилась прекрасная возможность поэкспериментировать с новым видом «быстрой раны» для военной сцены. По ходу пьесы у нее ровно двадцать минут на то, чтобы поработать с лицами и руками трех главных героев и учинить, так сказать, кровавую расправу. Как с этим справиться? Театр — это вечно работа на грани, но Нина обожала душевный подъем и напряжение всех сил, которые он дарил.

В дверях маленькой гримерной Нина заметила — или показалось? — чью-то тень, мелькнувшую в проходе на сцену.

— Кто здесь?

Может, она нужна кому-то из актеров? Никто не отозвался. Пожав плечами, Нина вошла в комнатку, где оставила свою рабочую сумку и коробки с гримом. По вечерам она всегда все убирала и уносила с собой, зная по горькому опыту, что актеры частенько беззастенчиво запускают руки в ее материалы, а потом забывают возвращать. Слишком это накладно — регулярно пополнять запасы.

— Странное дело, — пробормотала Нина, нашаривая на стене выключатель. В комнате без окон стояла кромешная темень. — Здесь никогда свет не выключают.

Надо полагать, директор велел экономить. Заведовать труппой нелегко, а получать прибыль и того труднее. «Должно быть, этому и посвящено собрание», — сказала себе Нина.

Наконец пальцы нащупали выключатель, щелчок — вспыхнул свет. В общем хаосе Нина поначалу не нашла ничего особенного: актеры — народ не слишком аккуратный, переодеваются впопыхах, а разбирать костюмы предоставляют помощникам. Очевидно, собрание созвали спешным порядком — полы не видны под завалами одежды, на кронштейне болтаются одни пустые вешалки.

— Нет уж, я все это убирать не буду... — И тут на полке под зеркалом она заметила свой ящик со всем добром для спецэффектов. — Какого черта!.. — вырвалось у нее. — Да что ж такое!

Тональный крем, пузырьки с фальшивой кровью, пакетики с искусственной коростой, воск для имитации ран — все вывалено на пол.

«Это каких денег стоит, — пронеслось в голове. — Как они смеют таскать мои вещи!» И вдруг оцепенела. В зеркале у себя за спиной Нина увидела рассыпанное по полу содержимое всех своих коробок с гримом. Ее всегда такой опрятный уголок, где у всего свое, строго определенное место, превращен в свалку!

— Господи, да кто же это натворил?!

Нина присела среди раскиданных кисточек, тюбиков и баночек театрального грима, начала собирать и замерла: а если грабитель? Нет, кажется, ничего не пропало. Она снова принялась запихивать все в сумку. Кому понадобилось учинять разгром в ее каморке? У кого-то из театральных на нее зуб?

Нина задумалась. Вдруг припомнилась истерика, которую на прошлой неделе закатила Розалинда, когда режиссер с Нининой подачи заставил ее надеть седой парик. Самовлюбленная, известная склочным характером, Розалинда сделала все возможное, чтобы испакостить Нине день.

Розалинда. Нина покачала головой: детский сад какой-то. Надо будет потолковать с продюсером.

— Вы случайно не знаете, где... Мать честная, ну и бардак! — В дверях стояла Петра.

— Наверно, пока мы с тобой были в кладовке... Кошмар! — Нинин голос дрожал от гнева. — Кто-то явно на меня зуб имеет. — Она не стала называть имен.

— Думаете, это кто-то нарочно? — захлопала глазами Петра. — Но вы же знаете этих лицедеев. Грязнули и неряхи, больше ничего.

— Нет, нет. Я точно помню, все было в порядке, когда я уходила. — Нина нагнулась за платьем в стиле 1940-х. — Ну можно ли вести себя так глупо?

Что сказать Розалинде? Как теперь держаться с ней?

Со стороны сцены раздался дружный топот, и Нина вернулась к своим занятиям. По ходу дня она мало-помалу привела все в божеский вид и только вечером, когда уже собиралась домой, в голове зашевелились туманные подозрения.

— Что бы ты сделала, — начала Нина, — если бы Том вдруг узнал, что ты... — Она умолкла, не зная, как лучше выразиться. — Ну, если бы Том обнаружил... — И снова нужных слов не нашлось. Нина со вздохом залила кипятком гранулы кофе. По-хорошему, после такого денька ей бы чего покрепче.

— Бога ради, Нина, говори же, не томи! — Лора открыла холодильник и достала молоко. Что там у нее стряслось? Нина никогда не заходила к ней по дороге с работы. — И так? Если бы Том обнаружил что? — Лора фыркнула. — Что другой мужик припечатал меня голую к кухонному столу?

— Лора, прости.

Нина даже обрадовалась, что подруга свела все к шутке. Ну не поворачивался язык сказать то, что на самом деле было у нее на уме. И, забирая у Лоры молоко, она просто погладила ее по руке.

Лора отстранилась.

— Ну нет, подруга. Так просто ты от меня не отделаешься. Давай, спрашивай, что хотела. — Лора отхлебнула кофе и высыпала на противень целый пакет картофеля фри. — Представляешь, Том заявил, что намерен «помогать по дому», так что отныне ужин мы с ним будем готовить по очереди — день я, день он. Это после того, как я поинтересовалась, не забыл ли он, где живет. В результате на прошлой неделе он два раза притаскивал готовую жратву из ресторана, а в третий раз предложил поужинать где-нибудь в городе. — Лора сунула картошку в духовку и с треском вскрыла банку фасоли.

Нина смотрела, как подруга, сердито хмурясь, возится по хозяйству, а сама мысленно вернулась к вчерашнему вечеру и карри с креветками, которое состряпал Мик. Он даже сам испек индийские лепешки-наан.

— Все мужики — паршивые повара, — слукавила Нина, надеясь утешить Лору. — Разведут грязь, а нам потом...

— Пропади оно все пропадом! Я так больше не могу! — Лора стукнула чашкой по столу, кофе выплеснулся и растекся лужицей. — Я только и делаю, что жалуюсь. Всю душу себе истерзала! И жалуюсь ведь только на него. Никогда такого не было. У него кто-то есть. Я уверена! — Ломкий голос Лоры звенел отчаянием, она явно на грани срыва. — Все кончено, я сдаюсь. Хочу начать все заново. — Лора несколько раз горько всхлипнула, потом утерла глаза и сложила губы в улыбку. Что-что, а скрывать свои чувства она умела. — Ну а теперь выкладывай, зачем явилась, что там у тебя наболело.

— Бог с ним. Ерунда. — Нина глотнула кофе и обожгла язык. — Поговори с Томом или еще с кем-нибудь. Пусть тебе помогут.

Лора принялась шваркать на противень сосиски, по одной отрезая от связки.

— Домашняя стряпня — что может быть лучше, да? — Она усмехнулась и добавила печально, бросая в ведро сальную обертку: — Ребята обожают сосиски. Не так все должно было быть. Сосиски, перебранки, дети, от которых только хмыканье в ответ дожدهшься, и муж, чей характер гарантирует общение с поисково-спасательной службой...

— Лора...

Лицо к лицу, мешая свои волосы и слезы с волосами и слезами подруги, Лора выплакалась на плече у Нины.

— Ты справишься, — шепнула Нина. Отодвинула Лору на вытянутую руку и рассмеялась, увидев размазанную по щекам тушь. — А я часами добиваюсь такого эффекта! — Сразу вспомнился разгром в театре. — Пожалуй, я пойду, — заторопилась она, вытаскивая из кармана брюк ключи от машины, — у меня там тоже голодная орава.

— Погоди-ка. У тебя правда все в порядке?

— Да. Ничего такого. — Нина жизнерадостно улыбнулась.

Лора пожала плечами:

— Тогда убирайся из моего дома и отправляйся в свой. Поцелуй за меня Джози и Мика и гони Натали домой. Дай ей волю, эта девчонка у тебя поселится.

— Договорились.

Нина вышла на улицу, села в машину. Лора помахала рукой и закрыла дверь.

Улица, такая же, как и Нинина, только расположенная чуть дальше, была пустынна, если не считать еще одной машины на дороге, метрах в пятидесяти. Машина не двигалась, и Нина спокойно выруливала задним ходом с покатога выезда. Интересно, что у нее дома в холодильнике?

Бац!

Резкий удар в заднее крыло. Нина, чуть не стукнувшись лбом об руль, инстинктивно нажала на тормоз.

— Черт! Гляди, куда едешь! — крикнула она, потирая ноющую шею.

Обернувшись, Нина разглядела стремительно удаляющуюся по улице большую темную машину. Успела заметить цифры 5 и 7, букву М. И все. Даже не разобрать, что за марка. Что сообщать полиции?

— Дурак, дурак! — взвыла она, давя на клаксон, — впрочем, слишком поздно. — Черт бы тебя побрал!

На трясущихся ногах Нина выбралась из машины — взглянуть на повреждения. Вдоль заднего крыла ее маленького красного авто красовалась вмятина в обрамлении темно-зеленого металлика. Нина провела по ней пальцами, словно вмятина могла поведать о владельце машины — «ровера», «ягуара»? Бог его знает. Одно точно: за рулем был мужчина. Нина силилась восстановить в памяти мелькнувшее лицо, но безуспешно — все произошло слишком быстро.

Она бросила взгляд на дом Лоры. Нет, рука не поднимется взвалить на подругу еще и свои проблемы. Нина села за руль и поехала домой, притормаживая при виде каждой темной машины — вдруг у той помятый бампер, тогда она запомнит номер.

Дома на кухне ее встретило девчачье хихиканье и запах чего-то пригоревшего. Нат склонилась над экраном, примостив ноутбук на колене, и стучала по клавиатуре не хуже профессиональной машинистки.

— Чем воняет? — поинтересовалась Нина. Сумку с гримом она свалила в прихожей —

полежит до утра.

— Тостом. — Джози поскребла почерневший ломтик хлеба, на пол дождем посыпались темные крошки. — Сгорел.

— Ничего себе! — Не отрываясь от экрана, Натали вытащила у Джози из рук тост и вгрызлась в него. — Нипочем не угадаешь, с кем гуляет Кэт!

Нина покачала головой и отправилась в туалет. В висках стучало — гнусный денек выдался. Звонкие голоса постепенно отдалились, долетали лишь приглушенные вскрики и взрывы хохота.

Нина заперла дверь, включила свет, прислонилась к стене. Хоть несколько спокойных минут, чтобы дух перевести!

— Мам, ты здесь? — В дверь дубасила Джози. — Давай скорей! А то я сейчас описаюсь!

Нина спустила воду. Стыдно, ведет себя как маленькая. Она просто устала, нервничает — работа, конечно, ужасно интересная, но, что ни говори, дел-то прибавилось изрядно. И спит последнее время плоховато: Мик крутится-вертится, не дают ему покоя новые заказы. Словом, все как у всех. Во всяком случае — как у многих.

Нина побрызгала водой на раковину и открыла дверь.

— Прости, — едва успела проговорить она, как Джози чуть не сбила ее с ног.

Неожиданно в переднюю вошел Мик.

— Господи, как хорошо, что ты вернулся! — сказала Нина и долгим поцелуем прижалась к его губам.

— М-м-м, надо бы мне почаще отлучаться. — Мик с нежностью обнял жену одной рукой. На другой у него болталась хозяйственная сумка. — На охоту ходил, — объяснил он и помолчал, сведя брови и взглядываясь в ее тревожное лицо. — Курица сгодится? Идем, поможешь мне с ужином.

Нина пошла за ним, радуясь поводу отвлечься.

— Вот это да! Извержение вулкана случилось? — Мик смахнул со стола черные крошки, помедлил, опершись о стол широко расставленными руками — умными, искусными руками. Ах, как Нина хотела, чтобы эти руки обняли ее и не отпускали никогда. — Нина? У тебя все в порядке?

— Конечно. — Она встряхнулась и принялась распаковывать покупки.

«Все в полном порядке», — твердила она себе, ворочаясь ночью в постели, сбивая простыни беспокойными ногами. Было жарко, она взмокла, сна ни в одном глазу. Она прислушивалась к сонному сопению и тихим всхрапам Мика. Конечно же, у нее все в полном порядке.

Папы все не было.

— Что, бросили тебя? — буркнул страшный дядька, пихнув меня в угол холодного подоконника, на котором я сидела, и занес надо мной руку. Я съежилась, но он раздумал — мимо шла воспитательница, за ней гуськом семенила стайка младших.

Не отрываясь, я глядела в окно — вот сейчас, сию минуту появится папина машина! Глаза еще резало от слепящего света той страшной комнаты, сердце с гулким стуком гнало по жилам ледяную от ужаса кровь. Вцепившись в каменную раму, прижавшись носом к стеклу, я всматривалась в дорогу, в деревья, поднимала глаза к грязно-серому небу и молилась: пусть приедет папа и спасет меня!

Спустились сумерки, а с ними начали опускаться и мои веки. Один-два раза я проваливалась в дрему, в счастливое забытие, где мы трое — я, папа и мама — были вместе, как прежде. Смутный образ худенькой женщины с конским хвостом, запах крема для лица и губной помады витал надо мной, и несколько блаженных мгновений, даже очнувшись, я верила, что она еще жива.

Запах и разбудил меня, когда я в третий раз начала клевать носом. Меня затошнило. Резкий дух дезинфицирующего средства накладывался на зловоние страха — *моего* страха. Я поняла, что описалась. До смерти перетрусив, не смея кому-нибудь признаться, сползла с грязного подоконника и убежала в спальню. А там, стаскивая мокрые трусы, думала: этот урод прав. Меня бросили. Папа не приедет сегодня. И завтра, наверное, не приедет. И послезавтра тоже.

До тех пор в детском доме Роклифф я держалась тише воды, ниже травы, смотрела на всех умильными глазами и невинно улыбалась. Мне хотелось стать тенью, картинкой на закоптелой стене, одной из снующих в подвале мышек. Дети вокруг были дерганые — то закатывали истерики, то без повода хохотали, то ходили в синяках. Они являли собой весь спектр эмоций — и агукающие в кроватках малыши, и подростки, лениво пинавшие стены на ходу. А я была где-то посередине. И все старалась забиться куда-нибудь подальше, чтоб никому не попадаться на глаза. Если папа не заберет меня отсюда, сбегу, поклялась я себе. Улечу. Я же Эва, папина птичка-худышка.

Воспитатели с грехом пополам выполняли свои каждодневные обязанности. Некоторых я поначалу приняла за воспитанников дома — так они были молоды. Другие были старыми, седыми, уставшими и смотрели на нас, детей, с неприязнью. Они не любили нас.

В каждой встретившейся женщине я пыталась отыскать себе маму — кто знает, а вдруг? — но ни одна из воспитательниц не походила на нее. Пробовала подружиться со всеми взрослыми подряд, но в отличие от папы они не покупались ни на ухмылку с залепленными жвачкой зубами, ни на поцарапанное колено, и никакими уловками невозможно было выманить добавку хлеба на полдник. Скоро я узнала, что за малейшим нарушением правил следует жестокое наказание. Один раз, позабыв, что это строжайше запрещено, я поднялась по задней лестнице и пересчитала головой все ступеньки, когда темная фигура наверху спихнула меня вниз.

Дурочкой я не была, вовсе нет. Я держалась в сторонке, особенно в первые дни, и наблюдала, пытаюсь понять — как тут живут? Очень не хотелось, чтобы меня опять затащили в ту комнату, не хотелось узнать, что там за пеленой слепящего света. Нет, я не

искушала судьбу, я затаилась и ждала папу. Потому что он обещал приехать.

Однажды, когда я поджидала папу, устроившись на своем обычном месте, болтая ногами и грызя ногти, мне пришло в голову, что мисс Мэддокс — на мой взгляд, ей было лет сто — не такая страшная, как другие взрослые. Она бегала по дому хлопотливо, почти как мама большого семейства; у нее вроде было сердце.

Вспомнилась моя самая первая ночь здесь, когда я еще никого-никого не знала. Это ведь мисс Мэддокс гладила меня по голове, пока не решила, что я заснула. Я рыдала и звала папу, а потом затихла, но не спала. Она проводила шершавой ладонью по моему влажному лбу, а я была так напугана, что не поняла ее доброты. Во мраке крепко зажмуренных глаз передо мной плыло искаженное лицо папы в тот момент, когда меня от него отрывали, хмурая физиономия директора детского дома, в ушах звенели дикие вопли детей — новенькая!

— Ты чего натворила? — спросил меня утром чумазый мальчишка лет двенадцати. Он дал мне кусок хлеба и разрешил подобрать остатки джема у себя на тарелке. Больше из еды ничего не осталось: я почти всю ночь проревела и только-только заснула, когда все повскакивали с кроватей и дружно умчались завтракать.

— Натворила? — переспросила я. Мне не очень хотелось есть, да и вид хлеба не вызывал аппетита. — Ничего я не натворила. Мама умерла, а папа не справляется. Я ему помогала... (Дети вокруг примолкли и слушали, даже старшие.) Только, наверное, не очень хорошо, потому меня сюда и привезли.

Чумазый мальчишка похлопал меня по плечу. У него были грязные патлы, и пахло от него плохо.

— Не бери в голову, — сказал он. — Теперь ты с нами.

Я оглядела собравшихся вокруг детей. Они смотрели на меня, как на зверушку в цирке. Хотелось завывать, зарыдать, хотелось кричать, пока папа не заберет меня отсюда. Не хочу! Не хочу жить здесь, ни с этой мисс Мэддокс, ни с другими воспитателями, которые то возникают ниоткуда, то снова исчезают, будто растворяются в темных углах. Не хочу есть на завтрак сухой хлеб, не хочу спать на койке с комковатым матрасом в одной комнате с дюжиной других детей. Ничего не хочу! Только домой! И чтоб все было как раньше.

— Как отсюда удрать? — шепотом спросила я у мальчишки.

От одной мысли у меня засосало под ложечкой. Я была послушной девочкой, никогда ничего дурного не делала. И сейчас не хотела никого обидеть или показаться неблагодарной, но провести в этом ужасном месте еще хоть час? Ни за что!

Пронесся шквал смешков, и снова стало тихо.

— Никак, — прошептал мальчишка в ответ, глядя на меня черными как уголь глазами. — Потому что некуда.

Потом всем дали разные задания. Две старшие девочки должны были вымыть посуду, две другие — снять белье в спальне «В» и отнести в прачечную. Мальчикам раздали метлы и велели подмести холл, а потом вычистить обувь. Остальных очень высокая и очень худая женщина отправила в душ и чистить зубы. Все это, сколько себя помню, я каждый день делала дома. Почему же сейчас казалось таким обидным, несправедливым, бессердечным, что тетка раздает нам задания вместе с тычком в спину?

— Хочу к папе, — сказала я, когда все разошлись и я осталась одна на скамейке. Я ему все-все расскажу, поклялась я себе. Про то, как здесь плохо.

Худая тетенька присела возле меня на корточки.

— А ну-ка, сиротка Энни, — с улыбкой сказала она, — у тебя есть мускулы?

Я покачала головой. Может, она тоже добрая, как мисс Мэддокс?

— Ничего, у нас ты живо ими обзаведешься. — Тетенька легонько сжала мне руку пониже плеча и усмехнулась: — Да у тебя мускулы как у быка! Хочешь помочь мне принести корзину дров, чтоб разжечь огонь?

Я пожалала плечами. Ничего я не хотела, только домой.

— Пошли. Чего зря кукситься. Ты же хочешь рассказать папе, как хорошо всю неделю помогала? — Она пальцем приподняла мой подбородок.

— Ладно. — Я сползла со скамейки и пошла за ней. — А можно мне чиркнуть спичкой, чтобы зажечь огонь?

— Конечно, можно, — кивнула она и сказала, что ее зовут Патрисия. Она казалась доброй. — Я здесь работаю, когда мисс Мэддокс уходит домой.

Я встала как вкопанная.

— Значит, вам разрешают уходить домой?

По-моему, это было несправедливо.

Патрисия рассмеялась:

— Само собой, разрешают. У меня дома сын, а мисс Мэддокс надо кормить своих кошек.

Я забеспокоилась:

— А если все уйдут домой? Кто будет за нами присматривать?

Мне совсем не улыбалось остаться один на один со старшими ребятами, чтоб они мной командовали. Большинство встретили меня дружелюбно, но кое у кого взгляд был недобрый. С ними я смотрела себе под ноги и молчала в тряпочку.

— Такого никогда не бывает, — заверила меня Патрисия. — Всегда остается дежурный, а некоторые воспитатели здесь и живут.

Незаметно остались позади несколько коридоров, каменная лестница, по которой мы спустились в бесконечный подвал, и под конец мы оказались в помещении, где пахло мокрым лесом и мхом.

— Дровяной и угольный склад, — объяснила Патрисия. — Морозно сегодня. Огонь нам не помешает. — Она усмехнулась: дескать, все не так уж и скверно. — Вот корзинка. Собирай щепки, а потом отнесешь их наверх и положишь в очаг.

Так я и сделала. Мало-помалу вокруг громадного камина собралась группа детей — погреться у жарко пылающего огня. Я почему-то была ужасно горда, у меня даже немного потеплело внутри. Я сама чиркнула спичкой, поднесла крошечный огонек к скрученным газетам (Патрисия показала, как это делается), а уж от них занялись мои щепки. Скоро в очаге застреляли, затрещали огромные поленья, черными перьями взвился в трубу дым. Умчавшись в мир фантазий, я как замороженная смотрела на языки пламени, на жучков, которые в панике вылезали из поленьев.

— Как думаешь, они найдут себе новый дом? — спросила я у сидевшего рядом мальчика. Нам дали печенье, и я свое сосала, чтоб растянуть подольше.

Мальчик передернул плечами и глянул на меня как на дурочку. Но я не чувствовала себя ни дурочкой, ни «сироткой Энни», ни Золушкой, как назвала меня одна большая девочка за то, что я помогла разжечь огонь. Нет, меня переполняли небывалые надежды, воля, жажда жизни, о которых я давным-давно позабыла. За один-единственный день во мне родилась и окрепла уверенность, что все будет хорошо. Эта вера была у меня в груди, в костях; я даже

ощущала ее вкус. Чтобы доказать, что я права, нужно было всего лишь продержаться следующие десять лет.

И дождь не помешал Мику обнаружить вмятину. Он вышел на улицу выбросить мусор в уже переполненный бак. Нина видела в окно, как он присел возле заднего крыла машины, как, не веря собственным глазам, провел пальцами по мокрому металлу. Хмуро сощурившись под струйками морозящего дождика, с разных сторон оглядел нанесенный ущерб, чтоб уж никаких сомнений не осталось.

— Черт! — тихонько ругнулась Нина, ее дыхание затуманило окно подсобки.

Услышав, что Мик уже топает ногами по коврику у входной двери, Нина схватила в охапку белье, еще теплое после сушки.

— Нам надо больше сдавать на утилизацию, — сказал Мик, сунув руки под кран.

Нина свалила белье на кухонный стол и разложила гладильную доску.

— Да?

Если повезет, он не станет говорить о машине. Нина и сама не знала, почему промолчала. Мик понял бы. В конце концов, с кем не бывает? Включив утюг, Нина расправляла одежду, аккуратно складывала, прихлопывала стопку.

— Бак битком набит. Есть же вещи, которые можно сдавать...

— А я что делаю! — вспылила Нина. — Каждую неделю сдаю: стеклотару, макулатуру, консервные банки, тряпки, пластик. Все подряд!

Мик расхаживал по кухне, гадая, что сегодня нашло на его жену. Вон как шлепает утюгом — больше мнет, чем гладит.

— Да я так только... — примирительно обронил он. Нина подняла голову, утюг застыл в воздухе. — Машина, — то ли спросил, то ли констатировал Мик, вздернув брови.

— Ах, машина, — убитым голосом выдавила Нина. — Я... я...

— Не знала, как сказать?

Нина неуверенно кивнула и зажмурилась, но тут, по счастью, несколько прядей волос свесились ей на лицо и прикрыли ее вранье. Она решила не рассказывать Мику ни про случай с машиной, ни про погром в театре.

— Я сам заеду в мастерскую, когда буду в городе. Нужно взять кое-какие справки для страховой компании. — Мик налил кипятка в заварочный чайник.

— Для страховой компании? — Нина прижала горячий утюг к ткани. — А разве им не понадобится номер нарушителя? Они могут попросить справку из полиции или еще что.

Мик обернулся:

— Полиция? Господи помилуй, Нина, что ты натворила? Переехала кого-то?

Нина так энергично замотала головой, что перед глазами поплыло.

— Нет, нет! Что ты! Стукнулась о фонарный столб, когда... когда парковалась. Всего-навсего. — Потянув носом, Нина рывком подняла утюг — на новой футболке Джози красовалась треугольная подпалина, буквы расплавились, спеклись в липкую кляксу. И футболка, и утюг были безнадежно испорчены. — Боже! — Нина зажмурилась. — Джози меня убьет.

Мик со смехом отобрал у нее утюг, вскинул его вверх на вытянутой руке, как флаг. Хмыкнул:

— И что теперь здесь говорится?

Нина уставилась на футболку. Дня два назад Джози и Нат обе купили себе по

одинаковой, прежде на груди можно было прочесть: «Я — твое чрезвычайное событие».

— «Чайное бытие»! — Нина тоже рассмеялась. — Джози ее обожает. Никогда мне не простит. — И она запихала злополучную футболку в мусорное ведро. — Куплю новую, надеюсь, не заметит разницы.

— И не вздумай переживать из-за машины, — бросил Мик, отправляясь к себе в мастерскую. — Я все улажу. — Он подмигнул, и дверь за ним со щелчком закрылась.

Нина облегченно вздохнула: словно камень с души. Она сняла с полки справочник, нашла телефон магазинчика, где Джози купила футболку.

— Здравствуйте. Я хотела бы узнать, есть ли у вас в продаже определенный товар. — Она ждала, постукивая пальцами по столу и кусая кончик ручки. Дочка даже не заметит.

— Я подумала, ты должна это знать, — сказала в трубку Лора. Телефон затрещивал, как только Нина закончила разговор с магазином.

— Что знать?

— Не то чтобы я следила за ними, нет...

— Лора, говори прямо.

— И я не любительница распускать сплетни. Но они наши дочери, и я знаю, как ты — особенно ты — относишься к таким вещам...

— Лора, выкладывай, что стряслось!

— Понимаешь, они сидели в комнате у Нат. С этим чертовым ноутбуком, который Том притащил ей с работы. Обе взбудораженные донельзя. Я просто шла мимо — вещи убирала, — ну и остановилась, прислушалась. Я и в щелку заглянула, да мало что увидела, только как Нат на кровати качается в обнимку с подушкой. А Джози притулилась рядышком, и компьютер между ними.

— Продолжай.

— И тут Нат говорит Джози: «Он хотел, чтоб ты *разделась?*!» Похоже, с Джози недавно что-то произошло и они это обсуждали.

— Да, — тусклым голосом отозвалась Нина.

— Ржали и визжали как ненормальные. Я им говорила, что собираюсь уходить, так они решили, что одни в доме. Короче, Джози велела Нат «не очень-то радоваться, потому как она не исполнила его желание». Очевидно, «он разобиделся и отключился». Так Нат сказала, хоть я понятия не имею, что это значит. — Лора умолкла, и Нина услышала, как та шумно отпила чаю. — А потом они решили зайти на свой дурацкий сайт. Должна признать, Нат предложила, маленькая шкода. Кстати, Джози обзавидовалась ее ноутбуку. Нат хвасталась, как его легко прятать ночью под одеялом.

Нина покачала головой. Интересно знать, сколько раз ее собственный ноутбук ночевал в дочкиной постели?

— Оказывается, Нат торчит в Интернете гораздо чаще, чем я думала. Она сама призналась Джози. По-моему, они считают нас простофилями.

У обеих женщин возникло схожее ощущение: именно что простофили.

— В общем, — вздохнула Лора, — они засели за свою игру, «Afterlife», и Нат затеяла принарядить персонаж Джози, чтоб та не выглядела «лохушкой». Это моя так выразилась. — Лора никогда не пыталась выгородить дочь, которая частенько вела себя довольно нахально, за что Нина всегда была благодарна подруге. — Нат, похоже, в этой игре у них за главного — нацепила на Джози вызывающие шмотки и выставила напоказ перед всем тамошним

молодняком. Да еще наделила бедняжку парой грандиозных сисек. Вот подожди, я до нее доберусь!

Неужели Джози спокойно позволила Нат измываться над собой? Нина не могла в это поверить. А впрочем, как же тот «разговор», что она подсмотрела в ноутбуке?

— Знаешь, Лора, они просто еще совсем дети.

Это она сейчас произнесла? Да, берет пример с Мика — он именно так и сказал бы.

— Потом в сети объявился какой-то мальчишка. Явно тот, в кого Джози влюблена, потому что она покраснела как рак. По-моему, ей ужасно понравилось, что ее новый прикид сработал и заманил парнишку к ней «в гости».

— А его часом не Коготь звали?

— Точно. — Лора помолчала, силясь угадать, откуда Нина знает. — Но вообще-то Джози не очень уютно себя чувствовала. Даже как-то застыла.

— Правда?

Интересно, почему? Все девчонки не прочь похихикать с мальчишками. В конце концов, ей пятнадцать.

— Я знаю, что они там печатали, потому как они все читали вслух. Этот Коготь определенно ухлестывает за Джози. Даже пригласил к себе домой.

— Что?!

— Спокойно! Он имел в виду свой дом в игре.

Тоже не сахар, подумала Нина.

— Когда она туда попала... понятия не имею, как они это делают, но ты как будто оказываешься в чьей-то комнате, со всем ее содержимым. Словом, когда она пришла, девчонки так и зашлись от хохота, но я-то заметила — они ошарашены.

Нина сцепила зубы.

— Нат сказала, что похоже на камеру пыток, этакая красно-черная готика. А Джози здорово струхнула, но главное — и ты можешь ею гордиться, — она не поверила, что это кто-то из своих!

— У меня слов нет, Лора! Для любого извращенца пара пустяков — завязать болтовню с двумя девочками!

Нина села — колени дрожали.

— Они говорили, что он и выглядит совсем по-другому. Тогда Джози устроила ему проверку — стала расспрашивать о том, что ему должно быть известно, если он в самом деле Коготь. Уж не знаю, что ты ей говорила, но она к тебе прислушалась.

— Тогда я не понимаю, зачем ты мне все это рассказываешь. Я не очень одобряю, что Джози вечно торчит в Интернете, но, похоже, ведет она себя вполне благоразумно.

— А я не за этим и звоню, — отозвалась Лора.

— Вот как?

— Нат надоело уламывать Джози пококетничать с парнем, она в сердцах выскочила из комнаты, помчалась за кока-колой. Я едва успела нырнуть в соседнюю дверь, а когда Нат убежала, снова заглянула в щелку: что там Джози делает? А она плачет! Навзрыд. И бормочет себе под нос, давится словами. Я, говорит, неудачница. Теперь никто никогда не захочет со мной дружить. И еще — что ненавидит себя.

— Спасибо, подруга.

Нина повесила трубку. Она сама была на грани слез. Вцепившись в край стола так, что косточки пальцев побелели, она пыталась понять, что творится в душе у дочери.

В Джеффри Палмере нет ничего необычного. Ничего необычного нет и в маленькой квартирке, которую он занимает в западном крыле Роклифф-Холла: темно-бордовый ковер с узором, фарфоровые безделушки на каминной полке, бамбуковая газетница со старыми номерами «Сельской жизни».

Джеффри Палмер — идеальный руководитель для женской школы. Изучал историю в Оксфорде, заведует еще одним пансионом, председательствует в нескольких благотворительных комитетах, истинный христианин, каждый год ездит в Африку на сафари. На родителей производит великолепное впечатление, сотрудниками управляет твердой, но заботливой рукой. И пользуется популярностью у девочек — не в последнюю очередь благодаря тому, что ведет пятничный Клуб любителей кино и раз в месяц устраивает в собственной квартире сеанс киноужасов для шестиклассниц.

— Очень интересно, — говорю я, принимая у него чашку чая, снова бросаю взгляд на стену и уточняю: — Фотографии.

Он важно, с гордостью кивает:

— Гамбия, 2004-й. А это — Кения. Зимбабве и Танзания. Национальный парк Крюгер.

— Поразительно! — Я думаю про его благотворительные деяния. На одном снимке он запечатлен в окружении африканских ребятишек, тонких, как карандаши. Палмер улыбается из-под фуражки цвета хаки, у ребятишек глазищи круглые, как у филинов.

Мистер Палмер переходит к иной теме:

— Я пригласил вас, мисс Джерард, чтобы обсудить круг ваших обязанностей.

Сердце замирает, отказываясь биться, пока не выяснится, что имеет в виду директор.

— Надеюсь, я не совершила чего-то дурного?

— Отнюдь, мисс Джерард. Сильвия вами очень довольна, говорит, вы прекрасно заботитесь о девочках. И, принимая это во внимание, мы намерены расширить нашу программу ЛОСП.

Я недоуменно таращусь.

Мистер Палмер расшифровывает:

— Личное, общественное и санитарное просвещение. Все, что может тревожить, волновать наших девочек. В этом роде. — И отводит глаза, явно смущенный тем, что подразумевает под личными проблемами девочек-подростков. — Короче говоря, мы подумали, что вы как нельзя лучше подходите для этой работы. Конечно, у нас есть преподавательница для этих занятий, но она очень загружена — на ней спортивные секции. Ну, что скажете?

— Я не уверена, что... — Я отхлебываю чай и вместе с ним проглатываю то, что мне на самом деле следовало бы сказать. — Не уверена, что я именно тот, кто вам нужен для этой работы, хотя и польщена вашим предложением.

Что, по его мнению, мне известно о девочках-подростках? Какая им от меня польза?

— Вы не совсем поняли, мисс Джерард. — Директор улыбается, но не надо большого ума, чтобы понять: он недоволен. — Я не спрашиваю, согласны ли вы. — Ледышки голубых глазок буравят меня, выжидают, *приказывают* согласиться. — Нам очень нужна ваша помощь.

Резким вдохом я перебиваю подступившую икоту.

— Понятно. — Я смотрю на мистера Палмера. Эта комната, его ответный взгляд будят что-то в душе. Тугой страх стягивает ребра, стесняет дыхание. Слова застревают в горле, но я все же выталкиваю их, сухие, как наждак, немислимые. — Мы... мы знакомы?

Все дело в его коже, в пергаментных складках на острых скулах. В сутулой спине. Во взгляде, лучом прожектора блуждающем по моему лицу.

Я поспешно меняю тему. Не желаю слышать ответ, потому что, если мы знакомы, я не смогу здесь остаться. А больше мне деваться некуда.

— Так что насчет занятий? Вы думаете, я справлюсь?

У него непроницаемый взгляд, так трудно понять, что скрывается за ним.

Наконец он говорит:

— Вы именно тот человек, который нужен девочкам, мисс Джерард. Вы достаточно молоды, чтобы понимать их, и в то же время в таком возрасте, чтобы они могли вас уважать. — Палмер улыбается, довольный, что все уладилось. — Вы прекрасно замените им мать, — добавляет он, вставая, и потирает руки. Определенно выпроваживает меня, хотя я не допила свой чай.

Я не двигаюсь с места.

— Превосходно, — говорит он.

— Хорошо. — Я поднимаюсь, очень медленно, потому что кровь отхлынула от головы. — Я согласна.

— Не бойтесь их, мисс Джерард. Они всего лишь девочки.

— Да, — киваю я, оставляя чай, оставляя комнату. Совсем нечего бояться.

Сначала я замечаю ноутбук и только потом — его самого. На крышке ноутбука наклейка, какой-то флажок, и, проходя мимо, я вижу, что это австралийский флаг. Компьютер примостился на столе у секретарши, на самом краешке, в полутора метрах от того места, где спиной к холлу стоит Эдам. И опять с пятиклассницей. Внезапно он всплескивает руками, словно дирижер на финальных аккордах симфонии.

— Бога ради, Кэти, ты опять за свое! Не умеешь вовремя остановиться.

Я замедляю шаг, прислушиваюсь, делая вид, что рассматриваю прищипленные к доске объявления работы учениц. Слышу звонкий и ехидный ответ девицы: «Это еще не все, мистер Кингсли!» Я оборачиваюсь, но их уже нет, только эхо удаляющихся шагов. Эдам забыл свой ноутбук.

Голову даю на отсечение — маршрут стал другим. Ей-богу, это место непрестанно меняется, здание поворачивается на своем фундаменте, со скрипом принаравливается к переделкам. словно строители-невидимки еженощно перекладывают стены, пробивают новые дверные проемы, добавляют проходы в запутанную сеть коридоров. Комнату Эдама я обнаруживаю с третьей или четвертой попытки. Стучу и тотчас, словно он поджидал за дверью, оказываюсь носом к носу с Эдамом. Бледный, с красными пятнами на щеках и воспаленными глазами, он стоит, вцепившись в дверь обеими руками.

— Ну как, вам лучше? — Последний раз мы с ним общались, когда я провожала его, больного, до комнаты. С тех пор почти все девочки уже выздоровели.

— Да, спасибо, — отвечает он, и нижняя челюсть у него дрожит.

Повисает молчание.

— Вот, посмотрите, — говорю я, — это ваш? — Я протягиваю ноутбук, и глаза у Эдама

становятся размером с блюдце. Он быстро оглядывается на свой письменный стол у окна.

— Да, да, мой! Где вы его нашли? — Он выхватывает компьютер у меня из рук.

— Минут десять назад вы оставили его в холле.

Мысли роем проносятся у него в голове, я читаю их по лицу: он гадает, было ли у меня время залезть в компьютер и похитить его данные.

— Спасибо, — наконец выдавливает Эдам. — Я вам очень признателен. — Он приподнимает и снова захлопывает крышку.

— Я внутрь не заглядывала, если вас это беспокоит. Думала, вы обрадуетесь, что я вам его принесла... Вы тогда были заняты по горло с одной из девочек.

Эдам нетерпеливо тянет дверь на себя, оставляя лишь узкую щель.

— Все под контролем, — резко бросает он. — Еще раз спасибо.

Я придерживаю тяжелую дверь из старых толстых досок.

— Теперь я буду вести занятия по личному — и так далее — просвещению. Если ей нужно с кем-то поговорить, если у нее какие-то проблемы, скажите, что она может обратиться ко мне.

Эдам кивает и закрывает дверь.

Какие были страшилки? Если будешь плохо себя вести, ночью из леса притапают страшные гномы и заберут тебя. Без всякого предупреждения. И от них не убежишь, не вырвешься. Надо поддаться — и пусть тащат. Один мальчик сказал, что видел, как гном три ночи подряд приходил за девочкой, которая не хотела ни есть, ни разговаривать. А после третьей ночи она так и не вернулась. А другой видел, как гном в зеленой маске и капюшоне шипел, плевался и шаркал по половицам в спальнях, выбирая самых непослушных.

Еще кто-то рассказал о злом духе, который усаживается на подоконник и стучит длинными когтями по стеклу. Первого, кто откроет глаза и всего-навсего посмотрит на корявое тело демона, заберут и будут мучить, а утром притащат назад, но с тех пор он будет мечтать о смерти.

Кто-то пустил сказку про вампира, а одна девочка с плачем рассказывала, как брат умолял спасти его от бесов, которые приходят за ним. Шепотом передавались истории о ведьмах, об убийцах и чудищах, о грабителях и о призрак Роклифф-Холла.

Я первая и единственная сказала, чтоб они перестали валять дурака, а если они не заткнутся, я расскажу мисс Мэддокс или Патрисии про их дурацкие истории. Неужели не понятно, что эти страшилки придумали сами воспитатели, чтоб все хорошо себя вели?

Я была сыта по горло. Вскочила на кровать и заорала что есть мочи. Дети (человек десять, и всем давно полагалось быть в ванной) перестали копошиться и в первый раз заметили мое существование; они умолкли и прислушались. До этого я прикидывалась дурочкой, тихоней, а когда мое появление в детском доме перестало быть новостью, меня и замечать перестали, будто я пустое место.

— Так не бывает! — крикнула я. Они вытаращились на меня, а у меня от конфуза перехватило горло. — Ни чудищ, ни гномов нет на свете!

Щеки у меня пылали. Хотелось провалиться сквозь матрас, проскользнуть меж половиц в фундамент дома, рухнуть в глубину земли.

— Кто тебе сказал? — Ответа потребовал мальчик постарше меня, тот самый, который поделился со мной джемом.

Я подбоченилась и вздернула подбородок:

— Папа сказал. Он говорит, чудищ не бывает. — Я презрительно фыркнула. Меня вроде слушали, один или двое даже сели. — Когда мама умерла, мне ночью было страшно. Я все думала: вот придут чудища и заберут меня.

— А что потом? — спросила Салли, девочка с косичками.

Я пожала плечами:

— Не пришли никакие чудища, хотя я даже видела на лестнице их тень.

— А сюда приходят, — сказала другая девочка. Она была младше меня, но платье ее пришлось бы впору девочке раза в два старше. — Только дожидаются, когда мы уснем.

Вдруг почувствовав себя совсем взрослой, я присела возле нее на корточки.

— Если в них не верить, то они и не оживут. Им, чтоб жить, нужны наши мысли. Они кормятся нашим страхом.

— Правда? — Девочка подняла на меня глаза. Очень красивые глаза — карие и кроткие. А кожа у нее была золотистая.

Я взяла ее за руку.

— Правда. Чудищ выдумывают взрослые. — Я обвела взглядом всех детей. — Не верьте — и они не придут.

Было тихо. Только кто-то кашлянул, кто-то шаркнул башмаком по полу.

— Поди Расскажи про это Киту Бэгвуду! — раздался чей-то возглас. — На прошлой неделе гномы забрали его, и больше он не вернулся.

— А если кто возвращается, то молчит и совсем ничего не рассказывает. От страха! — зашумели вокруг несогласные голоса. — Пусть бы они пришли за тобой, мисс Всезнайка!

Поднялся общий ропот, дети поддакивали друг другу, а меня стали обзывать дурой, дергать за волосы и щипать.

— Все про вас расскажу! — вопила я, но они и внимания не обращали. Самые противные окружили меня, плясали и распевали мерзкий стишок, от которого у меня мурашки забегали по спине.

— Ябеда-корябеда, ждет тебя беда! Вот собаки придут, твой язык отгрызут!

Слезы так и брызнули у меня из глаз, а они только гоготали. Потом вошла Патрисия, пару раз хлопнула в ладоши, и моих мучителей как ветром сдуло в ванную.

Неужели они правы? Неужели папа меня обманул про чудищ, которых не будет, если я в них не буду верить? Может быть. Он ведь обманул меня про то, что будет приезжать ко мне каждую неделю. Я сложила пополам и упала на кровать. Зарылась лицом в тощую подушку, за долгие годы пропитавшуюся запахом детских слез, и тихо заплакала.

— Эва... — Патрисия теплой рукой погладила меня по спине. — Почему ты плачешь?

Я нехотя отлепила лоб от влажной подушки.

— Они все говорят, что чудища бывают. И приходят ночью.

— Вы только послушайте, что за глупости! Думаешь, я позволю каким-то чудищам обидеть кого-нибудь из вас?

Патрисия была хорошей, от нее пахло абрикосами. Я тихонько просунула пальцы в ее ладонь. Руки у нее были мягкими.

Я покачала головой:

— Нет, я так не думаю...

Она не моя мама, но, может, я смогу притвориться?

— Мы на ночь закрываем все двери и окна. Никому не пробраться. В Роклиффе ты в полной безопасности, Эва. Поэтому твой папа и попросил нас присмотреть за тобой.

— Папа сказал, что если в них не верить, то никаких чудищ и не будет. Вот я и старалась объяснить остальным...

— Твой папа совершенно прав, — улыбнулась Патрисия, нагнулась и поцеловала меня в макушку. — Ты такая милая девочка, Эва. Верь тому, что сказал папа, и все будет хорошо. А если что случится, приди и скажи мне.

Я насупилась.

— Ябедничать плохо. Ребята говорят, что собаки отгрызут мне язык.

Патрисия с улыбкой покачала головой, прогоняя мои глупые страхи.

— Иди-ка чистить зубы. Пора спать.

Она за руки стянула меня с матраса, и я послушно поплелась за ней в холодную, выложенную плитками ванную, где другие девочки уже вытирали лица. Когда мы с Патрисией вошли, девочки уставились на меня сердитыми глазами.

— Марш отсюда! — скомандовала Патрисия, и все мигом исчезли, как стайка босоногих привидений в нейлоновых рубашках. — Только не долго, Эва. — Она вышла из

ванной.

Я с такой силой замотала головой, что дрожь отдалась во всем теле, пробежала по заледеневшим ногам. *Не верю... не верю... не верю...* — мысленно повторяла я, возя щеткой по стучащим зубам.

Когда я прижала полотенце к губам, когда в дверях промелькнула тень, когда непонятный ветерок занес странный запах, меня осенило: чтобы не верить во что-то, для начала это «что-то» должно существовать.

Нина пробиралась между фургонами и трейлерами, обходя грязь и лужи, шурясь от мелкого летнего дождика, который сеял не переставая уже несколько дней. Ей нужен был номер девятнадцать. С одной стороны, хотелось бросить это дело и убежать, а с другой — ее заинтриговал случай на пристани, таинственный незнакомец и его искусство.

Некоторые фургоны представляли собой выдавшие виды железные коробки, самым диковинным образом размалеванные яркими пятнами краски. Снаружи скучала под дождем комнатная мебель. Кому они принадлежат, эти фургоны, — цыганам, любителям путешествий? Некоторые были необитаемы, точнее, так думала Нина, пока дверь одного из них не открылась и наружу не вывалился голый по пояс мужик в потрепанных джинсах. Мужик неторопливо подошел к кусту и начал мочиться. Нина отвернулась.

В конце концов она разыскала номер девятнадцать, но перед покоробленной зеленой дверью замешкалась. Каким ветром ее занесло сюда, к черту на кулички, одну-одинешеньку? Но все та же заинтригованная ее половина заставила натянуть на голову плащ, чтоб не предстать перед ним совершенно мокрой курицей. Пока ждала, прикинула — кто мог бы жить в таком унылом местечке? В любом случае, заводить знакомство со здешними обитателями не очень-то хотелось. Хотя если подумать о ее собственном положении... Младший гример, с трудом наскребает на убогую комнатенку над дешевой забегаловкой на захудалой городской окраине. Немногим лучше.

Дверь не открывали. Нина пожала плечами и развернулась. Значит, так тому и быть. Видно, не судьба. Она даже рада. Отчасти. Но, сделав два шажка с бетонного подобия крыльца назад, в грязь, Нина налетела прямо на него. Словно он давно поджидал, наблюдая, как дождь поливает ее.

— Это вы, — улыбнулась она.

— Это я, — подтвердил он.

Голос перекликался с шумом дождя. Он был в черной рубашке и джинсах и промок еще сильнее, чем Нина. Дождь струйками стекал с волнистых волос, которые не шли у нее из головы с той встречи на пристани, потемневшие пряди свесились на лоб. Зрачки — две иссиня-черные кляксы на белом полотне лица. Даже в такой сумятице у Нины в груди дрогнули струны.

— Мои брюки. — Она протянула полиэтиленовый пакет, чувствуя себя совершенно нелепо.

— Правда? — Он пришел в восторг. — Я вставлю их в рамку! — С улыбкой, заменившей приглашение, он отпер дверь трейлера и предупредил: — У меня тут тесновато.

Внутри пахло темнотой, мужчиной, краской. Когда глаза привыкли к полумраку, Нина увидела, что крохотное квадратное помещение сплошь заставлено и завалено разномастными тюбиками, кистями, незаконченными полотнами и набросками. На подоконниках, на полках — банки с мутноватой жидкостью, а то, что могло служить кроватью, покрыто толстым слоем журнальных вырезок и впечатляющих фотографий неба, моря, лиц крупным планом. Он быстренько собрал кое-какие фотографии — Нине показалось, мелькнула обнаженная натура — и сунул в папку. Похлопал по расчищенному местечку — садитесь, но она стояла, озираясь по сторонам.

— Боже! — только и сумела выдохнуть Нина. — Это... это... — Слов не было. — Меня.

между прочим, Ниной зовут.

Если перед нею свидетельство того, что творится у него голове, то он уже ей интересен. Судя по всему, мрачноват, но с воображением, переменчив, но не замкнут. Наверняка бывают дни, когда и словом ни с кем не перемолвится, когда с головой уходит в работу, создавая прекрасные картины маслом и акварели.

— Мик, — назвался он.

— Знаю. — Она протянула руку. Он сжал ее ладонь и держал, словно пытался понять, что она за человек. — Вы мне написали, помните?

Нина чувствовала себя очень неловко. Сейчас самый каверзный момент: знакомство состоялось, что дальше? До чего же это трудное дело — заводить друзей, всегда было трудным для нее.

— Я думал, вы пошлете мне брюки по почте, — с невозмутимым видом проговорил Мик.

Ждет от нее признания, что ее одолело любопытство, что захотелось увидеть его еще раз?

— А я проходила мимо, ну и...

— Здесь мимо не ходят. Инглстон-парка даже на карте нет. — Мик снова жестом пригласил ее сесть.

— Ладно, сдаюсь. Решила сама зайти к вам. Живопись люблю. Захотелось взглянуть, что еще вы расписали, кроме моей штанины.

Нельзя сказать, чтоб Нина лгала, но и чистой правды не говорила. Неделю назад, покидая исхлестанную ветром пристань, она унесла с собой семечко тайны — тайны этого человека и его красок. Он видел то, что другим видеть не дано. Нине это понравилось, и все же она сама на себя дивилась. Подумать только, пришла сюда, позволила этому семечку дать всходы.

— Короче — вот, держите. — И она сунула ему пакет.

Мик немедленно вытащил брюки.

— Как мне и запомнилось! Хотя теперь они высохли и эффект не такой ошеломительный, — заметил он.

Так оно и было. Поразительное смещение на черной ткани живых оттенков морской волны и приглушенно-серых тонов, потускнев, приняло вид призрачно-мучнистого пятна.

Сейчас, когда не мешал ни ветер, ни проливной дождь, Нина разглядела, что Мик старше, чем ей показалось. Вероятно, лет на восемь-десять старше ее. Впрочем, при первой встрече она и не обратила внимания на его возраст, запомнила только необычного человека, воспылавшего страстью к ее брюкам.

— Кофе? — Губы на обветренном лице с сетью тонких морщинок изогнулись в улыбке, глаза светились, но на дне их, казалось, таилось что-то хмурое.

Чертовски привлекателен, отметила про себя Нина.

— Спасибо, но я, пожалуй, пойду. Завтра в пять утра надо быть на работе — готовим выпуск новостей. — Но шагнуть к двери было выше ее сил.

— И что, ляжете спать в два часа дня? — Мик глянул на часы и рассмеялся.

Она ничего не могла с собой поделаться — всегда с настороженностью относилась к незнакомым людям. Цепенела, даже когда надо было просто протянуть руку и назвать свое имя. Так ее учили, так она жила.

Но до чего же она устала осторожничать, будто любой может видеть ее насквозь! Ну что

случится, если она подойдет на шагок ближе к кому-нибудь? Небо рухнет?

— А знаете что? Давайте свой кофе! — Нина пристроилась на краешке кровати, выжидающе сложила на коленях руки и, пока Мик споласкивал кружки, переводила взгляд с одной картины на другую — призрачные ню, туманные, размытые пейзажи, радужные переливы. Вот бы расцветить книжку-раскраску ее собственной жизни...

Тэсс, помощница Нины, чуть не каждый час названивала по поводу дел в «Чартерхаус Продакшнз». Суетилась из-за всякой ерунды, когда имелись и куда более неотложные вопросы, сам контракт например. А Нина и так уже опаздывала к своему поверенному, который ждал ее, чтобы обсудить условия нового договора.

— Тэсс, ты связалась с кадровым агентством? — Нина бросила взгляд на часы. — Позвони им, если нет желания на ходу учиться, как делать искусственные раны и макияж для детей-зомби. Агентство сейчас — самое важное. Мне нужен надежный человек и с опытом! — Да, резковатый она взяла тон.

Нина отключилась, схватила сумку, глянула в зеркало. Господи, ну и видок! Недосып начертил под глазами темные круги, а бесчисленные чашки кофе заставили дрожать пальцы, которыми она провела по векам. Нина нагнула голову, на миг оперлась на столик в прихожей. «Уймись!» — приказала она себе.

До юридической конторы домчалась с ветерком.

— Беспокоиться не о чем. Никаких подвохов в контракте я не обнаружил. — За известие, что контракт, изложенный на пятнадцати страницах, безупречен, поверенный собирался содрать с нее немаленький гонорар.

Нина кивнула. Приятно, что «Чартерхаус Продакшнз» предлагает справедливые условия. Одной заботой меньше.

— Значит, можно не опасаться никаких неприятностей? — За несколько сотен фунтов хотелось бы получить чуть больше, чем шестиминутный разговор в полутемном кабинете. Хоть бы чаю предложил, что ли.

— Точно так. Если вы не собираетесь умереть в ближайшее время, — безмятежно сообщил он. — В контракте не оговорен выход из дела вашей компании в случае, если... если с вами произойдет какое-нибудь несчастье. Машину аккуратно водите? Со здоровьем, полагаю, все в порядке? — Тщедушный поверенный хохотнул и откинулся на спинку скрипучего офисного кресла. — Вы ведь, собственно, и есть «Студия Хамелеон», и качество работы зависит главным образом от вашего мастерства. Насколько я понимаю, «Чартерхаус» заключил контракт не только с вашей компанией, но если по каким-либо причинам вы окажетесь не в состоянии выполнять свои обязательства... что ж, полагаю, на такой случай у вас имеется страховка.

— Да, да, разумеется. — Нина задумалась. «Если с вами произойдет какое-нибудь несчастье». — А можно добавить какой-нибудь пункт, чтобы как-то меня прикрыть? Мало ли что — вдруг автобус из-за угла выскочит или псих нападет. — Вместо смеха, который она попыталась изобразить, с губ сорвался прерывистый вздох.

— Проще простого. Если угодно, я набросаю черновичок.

— Да, пожалуйста. И пусть там будет сказано, что если со мной что-нибудь случится, то «Студия Хамелеон» освобождается от всех обязательств перед «Чартерхаус». В этом роде.

Директор ее компании — Мик. Случись с ней что, не хотелось бы, чтобы ему по наследству досталась куча вранья и деловые обязательства в придачу.

— Боюсь, они потребуют каких-то гарантий...

— Мистер Уэнлок, вы ведь выставите мне счет за это коротенькое дополнение? — Нина встала. Перед глазами поплыло, и пол чуть не ушел у нее из-под ног.

— Само собой, небольшой гонорар был бы...

— В таком случае, пожалуйста, сделайте, как я прошу, включите этот пункт. Если «Чартерхаус» станет возражать, тогда мне придется пересмотреть весь контракт.

Нина поблагодарила поверенного, попросила не откладывать дела в долгий ящик и вышла на яркое солнце.

От подступающей мигрени звенело в голове. Отыскав на стоянке свою машину, она протянула руку с ключом... и застыла. Дверца была открыта.

Какого черта!.. Я точно знаю, что закрывала машину.

Секундочку, как все было? Она приехала, вышла, захлопнула дверцу, машина бикнула, когда она ее запирала. Или нет? Нина заглянула внутрь. Все на месте. На заднем сиденье валяется ее куртка, на пассажирском месте — россыпь дисков. Даже навигатор по-прежнему лежит на передней панели, а вора он непременно заинтересовал бы.

Нина вытащила из сумки телефон. Надо позвонить домой, узнать, как там Джози, спросить, чего бы ей хотелось на ужин. Собрать расплывающиеся мысли. Обрести какую-то опору. Руки тряслись, пальцы не попадали на нужные кнопки. Может, она вспугнула угонщика? Нина снова принялась набирать номер, расхаживая по стоянке — где лучше берет? — и оглядываясь по сторонам — не следят ли за ней? В трубке наконец раздался гудок, но включился автоответчик.

— Джози, ты дома? Возьми трубку, Джози! Перезвони мне сразу, как услышишь.

Она набрала номер дочкиного мобильного. Автоответчик.

Нет, у нее определенно мозги набекрень. При чем тут Джози? С ней-то что может случиться? Нина метнулась к машине, защелкнула ремень безопасности и рванула с места. Обратиться в полицию? И что она им скажет? Дверца была открыта, но ничего не пропало? Эка невидаль. Вероятно, она сама и забыла ее запереть.

Машина ползла с черепашьей скоростью, город стоял в пробках. Нина еще несколько раз звонила домой, но никто не подходил. Плевать, если застукают за использованием телефона во время вождения. Джози, Джози, ответь! В голову лезли дурацкие мысли, хотя она была почти уверена, что с дочкой ровным счетом ничего не случилось. Не в первый раз Джози не дает себе труда снять трубку.

Нина затормозила на дорожке, побежала к дому, распахнула дверь:

— Джози, ты дома?

В гостиной и в кухне — никого. Холл и столовая пусты.

— Джози, ты где?

Нина ринулась вверх по лестнице, каждая ступенька — как гора. В ванной витали запахи геля, лосьона, лака для волос; пар еще не выветрился — значит. Джози совсем недавно принимала душ. Вероятно, просто не слышала звонка.

— Джози? — Нина без стука ворвалась в комнату дочки.

Шторы задернуты, в углу голубовато светился экран компьютера. Когда глаза привыкли, Нина увидела лишь знакомый кавардак девчачьей комнаты. Джози не было.

Нина выскочила вон и уже в кухне, в очередной раз набирая дочкин мобильный, увидела Джози, идущую по дорожке.

— Слава богу! — Нина бросилась через заднюю дверь на террасу, вниз по ступенькам и

прямо в объятия дочери.

— Ух ты! Мам, ты чего?

Они неожиданно поменялись ролями: Джози была взрослой, а Нина, дрожа как ребенок, прижималась к ее плечу, тыкалась носом в мягкую ткань халата. Джози даже еще не одевалась.

— Не обращай внимания. Просто у тебя сумасшедшая мать. — Нина смеялась, всхлипывала и шмыгала носом. С Джози все хорошо. Джози, как и положено, дома. Ничего плохого с ней не случилось — и не случится, убеждала себя Нина. — Представилось невесть что, но увидела, что ты в порядке, и отпустило. Ты почему к телефону не подходила?

— Прости, не слышала. Я нужна была папе в мастерской. — Джози потупилась.

Боится, дуручка, что будут ругать. Нина рассмеялась, пытаясь унять истерику.

— Ну и кто у нас избранный? Кто у нас допускается к папе в мастерскую, когда он работает?

Широченная улыбка расплзлась по лицу Нины. Что это она, в самом деле? Совсем умом тронулась. Устает как собака, вот по рассеянности и оставила дверцу машины открытой. Еще повезло, что ничего не пропало. Нина обняла Джози за плечи и повела в дом.

— Папа просил кое в чем помочь. — Джози запнулась. — А еще куда-то подевалась моя одежда, и я хотела спросить, не видал ли он, — сердито добавила она.

Нина похолодела.

— Что значит — куда-то подевалась одежда?

— Странное дело. Я зашла в душевую кабинку, чистую одежду повесила на полотенца. Пока мылась, пару набралось под потолок. Выхожу, а одежды нет. Нигде. Я думала, ты перед уходом решила, что она грязная, и забрала в стирку.

Нина едва смогла выдать хрипкое «нет». Она оглядела сад. По коже противно ползли мурашки. Нина обхватила себя руками, ей вдруг стало холодно.

— Попробуй вспомнить, Джози, ты что-нибудь слышала, когда была в душе? Я ездила к юристу, а папа все утро сидел у себя в мастерской.

— Нет, ничего. Что и странно. Я думала, это ты раньше домой вернулась, а когда тебя не нашла, решила, что папа зачем-то забрал мою одежду. — Джози отвела глаза.

Нинины мысли мчались бешеным галопом. Нет, Мик ни за что не сделал бы такого. Ему и в голову не могло прийти залезть к Джози в ванную. И устраивать розыгрыши не в его духе.

— Держу пари, солнышко, это папа вздумал подшутить над тобой. Взял, наверное, и спрятал твои шмотки под диваном. — Нина натужно улыбнулась. — Пошли попьем чего-нибудь. — Нина сглотнула, но пересохшее горло драло как наждаком.

— Не-а. Я его уже спрашивала. И я злая как черт! Там были мои новые джинсы!

— Я куплю тебе другие, — спокойно сказала Нина, наливая Джози соку. А потом, не в силах справиться с собой, прошла по всему дому, захлопывая и запирая окна. Входную дверь она заперла на два оборота, дверь на террасу тоже.

— Мам, да мы задохнемся. Сегодня такая духотища. Что на тебя нашло?

Нина, пряча от дочки трясущиеся руки, попыталась изобразить улыбку.

— А мне, знаешь ли, холодно. То ли устала, то ли сразу какую подцепила. Новый контракт все силы отнимает, но я справлюсь, за меня не переживай, — бодро пообещала Нина.

Джози насупилась.

— Как знаешь. Если мои шмотки найдутся, скажи. — Она взяла свой сок и отправилась к себе.

«Ерунда. Она вечно все теряет», — бормотала Нина, расхаживая из угла в угол. Теннисные ракетки, книжки, свитера, тетрадки с домашним заданием. Нине вспомнилось, как однажды зимой Джози явилась из школы в легких туфлях — засунула куда-то теплые ботинки. Еще несколько посеянных вещиц — пустяки, ничего особенного.

— Никуда не уходи, ладно? — крикнула Нина как можно громче, чтобы Джози услышала за закрытой дверью.

Удержать дочь дома — это, конечно, утопия, но и выпустить ее на улицу невыносимо. По крайней мере, сейчас.

Кто бы мог подумать, что она доживет до такого? Счастливая семейная жизнь исключает любые поводы для беспокойства — в это Нина верила свято. Постаравшись взять себя в руки, минут десять она собиралась с мыслями, прикидывая, как поступить.

Наконец сходила за сумкой, подаренной Миком на прошлый день рождения, и села к кухонному столу. Порывшись в кожаной утробе, извлекла потрепанную записную книжку, которая хранилась в кармашке с молнией и сопровождала Нину везде. Когда-то книжка в матерчатом переплете служила для всевозможных записей, заметок, напоминаний. Со временем она заполнилась, и теперь ею не пользовались. Но на последней страничке был записан самый важный телефон, который когда-либо давали Нине.

Она взглянула на номер, и сердце ухнуло в желудок: номер давным-давно устарел. Однако, вычленив первоначальный номер и добавив современный код, Нина набрала все цифры и затаила дыхание. Она помнила его последние слова: «Если что — ты знаешь, где меня искать».

Ей и нужно-то всего несколько ободряющих слов, для пущей уверенности.

После четырех гудков ответил женский голос:

— Булочная «Клер», чем могу служить?

Нина в отчаянии бросила трубку.

Меня гипнотизируют двенадцать пар глаз. Стены в комнате отдыха расписаны красными загогулинами, словно я оказалась в утробе своего самого страшного ночного кошмара.

— Итак, — неуверенно начинаю я, — меня зовут мисс Джерард. Я буду вести у вас курс «Личное, общественное и санитарное просвещение».

Пройти нам предстоит многое, но я буду стараться, чтобы вам было интересно, а заодно мы с вами поближе познакомимся.

Я нервничаю до дрожи в коленках. В комнате со сводчатым потолком и огромными окнами, выходящими на школьный двор, висит тишина. Несмотря на неприглядную панораму за окном, здесь очень мило: мягкие пуфы, пара удобных диванов, телевизор и стойка с DVD. В одном углу разместились холодильник, маленькая раковина, рабочий стол с чайником и тостером, а на другой стороне — письменный стол и единственный компьютер. В качестве экранной заставки на мониторе плавают фотографии школьных спортивных команд.

— Думаю, мы начнем наши занятия с темы, на которую порой трудно говорить. — Я делаю паузу, пара девочек, отвлекшись было, вновь заинтересованно вскидывают глаза. — Преследование — серьезная проблема.

Кто-то испускает театральный стон, кто-то хихикает. Одна девчонка зевает и открывает мобильник.

— Мы это проходили в прошлом году, — сообщает хорошенькая темноволосая ученица, которую я видела рядом с Эдамом.

— В таком случае ты, надо полагать, эксперт по этому делу. — Я уже изъясняюсь как учительница. — Прости, не знаю, как тебя зовут.

Хитро прищурившись, она долго — слишком долго — оглядывает меня с головы до ног, оценивает, прикидывает, гожусь ли я им в учителя. Наконец снисходит:

— Кэти. — И добавляет: — А я вас тоже не знаю.

— Мисс Джерард. Я уже говорила. (Кэти шепчет что-то группке девчонок, головами склонившихся к ней, и я снова слышу смех.) Если хотите, можете называть меня Фрэнки. Это сокращенное от Франческа. — Имя цепляется за язык.

Мало-помалу девчонки начинают меня слушать. Я показываю короткий фильм для последующего обсуждения, но умудренным житейским опытом пятнадцатилетним светским львицам он представляется азбучной истиной.

— Мисс, а Кэти нельзя это смотреть, — вскинув руку, заявляет одна.

— Кэти? — Под новую порцию смешков я жду объяснения. Приподняв брови, перевожу взгляд с первой на вторую.

— Родители не разрешают ей смотреть телевизор. Они заявление написали.

Аудитория прыскает со смеху.

— А сама Кэти язык проглотила? — Воображение живо рисует картину: меня вызывают в кабинет директора; мистер Палмер багровеет: разгневанные родители подают на меня жалобу. — Кэти, это правда? Они будут недовольны, что ты посмотрела даже этот коротенький фильм? — Кэти кивает, пряча ухмылку, и экзекуция в кабинете директора теперь видится неизбежной. — Почему ты мне ничего не сказала заранее? Могла бы

подождать за дверью.

— Потому что мне хотелось посмотреть, правда ли *это* преследование? — говорит она, а у самой глаза темнеют, губы надуваются, отчего щеки сразу становятся впалыми, а скулы выпирают, — ни дать ни взять беззащитный ягненок.

— Ну и как? — интересуюсь я. Наконец-то мы до чего-то договорились.

— Да! — таращит глаза Кэти, вновь оживившись, вновь преисполнившись самоуверенностью пятнадцатилетних.

Класс заходится от хохота.

Лежу под водой, как в футляре, — тепло, спокойно и тихо, если не считать глухого постукивания ногтем по краю чугунной ванны. Выпускаю пузырьки. Одно движение — и я уже сижу, хватаю ртом воздух, почти задохнувшись, и вода струями стекает с меня.

Мое собственное постукивание сменяется похожим звуком: кто-то рвется в ванную.

— Выхожу! — со вздохом откликаюсь я. Час поздний. Я надеялась, меня оставят в покое, когда школа угомонится на ночь.

— Это я, — сквозь старое дерево шелестит девичий голос, — Кэти.

— Кэти? — Я тянусь за полотенцем. — Тебе нужно со мной поговорить?

— Да, — настойчиво раздается в ответ.

— Подожди минуточку. — Я заматываю мокрые волосы полотенцем, натягиваю халат, завязываю пояс и открываю дверь. — Что случилось, Кэти? Скоро полночь.

Кэти проскальзывает в наполненную паром ванную и плюхается на крышку унитаза. Она в пижаме — белой с розовыми бантиками — и босиком, ногти на ногах покрыты лаком. Я присаживаюсь возле нее на корточки. Я тронута: первое знакомство с классом прошло довольно сумбурно, и все же она готова поговорить со мной.

— Короче, тут такое дело... — начинает она. Хорошенькое личико морщится как у младенца. — Даже не знаю, как сказать...

— Не торопись.

— Ко мне пристаёт один человек! По-настоящему пристаёт. И мне страшно.

— Ты это имела в виду, когда на уроке говорила о преследовании?

Она кивает.

— Он пытался... — Кэти не договаривает. Губы кривятся, подбородок дрожит. — Он подкатывал ко мне, а...

— А ты не хотела, чтобы он так делал?

Она снова кивает и закрывает лицо руками. Я слышу всхлип, который приняла бы за сдавленный смешок, учитывая ее поведение в классе, если бы не видела сейчас ее слезы.

— И на уроке рассказать о таком ты не смогла, верно?

Кэти вытягивает кусок туалетной бумаги и сморкается.

— Ни за что! Простите, что я потешалась над тем, что вы нам говорили.

Я отвожу с ее лица завесу волос, и она поднимает на меня глаза. Простое движение руки, но боль пронзает мне душу. Одна прядь прилипает к мокрой щеке Кэти, и она слабо улыбается.

— Кто он? Ты его знаешь по школе? — спрашиваю я. — Или это какой-нибудь парень дома?

— Это бывает, когда я в школе.

Совсем еще ребенок, наивный ребенок, а ведь пятнадцатилетняя девушка. И ее возраст,

В зависимости от того, насколько далеко все зашло, представляет собой кучу дополнительных проблем. Тот, кто это затеял, играет с наименьшей из них.

— Ты можешь сказать, кто он?

Кэти не задумываясь трясет головой.

— Ну что ж, нет так нет. — Я и не надеялась с ходу услышать имя. Храбрость — это зернышко, которое должно прорасти, и Кэти свое посеяла. — Как далеко... как далеко у вас зашло, Кэти? — Я пытаюсь выяснить, занимался ли он с ней сексом... *заставлял* ли заниматься сексом.

Кэти молча смотрит перед собой, дышит тяжело, вздрагивает. Рот приоткрыт, слова готовы слететь с губ. Я глажу ее по спине.

— Можешь не говорить. Всеу свое время.

Обвожу взглядом потолок, стены, треснутые стекла — сколько всего видело это здание. Сую руку в воду, вытаскиваю пробку из ванны и стряхиваю капли с руки. Мы сидим и молча слушаем, как утекает, булькая, вода, и обе надеемся, что вместе с ней исчезнет и то, о чем мы думаем.

Учебный год катится безостановочным потоком уроков, спортивных событий, музыкальных репетиций, а для нас с Сильвией — бесконечными материнскими заботами, от стирки до вывихнутых лодыжек и тоскливых слез по дому.

— Тебя искал Эдам. — Сильвия встряхивает простыню и ловко расстилает на гладильной доске. Два раза пыхает паром, и отутюженная, хрустящая простыня ложится на стопку других таких же.

— Да?

Сердце екает, сама не знаю почему. До сих пор мне удавалось держаться от коллег на почтительном расстоянии. Энджи Рэй, учительница английского и одновременно тренер по баскетболу, чуть не каждый день уговаривает меня заглянуть в деревенскую пивную, куда учителя ходят по пятницам — выпить и поболтать.

— С людьми поближе сойдешься, — всякий раз говорит она.

«Не хочу!» — думаю я и вежливо улыбаюсь. А ей обещаю постараться, но потом у меня начинается мигрень, или дает сверхурочное задание сестра-хозяйка, или дела семейные якобы требуют моего присутствия где-нибудь подальше от Роклифф-Холла.

— Похоже, что-то важное. — Сильвия принимается гладить форменные юбки. Пищит пейджер, она выключает утюг, читает сообщение и закатывает глаза: — Кому-то угодили хоккейным мячом по носу.

— Он не говорил, что снова зайдет? — успеваю я спросить, прежде чем она убегает, подхватив аптечку первой помощи.

— Эдам? — Она стреляет глазами мне за спину. — Легок на помине. — И Сильвия с ухмылкой протискивается мимо Эдама, который неуклюже подбоченился на пороге, зигзагом перечеркнув локтями дверной проем.

— Привет, — говорит он, когда Сильвия исчезает в коридоре.

Если его прислала Энджи, ответ будет прежним. Я не собираюсь участвовать в их еженедельных пирушках. Не хочу я ни с кем сходитья. Мне бы забиться в дальний угол и не попадаться никому на глаза.

— Здравствуйте, — отзываюсь я. — Еще что-нибудь потеряли? — Я снова включаю утюг, решив помочь Сильвии с юбками.

— Может быть, — отвечает Эдам сиплым, очень серьезным голосом и опускается в старое продавленное кресло у газового камина. — Хочу спросить о ваших занятиях.

— А что такое? — Я отрываюсь от гладильной доски.

— Вы уже знаете Кэти Фенуик?

— Кэти?.. — переспрашиваю я, оттягивая время, чтобы подумать. Прошлой ночью она была в ужасном состоянии; теперь меня о ней спрашивает Эдам. — Нет еще. Видеть, наверное, видела, но...

— Если она станет вам что-нибудь рассказывать, дайте мне знать. Ладно? — Эдам ерзает в кресле. Ему неудобно — и физически, и морально.

— То есть? — Я не могу обмануть ее доверие. — С ней что-то не так?

— Просто дайте мне знать, если она что-нибудь скажет.

Взгляд Эдама, пробежав по длинной комнате, где выстроились в ряд стиральные машины и сушилки и стопками лежит белье, упирается в высокое окно, выходящее на спортивную площадку. В тумане ранней осени мелькают зеленые и желтые пятна — цвета школы. Это девочки гоняют хоккейный мяч.

— Меня уже наверняка с собаками разыскивают. — Эдам резко встает и удаляется, широко шагая длинными ногами.

А я прислушиваюсь к отзвуку его слов и гадаю: действительно он срочно кому-то понадобился или он не тот человек, за которого я его принимала?

Иногда меня просили помочь с ужином. Выбирали из всех и за руку вели на кухню, а другие дети смотрели во все глаза. «Не хочу ходить в любимчиках, — думала я, когда Патрисия в первый раз взяла меня. — Домой хочу!» В большущей кухне громоздились механизмы размером с автомобиль, их покрывала жирная желтая пленка, которая оставалась на пальцах даже после того, как я мыла руки. А запах отбивал всякий аппетит.

Патрисия задержалась со мной на кухне, но сама не готовила, а только смотрела на повара, который тяжело топал и потел в жаркой, вонючей духоте. Она сказала, что я могу помочь ему. Думала, это меня развеселит, я скорее привыкну и буду чувствовать себя как дома. Она подталкивала меня к повару, а я сердито хмурилась, потому что разве можно, нарезая сельдерей на маленькие подковки, почувствовать, что я снова с папой, с моими игрушками, с моей любимой кошкой? И вообще я даже не знала, что эту дурацкую траву можно варить, и когда повар вывалил ее в здоровенную кастрюлю с кипящей водой, очень удивилась: что это мы такое готовим? Он провел пальцами по моей руке, и у меня защипало кожу, как от кипятка.

— Это суп? — тоненько прозвенел мой голос в облаках пара.

Патрисия ласково рассмеялась. Прислонившись к стене, она смотрела на повара в клетчатых штанах и забавном колпаке.

— Тебе дадут пирога и овощей, — громко сказала она, не сводя глаз с повара.

Она стояла выгнувшись, откинув спину назад и выставив бедра. Нигде Патрисия не вела себя так, как в кухне. Как будто забывала, кто она такая, и становилась кем-то совсем другим.

— Пирог? — переспросила я. — Не вижу никакого пирога.

Повар захохотал, и лицо у него побагровело. Он хитро посмотрел на Патрисию, усы у него блестели, будто мокрые.

— Пирог-то в духовке, детка.

Он был низенький и толстый дядька, а пищал как девчонка.

— А можно мне посмотреть?

Я еще никогда не видела, как пекутся пироги. Повар поманил меня к духовке и, подхватив под мышки, поднял к стеклянной дверце. Я увидела отражение собственного лица на фоне румяной корочки. От сдобного духа у меня засосало под ложечкой. Завтрак был сто лет назад, а от пирога так потрясающе пахло.

— Вроде вкусно.

Я выскальзывала из рук повара. Все-таки девять лет, тяжелая уже. Подмышкам стало больно, и я начала крутиться, а повар подставил свою ручищу, чтоб я села верхом, как на велосипед.

— Ну вот, малышка, можешь посмотреть, как печется пирог. А потом я дам тебе мороженого, на закуску. Клубничного или ванильного?

Только он сказал «ванильного», не смог правильно выговорить.

— А почему там сидит птичка?

Мне это очень не понравилось. Не хотелось бы мне стать той птичкой и попасть в пекло, откуда не улетишь.

— Она не настоящая, а фарфоровая. Чтобы пар из пирога выходил. Как в стишке.

Повар подпер меня и второй ладонью, и я услышала стишок про птичек. Сидеть было неудобно, и хотелось, чтоб он поскорее спустил меня на пол. Когда он наконец дал мне сползти, я сообразила, что стишок Патрисия напевает. Прислонилась к стене и улыбается, такая веселая, такая симпатичная, и наблюдает за мной и за поваром. Странно это как-то было. И нехорошо.

— Папа говорит, что мое имя значит «маленькая птичка», — сообщила я повару, одергивая юбку. — Вы ведь не посадите меня в пирог?

Повар захохотал:

— Нет, дуреха! Но ты можешь быть моей маленькой птичкой. Моей секретной помощницей. — Он взял меня за руку и повел к высокой серебристой двери. Когда он ее открыл, клубы тумана окружили меня. — А вот и мороженое, — сказал он таким ласковым голосом, что я покрепче ухватилась за его руку.

— Если вдруг станет грустно, птичка Эва, приходи на кухню за вкусненьким.

Не помню, кто это сказал, Патрисия или повар, у них были почти одинаковые голоса. Но мне почему-то стало ужасно приятно, как будто секретничать с поваром было нельзя, а я секретничала и, значит, была совсем особенная. Он взял с меня обещание, что я никому не скажу про нашу с ним тайну.

Нина пробиралась между трейлерами к границам Инглстон-парка, не замечая ни мокрого мусора в переполненных баках, ни оскалившей зубы овчарки на привязи. Скользнули мимо сознания звук пощечины и женский визг, плач ребенка и громовые раскаты музыки.

«Мик. Мик Кеннеди», — твердила она про себя, шагая к главной дороге. Дождь все лил, скоро она промокла насквозь, но мысленно была еще там, в захламленном трейлере.

До автобусной остановки топать и топать, ну и пусть. За тот час, что она провела в обществе Мика, с ней произошли странные изменения. От него исходила внутренняя сила, какой она не встречала ни в одном мужчине. Она забыла о хаосе в его трейлере, а видела лишь ум и душу, которые хотелось узнать ближе.

До четверга целая вечность. Всего-навсего кружка пива в кабаке, но ведь он пригласил ее! А это значит, что она ему понравилась. Получается, в ее жизни все не так уж плохо. И подъем в шесть утра каждый божий день, и пробежки по покато́й лестничной площадке в общую ванную в надежде успеть прежде, чем соседи оккупируют ее на часы, — не такое уж тяжкое испытание. И бегать за кофе с булочками для всей съемочной группы, а не делать то, чему ее учили, то есть накладывать грим, на самом деле не означает, что она лишь прислуга. И счет в банке у нее не такой жалкий, как казалось вчера.

На горизонте Нининой жизни вставала заря надежды. Она больше не чувствовала себя совершенно одинокой, всеми покинутой, никому не нужной. Хотя, если честно, знакомиться с новым человеком было так же страшно, как переходить дорогу с завязанными глазами.

В итоге они не попали в пивную. Когда она пришла, Мик расхаживал взад-вперед по тротуару. Вообще-то Нина явилась чуть раньше, но он уже ждал: голова опущена, руки в карманах джинсов, с губ свисает сигарета. «Гляди, какой нетерпеливый», — подумала она и окликнула:

— Привет!

Оделась Нина просто, с легким оттенком богемности, решив, что Мику должна понравиться летящая юбка и кофточка в цветочек. Чистая женственность, ничего кроме, однако не слишком ли по-детски? И перед выходом она накинула на плечи шаль.

— Нина! — Мик затоптал сигарету. — Какая ты красивая! — Он чмокнул ее в обе щеки, и Нина с удовольствием вдохнула запах крепкого табака. — А давай не пойдём туда? — Мик мотнул головой на дверь. — Терпеть не могу кабаков.

Нина рассмеялась:

— И что будем делать?

Мик пожевал губами. Похоже, он не брился, но не беда. Судя по лицу и растрепанной вьющейся шевелюре, он ночь напролет работал. Даже уставший, он был полон жизненных сил, источал энергию, от которой у Нины по коже пробежал холодок.

— Я знаю одно место. Только сначала надо кое-чем запастись.

С лукавой ухмылкой он направился через дорогу к небольшому магазинчику. Нина двинулась за ним.

На кассе к хлебу, сыру, оливкам и вину Мик добавил сигареты и переложил покупки из корзины в огромную холщовую сумку, которая висела у него за спиной.

— Пошли. — Он взял Нину за руку и повел к автобусной остановке. — Машины у меня

нет. — И та же озорная усмешка осветила его лицо.

Когда выехали из Бристоля, Мик объявил, что они направляются в Даунс.

— Мое любимое место. Вид на ущелье — просто умереть!

— Никогда не была, — откликнулась Нина. — Я сюда недавно приехала.

— Ты у нас девчурка северная, — сказал Мик с глупейшим акцентом.

Нина покраснела, замялась.

— Я... училась в школе на севере.

— Но родом ты не оттуда?

Мик отклонил голову, и Нине в глаза ударили лучи заходящего солнца. Она никак не находила ответа.

— Оттуда. Почти.

Мик расхохотался.

— Или оттуда, или не оттуда. Ты где родилась?

— Не знаю.

Ей уже приходилось пользоваться этим приемом. Как правило, подобное заявление вызывало смех, после чего можно было поменять тему. Но Мик не засмеялся. Он нахмурился.

— Сирота? Тебя удочерили? — участливо спросил он.

— Мама умерла во время родов, а отца я никогда не знала, — тихо произнесла она и умолкла.

Мик медленно кивал, размышляя о том, какое ей выпало детство.

— Наша остановка. — Он подхватил сумку и повел Нину к выходу. Автобус укатил в клубах бензинового дыма, а они остались посреди бескрайнего лесопарка.

— Какая красота! — восхитилась Нина. — А я и не знала.

— Пошли, я покажу тебе вид, который ты запомнишь на всю жизнь.

Мик широким шагом пустился по тропинке, Нина поспешила следом, пожалев, что надела босоножки, а не что-нибудь посолиднее. Но трава щекотала пальцы, как ворс теплого ковра, лучи вечернего солнца ложились на плечи еще одной шалью. Убежавший вперед Мик обернулся, поджидая запыхавшуюся Нину. Она смеялась и, приподняв подол, насилу передвигая ноги, карабкалась вверх по склону. Высоко они забрались.

— Оглянись, — сказал Мик.

Нина остановилась, от усталости шумело в голове. Глазам открылось неожиданное и захватывающее зрелище: ущелье, края которого стягивал мост, противоречащий всем законам физики. Нина ахнула:

— С ума сойти! Потрясающе!

— Перед вами Клифтонский подвесной мост, — тоном экскурсовода начал Мик. — Спроектирован Изамбардом Кингдомом Брюнелем, в эксплуатацию введен в 1864 году, через пять лет после смерти автора.

— Подумать только, а я и понятия не имела про это место!

— Ты не поверишь, что иногда может быть прямо у тебя перед глазами. Достаточно только открыть их.

Мик стоял у нее за спиной, на расстоянии одного теплого вздоха. Нина пожалала плечами: непонятно, что он имеет в виду, но в этом-то все и дело. Мик выдавал поразительные вещи и постоянно удивлял ее; он вдруг открыл перед ней будущее, о котором она прежде, до встречи с ним, и мечтать не смела. Как за такое короткое время можно

сблизиться с человеком, словно знал его всю жизнь?

Несколько минут они молча наслаждались видом. «Как здорово, что попали сюда, а не в пивную», — думала Нина. В ущелье под ними мутными извилами катился Эйвон. Нина представила, как ползут, наталкиваясь друг на друга, глыбы ледника, прогрызая себе дорогу в древнем известняке.

— Сотни миллионов лет, — задумчиво проговорила она. — Я читала об этом.

— Да? — Мик подвинулся еще ближе. Его подбородок оказался над правым плечом Нины.

— А мы принимаем как должное. Сооружение такого моста — ничто в сравнении с мастерством природы, создавшей это ущелье.

— Расскажи об этом Изамбарду и его команде. — Мик опустил на колкую траву. — Во время строительства погибли несколько человек. А нам, по-моему, пора подзаправиться.

— Ты много знаешь про мост. — Нина опустилась рядышком на траву.

— Эх, стаканы забыл! Давай, ты первая. — Мик перочинным ножом откупорил бутылку и протянул Нине. — Я учился на инженера, мы это проходили. Кроме того, я вообще люблю занятные факты. Например, в самом конце девятнадцатого века, еще во времена королевы Виктории, одна женщина прыгнула с моста и осталась жива. Поверишь ли, спасла длинная юбка!

Нина пригубила вина.

— Невероятно! А я думала, ты учился на художника.

Мик покачал головой. Нина передала ему бутылку.

— Отец хотел, чтоб я пошел по его стопам и стал инженером-строителем. А иначе отказывался мне помогать. — Мик надолго припал к бутылке, утер ладонью рот. — По правде говоря, я никогда особых надежд не подавал, так что перспектива еще несколько лет пожить на родительские денежки меня вполне устраивала, даже если для этого приходилось изучать ненавистные предметы.

Откровенность Мика, подробности его прошлого вызвали в душе у Нины странное ощущение — нечто среднее между стыдом и завистью. И еще растущее желание кому-нибудь открыться.

— И ты всегда рисовал?

— К великому папиному неудовольствию. Он говорил, что это занятие для недоучек. И знаешь что? Он был прав! — Мик с хохотом развернул сыр, поломал на куски хлеб. — *Bon appetit*. — Не сводя с Нины глаз, он запустил зубы в краюху хлеба.

— Но у тебя великолепные картины. Много покупают?

— Почти ничего. Выражение «голодный художник» не на пустом месте родилось. Я подрабатываю по мелочам: колю дрова, разношу газеты, в барах посуду мою. Ничем не брезгую, лишь бы на хлеб хватало.

— Держу пари, отец не устает тебя корить. Учитывая, что он твою учебу на инженера оплачивал. — Нина тоже откусила хлеб, слизнула с губ крошки.

— Некому корить. Он умер.

И тотчас связь между ними окрепла. В ответ на его слова в сердце Нины родилось теплое чувство, которое подхватило их обоих и понесло дальше — к любви, к женитьбе, к семье. В будущее.

Они сидели на пестрой траве, пили вино из горлышка, отламывали ломти хлеба и сыра; колени ненароком задевали колени, пальцы касались пальцев, передавая бутылку,

сплетались мысли по мере того, как они больше узнавали друг о друге, — Мик не таясь сыпал историями из своего прошлого, Нина же рассказывала о себе опасливо, словно укладывала яйца в корзинку.

— У тебя такой вид, будто ты привидение увидела. — От Мика пахло краской и скипидаром. Он вытирал руки тряпкой в пятнах масла — только что вернулся из мастерской. — Что с тобой?

Нина сжала телефон до боли в пальцах. *Булочная «Клер»*. Это должен был быть «прямой провод», «кнопка выброса», «страховочная сетка».

— Ничего, все в порядке. — Голос прозвенел натянутой струной.

Жестокая правда в том, что минуло двадцать лет. Люди переезжают, умирают, переходят на другую работу. Да и телефонные номера уже не раз поменялись с тех пор, как давным-давно ей дали этот номер. А она-то как последняя дура таскала его повсюду, словно спасательный жилет, которым всегда может воспользоваться. Если брала другую сумку, первым делом перекладывала записную книжку. Сам по себе номер был не столь существен — спокойствие давало то, что он собой олицетворял.

— Ты кому звонила? — Мик налил в чайник воды. — Умираю хочу кофе! У меня сегодня с утра не ладится. А теперь еще и белая краска вся вышла, придется в художественный салон ехать.

— Нет!

Ни за что она сейчас не останется без его поддержки.

— Но мне необходима белая краска.

— А через Интернет нельзя заказать? — Засовывая книжку обратно в сумку, она отметила, что руки дрожат.

— Доставят дня через два, не раньше, а мне надо закончить работу. — Мик засыпал в кружку кофейные гранулы. — Дело наконец-то пошло, я не могу все запороть.

Он определенно доволен новым контрактом. Однако у этой медали была обратная сторона, и Нина ее прекрасно видела.

— Пожалуйста... я тебя прошу, не уезжай! Или давай все вместе. Джози придет — где-нибудь пообедаем. — Она обвила пальцами его запястье. — Пожалуйста!

— Какая муха тебя укусила? Я думал, у тебя сегодня куча писанины, и Джози что за радость таскаться за нами, она захочет пойти к подружкам.

— Ты не понимаешь. — Кровь отхлынула от лица, Нина была на грани обморока. — Не хочу я сегодня оставаться одна!

Время вдруг повернуло вспять — они снова сидели там, на траве, и вечернее солнце кутало их плечи. На повороте ущелья тень от моста тонкими чертежными линиями ложилась на мутную воду далеко внизу, и теплый сыр таял у них во рту. Ни мысли, ни намека на мысль о Джози. Занимал Нину только один вопрос: поцелует ли ее Мик при расставании.

Все было так просто, так неизведанно, и они — первооткрыватели. За несколько следующих недель они стали по-настоящему близкими людьми, на что Нина и надеяться не могла. Он и она: умный, загадочный, порой мрачноватый, гениальный художник и молоденькая, наивная и не всегда уверенная в себе примерша.

Как давно это было, целую жизнь тому назад.

— Ты и не заметишь, как я вернусь, еще пару часов поработаю, а потом... Знаешь что? Пообедаем вдвоем, на природе. Хлеб, сыр, вино...

Мик обнял Нину, прижал ее лицо к своей груди. Оба понимали, что он имеет в виду, как символична эта простая трапеза.

— Я туда и обратно, а ты пока дозванивайся, куда хотела. — Забыв про свой кофе, он уже тянулся за ключами от машины. — Двадцать минут — и я дома.

Если бы двадцать минут... Нередко Мик, забыв обо всем, пропадал в салоне часами — болтал с хозяином, не спеша, со вкусом выбирал кисти, пробовал на ощупь холсты, перебирал разные сорта бумаги и угольных карандашей, огрызки и обломки которых валялись потом по всей мастерской.

— Ладно, — неохотно сдалась Нина. Дальше настаивать было невозможно, и без того выставила себя истеричкой. — Только не задерживайся, пожалуйста.

Ничего не случится, пока Мика не будет. Надо только запереться на все замки и прикинуть, как связаться с единственным человеком на свете, который может дать дельный совет.

Мик выехал со двора. В считанные секунды дверь была заперта, окна закрыты, оконные запоры проверены и перепроверены. Сегодня никто больше не вломится.

Девочка обнажена. Лунный свет омывает юную кожу, окутывает покровом невинности и все же высвечивает каждый сантиметр ее тела. Тугие мышцы, мягкие холмики груди, тонкие и длинные руки и ноги, паутина струящихся по спине волос — мне видно все. Она танцует там, под деревом, под сенью его ветвей. Танцует не останавливаясь, словно так и будет вечно танцевать. Для него.

Я шла за ними. Какой-то звук разбудил меня. Была глубокая ночь, я подняла голову, живо села в кровати и сразу почувствовала: это она снова идет ко мне, крадется на цыпочках по коридору, вот сейчас постучит в дверь, бросится на одеяло, разрыдается, выскажет все, что у нее на душе. После той ночи, когда она вытащила меня из ванны, Кэти Фенуик еще несколько раз приходила ко мне. Имен, однако, не называла. С девочкой определенно было неладно, и мысли о ней отвлекали меня от собственных невзгод.

— *Стой!* — Приглушенная команда за дверью остановила девочку.

— Кто здесь? — испуганно взвизгнула Кэти. Кто-то проследил за ней.

Я выбралась из кровати и, прижав ухо к двери, услышала два голоса, один — Кэти, другой — мужской. Я застыла. Сейчас даже вдох выдал бы мое присутствие.

— Оставьте меня в покое. — Девичий голос был глух от слез.

— Кэти, это просто смешно, — сказал мужчина. — Давай поговорим.

Ее ответный вскрик прозвучал как стон попавшего в ловушку животного, которому уже не убежать от хищника. Опять слова, которых я не разобрала, плач, приглушенные звуки, скрип половиц под ногами, удаляющийся шепот. И все стихло.

Я схватила халат, сунула ноги в тапочки, отперла дверь и глянула на часы: двадцать пять минут четвертого. «Мне не спалось», «захотелось пить», «я услышала чьи-то голоса» — в голове крутились разные предлоги на случай, если застукают.

Что вело меня — запах страсти? Что направило мои шаги в цокольный этаж — следы, оставленные похотью, шлейф запретной любви? Двери нараспашку, обрывки слов... Я выскользнула из подвала. Потянуло свежим ночным воздухом, промытым, готовым к началу нового дня. Небрежно оставленная открытой дверь на улицу указывала, куда они пошли. Поплотнее запахнув халат, я нырнула в низкую готическую арку, выбралась по ступенькам наружу и успела заметить пару, тут же скрывшуюся за кустами.

Когда я вышла на опушку сосновой рощицы, когда, прислонившись к стволу, перевела дух, когда глаза привыкли к темноте, я увидела наготу Кэти и разглядела ее спутника. Опухшие темные глаза, остановившийся взгляд: Эдам Кингсли.

Кэти медленно кружится в танце, слезы льются по ее лицу.

— Вы этого хотели от меня?

Я зажимаю ладонью рот, сердце отбивает миллион безумных ударов в минуту. *Этого не может быть!* К горлу подступает то ли крик, то ли тошнота. Согнувшись пополам, я отступаю. «Ночь, темнота, — гудит у меня в голове. — И в ночном лесу плачет обнаженная девочка».

— Нет, Кэти. Ты не понимаешь.

Голоса Эдама не узнать, обстоятельства его преобразили. Непростые обстоятельства — ученица исполняет для своего учителя эротический танец в лунном свете. Эдам медленно вынимает руки из карманов куртки. Я смотрю не дыша, сердце отбивает собственный танец;

я смотрю, как он начинает раздеваться.

Кэти протягивает к нему руки, всей своей юностью старается привлечь к себе. Непонятно, кто кого соблазняет. Я хватаюсь за шершавый ствол и, скорчившись в колючих зарослях, всматриваюсь в сплетение веток.

— О, Эдам, — вздыхает она, и слезы высыхают.

Обольстительная, нежная Кэти — истинное пиршество для глаз Эдама, который явно не знает, что ему делать. Ее ноги скрещены с напускной скромностью, острые плечики откинута назад, и лунный свет белыми мазками ложится на ее кожу.

Эдам освободился от куртки. Я жду, что сейчас он начнет расстегивать рубашку, но нет — он приближается к Кэти, выставив перед собой куртку. Так матадор раскидывает свой плащ перед быком.

— Кэти... — бормочет Эдам.

Он охотник, а Кэти олененок. Хвойные иголки колют мне ноги.

— Мистер Кингсли!

«Мистер Кингсли». У нее с языка срывается не имя — фамилия учителя. Она уклоняется от куртки, трясет головой и приближается к нему сзади. Эдам круто оборачивается:

— Надень.

Я бы убежала, но нет возможности: одно мое движение — и в игре будет трое игроков. Кэти вплотную придвигается к учителю, прижимается губами к его губам и дарит ему поцелуй, который он не сможет забыть.

Я отворачиваюсь, не в силах смотреть. Зря я пошла за ними, это было ошибкой, но я должна была убедиться, что Кэти ничего не угрожает. Я не знала, что Эдам — тот, кто не дает ей проходу; понятия не имела, что у него на уме. А сейчас у меня ни малейшего представления о том, что же делать. И ведь проходила все это, казалось бы, должна была научиться уму-разуму.

— Прекрати! Бога ради, Кэти, накинь куртку и пойдем в дом.

Эдам очнулся от столбняка, в который вогнала его Кэти, отпрянул, вырвался из девичьих сетей и вновь принадлежит сам себе.

Мгновение — и черная куртка накинута Кэти на плечи. Прикрыв девочку, Эдам отыскивает на земле прозрачную ночную сорочку и протягивает Кэти.

— Вы же этого хотели, мистер Кингсли! — Кэти снова ребенок.

Эдам берет ее за плечи, такие хрупкие под широкой курткой, и легонько встряхивает.

— Нет, Кэти, я совсем этого не хотел! И пора прекратить весь этот вздор. — Он тяжело дышит, лоб блестит от испарины.

— Я думала, вы меня любите, — шепчет Кэти. Потeki туши исчертили ее лицо, губы приоткрыты. — Поцелуйте меня. — Она делает к нему шаг, встает на цыпочки, тянется к его лицу.

Эдам останавливает ее — кладет ладони на плечи и осторожно отстраняет.

— Кэти, нет, — твердо говорит он. — Довольно. Я твой учитель, и больше ничего. — Слова летят в Кэти, эхом скачут среди деревьев.

— Нет! — истерично кричит она и рвет с себя куртку, заливаясь диким хохотом.

— Ты не в себе. Тебе надо успокоиться и вернуться назад. — Эдам поднимает куртку и снова пытается завернуть в нее девочку.

Как бы не так.

— Вы хотите меня... вы приходили за мной в спальню... а на уроках вы всегда заигрываете со мной... хватаете при каждой встрече... у вас руки так и чешутся потрогать меня... — Кэти, дрожа всем телом, бормочет свои обличительные речи, пока Эдам, закрыв ей рукой рот, не заставляет замолчать.

— Ты все это придумала, Кэти. Ты увлеклась, потеряла голову, и все вышло из-под контроля. Когда ты сегодня пришла ко мне, я решил, что мы поговорим и уладим это дело раз и навсегда. А ты побежала к мисс Джерард, угрожая, что все ей расскажешь... — Эдам отворачивается. — Это несправедливо по отношению ко мне, Кэти. — Он убирает ладонь с ее рта. — Я не сделал ничего плохого.

Несколько секунд она потрясенно молчит, а потом снова в крик:

— Ненавижу! Все про вас расскажу! — Неожиданно Кэти вскидывает руку и хлестко бьет Эдама по лицу. На щеке остаются две глубокие царапины, как от когтей. Эдам отшатывается и смотрит в спину убегающей к школе Кэти. Все закончилось.

Я не двигаюсь. Вижу грусть, отчаяние, с которыми Эдам делает шаг, другой вслед за Кэти, оставившей после себя опустошение. Лишь когда он скрывается из виду, я, досчитав на всякий случай до ста, выбираюсь из зарослей и, придерживаясь тени, возвращаюсь к себе. Не сомкнув глаз до утра, гадаю — кому рассказать?

— Мик? Ты уже дома? — крикнула Нина. Никто не отозвался. — Джози, это ты? — Она совершенно отчетливо слышала, как кто-то возится с входной дверью.

Нина вышла в коридор и напрягла слух, затаив дыхание. Звуки были громкие и четкие — дверь хорошенько потянули, подергали за ручку. Она прекрасно знает голоса своего дома.

— Мик? — снова окликнула она.

Ни знакомого щелчка дверного замка, ни позвякивания ключей, брошенных на столик в прихожей, ни громогласного: «Я дома!»

— Джози! — шепотом крикнула она наверх. — Ты меня слышишь?

С ее места не было видно маленького окошка во входной двери. Может, это Лора заглядывает внутрь? Лора, впрочем, позвонила бы в дверь или попробовала зайти с черного хода. И вообще, подруга сейчас на работе.

— Ты что, мам? — Наверху нетерпеливо топталась Джози, удивленная странным маминым поведением и ее испуганным видом.

— Оставайся там, — свистящим шепотом приказала Нина. — Иди к себе.

— А зачем тогда звала?! — Весь дом содрогнулся: Джози захлопнула свою дверь.

Снова возня снаружи. Почему бы просто не позвонить? Нина отважилась выглянуть из окна — на крыльце никого, но за углом, кажется, мелькнула тень. Во рту у нее моментально пересохло; трясущимися руками Нина потянулась к мобильному телефону и, сжав зубы, набрала номер. Безопасность Джози превыше всего.

Когда на том конце подняли трубку, у нее свело живот. Сколько она молилась, чтобы ей никогда не пришлось этого делать...

— Полицию, пожалуйста.

Нина сухо изложила детали случившегося, стараясь оставаться спокойной, но всей душой желая поскорее со всем этим покончить. Попросила поторопиться, чтобы до возвращения Мика полицейские успели уехать. На объяснения с мужем ушло бы полжизни, это было выше ее сил. Скорее бы услышать полицейскую сирену, может, ее завывания спугнули бы того, кто рыщет вокруг ее дома. Бог даст, этого будет достаточно. О том, что последует дальше, Нина не имела ни малейшего понятия.

Даунс они покидали в припадке нетерпения и страсти. У Нины кружилась голова от прощального тепла солнца, от вина, которое они пили, но главным образом — от Мика. От пьянящей смеси мужественности и творческого начала. Во время пикника она открыла в себе чувства, о которых даже не подозревала. Там, откуда она явилась, страсть, вызванная любовью, просто не существовала.

Когда они, спотыкаясь, бежали вниз, к дороге, Нина вдруг поняла, что хочет Мика больше всего на свете. Так сильно, как еще ничего не хотела. Желание сидело в ней бутоном, который годами рос, рос, а раскрыться не мог. Мик — решение всех ее проблем, он заполнит пустоту, с ним ее жизнь обретет цель и смысл. Они станут лучшими друзьями, любовниками, когда-нибудь поженятся.

— Ко мне? — спросил Мик, когда они сели в первый же автобус.

Ни он ни она не знали, подходит ли им этот номер и поедет ли прямиком в город. Их это не заботило. Потому что не было нужды входить рука об руку в заваленный трейлер

Мика, не было нужды раздеваться, забыв задернуть шторы, и падать с ослабевшими коленями на матрас. Сплести тела, не различая, где чья кожа, не думая о том, где уже были или не были губы, — не важно. И секундное молчание, абсолютное, шаткое, когда два незнакомца становятся одним целым, — не важно. Обоим было куда дороже просто сидеть рядом в автобусе, жадным воображением впитывая будущее, ощущая его покалывание в кончиках пальцев.

Сельские виды сменились предместьем, за окнами побежали городские улицы. Нина без улыбки кивнула:

— К тебе.

Они почти не разговаривали. На какой-то остановке вышли, как во сне пересели на другой автобус, поехали в противоположный конец города. Каждая жилка в Нине дрожала. В молчании они быстро шли к Инглстон-парку, с каждым шагом приближаясь к тому, что рисовалось в воображении. Мик отпер трейлер, их встретили запахи мастерской и неприбранного жилья. Они не заметили, им было не до того. Оба знали, как и что сейчас произойдет.

Нина ушла через три дня. Позвонила на работу и сказала больно. И кроме этих почти никаких других слов не было произнесено за время, что они провели вместе. Плакали запотевшие окна, обвивались простыни вокруг тел, сыпались на пол краски и грязные плоски. Они ели консервы прямо из банок, пили джин, воду, чай и вино. Спали и просто лежали в объятиях друг друга. Словно были знакомы целую вечность, словно когда-то уже любили друг друга, и все же каждый их совместный полет в небеса становился чем-то небывалым, исполненным наивности и опыта. Она не могла насытиться, чем дольше они были вместе, тем сильнее она его хотела.

Когда Нина наконец собралась уходить, уверенности, что они еще встретятся, не было.

— До свидания, — торжественно сказал Мик. Он стоял в дверях трейлера с обмотанным вокруг бедер полотенцем. Желание в его глазах говорило, что свидание это не за горами.

— Пока, — откликнулась Нина, опустив голову и не оборачиваясь. Волосы бессильными прядями свисали ей на лицо. После того, что они узнали друг про друга, слова казались лишними.

Нина перекинула сумку через плечо и, шаркая ногами по пыли, зашагала к автобусной остановке. Улыбка не сходила с ее лица, счастье струилось по венам теплым медом. Впервые в жизни ей казалось, что она не убегает, а бежит навстречу.

Заслышав вой приближающейся сирены, Нина разом почувствовала дурноту и облегчение. Она могла поклясться, что кто-то дергал за ручку теперь уже задней двери. А что, если Мик вернется, как раз когда она будет объясняться с полицией? Что, если они приедут за показаниями еще раз? А вдруг арестуют кого-нибудь на крыльце — кого она *знает* — и Мик увидит? Все это промелькнуло в голове у Нины, пока она, застыв в неудобной позе за дверью, дожидалась, когда наконец можно будет выйти.

Сирена взвыла совсем рядом и резко оборвалась, затем стук в дверь и шквал звонков. В дом рвался не взломщик, а полиция.

— Мам, кто это? Что вообще происходит? — Сверху скатилась Джози.

Нина отодвинула засовы и, заглянув в волнистое стекло окошечка, сняла цепочку.

— Ты в порядке, мам? — Джози заметила бледное мамино лицо и бескровные губы.

— Я разберусь, Джози. Иди к себе, — тихо, но твердо сказала Нина, и Джози по ее тону

поняла, что лучше не пререкаться.

Сделав глубокий вдох, Нина открыла дверь.

— Миссис Кеннеди? — обратился к ней полицейский. — От вас поступил сигнал тревоги. В доме кому-нибудь угрожает непосредственная опасность? — Он был официален, действовал согласно инструкции, и Нина сразу почувствовала себя в безопасности, но и тревожно тоже.

— Не знаю, — прошептала она, опустив голову. — Не уверена. Входите. — Адреналин, который держал в напряжении душу и тело, иссяк, стоило полицейским — мужчине и женщине — переступить порог ее дома.

— Я сержант Нейлор, а это констебль Шелли. Насколько я понял, к вам в дом проник злоумышленник. — Оба протиснулись мимо Нины и, присматриваясь к обстановке, прошли в гостиную.

Нина снова закрыла дверь на засов, но сначала бросила взгляд в оба конца улицы. Ни души. Только женщина катит коляску, следом трусит собака.

— По-моему, кто-то пытался к нам влезть. — Нина присоединилась к полицейским в гостиной. — Я боюсь, что кто-то... — Как ни скажи, прозвучит по-идиотски. — Кажется, кто-то хочет мне напасть. Возможно, даже напасть на меня. — Нине стало нехорошо, и она опустилась на диван.

Констебль присела рядом.

— Сержант Нейлор осмотрится и проверит, все ли в доме в порядке. — Она повернулась к напарнику, тот кивнул, с трудом скрывая недоверие, и, отойдя в сторонку, вызвал по рации участок. Нина разобрала: «Скорее всего, ложная тревога».

— Нет, нет! Вы не понимаете! — Она вскочила и тут же снова села: комната пошла кругом. — Дело в том, что... — Нина вздохнула, взяла себя в руки. — Это долгая история.

На большее ее не хватило.

— Может, чашечку чая? Если вам не по себе, сладкий чай как раз то, что надо. — Шелли с улыбкой ждала ответа.

Нина сидела бледная, с пустыми глазами, блуждая мыслями где-то далеко. Она покачала головой: не нужно ей никакого чая.

— Со мной все в порядке. — Нина изо всех сил старалась оставаться спокойной. — Просто пройдите, пожалуйста, по дому и все проверьте. — Она закрыла лицо руками, но тут же отбросила жалость к себе. — Утром в доме были чужие. Они украли одежду моей дочери.

Полицейские обменялись быстрыми взглядами — наконец-то поверили.

— А где сейчас ваша дочь?

— Я здесь, — раздался голос Джози. — И я не догоняю, как кто-то мог стащить мои шмотки. Я ведь все время была дома. Да ты, мам, сама сунула их в стирку и забыла.

— Вы видели кого-нибудь в доме? Или слышали? — спросила Шелли.

Джози решительно мотнула головой:

— Не-а. Я только папу видела, но он был в мастерской.

— Еще что-нибудь пропало? — Сержант вернул рацию на место.

Джози дернула плечом, глянула на мать.

— Да нет.

Нина на мгновение зажмурилась и выпалила:

— На днях кто-то врезался в мою машину. По-моему, нарочно. — Она запнулась. — Я не собиралась сообщать, но после сегодняшнего...

Шелли повернулась к Джози:

— А не мог кто-то из твоих друзей нашкодить, милая?

Джози хмыкнула, уставилась на мать.

— Почему я знаю. Может быть. Мам, ты чего сочиняешь про машину? Папа сказал, ты въехала в фонарь, когда парковалась.

Полицейские переглянулись.

— Автомобиль поврежден, миссис Кеннеди? — Сержант Нейлор бросил взгляд в окно на сад и мастерскую, подергал ручку стеклянной двери, та не поддавалась.

— Да, есть вмятина и краска осталась. Хотите посмотреть? — Нина повела было полицейских к машине, но остановилась, ухватившись за дверной косяк.

— Мам! — бросилась к ней Джози. — Что с тобой?

Констебль Шелли придержала Нину под руку.

— Тихонечко, миссис Кеннеди, тихонечко. На вас лица нет.

— Вот. — Нина ткнула в заднее крыло машины. — Я выезжала от подруги, а немного подальше, на улице, стояла какая-то машина, и водитель просто въехал в меня.

— Вы запомнили номер, цвет, марку машины?

— Да. Темно-зеленая, металлик. Видите след?

А в номере была пятерка и, кажется, семерка и буква «М». Похоже на «ровер» или «ягуар».

— Маловато, миссис Кеннеди, — покачал головой сержант, без особого энтузиазма проведя пальцем по вмятине. — Со своей страховой компанией связались? Почему не вызвали полицию, когда это произошло?

Нина закусила губу.

— Потому что... не захотела.

— Пойдемте-ка в дом, милая. — Констебль Шелли была дружелюбна, спокойна и тактична.

Ей уже приходилось иметь дело с подобными женщинами. Когда вызывают на такие безобидные случаи, хоть дух переведешь. Утро сегодня выдалось кошмарное, зато теперь можно будет заскочить куда-нибудь на пару минут, перекусить, а там уж и в участок.

— Послушайте... — Нина проглотила слезы, — кто-то пытался забраться в дом. Одежду моей дочери украли...

— Нет, все-таки без чашечки чая, как я погляжу, нам не обойтись. — С ласковыми увещаниями Шелли привела Нину в гостиную, убедила Джози сделать маме чайку, а сама записала подробности. Под конец поинтересовалась: — У вас есть какие-то соображения, кто бы это мог вам досаждать?

— Пожалуй, есть... — К собственному удивлению, Нина ответила не задумываясь.

Констебль Шелли облегченно вздохнула: хоть что-то. Сделав еще несколько пометок, она остановила на Нине выжидающий взгляд.

— Но я не могу вам сказать.

Направлявшаяся к ней с чашкой в руках Джози встала как вкопанная.

— Не тупи, мам! Если знаешь, кто это, ты должна им сказать. — Джози стукнула чашкой об стол. — Странная ты какая-то...

Шелли переводила взгляд с матери на дочь. И как это все понимать? Кто их разберет. Домашние неурядицы, надо думать. Небось разъезд или развод с буйным мужем. Или на сцене появилась замена супругу. Вполне возможно, виноват мамашин бывший, а может,

дочка и новенький не ладят. Констебль всякое повидала и уже ничему не удивлялась.

— Не очень-то это хорошо, миссис Кеннеди. Если вам известно, кто вам пакостит, а вы нам не скажете, мы ничего не сможем сделать. — Она внимательно следила за Ниной реакцией.

— Вы не понимаете, не можете понять! Но прошу вас, поверьте, мне нужна ваша помощь. Вы не снимите отпечатки с входной двери?

— Миссис Кеннеди, судя по всему, никакого преступления не было. Признаков взлома нет, а повреждения на вашей машине вполне могли быть вызваны тем, что вы сами врезались во что-то. Вызывать к вам команду криминалистов для снятия отпечатков пальцев я считаю нецелесообразным использованием сил полиции. — Сержант Нейлор убрал блокнот.

Нина скрипнула зубами.

— Джози, позволь мне минутку поговорить с полицейскими наедине.

— Миссис Кеннеди...

— Пожалуйста! — Нина и сама слышала, с каким надрывом звучит ее голос. Ухватившись за спинку дивана, она понизила тон: — Вы должны всерьез воспринимать мои слова.

— Если бы вы сказали, почему кому-то нужно вламываться к вам в дом или угрожать, я смог бы принять решение о необходимости дальнейших действий. А так... На данный момент мы ничего не можем сделать. — Сержант Нейлор сложил руки на груди и покачался с пятки на носок.

Вот чурбан, подумала Нина. Наверняка из тех, кто симпатизирует мужу, отколотившему жену, поскольку считает, что баба сама напросилась.

— Я не могу сказать. — Нина опустила голову. Она хорошо помнила его слова: «Не доверяй никому!» — Простите.

— В таком случае, миссис Кеннеди, поскольку ваша собственность не похищена и все в доме находятся в безопасности... — Нейлор огляделся, ища подтверждение своему заявлению, — а вам непосредственно ничто не угрожает, мы уходим.

У Нины внутри все похолодело. Уходят! Бросают их с Джози одних. В отчаянии она нашарила листок бумаги, ручку и нацарапала свой номер. Протянула констеблю Шелли, не сержанту.

— Если вдруг передумаете и все-таки решите мне помочь, позвоните, — прошептала она умоляюще. — Пожалуйста!

Та медленно кивнула — проблеск сочувствия и женского единства? — и поспешила за своим напарником.

— В случае необходимости вы знаете, где нас искать. — Полицейские стояли на крыльце. — Только сначала убедитесь, что у вас и впрямь есть повод, ладно? — Сержант хохотнул и вышел, констебль Шелли за ним. Напоследок еще раз глянув на Нину, она сунула записку в карман.

Нина заперла дверь. Дом молчал. Она прислонилась к стене, прижалась затылком и ладонями к холодной шпукатурке. Никогда ей не было так одиноко в собственном доме.

В одно воскресенье я сидела на своем каменном подоконнике и мечтала, что вот сейчас покажется папина машина и грязно-серая картинка зимы сразу повеселеет. Ледяной холод старинного здания заползал прямо в кости, и я сама почти окаменела. Все остальные — безымянные воспитатели и дети, которых я как следует не знала, — носились туда-сюда по всяким утренним делам, а я сидела и ждала, ждала, не сводя глаз с ленточки дороги, убегавшей в сторону леса. И от скуки водила пальцем по стеклу вдоль змеистых следов, которые оставляли капельки на запотевшем стекле.

— Никак, мух ловишь?

От ехидного голоса у меня побежали мурашки по спине. Она! Эта женщина появлялась вроде как ниоткуда, из шкафов или из стен; она была сразу везде. Дети говорили, что она — глаза и уши других воспитателей, шпионит за нами и только и ждет, чтоб мы сделали что-нибудь не так. Кто-то сказал, что это она приходит по ночам. Я до жути боялась ее тугонатуго стянутых черных волос, от которых длинное лицо казалось очень белым и мертвым.

Вдруг поверив во все ужасы, которые слышала от детей, я безмолвно смотрела на нее. Потом выдавила:

— Я жду папу.

Она ушла, а ее издевательский хохот еще долго висел в воздухе.

Папа все-таки приехал. Я знала, что приедет! Мне стало тепло, словно огонек вспыхнул внутри, так пламя бежит по газете и по щепкам, когда мы зажигаем камин. В десять минут четвертого, когда я прождала почти пять часов, папина машина проехала по дорожке и остановилась у главного входа. Он вылез из машины с широченной улыбкой, наверное, у него было хорошее настроение, потому что он прокатился. Папа души не чаял в своей машине, всех уверял, что его «форд гранادا» 73-го года прочный как танк, и всегда оглядывался, оставляя машину на стоянке. По-моему, он воображал, что подъехал к шикарному отелю или к особняку какого-нибудь лорда. Такой у меня был папа. Всегда кого-то из себя разыгрывал, всегда хотел показаться лучше, чем был на самом деле. Я бросилась к нему навстречу.

— Привет, малышка! — пророкотал он, а я повисла, обхватив его за пояс.

Он взъерошил мне волосы, жалея, наверное, что я не мальчик. Тогда мы бы с ним могли пойти на футбол или вместе драили бы «гранадку».

Однажды он сказал, что я напоминаю ему маму, а потом ужасно разозлился на меня из-за того, что она умерла. «У тебя такая же светлая кожа и глаза как миндалины», — сказал папа и целую неделю со мной не разговаривал. Изо дня в день пил, пока не отключался. Соседка увидела, что я одна играю на улице, и меня забрали, чтобы за мной присматривал кто-то другой. Помню только пирожные. Какая-то добрая тетя кормила меня бисквитными пирожными, пока меня не затошнило. Она сказала, что будет помогать, пока папа не выздоровеет.

— Я тебя сто лет ждала! Где ты был? — Мне не хотелось, чтоб он видел, как мне плохо, но я не смогла удержаться.

Папа посмотрел на часы.

— Опоздал на часок или около того.

— На *три недели* опоздал!

Но папу ничем нельзя было пронять, он всегда делал что хотел и когда хотел.

— Ну, куда отправимся, принцесса? — От него странно пахло, кем-то чужим.

— В зоопарк? — с круглыми глазами спросила я.

И тут в холле, цокая каблучками по плиткам пола, появилась Патрисия, тонкая фигура изогнулась в сторону папы. Патрисия окинула его внимательным взглядом, глянула в окно на сверкающую красную «гранадугу». Он заметил ее восхищенный взгляд и выпятил грудь.

— Нет, не в зоопарк, — покачал головой папа и подошел к Патрисии. — Куда посоветуете отвезти повеселиться маленькую девочку? — Папа распахнул дубленку. Туго обтянутый рубашкой живот перевешивался через ремень, руки похлопывали по карманам.

— На такой машине — куда угодно. — Растянув губы в улыбке, Патрисия заправила за ухо выбившийся завиток.

— Хороша, верно? — Папа разгладил усы, в которых так часто застревали крошки. — Так где тут у вас можно погудеть стоящему парню?

Патрисия засмеялась и еще ближе придвинулась к папе. Мне это не понравилось.

— Я скоро заканчиваю, если хотите, могу показать здешние места.

Черная маечка плотно обхватывала ее талию и бедра, которыми она слегка покачивала. Папа смотрел во все глаза.

— А как же зоопарк?.. — начала было я, но папа отмахнулся, и я прикусила язык — знала, что будет, если настаивать.

В итоге мы с ним просто ходили по нашей территории. Папа извлек из необъятного кармана банку — гостинец, — и я тянула пепси, показывая ему норки-убежища, которые мы с ребятами устроили. Папа все поглядывал на часы.

— Она скоро освободится, — сказал он и стряхнул с дубленки упавшие листья. А потом подхватил меня на руки, и мы пошли назад к дому, который темнел за деревьями, как большущая старая тюрьма. — Стало быть, все путем? — проурчал папа мне в ухо, и крепкая шершавая ладонь сжала мои пальцы. — Здорово, что я тебя сюда пристроил. Весело тебе тут?

Я промолчала.

В холле я расцепила руки, которыми крепко-крепко обхватила папу за пояс, и смотрела, как мое место рядом с ним занимает Патрисия. Одну руку папа продел ей под локоток, а другой распахнул высокую дверь. Через плечо бросил мне «пока», и я услышала, как он спрашивает ее имя.

— Патрисия, — ответила она. — Патрисия Элдридж.

Я вскарабкалась на свой подоконник и проводила взглядом плавно отъехавшую «гранадугу». Папина рука вытянулась по спинке пассажирского сиденья. Я сидела и смотрела на тающий хвост выхлопных газов, а потом просто смотрела, пока день не сменился ночью. Теперь надо было снова ждать.

Прижав к груди пачку бумаг, в комнату входит мистер Палмер. Нас игнорирует, хотя мы ждем уже десять минут. Секретарша прибежала за нами и сообщила, что нас вызывает директор, ждет через полчаса у себя в кабинете. Мы с Эдамом стоим рядышком, точно пара нашкодивших малолеток. Ума не приложу, что бы это значило. Пока все молчат, оглядываю кабинет, и к горлу подкатывает тошнота.

Директор усаживается за стол, кое-что на нем переставляет, делает глоток из чашки и брезгливо морщится — остыло. Его суровые манеры внушают уважение, необходимое для управления школой. Стоит нарочитая тишина, хотя нос у него налился опасной краснотой и вены на тыльной стороне рук вздулись, словно карта дорог в никуда. Он все еще не замечает нас.

Я делаю вдох и, набравшись храбрости, даром что по непонятной причине боюсь его, заговариваю первой:

— Мистер Палмер, вы хотели нас видеть?

Директор поднимает глаза, по лицу пробегает тень.

— Да. Я надеюсь на вашу помощь, мисс Джерард. Дело очень деликатное. — Он сверлит Эдама взглядом, и я кожей чувствую напряжение между ними. — Мистер Кингсли, вы не просветите свою коллегу?

Бегут секунды, мне все тошнее: я догадываюсь, что за всем этим стоит.

Одновременно с протяжным выдохом Эдама разглаживаются морщинки в уголках его глаз и в складках у рта, расслабляются стиснутые челюсти, плечи мягко опускаются.

— Поступила жалоба, — ровным голосом начинает он. На лице никаких эмоций, смотрит прямо перед собой. — На меня жалоба. Одна из учениц утверждает, что у меня с ней... любовные отношения. — Он натужно сглатывает, видно, как дергается кадык. — Разумеется, это неправда. Вы на особом счету у девочек, они с вами откровенны, и мы с мистером Палмером подумали: быть может, у вас есть основания считать, что...

— Что она лжет! — Палмер берет инициативу в свои руки. — Дело нешуточное. Родители уже подключили своих адвокатов. — Пронзительный взгляд на Эдама: не иначе как полагает, что подчиненный не совсем без греха.

Включается Эдам, переводя глаза с меня на директора и обратно:

— Эта девочка — Кэти Фенуик — утверждает, что я... что мы... на протяжении долгого времени...

Я жестом освобождаю его от необходимости углубляться в подробности.

— Не надо больше ничего говорить... — Я снова там, прячусь в зарослях, не смея дышать, слежу за ними, вижу ее наготу. — Все понятно.

Испарина капельками выступает над верхней губой. В памяти всплывает бледная девичья кожа, сырая земля; ночной туман в лесу, приглушающий звук шагов.

— Я побеседую с некоторыми сотрудниками, попробую разобраться, — говорит Палмер. — Школьные юристы предложили, чтобы этот инцидент стал частью расследования, которое мы в любом случае обязаны провести. После чего я обязан составить отчет для совета попечителей. — Он тяжело вздыхает. — Хотя вы у нас в школе всего несколько недель, мисс Джерард, я буду весьма признателен, если вы изложите свои соображения касательно этой девочки. Любая мелочь, имеющая отношение к данному делу,

любое ее замечание о мистере Кингсли — все может оказаться бесполезным. — Шея мистера Палмера наливается кровью, пальцы нервно сжимают серебряную ручку.

— Разумеется. — На Эдама я не смотрю, хотя знаю, что тот не спускает с меня глаз, безмолвно умоляя о спасении. Больше не сказав ни слова, закусив губу, я поворачиваюсь к двери.

— Хоть что-нибудь! — слышу я восклицание Эдама и закрываю за собой дверь.

Мотор ревет и вырубается. Я делаю еще четыре попытки, на пятой мотор испускает предсмертный хрип. Автомеханик из меня никакой, но я открываю проржавевший капот и добросовестно рассматриваю ворох маслянисто поблескивающих металлических кишок, за который выложила пятьсот фунтов наличными. И как только эта кучка изъеденных ржой проводков пережила — нет, как я пережила — дорогу сюда! Болтаются покрытые коркой окиси клеммы аккумулятора, каждое соединение сочится чем-то черным и зернистым, все резиновое изношено и в трещинах, решетка радиатора забита мертвой птицей.

— Черт! И что теперь делать? — Со злостью пинаю переднее колесо.

— Далеко собрались?

Бросаю взгляд поверх солнечных очков: наш учитель выгуливает собаку. Мы виделись в школе, но не общались.

— Не так чтобы, — смеюсь я. Вдруг поможет, если поприветливей с ним, хоть это и мука — улыбаться, прикидываться веселой. — Сдается мне, все гарантии посредника приказали долго жить. — Я одариваю коллегу самой милой улыбкой, на какую только способна при данных обстоятельствах. Подняв вверх очки, обручем цепляю на макушку.

— Это Элфи. — Он сует мне в руки собачий поводок и засучивает рукава потрепанного свитера. — А я Дуг, физикой заведу. Поглядим-ка, что там у вас.

— Спасибо, я вам так благодарна.

Пес как заведенный носится вокруг меня, поводок обматывает мне колени. Лишившись свободы передвижения, пес плюхается мне на ноги и принимается грызть носок туфли.

— Плохие новости. — Дуг выныривает из-под капота и чешет нос, оставляя на нем черную полоску. — Масло течет, аккумулятор никуда не годится. Все шланги в трещинах, в потеках, и видите — крышка трамблера, она мне совсем не нравится. Могу продолжать.

— Увольте, не надо.

— Вы куда ехали? — Нагнувшись, Дуг хватается Элфи за ошейник, тот лает, и оба начинают наматывать круги в обратную сторону, а у меня в итоге начинает кружиться голова.

Вообще-то я думала проехаться в выходные, понемножечку за раз, — посмотреть, насколько близко можно подобраться. Теперь затея представляется безумной и опасной. Вряд ли я достигла бы даже конца подъездной аллеи на этой старой развалине. Так что спасибо ржавой таратайке, что вовремя остановила меня.

— Да просто в город, — вру я.

Дуг смотрит на часы:

— Из Роклиффа ходят только два автобуса в день. Если поторопитесь, успеете на второй. — Его пес стоит около меня, он мне до колена. Дернув за поводок, Дуг уходит. — Не мешкайте, — бросает он, не оборачиваясь.

Неуверенными шагами я двигаюсь по аллее, но скоро останавливаюсь и, обернувшись, смотрю на здание школы. В окне справа от высоких дверей белеет лицо: кто-то из учениц,

наверное. Я пускаюсь бегом к выходу, тяжелые железные ворота открываются со скрипом, от которого шевелятся на голове волосы, и я выхожу.

Над лесом, что начинается сразу у ворот, вздымается церковный шпиль. Прохладный ветер подгоняет меня в лесной шатер, где листва мерцает бледным золотом. Начало осени. Как странно находиться за пределами Роклифф-Холла. Я сознаю весь риск, понимаю, что придется ходить не поднимая головы, пусть даже я сильно изменилась.

По узкой дороге иду в сторону деревенской церкви. Рядом, хлопнув крыльями, слетает с дуба ворона, и я вздрагиваю. Ворона летит к приземистому зданию в просвете между деревьями — старой церквушке, неотъемлемой части поместья Роклифф-Холл. Церковь темна и заброшена, плющ оплетает ее сверху донизу, окна заколочены досками, а кладбище так заросло, что не видно ни одного надгробия. Проволочная ограда окружает церковь, клоки овечьей шерсти, как забытое белье, висят на решетке.

Я иду быстро, но дорога кажется бесконечной. До Роклиффа я добираюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как отъезжает автобус и медленно рассеивается серо-голубой шлейф выхлопа.

— Проклятье! — говорю я, с некоторым, впрочем, облегчением. Поездка в Скиптон была бы бессмысленна. Я придумала ее для того только, чтобы не объяснять Дугу своих истинных намерений. А их осуществление, так или иначе, закончилось бы катастрофой.

Навстречу мне едет машина, примечательная лишь тем, что других на пустынной деревенской улице нет. Я отворачиваюсь — не хочу, чтоб меня узнали, но машина притормаживает и останавливается рядом. Водитель гудит, приходится обернуться, и я вижу за рулем Эдама. Он опускает стекло, здоровается неловко: «Привет» — и морщит лоб.

После визита к директору мы с ним еще не разговаривали.

Я киваю в ответ и нервно оглядываю улицу, вдруг чувствуя себя совершенно незащищенной. О чем только я думала, уходя из школы? Из дверей почты выходит женщина с двумя детьми.

— Гуляете? — интересуется Эдам.

— Не совсем. — Я нагибаюсь к окну его машины, чтоб не кричать на всю улицу. — На автобус до города опоздала.

— До Скиптона? А я только что оттуда. — Он хлопает по стопке библиотечных книг на пассажирском сиденье. — Знал бы — подвез вас.

— Сама не знала. Чистой воды экспромт, — вру я, пожимая плечами.

— До школы подвезти? — Эдам убирает книжки: стараясь не угодить в собственный ноутбук, перекидывает одну за другой на заднее сиденье, и без того заваленное. В руках у него остается одна книга, на обложке мелькает слово «убийство».

В его машине будет безопаснее, чем на улице, у всех на виду.

— Спасибо. — Мне вовсе не хочется быть невежливой. Открыв дверь, я забираюсь внутрь и застегиваю ремень. Похоже, машины мы покупали у одного дилера.

Эдам смеется и бросает книжку мне на колени.

— «Церемония убийства», — читаю я вслух. Книжка далеко не новая, годов восьмидесятых. — Читиво на ночь, что полегче?

Он не отвечает, а я заклинаю его, сунув под себя руку со скрещенными пальцами: только не вздумай завести разговор насчет проблемы с Кэти Фенуик.

Эдам коротко кивает и едет дальше, резво переходя с одной передачи на другую, но, не доезжая до школьных ворот, сбрасывает скорость и смотрит на меня искоса. Явно хочет что-

то сказать, только не знает, с чего начать. Из кустов выскакивает заяц, в страхе замирает, прыгает в одну сторону, в другую. Резко затормозив, Эдам останавливается вовсе и ждет, когда бедняга на что-нибудь решится. Остановка помогает решиться и самому Эдаму.

— Вы думали о... том инциденте? — не повернув головы, спрашивает он.

— Да. Да! — тут же отзываюсь я. Мне очень не хочется впутываться в эту историю — полиция, адвокаты, возможно, суд, — но как я могу промолчать о том, что видела?

— И?.. — Эдам барабанит пальцами по рулю.

Не знаю, чем вызвано его раздражение — то ли зайцем, который расселся на дороге и дергает розовым носом на вонь от машины, то ли моей нерешительностью. Одно очевидно: Эдам не хочет лишиться работы.

— И... — Я умолкаю. Заяц удирает в кусты, и Эдам трогается. Когда мы проезжаем мимо школьных ворот, я собираюсь сказать, что мы прозевали поворот, но Эдам выруливает к другим воротам, чуть дальше по дороге. Выключает мотор, и я слышу только хриплое карканье ворон, словно они не на соседнем поле, а у меня в голове.

— Я подожду, не проблема, — хмуро бросает Эдам, вытаскивая из бардачка маленькую жестяную коробку. Сыплются конфетные фантики, смятые газеты, старые салфетки. В жестянке у него кисет с табаком и папиросная бумага. Высунув локоть в открытое окно, он принимается скручивать сигарету, целую вечность выкладывая табак ровненькой полоской, и... сквозняк сдувает всю его работу, часть табака падает ему на джинсы. Эдам терпеливо собирает все до последней крошки и снова укладывает на бумажку, дожидаясь, пока я заговорю.

— Собственно, я не очень хорошо знаю Кэти... — начинаю я. — По-моему, довольно сложная девочка. (Мягко сказано.) На первом нашем занятии она намекнула, что ее преследуют.

Эдам фыркает, табак снова дождем сыплется на его колени, он опять собирает крошку за крошкой и все же сворачивает сигарету. Проводит языком по краю бумажки — готово. Зажав меж пальцев, подносит самокрутку к носу.

— Преследуют, значит. — Он вдыхает запах табака и медленно, скептически качает головой.

Жест говорит сам за себя.

— Ей запрещено смотреть телевизор, — мямлю я, словно это каким-то образом оправдывает ее поведение. — Родители чересчур строги.

Как признаться, что я шпионила за ними той ночью?

Эдам резко поворачивается ко мне:

— Я не могу потерять работу!

В глазах у него смятение и страх. Причины у нас разные, но мы оба не хотим уезжать отсюда.

— Вряд ли вас уволят, — говорю я с большим, чем самой хотелось бы, сочувствием. Странно, но меня так и подмывает тронуть его за плечо, утешить, просто сойтись ближе. Конечно, я не даю волю своим желанием. — Вы закурите наконец?

Эдам смотрит на сигарету.

— Не курю. — Он щелчком отправляет самокрутку за спину.

Оглянувшись, я обнаруживаю на полу между сиденьями с дюжину таких же отвергнутых.

— Это действительно все, что вам про нее известно? — Эдам протягивает руку к ключу

зажигания. — Что ей запрещают смотреть телевизор и она считает, что ее преследуют?

— Да. — Это почти правда. Вышагивающий мимо ворот фазан, заметив нас, прибавляет ходу. — Мне жаль.

Эдам стойчески кивает. Заводит мотор, лихо разворачивается и подъезжает к главным школьным воротам. Набирая код, он роняет:

— Я ее пальцем не трогал. Это чтоб вы знали. — Он смотрит прямо перед собой.

— Я вам верю, Эдам.

Пока мы катим по аллее, я прикидываю: что нужно, чтобы в это поверили все остальные?

Нина лежала в объятиях Мика, окутанная его теплом и запахом, и вспоминала прошлый вечер. Мик разогнал ее тревогу, которую уловил сразу, вернувшись из художественного салона. Несмотря на поджимающие сроки, он не пошел в мастерскую, а остался с женой. И ей стало легче. Они говорили обо всем — начиная с тех времен, когда еще не родилась Джози, и кончая тем, как распорядиться лишними деньгами, которые скоро должны получить за его работу. Мик предложил новую ванну, может быть, даже пристройку.

Потом он приготовил для них троих ужин, а когда к Джози заглянули подружки, взял для девочек фильм напрокат. Все дочкины подружки в Мике души не чаяли, что, разумеется, приводило Джози в страшное смущение.

Нина приняла меры, чтоб до Джози четко дошло, что она не должна беспокоить отца никакими историями о полиции и ложной тревоге. У него и без того забот полон рот, он только разнервничается, и это не пойдет на пользу его творчеству.

— У папы сроки, — сказала Нина, убедившись, что Джози все поняла. — Наверное, я ошиблась, хотя, по правде говоря, это какая-то загадка.

Они даже посмеялись над этой историей.

Поздно вечером, спасаясь от девчачьих воплей и хохота в гостиной, Нина с Миком поднялись наверх, подальше от шума. Мик приготовил ей ванну, хотел сделать массаж, но Нина остановила его, притянула к себе, начала снимать одежду, обнимать.

Казалось, миг только прошел, когда она увидела, что между штор уже пробивается свет. Она ждала — вот сейчас вернется в сердце тревога последних дней. Нет, ничего. С рассветом все страхи рассеялись, кончились, как приступ лихорадки. Она потянулась, осторожно, чтобы не разбудить Мика. Вставать пора, а она все лежала, следя, как на часах одна минута, мигнув, сменяет другую.

«Когда-нибудь это должно было произойти», — думала Нина. Как запоздалая реакция или посттравматический стресс. Объяснить ее поведение с точки зрения стороннего наблюдателя — что Нина и пыталась сделать — было просто. Разгром в гримерной, неприятность с машиной, пропавшая одежда Джози, чья-то попытка открыть дверь — каждое событие можно расценить как случайность и каждое само по себе почти ничего не значит, но вот их сумма...

— Мне никто не угрожает, — еле слышно прошептала она.

Мик тихонько посапывал, досматривая последние утренние сны. Нина повернула голову и взглянула на мужа — у него подрагивали веки. Сегодня, решила Нина, она не станет думать ни о чем, что ее пугает, а просто сосредоточится на делах в «Чартерхаус Продакшнз», которых уже выше крыши. Надо работать, в конце концов.

Нина оторвалась от теплого мужнина плеча, спустила ноги на ковер и неслышными шагами голышом направилась под душ. В зеркале она увидела, как Мик, открыв глаза, с улыбкой провожает ее взглядом.

В ванной ее мысли обратились к работе. Нехорошо, что она взвалила на Тэсс практически все закупки. Надо будет позвать ее в гости, угостить обедом, а потом они решат, кто, что и когда будет делать. Ведь осталось чуть больше недели до дебюта «Хамелеона» на съемочной площадке студии «Пайнвуд». Для Нины это был серьезный прорыв. Споласкивая волосы, она мысленно отметила: не забыть проверить, как обстоят

дела с их крупными заказами. Не хватает еще, чтобы в последнюю минуту что-то сорвалось.

— Доброе утро. — Нина с удивлением наблюдала, как дочка молча расправляется с завтраком, который она для нее приготовила час тому назад.

На часах почти одиннадцать, Нина уже успела с грехом пополам разобраться в счетах за прошлый месяц, позвонить в несколько разных контор, отправить e-мэйл режиссеру будущей постановки в Викторианском театре, запечь лососину со спаржей для обеда с Тэсс и заказать по Интернету гель для фальшивых ожогов, которые ей придется изображать по ходу действия.

Джози ничего не сказала матери. Подхватила с тарелки размякший тост, махом осушила стакан апельсинового сока и метнулась к двери.

— И я тоже рада тебя видеть, душа моя. Ты, кажется, собиралась сегодня к Нат? (Имел место неопределенный кивок. Или показалось?) А когда вернешься? Мне за тобой заехать? (Кстати, и с Лорой повидалась бы, обсудила девчоночье увлечение Интернетом.)

Джози вскинула над плечом растопыренную пятерню и была такова.

— Значит, в пять я за тобой заеду, — озадаченно пробормотала Нина и вздохнула, услышав, как Джози хлопнула входной дверью. — Подростки!

Десятью минутами позже Нина мужественно преодолела искушение послать дочке сообщение, чтобы убедиться, что та благополучно добралась до Нат. «Расстояние-то плевое, всего пара улиц, — напомнила она себе. — Что может случиться?»

Устроившись за кухонным столом, Нина ответила на несколько электронных писем. Одно было от Тэсс: она немножко задержится, младшего надо отвести к зубному. Нина не возражала, надо так надо. Отличная возможность еще кое-что сделать, наверстать упущенное за последнее время. Вот уже несколько дней ей было не до работы, а Нина не могла допустить, чтобы дела совсем вышли из-под контроля. Уже года через два она видела себя в окружении двух десятков сотрудников, в собственном помещении, с многочисленными контрактами на участие в съемках фильмов.

— Мы даже сможем изредка побаловать себя отпуском, — бормотала она, проверяя накладную.

Звонок в дверь остановил ее.

— Ну вот, опять что-то забыла, — хмыкнула Нина, отодвигая табуретку и торопливо направляясь к входной двери.

Ленточка, перехватывающая волосы, сползла, и Нина совсем стянула ее. Мягко ступая по ковру, подошла к двери и открыла. На крыльце никого не было. Нина вытянула шею и окинула взглядом палисадник. На дорожке — ее машина, стопка картонных коробок, готовых отправиться в утилизацию, пустой мусорный бак, который еще не успели вернуть на место. А Джози нет. Послышался звонок?

— Ребяшня шалит, — вслух заметила Нина. — Долгие каникулы располагают к идиотским выходкам.

Сдвинув брови, она отступила на шаг, чтобы закрыть дверь, и почувствовала что-то под ногой. Посмотрела на пол — конверт. Очередная реклама, не иначе, — нигде никаких надписей, нарочно чтоб заинтриговать и заставить открыть. Нина понесла конверт на кухню, намереваясь сразу сунуть в бак для макулатуры. Сегодняшнюю почту уже доставили, так что ничего важного здесь быть не могло, а всякая дрянь, которую оставляли под дверью, выводила ее из себя.

С конвертом в одной руке, Нина наполнила чайник. Мик наверняка проголодался: с самого утра засел в мастерской с твердым намерением закончить последнюю картину. Конверт уже завис над баком, когда Нина нащупала внутри что-то выпуклое и твердое. Бесплатные рекламные подарки — это уж совершенная пакость.

«Очередная дешевая ручка, которая не будет писать». Что бы это ни было, надо вытащить: мусор они всегда сортируют, бумага к бумаге, пластик к пластику. Однако, вскрыв конверт, Нина не обнаружила ни рекламных листовок, ни упаковочной бумаги, ни дутого целлофана.

Конверт полетел на пол, Нина с открытым ртом воззрилась на то, что достала. Руки затряслись, сердце колотилось где-то у горла. Воспоминания колючей проволокой раздирали душу.

Боже, нет!

Это невозможно, этого не может быть. У нее на ладони лежала детская заколка для волос — старомодная, погнутая, облезлая и проржавевшая с одной стороны, но керамическая клубничка по-прежнему была на месте, маслянисто поблескивающая, в черных крапинках, с некогда ярко-зеленым, а теперь поблекшим от возраста черенком.

— Мик... — дрожа, простонала Нина. — Джози...

Лихорадочно давя на кнопки, Нина настучала дочке записку: «Ты у Нат?». Ответ пришел через несколько секунд: «Ага, ц». Нина шумно выдохнула.

Сдерживая рыдания, она оперлась о кухонную стойку.

В окошках мастерской мужа отражалось солнце, со спинки стула в кухне небрежно свисала ажурная кофточка Джози, щетка для волос валялась на полу рядом с парой девчоночьих туфель со стоптанными каблуками. Такая привычная милая обыденность, от которой в одно мгновение не осталось и следа. В стеклянной дверце буфета Нина увидела отражение потерянной, до смерти напуганной женщины. И долгий путь, который ей предстояло пройти.

Нина глубоко вдохнула, вытерла мокрые щеки и сунула в карман джинсов заколку, которую сжимала в руке. Машинально заварила чай для Мика, сделала салат для ленча с Тэсс, подкрасилась, сменила футболку, загрузила грязную посуду и запустила посудомойку, составила список покупок. А потом медленно сползла по стене на пол, чувствуя, как ноет от напряжения каждый позвонок. И почти спокойно проговорила: «Все кончено».

Кэти стоит, скрестив ноги, сложив на груди руки, и внимательно изучает пол. Подбородок упрямо выставлен вперед, нижняя губа закушена.

Девочка не произнесла ни слова с того момента, как переступила порог изолятора, куда я вызвала ее. У сестры-хозяйки выходной, и я дежурю одна.

— Кэти! Ты ничего не хочешь объяснить?

— Вы не сможете ничего доказать, — говорит она.

— Не смогу. Но я хочу знать, по крайней мере, почему ты так ужасно поступила с мистером Кингсли?

Кэти пожимает плечами:

— Ради смеха. А поначалу на спор.

— Ради смеха?!

— У него ведь нет жены или еще кого. И вообще, никто *не заставлял* его смотреть на меня голую. — Кэти выпускает демонстративный вздох: дескать, была охота поднимать шум из-за всякой ерунды. Потом небрежно откидывает волосы за спину. — Дело не в сексе или в каком-то там дурацком увлечении. Мне... не понравилось, когда он сказал «нет».

— И ты решила заманить его в ловушку?

Кэти дергает плечиком.

— Мы просто поспорили. — Она поднимает на меня глаза. Мы все ближе подбираемся к истине. Кэти шмыгает носом и заливается краской: совершенный ребенок, ничего общего с юной обнаженной женщиной в лесу. — Все девчонки сохнут по мистеру Кингсли. Мы же не виноваты, что здесь нет мальчишек! (Я молча киваю, чтобы не спугнуть ее.) А тут кто-то ляпнул, что на истории мистер Кингсли смотрел на меня и что дура я буду, если упущу момент.

— Какой момент?

— Сами знаете! — Она краснеет до ушей. И, не дождавшись от меня реакции, добавляет: — Он ужас какой сексуальный!

— Как отреагировали родители, когда ты сказала, что учитель пытался?.. — Язык не поворачивается закончить.

— Папа прямо взбесился. Потребовал, чтоб юристы из его фирмы подали в суд на школу. А полицию привлекли, потому что мне еще нет шестнадцати.

— А все из-за того, что родители слишком строги с тобой? Это у тебя такой протест? — Вот уж никогда не думала, что придется говорить подобное пятнадцатилетней девочке, которую я почти не знаю.

Кэти ухмыляется:

— Не-а. Я могу делать что хочу.

Мы обе знаем, что это не так, но я опять киваю, чтобы не раздражать ее.

— Думаю, твои родители, да и вообще все вздохнут с облегчением, если ты просто скажешь правду.

Я уже рассказала Кэти, как пошла за ними в лес и видела ее старания соблазнить мистера Кингсли. До нее сразу дошло, что такого я выдумать не могла. Она разоблачена. Точка.

Горестно всхлипнув, Кэти вдруг раздражается рыданиями. Я нерешительно протягиваю к

ней руки, робея не потому, что она может отшатнуться, и не потому, что само прикосновение дается мне с трудом. Просто это утешение удивительным образом оказывается несказанным утешением и для меня самой.

— Так ты поделишься, что с тобой произошло? — Эдам кивает на мою щеку.

Солнце льется в огромное, от пола до потолка, окно у нас за спиной. Свет ложится мне на плечо, прокладывает на коже теплую дорожку. Торопливо орудуя вилками, мы заглатываем завтрак — с минуты на минуту будет звонок.

— Работала укротительницей львов в цирке. — С невозмутимым видом я трогаю шрам — порез от уголка левого глаза до скулы.

— И на трапециях летала?

— Да в аварию попала. В автомобильную аварию, — объясняю я. — Знаешь, Эдам, хорошо, что все уладилось. Я рада за тебя.

Он уже весь изблагодарился, услышав мой рассказ о том, как я видела их с Кэти в лесу, как потом говорила с ней и убедила признаться.

— Для меня очень важно остаться в Роклиффе, — повторяет Эдам; я и сама готова подписаться под этими словами. — Этот случай — кошмар каждого учителя мужского пола, но я и помыслить не мог, что такое произойдет со мной.

— Кэти предложили пройти курс психотерапии, потому что своими силами нам с этим не справиться.

Он кивает, молча жует, потом сдержанно произносит:

— Вчера она письменно подтвердила для полиции, что все ее обвинения вымышленные. И все благодаря тебе, Фрэнки. Я твой должник.

Это так Эдам выражает свои чувства. Кто другой на его месте бросился бы мне на грудь и разразился слезами облегчения. Мы знакомы без году неделю, да и знакомством это вряд ли назовешь — так, здравствуй и прощай. Но благодаря последним драматическим событиям я поняла, что Эдам, как и я, что-то скрывает.

— Я не шпионила, — снова повторяю я на всякий случай. — Собственно, ты уже все знаешь. Я просто обязана была заставить Кэти сознаться. Не могла я допустить, чтоб ты вылетел с работы. Для Кэти, между прочим, это не прошло даром, девочка здорово повзрослела.

Я решила больше никому не рассказывать, что стала свидетелем сцены в лесу. И мистеру Палмеру ни к чему знать о моей роли в истории с признанием Кэти. Пусть лучше считает ее храброй девушкой, осознавшей свою ошибку и имеющей мужество признаться в ней. Воображаю, как он скажет Кэти, радуясь про себя, что можно забыть про гадкий инцидент: «Наша цель — научиться извлекать урок из каждого события. *Non scholae sed vitae discimus* — мы учимся не для школы, но для жизни».

— Так ты согласна? — Эдам что-то говорил, а я прослушала. В ушах отдается треньканье школьного звонка. — Погуляем после уроков? — добавляет он, поднимаясь со скамьи.

— С удовольствием.

Всего два слова, но как же нелегко их выговорить. Эдам уносит грязную посуду, а я, провожая его взглядом, думаю о том, что пойти на прогулку, пообщаться с кем-то не на скорую руку, не в суете каждодневных забот — это никак не вяжется со всеми моими уроками, но поможет мне вновь ощутить себя нормальным человеком.

— Ты меня спас, — говорю я, накидывая куртку. — Теперь мы квиты.

Середина октября; каждый вечер приносит осеннюю свежесть. Впереди, уже на следующей неделе, зияют пропастью осенние каникулы.

Мне светил долгий вечер со слезами наших плакс, но Сильвия вызвалась подменить.

— В это время года они всегда очень скучают по дому, хотя, по-моему, дело не в том, что они так уж жаждут вернуться к родителям, а в том, что потом снова возвращаться в школу. Для многих, особенно для первоклашек, это самое тяжелое.

Я согласна: Роклифф-Холл змеей вползает в невинные сердца.

— Я учился в школе-интернате, — продолжает Эдам, — и ненавидел каждую треклятую минуту, проведенную там. А теперь вот, по иронии судьбы, сам преподаю в интернате.

Дорожка, по которой мы удаляемся от школы, тянется на километры к западу от здания. Я думаю о словах Эдама — это пятнышко цвета на черно-белой картинке его жизни. Мне хочется узнать больше. Наше общение неожиданно и приятно мне, как островок безопасности в общем хаосе. Если бы не выходка Кэти, его бы не было.

— А где ты учился? — Я застегиваю куртку до горла и приноравливаюсь к шагам Эдама — один его, два моих. — Там, где растут бананы?

Он мотает головой:

— Нет. В одном гадостном местечке в Бирмингеме. Странное, однако, дело.

— Ты о чем?

Мы выходим на пастбище, в меркнувшем свете уходящего дня овцы — белые кляксы на желтовато-зеленом полотне. Животные перестают жевать и дружно поворачивают головы в нашу сторону.

— Гляди! — вполголоса восклицает Эдам и замирает, показывая на край поля. — Заяц! Счастливая примета. К богатству, если верить язычникам.

Заяц принюхивается и застывает неподвижно.

— Смотри, смотри, он нас заметил.

Заяц бросается под защиту живой изгороди и вдруг встает как вкопанный, только длинные уши шевелятся и черные глазки пристально следят за Эдамом, который снова говорит в полный голос.

— Я слышал, что ведьмы умеют оборачиваться зайцами. — Он косится на меня с ухмылкой. — Нет, правда.

— Ведьмы? — задумчиво повторяю я.

— Ага. В фольклоре сплошь и рядом одно живое существо может по своему желанию превращаться в другое.

— Что ты говоришь. — Я иду дальше, краешком глаза замечая, как заяц пулей скрывается в кустах.

— Думаешь остаться в Роклиффе навсегда? — интересуюсь я.

Мы пьем чай в учительской. Мы отшагали несколько километров, и к возвращению в школу щеки у меня были под цвет моей красной куртке. Эдама развеселила моя усталость, он сказал, что мне надо чаще гулять. Я улыбнулась, мне вдруг захотелось объяснить, почему я не могу этого делать.

— Навсегда — это долгий срок. Сначала я хочу закончить свою книгу.

— Книгу? — Я делаю вид, будто впервые слышу. Эдам приоткрывается еще чуть-чуть,

избавляя меня от необходимости открываться ему.

Он кивает почти застенчиво:

— Это что-то вроде истории нашей школы.

После неловкой паузы, не дождавшись от меня ни звука, он продолжает, растягивая слова:

— Если точнее, это история самого здания, а не школы. Я и деревню Роклифф затрагиваю, события, которые там происходили. — Со своим акцентом он такой же чужой здесь, как и я. — Судя по всему, у деревушки весьма колоритное прошлое.

— Как это... колоритное? — У меня звенит в ушах.

Эдам пожимает плечами.

— У тебя время есть?

«Вся жизнь», — беззвучно отвечаю я.

Он подкатывает старинный шахматный столик и выдвигает ящик. Черные и белые резные фигуры кучей валяются на боку.

— Сыграем? — спрашивает он.

«А я уже в игре», — думаю я и согласно киваю.

Мое ожидание, мое детство растянулось на годы. Удивительно: разок бросишь взгляд на часы, выглянешь в окно, сбегаете к почтовой доске — посмотреть, не пришили ли там письмо с твоим именем, а уж чуть не полжизни прошло.

Я привыкла к тому, что папы со мной нет. После того как он уехал, положив руку на плечо Патрисии, а жизнь — к ее ногам, он появлялся один или два раза. Не помню точно. Поначалу я расспрашивала о нем Патрисию, ей было известно больше, чем мне. Какое-то туманное выражение появлялось у нее на лице, когда она упоминала его имя. *Уильям Фергус*. Ей нравилось его так именовать, будто он гранд какой-нибудь. *Уильям Фергус возил меня на своей машине в ресторан. Или Уильям Фергус купил мне шляпку. Уильям Фергус водил меня в кино. Уильям Фергус держал меня за руку.*

А я с горечью думала, что Уильяму Фергусу плевать на родную дочь.

Вдобавок я прекрасно понимала, что значит «держал ее за руку». Телевизор в детдоме был, и мы видели, чем взрослые занимаются, подержавшись за руки. Когда я впервые догадалась, то убежала. Туфли, из которых я выросла, жутко жали, и только это, почище всякого наказания, не дало мне разреветься. Одного я не понимала: если папа и Патрисия подружились, если они теперь вместе, почему я должна жить здесь? Почему Патрисия не может стать мне новой мамой? Почему я не могу поехать домой?

А очень просто, наконец-то додумалась я, папа меня ненавидит, вот почему.

Дни оборачивались неделями, недели — месяцами, месяцы складывались в годы. Мы все ждали, все надеялись: вот что-то случится и нас спасут. Кое-кто из наших учился в школе. Я оказалась среди счастливиц — мне было разрешено покидать Роклифф на шесть часов в день. До одиннадцати лет я ходила в начальную деревенскую школу вместе с несколькими мальчиками и девочками, которым воспитатели доверяли. Шаркая ногами, мы появлялись на школьном дворе, где нас все дразнили. У нас не было родителей. Дети, которых никто не любит, вечно чумазы, шпана. Домашние ребята не хотели сидеть с нами за одной партой или ходить за руку — им было противно. Потом мы подросли и стали ездить на автобусе в город, в среднюю школу. Над нами и здесь издевались, колотили, шпыняли. Мы отмалчивались и учились.

После школы или во время каникул мы слонялись по детскому дому. Мальчишки грызлись между собой, дрались, ломали все, что под руку подвернется, убегали и отчаянно вопили, когда их приволакивали назад. Девочки уходили в себя, становились тихими и замкнутыми. И все время что-нибудь мастерили. В ход шло все подряд: хлам, выуженный из мусорного бака, старая одежда на выброс. Мы плели коврики, клеили коробочки, вязали шнурки, кукол, браслеты и амулеты. Мы рисовали картинки и готовили подарки, притворяясь, будто для родителей. Только к тому времени мы уже забыли, что такое родители.

И мы постоянно ждали: что-то произойдет.

А потом появилась она. Девочка, которая изменила мою жизнь.

В доме было затишье. «Новых клиентов нет», — шутила мисс Мэддокс, когда неделями у нас ничего не происходило.

Но однажды я ненароком набрела на девочку — она обмочилась, стояла в луже и плакала. Кроме грязной майки на ней ничего не было, а на голой попке горел отпечаток

взрослой пятерни.

Мне было почти тринадцать, а можно было дать года на два больше. Я выросла изо всех своих вещей, ростом была уже со взрослую женщину, а носила платья десятилетней девочки. Наткнувшись на нее, по ее несчастному выражению я поняла, что она приняла меня за воспитательницу — *за одну из них*. Ей, должно быть, казалось, что мне лет сто.

Она стояла в темном коридоре с сотней непонятных дверей и тянула ко мне ручки — чтобы я взяла ее. Отчаянная попытка хоть в ком-то найти любовь.

— Привет, — сказала я и присела перед ней.

Девочке было года три, не больше. Она робко обхватила меня за шею, пунцовое от долгого плача личико наморщилось. Ей хотелось ощутить тепло другого человека, убедиться, что она не одна. Эта малышка следовала велению своего инстинкта. Чтобы выжить, ей нужен был кто-то, кто станет ее любить.

— Как тебя зовут?

Она уткнулась мне в плечо, всхлипывая и икая при каждом вздохе.

— Бетси, — прошептала она.

В нос ударил омерзительный запах мочи.

— А я Эва. Ты новенькая?

Я ничего такого не слыхала, хотя уже достаточно прожила здесь и знала, как это бывает. Кто-нибудь углядит на аллее машину социального работника, и новость — еще кого-то привезли! — мгновенно облетит весь дом. Взбудораженная толпа соберется у высоких старинных дверей, прилипнет к окну, поджидая свежую «добычу». Потом заулюлюкают, засвистят противно, станут плясать вокруг новенького, дергать и пихать, пока у воспитателя не лопнет терпение и он всех не разгонит. А я всегда стояла в стороне, приглядываясь к новичку, а потом мчалась в спальню защищать свои пожитки.

Девочка лизнула меня в шею. Я отодвинула ее и придержала на расстоянии вытянутой руки.

— Тебя откуда привезли? — Я пододвинула ее к свету маленького окошка под потолком. Она не отвечала. — Ты умеешь разговаривать?

Из-под золотистых кудрей, грязных и наверняка полных вшей, на меня тупо смотрели огромные голубые глазищи. Потом она задрала подол майки и принялась его сосать. Она была голодная.

— Пойдем со мной. — Мне хотелось ей помочь.

Горячие липкие пальчики просунулись мне в ладонь, и я повела ее к нам в спальню, где две девочки сидели по-турецки на кровати и одна подстригала другой волосы пластмассовыми игрушечными ножницами.

Порывшись в своей тумбочке, я вытащила мятый бумажный пакет. Из дырки посыпался сахар, девочка бросилась на пол и принялась собирать его, слизывая крупинки с пальцев.

— Ты есть хочешь, да?

Я вытряхнула содержимое пакета на кровать. Сладости нам давали раз в неделю, обычно мармелад в сахарной обсыпке, который закупался огромными ящиками. Я откладывала по одной-две штучки, у меня скопился приличный запас, и я берегла его, чтобы съесть в одиночку, под одеялом, когда станет грустно. Это был мой способ выжить, иначе как вынести ожидание, растянувшееся на долгие годы.

Малышка жадно накинулась на разноцветную россыпь у меня на покрывале, а под конец сгребла и слизала весь просыпавшийся сахар, только влажное пятнышко осталось.

— Как ее зовут? — полюбобпытствовала Элисон, с усилием кромсая тупыми ножницами подружку шевелюру. — Ей не нужно подстричься?

Я запустила пальцы в волосы девочки — они были сплошь в колтунах и кишели вшами, как я и предполагала. Когда в последний раз у нас завелись вши, Патрисия пришла в бешенство, а нас потом ночь напролет выворачивало от средства, которым она нас поливала.

— Ее зовут Бетси. Отрезай все напрочь, — велела я Элисон. — Правда, миленькая? Только она моя, я ее первая нашла!

Открыв свой шкафчик, я вытащила самую маленькую юбку и протянула Бетси, но та только хлопала глазами. Тогда я растянула резинку, и малышка привычно шагнула в юбку, как если бы уже делала так раньше, как если бы у нее когда-то была мама.

В дверях появилась Патрисия.

— Так вот где это несносное создание! — Она помолчала и улыбнулась. — Одна кровать освободилась, можешь спать на ней, девочка.

Патрисия оставалась для меня загадкой. Непонятно было, кто и что она в нашем детском доме. Она могла быть то заботливой и веселой, а то откровенно жестокой. И я всегда знала, когда она встречалась с папой. Настроение у нее тогда бывало воздушное, как взбитые сливки.

— А на чьей кровати она будет спать? — спросила я. — Она хочет остаться со мной.

Девочка повисла на мне, и я почувствовала, что у меня наконец появилась другая цель, помимо вечного ожидания. Что-то горячее разлилось внутри, обожгло сердце, пробежало по венам, заполнило пустоту в душе.

— На кровати Доны. Дона выбыла. — Патрисия роняла слова как булыжники, и у нее покраснели щеки.

Я ничего не сказала, не дурочка. Наши ребята, случалось, исчезали бесследно. Иной раз пропадали, а потом через сколько-то дней снова появлялись. Некоторые из них переставали разговаривать. Мы спрашивали у взрослых, что с ними такое, но в ответ получали затрешины.

— А можно она будет спать рядом со мной?

Девочка забралась ко мне на колени и свернулась в клубок. Я крепко прижала ее к себе, все еще ощущая горячую волну в груди.

— А ты узнала ее имя? — Патрисия подбоченилась, тонкие руки изогнулись двумя колечками, лицо сурово вытянулось. Как будто это такой тест — скажешь, как ее зовут, разрешу вам спать рядом.

Посмотрев на девочку, я твердо решила, что не дам ее в обиду. Вблизи мне были хорошо видны ползучие твари в сбившихся в войлок волосах, сальный блеск грязной кожи. Мне захотелось отмыть ее, обогреть, причесать, накормить. Заботиться о ней, раз уж никто не заботится обо мне. Она будет моей живой куклой.

— Ее зовут Бетси, — сообщила я Патрисии, — и она сама сказала, что хочет со мной дружить. Я буду за ней приглядывать. Если вы разрешите нам спать рядом, у вас с ней не будет никаких хлопот.

Патрисия тут же оттаяла, она вечно ныла, что у нее дел по горло, что им не хватает людей и что Совету следовало бы выделять детдому побольше денег. Воспитатели приходили и уходили. Патрисия и мисс Мэддокс хвастались, что работают здесь целую вечность, собаку на этом деле съели.

— Ладно, — согласилась Патрисия. — Я скажу, чтобы свободную кровать поставили

рядом с твоей. Мы про нее почти ничего не знаем — ни кто она, ни откуда. Известно только, что из последнего детского дома ее вышвырнули — сладить не могли. — Покачав головой, Патрисия повернулась к двери, но через пару шагов остановилась. — Не позволяй ей писать где попало, Эва, а то сама будешь на коленках подтирать.

И она ушла, довольная, что теперь одной заботой меньше.

Я просияла, воодушевленная стоящей передо мной задачей.

— Элисон, — скомандовала я, усаживая Бетси на кровать, — за работу!

И Элисон приступила к стрижке. Первым делом она отхватила все колтуны. Через час у Бетси была новая прическа — клочковатый ежик, как у мальчишки, зато, когда я мыла ей голову, пальцы легко скользили в коротеньких прядях. Вшей я выбрала всех до единой и утопила в ванне.

— Плохие букашки, — сказала я, показывая одну Бетси.

Бетси сунула ее в воду, издала какой-то странный звук, и я очень надеялась, что это был смех. Я намылила ее с ног до головы и принялась тереть, слоями счищая грязь, под которой открылась розовая кожа. Я отдраила ей шею и вымыла каждый пальчик на ногах, а потом завернула в свое полотенце и пела ей песенки.

— Знаешь, Бетси, — сказала я, когда мы шлепали по коридору назад в спальню, — мне всегда хотелось иметь сестренку или братика.

Бетси вдруг замерла, села на холодный пол, съежилась под полотенцем и, раскачиваясь из стороны в сторону, жалобно заскулила:

— *Блатик, блатик, блатик...*

Я подхватила девочку на руки, крепко прижала к себе. С тех пор как она назвала свое имя, это были ее первые слова. Ключик к ее прошлому.

— У тебя есть братик, Бетси? Где твой братик? — Я посадила ее на кровать, а она уцепилась за мои волосы.

Бетси кивнула и в упор посмотрела на меня, прямо в душу.

— *Блатик усол,* — сказала она голосом, от которого у меня перевернулось сердце. Она повторила это еще раз десять, а потом стянула с себя полотенце и накрылась моим покрывалом с головой.

Чуть погодя я одела Бетси в одежду, которую нашла в шкафчике у Доны, — той было восемь лет, но для своего возраста она была очень маленькой. Мне совсем не казалось странным, что Дона исчезла и не взяла с собой никаких вещей; меня не удивляло, что моя маленькая Бетси заняла место другой девочки, словно той никогда и не было.

Это похоже на отлив. Поток учениц повернул вспять; процесс, обратный тому, что я наблюдала недели назад. Как много всего произошло за это время — и вместе с тем ничего не изменилось. Девочки, нетерпеливо ждущие, когда родители заберут их домой, из окна моей комнаты под самой крышей напоминают рассерженных муравьев.

Со слов Кэти я знаю, что на каникулы она едет с родителями в Италию — отменное наказание за безответственную выходку. После подсмотренной в лесу сцены мне несколько ночей подряд снилась Кэти. В последнем сне полиция извлекала обнаженное тело Кэти из неглубокой могилы, вырытой во влажной земле как раз там, где я видела их с Эдамом, а в тени прятался кто-то безликий. Я проснулась в холодном поту, дрожа от ужаса. Утром я записала все в подробностях, надеясь таким образом избавиться от кошмара. Как бы не так, еще хуже стало.

Дыхнув на стекло, я вывожу крестик на затуманившемся стекле: прощальный поцелуй каждой покидающей Роклифф девочке. Раздается осторожный стук, и я со скрипом открываю старую дверь.

— Лекси? Что случилось?

На щеках у Лекси разводы туши, густая подводка под глазами, которой ей постоянно и тщетно запрещают пользоваться, растеклась и выглядит так, будто девочке подбили глаз.

— Он задерживается! — вопит Лекси. — На черт знает сколько времени! А я тут буду сидеть совсем одна.

Это она о своем отце.

— Ну, скажем, не совсем одна. Я никуда не еду. — Язык у меня как деревянный, слова еле выговариваются.

— Можно подумать, он по мне и не соскучился вовсе! — Лекси врывается в комнату и плюхается ко мне на кровать. Берет мой шарфик, наматывает на руку. — Вам-то хорошо... — Она тянется к туалетному столику за салфеткой. — Можете взять и свалить отсюда в любую минуту.

Возразить, что как раз этого-то я и не могу? Я останусь в Роклиффе, вместо того чтобы провести каникулы у моря или дома, с семьей, или отправиться в поход. И буду старательно избегать старомодных чудачков, которым, как и мне, некуда податься. Я бы сказала, но не стану. Я уже достаточно хорошо изучила Лекси, она тут же пристанет с вопросом: почему?

— Когда папа собирается приехать за тобой?

Лекси не отзывается, перебирает скромный набор туалетных принадлежностей у меня на тумбочке, как будто у себя дома. И выносит свой приговор:

— Маловато у вас косметики. А этим вы моете голову? — Она брезгливо морщится и открывает флакон шампуня из супермаркета. — Фу! Воняет, как средство для унитаза.

Сомневаюсь, что Лекси знает, как пахнут чистящие средства, и уж тем более, что ей хотя бы раз в жизни довелось чистить унитаз, но не спорю.

— А по-моему, нормальный шампунь, мне подходит.

На самом деле на другой у меня нет денег. Все, что я получила, — это аванс, двести фунтов наличными, и наша бухгалтерша довольно раздраженно предупредила, что зарплаты мне не видать, пока я не предоставлю свои банковские данные.

— Вы бы к своему парикмахеру обратились, он что-нибудь посоветует. Папа каждые

каникулы возит меня в Лондон и покупает целый день в салоне красоты. Они там делают все, что я пожелаю, и все-все оплачено...

— Возьми себе. — Я протягиваю голубой флакон. — Попробуй, сама удивишься.

Рука Лекси медленно поднимается и берет шампунь. Хмурое выражение, которое тенью набежало на лицо, разглаживается, и она даже находит в себе силы на невнятное «спасибо».

— А если от него волосы у тебя пойдут мелким бесом, просто вылей его в шампунь папиной подружки. (Мы дружно хохочем.) Так ты останешься здесь на ночь? Боюсь, мы с Сильвией уже сняли постельное белье.

Лекси дергает плечом и снова мрачнеет.

— Да я могу проторчать здесь еще целую неделю! Не в первый раз, между прочим. А что вы тогда имели в виду — ну, когда сказали, что у нас с вами много общего? Вас тоже родители спихивали в интернат, а сами где-нибудь развлекались?

— Не совсем. — У меня есть несколько ответов: лживых, уклончивых, сокрушительно правдивых. Она не поверит ни одному. — Я была такой же упрямой, как ты. Ужасно злилась, когда меня подводили, вот как ты сейчас злишься на своего папу.

— И что потом? — Лекси сидит по-турецки на кровати, прижимая к себе шарфик и шампунь, словно ничего дороже у нее на свете нет.

— Потом? Наверное, со временем я просто изменилась.

На каникулах кухня не работает. Для тех, кто предпочитает никуда не уезжать, — и для тех, у кого нет выбора, — в гигантском холодильнике оставляют продукты. Я изучаю запасы и раздумываю: не предложить ли свои услуги в качестве повара? Да, но это будет означать неизбежные разговоры, сборища, общий стол, истории, вопросы... Я пристраиваю на разделочную доску головку сыра.

— Вот ты где!

Вздвогнув, круто оборачиваюсь с ножом в руках. Эдам со смехом выставляет перед собой ладони.

— Ничего себе! А я только хотел спросить, не желаешь ли присоединиться к нам? Мы собираемся в деревню — перекусить в пивнушке. Хотим это дело отметить.

— Отметить?

Свет клиньями отскакивает от лезвия ножа и пляшет на белых стенах кухни.

— Конец четверти. Какая-никакая передышка.

— Передышка? — Я принимаюсь резать сыр.

— Так и будешь повторять за мной конец каждого предложения? — Эдам бросает взгляд на часы: — Встречаемся в холле через десять минут.

Я смотрю на Эдама, но вижу не его, а кого-то совсем другого, не такого высокого. Того, с кем хотела бы сейчас быть. Того, кто обнял бы меня и, если я не захотела в пивную, отвел бы в спальню и принес поднос с чем-нибудь вкусеньким и лег рядом. Утешил, рассмешил...

— Прости. Я что-то устала.

Пытаюсь сосредоточиться на сыре, но он расплывается перед глазами, как будто тает, и я вытираю глаза тыльной стороной ладони.

— Резала лук? — интересуется Эдам.

Я мотаю головой, шмыгаю носом. Эдам, облокотившись с другой стороны на стальной рабочий стол, нагибается ко мне:

— Ты что, Фрэнки?

А самому, держу пари, не терпится подхватить куртку и отправиться веселиться в деревенский кабак.

— Так, ничего.

«Уходи, пожалуйста», — думаю я, хотя на самом деле мне этого не хочется.

— Тогда до завтра.

— До завтра.

К тому моменту, когда его шаги стихают, оказывается, что я искромсала всю головку сыра.

Огонь живо разгорается. На мысль меня навел коробок спичек на кухонной полке. Я долго крутила его в руке, прикидывая, где бы раздобыть дров. Старых газет, которыми был набит мусорный бак в библиотеке, хватило бы, чтобы поджечь все здание. Я притащила несколько связок в обеденный зал и сунула в камин.

«Теперь дрова. Дровишки», — размышляла я. Интересно, кто-нибудь заметит пропажу пары школьных скамеек? Я направилась в подвал и шарила в потемках по сырой шершавой стене, пока не наткнулась на выключатель. Сеть низких проходов в конце концов привела меня к хранилищу разбитой мебели, сваленной в кучу и приберегаемой, вероятно, для единственной разрешенной зимой растопки.

Я набрала охапку дровишек и отнесла наверх. Потом спустилась и принесла еще. И так до тех пор, пока у меня не набралось достаточно дров, чтобы хватило на весь вечер. Я растрясла газеты и скрутила их, положила в камин дюжину жгутов, а сверху вигвамом уложила самые тонкие щепки.

Потом я зажгла спичку, поднесла к бумаге и следила за крошечными язычками огня. Через десять минут пламя загудело и мои дрова загорелись ровно и жарко. Я сходила на кухню за подносом с ужином, который приготовила заранее.

И вот я здесь — кресло придвинуто к камину, поднос на полу у ног, левая щека горит от жара. Медленно жую сыр и печенье. Я отважилась запустить руку в запасы вина, оставленного для сотрудников, и обнаружила, что нескольких стаканов вполне достаточно, чтобы забыть обо всем.

Я подкладываю в огонь дрова, огонь вспыхивает веселее, становится совсем жарко, и я снимаю кофту. Время тянется медленно, беззвучно, тем более что все остальные в пивной. Сейчас без пяти минут девять. Я видела, как они уходили вчетвером — женщина, которая, по-моему, преподает латынь, учитель информатики мистер Мак-Бейн, новенькая девушка, прямо из Парижа, с факультета иностранных языков, ну и само собой, Эдам.

Устроившись в кресле с ногами, я обнимаю колени и бурчу себе под нос, потягивая вино: «У него, надо полагать, тоже нет дома». Жара, выпивка, одиночество — и я вдруг оказываюсь там, куда не хочу попасть. Поставив стакан на маленький столик под рукой, вытаскиваю из заднего кармана фото. Снимок в запечатанном пластиковом пакете, чуть помят; пакет отсвечивает, и лица на снимке призрачно серебрятся. Ногтем я провожу по шву, открываю пакет...

И вскрикиваю.

— Господи, ты меня до смерти перепугал! — Облегчение выливается в истерический хохот.

— Как раз этого я и не хотел. — Эдам со смехом наклоняется за выпавшей у меня из рук

фотографией, бросает на нее беглый взгляд и вручает мне: — Вот, держи. И прости.

Он подтаскивает еще одно кресло, ставит напротив. Уютный ужин наедине с собой закончен, но в душе я рада компании.

— Что все это значит? — Он тычет в остатки моего ужина, кивает на пылающий огонь. — И у кого тоже нет дома?

Краска заливает мне все лицо, а не только ту щеку, что ближе к огню.

— Я думала, ты в пивной, — увиливаю я от ответа.

— Предпочитаешь одиночество?

— Как хочешь, — пожимаю я плечами, мысленно умоляя: «Нет, пожалуйста, останься!» — и засовываю фотографию под себя.

— Симпатичный ребенок. Семейное фото? — спрашивает Эдам.

— Нет, подруга прислала. А тебе часто пишут из банановой страны?

Эдам фыркает:

— К сожалению, нет. В Австралии у меня никаких родственников не осталось. И вообще — нигде никого, если не считать бывшей жены, да и та, знай она мой адрес, скорей всего, послала бы мне гнилых бананов.

Мой черед смеяться.

— Можешь не объяснять. Она предпочитала бананы с мороженым, а ты их намазывал на хлеб с джемом.

— Вроде того. — Эдам постукивает по бутылке: — Не возражаешь, если я присоединюсь? — Минуту спустя он возвращается из кухни еще с одной бутылкой и стаканом.

Я стараюсь убедить себя, что все это совершенно безобидно, что я никого не предаю и ничем не рискую. Он всего-навсего коллега, даже не местный, так что риск минимален.

— Значит, нигде никаких родственников? — уточняю я. Если уж нам суждено провести этот вечер вдвоем, я желаю говорить исключительно о нем. — И кстати, ты еще не объяснил, почему вернулся из пивной.

— Нигде и никаких. Потому что у меня из-за тебя душа была не на месте. Удовлетворена? — Невинно распахнув хулиганистые глаза, Эдам разливает по стаканам вино и пододвигается ближе к огню, ко мне. — Холодновато сегодня.

— Совсем не обязательно беспокоиться обо мне, — говорю я и злюсь на себя за то, что мне это приятно. — Со мной все в порядке, просто последние недели выдались хлопотные.

Эдам устраивается поудобнее, сухощавое тело тянется к теплу, как растение к свету.

— За стенами Роклифф-Холла я официально считаю себя бездомным. — Он ворошит дрова в камине железной кочергой, и головешки рассыпаются углями, подбрасывает еще деревяшек, сверху взвивается столб искр.

— Ну и как ты себя ощущаешь? — Я снова накидываю кофту и натягиваю ее на колени.

— Свободным, — отвечает он. — Впервые в жизни я чувствую себя свободным.

— А когда был женат, ты чувствовал себя в ловушке?

Эдам колеблется: сказать, не сказать?

— Клаудия — красивая женщина, мечта любого мужчины. Но когда мы познакомились, нам было всего по девятнадцать, она только начала свою модельную карьеру, а я только приехал в Австралию. — Он качает головой, улыбаясь воспоминаниям. — Потом ее понесло по миру — Лондон, Нью-Йорк, Париж. Она стала довольно знаменитой, и через несколько лет, когда она вернулась в Австралию, денег у нее было больше, чем здравого смысла. Я к

тому времени жил и работал в Сиднее, она меня разыскала, и пошло-поехало! Через полгода мы уже были женаты. — Эдам умолкает, втягивает носом хмельной запах вина. — Наши отношения, если честно, были основаны исключительно на похоти, а копни глубже, и стало бы ясно, что мы совершенно не подходим друг другу. — Судя по тому, что акцент становится заметнее, Эдам пытается скрыть смущение.

— Почему? — Я сцепляю пальцы в замок.

— Учитель истории в бесплатной школе и модель с мировым именем. Догадайся сама. — Он усмехается и засучивает рукава полосатой рубахи. — Думаю, ее забавляло таскать с собой на приемы учителя.

— Значит, между вами была пропасть. — Надеюсь, ответ правильный. — А теперь еще и океан.

— Клаудия вечно пропадала на всяких светских тусовках, вечно была озабочена собственной внешностью. Из студии бежала в ночной клуб, потом в оздоровительный центр, оттуда — опять в студию. Дошло до того, что мы с ней практически перестали видеться. — Эдам ждет от меня каких-то слов, но я помалкиваю, надеясь на продолжение. — Я любил ее, она любила меня, но стоило мне заикнуться о детях, как ее бросало в дрожь. — Он хмыкает. — А уж о доме, машине, собаке, об отпуске с палаткой где-нибудь в глубинке и думать было нечего. Клаудия не могла представить себе отдых вне стен пентхауса. В итоге я сам ушел от нее, так сказать, по доброте душевной. Никто не должен менять себя в угоду другому.

— Иногда это необходимо, — слышу я свой голос. — А ты, значит, мечтаешь о счастливой семье и обо всем, что к ней полагается? — Я грызу ноготь, не сводя глаз с Эдама.

Он пожимает плечами:

— Если хочешь — да. Разве не все мы, по большому счету, стремимся к этому?

— Все, кроме Клаудии? — Я смеюсь, чтобы скрыть грусть.

— А ты?

— Может быть, когда-нибудь, — поспешно отвечаю я. — Хотя мне стоит поторопиться, верно? — Ничего мне не удастся скрыть своими шутками. — А скажи, преподавание в Англии сильно отличается от австралийского?

— Там больше говорят о проблемах аборигенов, здесь приходится нажимать на пуритан и роялистов, но я справляюсь. Учился я в Австралии, но изучал и европейскую историю. А ты была замужем?

Похоже, Эдам такой же мастер менять тему разговора, как и я.

— По-моему, все дело в том, как учить, а не чему учить. В конце концов, прочитать пару книжек любой может...

— Не уверен. — Эдам встает и облокачивается на каминную полку из толстой дубовой доски, греется.

— Я имела в виду в хорошем смысле. Ведь *как* учить бывает важнее, нежели *чему*.

Эдам оборачивается.

— Девочкам нравятся мои уроки.

— Немножко чересчур, похоже, — усмехаюсь я.

Эдам прячет лицо в руках.

— Не напоминай! Спасибо тебе, еще раз спасибо за то, что ты сделала. Сказать, что я тебе признателен, — ничего не сказать.

— Ну хватит уже благодарить, ей-богу. Забыли. Расскажи лучше о своем интернате. Он

похож на Роклифф-Холл? — Как ни странно, когда я расспрашиваю Эдама о том мире, что за пределами моей запечатанной раковины, на душе становится легче.

— Ничего общего, небо и земля! Отвратное заведение в наигадостнейшей части Бирмингема. — Эдам снова усаживается. У него мужественное лицо, кудлатая шевелюра, обаятельная улыбка, и держится он мило, по-доброму.

— Признаться, я всегда думала, что интернаты для избранных и стоят бешеных денег. Если он был так уж плох, твои родители должны были пожаловаться.

— Фрэнки, это был не интернат. Это был детский дом. Меня отдали туда сразу после рождения, а потом то забирали, то снова возвращали. Родители были практически нищими. — На лице никаких эмоций. Эдам словно нацепил маску, только она норовит соскользнуть. — Какое-то время я жил с родителями, но по большей части — в детском доме. И совсем недолго в приемной семье.

— А где они сейчас, твои родители?

Он качает головой:

— Им было не до меня. Обычное дело — наркотики, криминал, насилие. У меня есть младшая сестренка, мне было уже четырнадцать, когда она родилась. Ее тоже отдали в детский дом, но в другой. Потом мне сообщили, что родители умерли, а связь с сестрой я потерял.

— Печальная история. — Я подливаю вина и придвигаю нарезанный сыр. Эдам берет ломтик, а я запикиваю в рот сразу два, чтобы не сорвалось с языка то, о чем потом пожалею.

— Теперь понимаешь, почему я начал с чистого листа на другом континенте? После детского дома пошел работать, пахал как вол и накопил на билет в Австралию. Мне повезло: я ходил в школу и получил аттестат, который и добыл мне место в педагогическом колледже.

Я киваю, раздумывая — зачем он вернулся в Англию? Спросить не успеваю: мы слышим пронзительный вопль.

— Что это?! — Эдам бросается к дверям, распахивает их.

Снова крик — и перед нами возникает бледная дрожащая фигурка в ночной рубашке.

— *Лекси...* — выдыхаю я.

Нина заглянула в окошко мастерской и, с трудом удерживая одной рукой поднос, открыла дверь.

— Ау! — негромко окликнула она.

Только бы Мик не заметил, что она рыдала.

Мик терпеть не может, когда кто-то неожиданно заходит и мешает работать, но ей необходимо увидеть его, хоть на несколько мгновений. И предлог вполне убедительный — принести обед, пока не пришла Тэсс.

Сосредоточенность Мика была видна в напряжении всех мышц, в сведенных плечах. Он нагнулся к холсту и положил на огромное полотно крошечный мазок белой краски.

— Искорка в глазах, — прошептала Нина. — Ты оживил ее.

Мик обернулся, вынул изо рта зажатую в зубах кисть и протяжно выдохнул, словно все утро удерживал дыхание.

— Хороша? — Он удовлетворенно хмыкнул.

На глаз упал темный завиток, и Нина невольно отметила ниточки седины. Она обожала смотреть, как работает муж — сосредоточенно, забывая обо всем. Вот и сейчас, только увидела его — и на душе стало легче, как она и надеялась.

— Я тебе обед принесла. — Нина опустила поднос на столик, сдвинув в сторону десятки скрученных и выдавленных тубиков. В воздухе носились запахи льняного семени, скипидара и творческой фантазии. — Есть новости из той галереи, которая связалась с тобой по электронке? Они по-прежнему заинтересованы в твоих работах? — Нина старалась выглядеть и говорить как обычно. Перспектива дополнительной работы для Мика — это, конечно, здорово, но хватит ли у него сил на все?

Мик сунул кисточки в банку с голубовато-мутной водой.

— Предложили встречу. Я пытался дозвониться, но пришлось оставить сообщение.

— Как я рада, что тебя наконец-то начинают ценить по заслугам.

Нина вновь остановила взгляд на картине. По манере исполнения она несколько отличалась от его привычных работ. Во-первых, была более яркой. Отличительным признаком картин Мика были естественные, приглушенные тона с единственным цветовым акцентом. Здесь же предметы реальной жизни и реалистичный фон уступили место импрессионистской атмосфере с ноткой сюрреализма. Молодая обнаженная женщина выглядывала в балконную дверь. Под балконом — намек на уличную сцену, но лишь намек. Взгляд тотчас притягивали алые туфельки на ногах девушки.

— Мне очень нравится. — Нина поцеловала Мика в щеку. Зажмурившись, вдохнула знакомый запах и снова ощутила прилив облегчения и уверенности. Но Мик уже отстранился, ему не терпелось вернуться к работе. — Приятного аппетита, — сказала Нина, в душе мечтая остаться здесь до конца дней. — Увидимся.

Шагая к дому, Нина вновь почувствовала, как сердце споткнулось и застучало с переборами. Только вернувшись на кухню, она снова вытащила из кармана заколку. Встав перед зеркалом, приколотла клубничку к светлым волосам на виске — и не сдержала стоны. Зрение, затуманившись по краям, сыграло злую шутку — из зеркала на Нину смотрел кто-то совсем другой.

Нина резко отвернулась, взяла телефон и набрала номер Тэсс. Должно быть, та была

уже в пути, пришлось оставить сообщение на автоответчике: «Тэсс, прости. Кое-что приключилось. Не могу встретиться сегодня. Давай перенесем?»

Сорвав заколку с волос, Нина снова сунула ее в карман.

— На почте ошиблись адресом, — проговорила она, ни на йоту не веря такому объяснению. — Или... условное освобождение за хорошее поведение?

Она нервно расхаживала по кухне, откидывая назад волосы, методично обкусывая ногти (один отгрызла так коротко, что пошла кровь) и пиная ножку стола до тех пор, пока пальцы не заныли от боли.

В конце концов Нина открыла ноутбук и зашла в Интернет.

— Не мог же он бесследно исчезнуть с лица земли, — прошептала она.

Заполнила строку поиска и, барабанив пальцами по столу, углубилась в список выкинутых поисковиком результатов. Google выдал тысячи ссылок. «Марк Мак-Кормак, — бормотала Нина. — Марк Мак-Кормак...» Глаз скользил, ни за что не цепляясь. Похоже, среди всех этих Марков ее Марка не было. Она уточнила запрос — добавила дедовский телефонный номер из записной книжки. Полная безнадега. Тогда она напечатала по-другому: «Марк Мак-Кормак, Управление уголовных расследований». Выскочила целая страница ссылок, но на первый взгляд ни одна не имела отношения к ее делу. На всякий случай Нина кликнула по двум — все не то.

Наконец Нина добавила к имени еще два слова и похолодела, глядя на них и представляя, в какой она сейчас опасности. Слова невинно помаргивали с экрана. Нина нажала клавишу ввода. Среди результатов были блоги всяческих Марков и всевозможных Мак-Кормаков, пара статей привлекли ее внимание, но оказались пшиком, тут же сайт со списком фильмов на тему ее поиска и т. д. и т. п. Нина не нашла ни чего-то конкретного относительно своей ситуации, ни следов неуловимого Марка Мак-Кормака. Что, в общем-то, неудивительно: учитывая характер его работы, он не станет афишировать свое местонахождение.

Бесполезно. Нина встала, неожиданно разозлившись. Как он тогда сказал? *Я всегда буду рядом. Один твой телефонный звонок — и я приду на помощь.* А чему еще ее учили? Ключ к нормальной жизни — независимость в обществе и минимальный контакт с группой поддержки программы.

— Не настолько минимальный, — с горечью вздохнула Нина и вернулась к странице с контактными данными полицейского управления Эйвона и Сомерсета. Набрала номер, не имея ни малейшего представления, что скажет. Но ей необходимо сделать этот первый шаг, возможно, передать сообщение для Марка, где бы тот ни был. Как минимум убедиться, что кто-то еще на ее стороне.

— Соедините меня, пожалуйста, с Управлением уголовных расследований, — твердо и четко проговорила Нина.

— Какой отдел?

— Я... я не знаю.

— Вы знаете, кто вам нужен?

— Не совсем. Вы меня просто соедините, пожалуйста.

Телефонистка вздохнула, и на несколько секунд на линии все стихло. Затем раздался новый гудок и мужской голос ответил:

— Защита населения.

— Я хотела узнать... Не могли бы вы... — Слова не шли с языка. — Я пытаюсь

связаться с одним из ваших сотрудников, которого... знала много лет назад. Номер, который он мне дал, больше не... — Нина услышала смешок и осеклась.

— Бывает, дорогая. Назовите его имя, и я, так и быть, посмотрю в нашем справочнике.

— Понимаете, он был не из полиции Эйвона, а откуда точно, мне неизвестно. Вы не могли бы просто забить его имя в вашу поисковую систему?

— Все не так просто. И с кем, кстати, я разговариваю? Давайте я занесу в систему ваши данные — посмотрим, что выйдет. Я сумею помочь, если...

Нина поспешно опустила трубку. Снова подняла, постучала для верности по рычажку. И застонала. Такого отчаяния и ужаса она не испытывала с того самого дня, как на УЗИ врач не обнаружил сердцебиения ее ребенка.

«Ничего не случится, — сказал ей Мак-Кормак. — Теперь с тобой все будет в порядке». Откуда у него такая уверенность? А она во всем положила на него, она ему *доверяла*. Нине вспомнились его мудрые глаза и как умело он развеял ее страхи. С первой минуты встречи Марк Мак-Кормак взял ее жизнь в свои руки и занимался буквально всем — от устройства в колледж и до решения финансовых вопросов. Он даже помог ей подобрать новый гардероб, когда она отказалась ходить по магазинам в одиночку.

— Вы меня подвели, — прошептала она сейчас, вытащила из кармана заколку и бросила на стол. Она ощущала себя зверем в клетке, где дверца нараспашку, да только бежать некуда. С какой-то безысходностью она опустила крышку ноутбука — пальцы не слушались. Уронив голову на руки, Нина погрузилась в мрачные раздумья. Может, она с самого начала зря рассчитывала на Марка Мак-Кормака?

— Да, да, я с тобой согласна, — рассеянно отозвалась Нина, хотя не смогла бы повторить, о чем сейчас говорила Лора.

Глянув в окно Лориной кухни, Нина расправила тюлевые занавески, чтобы не осталось ни щелочки. К подруге она примчалась, чтобы рядом была хоть одна живая душа. В кармане зазвонил телефон.

— Джози, с мамой все в порядке? — шепотом поинтересовалась Лора, пока Нина говорила по телефону. Она приготовила обед для девчонок и чашку сладкого чая для Нины, заметив, что подруга явно была не в себе.

Джози скорчила пренебрежительную мину. Последнее время мама и вправду ведет себя странновато, но мамы — они ж такие. Нат говорит, что ее мама вечно ревет у себя в комнате и что ни день ругается с папой. Гормоны, решили девчонки, с удовольствием кинув камешек в родительский огород.

— И за этим проследи, пожалуйста. — Только теперь у Нины распрямились плечи и она перестала стискивать губы. — Нам очень многое понадобится. Да, раздобудь еще «слез». Спасибо, Тэсс. Что бы я без тебя делала! — Нина отключилась и пояснила Лоре, кивнув на свой мобильник: — Это Тэсс. Сейчас она практически сама всем заправляет.

— Вот как? — Лора возилась на кухне и ни о чем не спрашивала, по опыту зная: все равно бесполезно, ответа не добьешься, пока Нина сама не решит сказать.

— Если мы вытянем этот фильм, нас завалят работой.

Вдруг забыв о своих страхах, Нина размечталась о будущем — она уже видела, как нанимает полчище гримеров, снимает помещение, берет Тэсс на полный рабочий день.

И тут к горлу вновь подкатила дурнота — она вспомнила.

— Ну что? Нырнем в «Afterlife»? — послышался голос Нат. Девчонки, топя вверх по

лестнице с кормежкой в руках, обсуждали свои планы. Затем над головой хлопнула дверь. Лора с Ниной остались вдвоем.

— Так, подруга. Выкладывай, что происходит. — Лора подтащила стул и села к столу. — Твой черед плакаться. Но прежде чем ты начнешь задавать вопросы и, по своему обыкновению, переводить разговор с себя на меня, сообщаю: мой брак по-прежнему летит ко всем чертям. Третьего дня Том не явился ночевать... — Лора оборвала себя на полуслове: по щеке у Нины катилась слеза. — Господи, Нина! Да что стряслось-то?

— Тебе... тебе Натали никогда не говорила, что наушничать, доносить — это плохо? — Нина высморкалась.

Лора на мгновение задумалась.

— Я знаю, что по своей воле Нат никогда не станет стучать на подружек. Ябедам в школе несладко приходится.

Нина нервно хихикнула.

— А ты сама что об этом думаешь?

— По-моему, ситуация крайне непростая. Детей надо учить не молчать, если что-то не так. А на них чуть не с пеленок давят: сиди тихо, не высовывайся и...

— Здесь ты не права. — Вымученная улыбка подруги дала Лоре понять, что лучше не спорить. — К твоему сведению, чтобы выжить на детской площадке, им надо именно сидеть тихо и не высовываться.

Лора пожала плечами. Интересно, к чему весь этот разговор? Неужели у Джози проблемы в школе? Или еще того хуже — опять что-нибудь с их чертовой игрой?

— Ну... если ты так думаешь, — отозвалась она.

— Я не думаю, я *знаю*, — твердо сказала Нина.

— Какое это имеет отношение к тому, что у тебя вид, словно небо рухнуло? — Лора вытянула из коробки салфетку и подсунула Нине. — Не отстану, пока не скажешь.

Нина снова высморкалась и с трудом выдавила из себя смешок.

— Ровным счетом никакого. Честно. Просто день не из лучших, запарка на работе. Или, может, вирус какой-нибудь.

Лора с сомнением покачала головой:

— Ох, не верится мне что-то.

— Не будем об этом, — отрезала Нина. — Сама управлюсь. — И опустила голову, где кружились прямо противоположные мысли.

— Господи помилуй, Лекси! Что случилось? — Девочку всю трясет, губы посинели. Я обнимаю ее и веду к огню. — Садись, ты совсем продрогла.

Лекси падает в кресло. Эдам снимает куртку и накидывает ей на худенькие плечи.

— Ее здесь и быть-то не должно, — говорю я ему. — Отец задержался.

— Там было лицо, — в ужасе шепчет Лекси. — Смотрело на меня в окно.

— Тебе, наверное, приснилось, — спокойно возражает Эдам. — Кому придет в голову заглядывать в окно второго этажа?

Я слышу страх в голосе Лекси, вижу испуг на ее лице, и тело ее содрогается при каждом вздохе.

— Это был мужчина. — Мне не приснилось, я даже еще не засыпала.

— Окно не на втором этаже, Эдам. Кроме Лекси здесь никого не осталось, и я разрешила ей спать в одной из спален шестого класса, на первом этаже, прямо под комнатой ночной воспитательницы. — Голос у меня срывается, я молюсь про себя, чтобы не подтвердилось наихудшее. Меня бросает в пот. — Мы с Сильвией сняли белье со всех постелей наверху. Я позволила Лекси занять комнату с телевизором и ванной. Все разъехались, а она застряла тут одна. Это несправедливо.

— Я лежала на кровати, — продолжает Лекси. — Читала «Cosmo Girl» и вполглаза смотрела телевизор. Шторы еще были не задернуты. Глянула — а там он. Заметил, что я смотрю, и спрятался. — Лекси закрывает лицо руками. — Я побежала сюда, мисс, и всю дорогу кричала. — Ее по-прежнему трясет. — Так страшно, так страшно!..

— Вызываем полицию? — спрашивает Эдам.

— Нет! — отрезаю я, и оба удивленно вскидывают на меня глаза. — Должно быть, какой-нибудь бродяга искал, где переночевать. Все знают, что сейчас каникулы, он и решил, что здание пустует. — Я улыбаюсь, пытаюсь обратить инцидент в забавный казус.

— А вдруг взломщик хотел поживиться, компьютер стащить? Вызову все-таки полицию, на всякий пожарный.

Я встаю.

— Право слово, только зря потратишь время. У них полно дел, целая вечность пройдет, пока кто-нибудь...

— Фрэнки, по-моему, Лекси ждет от нас другого. — Эдам садится перед девочкой на корточки, а я высовываю голову за дверь и оглядываю просторный холл, почти не сомневаясь, что увижу поспешно убегающую фигуру. — Лекси, ты можешь описать человека, которого видела?

— Урод какой-то. Вроде бы старый.

— А волосы? — спрашивает Эдам.

Лекси молчит, потом неопределенно тянет:

— Вроде были.

— Сейчас приготовлю тебе какао, — обещаю я. — Если хочешь, можешь переночевать у меня. Держу пари, ты видела чье-то отражение с экрана телевизора. Так? — Мой тон не оставляет Лекси другого выбора, кроме как согласиться.

— Наверно, — мямлит она, плетясь за мной на кухню.

— И больше никаких глупостей, — приказываю я, дожидаясь, когда закипит молоко. —

Не было никакого взломщика.

Наши глаза встречаются, Лекси понимает, насколько я серьезна, и секунду-другую погода согласно кивает.

Я всыпаю какао-порошок в закипевшее молоко и размешиваю с такой силой, что оно переливается через край. Мы вместе возвращаемся в столовую, желаем спокойной ночи Эдаму, тот обещает позаботиться о камине, и я отвожу Лекси к себе в комнату. В четыре руки мы вытаскиваем из-под моей кровати раскладушку и застилаем. Лекси забирается на нее, устраивается, поджав ноги, и пьет горячее какао.

Пятнадцать минут тишина нарушается только ее хлюпаньем и причмокиванием. Но вот страх отпустил Лекси, она свернулась под одеялом, и сон надежно укрыл ее от страшного лица в окне. Убедившись, что девочка крепко спит, я крадусь вниз, в спальню шестиклассниц.

Телевизор все еще работает, идет очередное шоу самодеятельных талантов, по сцене павлином расхаживает безголосый певец. Журнал Лекси валяется на кровати рядом с халатом и мокрым полотенцем. Я выключаю телевизор и осматриваюсь. Ничего необычного — шторы открыты, как и сказала Лекси, кровать смята, но не разобрана. Наступив на обертку от шоколадки, сажусь на кровать. С матраса соскальзывает щетка для волос.

С этого места свет падает под другим углом, и я замечаю на стекле отчетливые отпечатки ладоней. Искоса поглядывая на две растопыренные пятерни, чтобы не потерять их из виду, подбираюсь к окну и прикладываю руки к жирным отпечаткам. Они с той стороны — я не могу их стереть. И они гораздо крупнее моих взмокших ладоней. А еще... Я смотрю во все глаза.

На левой руке нет большого пальца.

— Целый час? Не может быть.

Надо мной склоняется Эдам и прикладывает ко лбу смоченную водой вату, я отталкиваю его руку.

— Я допил вино, подогрел себе суп, дождался, пока догорит огонь в камине. Даже успел посмотреть первую часть новостей по телевизору в учительской.

— Целый час? — повторяю я. У меня кружится не только голова, но, кажется, и тело.

— Я увидел свет на первом этаже, в коридоре шестого класса. Учítывая, что сегодня случилось, решил проверить — а ты лежишь тут на полу. Я перенес тебя в лазарет.

Он снова тянется ко мне с ватой.

— Ой! Больно!

— А поглядела бы ты на шкаф! — Эдам осторожно проводит пальцем по багровому шраму у меня на щеке.

— Не надо, — отпрянув, бормочу я.

Эдам послушно возвращается к обработке моей новой раны.

— Может быть сотрясение мозга. Тебя бы в травмпункт отвезти.

— Я себя прекрасно чувствую.

— Тошнит? Голова кружится, болит?

— Нисколечко, — вру я.

— Ну, как угодно. — Эдам досадливо вздыхает. Он уже понял, что спорить со мной бесполезно. — Ты помнишь, что было перед тем, как ты отключилась?

— Помню. Я увидела отпечатки ладоней на стекле. На одной не хватало большого

пальца. Должно быть, это отпечатки того, кто напугал...

— Идти можешь? — интересуется Эдам, я киваю. — Тогда пойдем посмотрим.

В спальне Лекси бледно-голубые шторы теперь задернуты. Все остальное — постель, журнал, телевизор — без изменений. Я отпускаю руку Эдама, за которую цеплялась всю дорогу, и распахиваю шторы.

— Вот здесь. Только надо присесть, чтоб углядеть. — Я сгибаю колени и морщусь: голова трещит. — Что такое? Не понимаю... Они были вот здесь. Может, ты видишь? — Я в недоумении хмурюсь и поднимаю глаза на Эдама, который и не думал присаживаться.

— Фрэнки, — мягко начинает он, — ты здорово стукнулась головой. Ты выпила...

— Но следы были здесь еще до того, как я потеряла сознание! Два отпечатка, с той стороны стекла. На левой руке не хватало большого пальца. И я не брежу. Их кто-то стер! Получается, тот, кто подглядывал в окно, вернулся?

— Маловероятно. — Рука Эдама ложится мне на плечо и оттаскивает от окна. — Ты устала. Давай я отведу тебя к себе. В смысле, к тебе. Утром будешь как новенькая.

Я молча смотрю на него. Он на добрых пятнадцать сантиметров выше меня и отказа не примет.

— Недоставало еще, чтобы ты опять хлопнулась, — говорит Эдам, направляясь вместе со мной к двери.

Я не ропщу, когда он ведет меня на последний этаж, в мою комнату. Не спорю, когда, отвернувшись, ждет, пока я переоденусь и заберусь под одеяло. Лекси прерывисто дышит и вдруг всхлипывает. Эдам окидывает нас обоих внимательным взглядом и выключает свет.

— Я оставлю дверь открытой. — Он кивает мне напоследок и подбадривает улыбкой.

— Спасибо.

Не знаю, за что я благодарю его — то ли за заботу, то ли за то, что он действительно прав и мне на самом деле все это привиделось.

Майкл сильно заболел, сказала мисс Мэддокс. Он заразный, уверяла она нас, и должен лежать в постели. И нечего его тревожить, ворчала она, трясая головой, когда мы столпились перед комнатой, где заперли Майкла и где время от времени слышался грохот.

— Я точно знаю, он плакал ночью, — сказал один мальчик.

— А его рвало? — поинтересовался другой.

— Ну-ка, прочь отсюда, все до единого! — прикрикнула мисс Мэддокс. — Пока и за вами не пришли злые гномы.

— Он из-за гномов заболел, мисс Мэддокс?!

Все бросились врассыпную, а я задержалась, зная, что мне взбучка не грозит. Бетси держала меня за руку и все кашляла — она уже два дня жаловалась на горло.

Мисс Мэддокс окинула меня оценивающим взглядом, размышляя, вероятно, о том, что в свои без малого тринадцать лет я уже слишком большая и сообразительная, чтобы потчевать меня историями про гномов. Я надеялась, что она откроет мне секрет взрослых, я узнаю, какие мысли бродят в их взрослых головах, и пойму наконец, что в действительности происходит у нас по ночам. Но она только опустила руки мне на плечи, не сводя с меня хмурых глаз. Бетси захныкала.

— Есть вещи, — сказала мисс Мэддокс, — которые ни мне, ни тебе лучше не знать. — Вблизи она напоминала ведьму: кислый дух изо рта, дряблая морщинистая кожа. Того и гляди оседлает метлу и улетит. — Не суй-ка ты нос куда не просят, если не хочешь потом пожалеть.

Я притянула Бетси поближе к себе. Мисс Мэддокс наводила на меня страх.

— Куда не совать? — замирая, спросила я.

Такой у меня был характер — до всего надо было докопаться, чем я и занималась с тех пор, как перестала ждать папу. Если что-то происходило, мне нужно было знать. Время от времени я сообщала воспитателям, что кто-то из ребят плохо себя ведет — дерется, или таскает чужое, или ломает вещи. Воспитатели угощали меня конфетами и велели поглядывать по сторонам; они гладили меня по головке и одобрительно кивали, а мне, лишенной внимания, только это и было нужно.

Иногда я шпионила за поварами и видела, как те поднимают что-нибудь с пола и возвращают на противень. Или шныряла по участку, подглядывая за деревенскими мужиками, которые рубили деревья или разъезжали на исполинской газонокосилке. Им было невдомек, а я видела, как наша уборщица Летисия нырнула с одним из них в кусты, а вышла вся красная и неровной походкой пошла прочь со своим ведром.

Однажды я рискнула пробраться в коридор, куда нам строго-настрого было запрещено соваться, — в то самое место, куда меня давным-давно приводили и где меня ослепил свет. Воспитатели играли в карты, орал телевизор — почти все ребята смотрели какой-то фильм, а я изнывала от скуки. У нас были каникулы, занятий нет, делать абсолютно нечего. Я не была шкодой, вовсе нет, мне просто хотелось угодить, разузнать что-нибудь любопытное, хотелось, чтобы меня любили. И я отправилась на разведку.

Вдоль коридора тянулось много дверей. Некоторые были открыты, я заглядывала внутрь. Письменные столы, чахлые цветы в горшках, старые шкафы цвета воды в сточной канаве — ничего интересного. Я отважилась еще на несколько шагов и чуть не подскочила,

когда под ногой скрипнула половица. Вдруг раздались голоса; полумертвая от страха, я прилипла к стене и не дышала, пока голоса постепенно не стихли.

Крадучись на цыпочках, я все дальше забиралась в запретную зону. Одна из дверей показалась запертой, но стоило взяться за ручку и с превеликой осторожностью (вдруг там кто-нибудь только и ждет, чтоб наброситься на меня?) повернуть, как дверь начала приоткрываться. Я затаила дыхание. Когда щель стала достаточно широкой, чтоб просунуть голову, я заглянула внутрь.

Лучше бы мне этого не делать.

Должно быть, здесь и живут гномы, в ужасе подумала я. Место походило на подземелье из книжек про замки великанов, про принцесс и чудищ.

В центре страшной комнаты цепями к полу прикованы несколько железных стульев, стены из голого кирпича в каких-то бурых хлопьях. Темно, но в свете из коридора я разглядела грязный пол, а на нем жуткие инструменты — пилы, железные колья, крючья. И кровь. По углам — несколько кинокамер на треножниках, будто чудовищные насекомые на длинных паучьих лапах. В лицо пахло смрадом, и я быстро захлопнула дверь. Я летела вниз по коридору, еле сдерживая рвоту, и твердила про себя, что никогда, никогда больше не пойду туда.

Задышавшись, я примчалась в общую комнату и протиснулась к самому телевизору, чтобы снова почувствовать себя в безопасности. Сердце у меня трепыхалось, как у пойманного зайца. А вечером, когда мы сидели на кровати Элисон и та расчесывала мне волосы, я рассказала ей обо всем, что видела, про комнату — где она и что в ней. В зеркале напротив мне было видно, как у Элисон открылся рот и щеки стали пунцовыми.

— Честное слово, — выдавила я. И добавила с благоговейным ужасом, словно открыла неведомый и опасный мир: — В этом страшном месте и живут дьяволы!

— Врушка, — неожиданно заявила Элисон. — Глупая врушка! — Лицо у нее пылало. Я-то считала Элисон подругой, а она взяла и треснула меня щеткой по макушке, да так, что у меня голова вжалась в плечи. — Врушка, врушка, врушка! — кричала она и лупила меня щеткой по голове.

— У-у, ты что! Отстань! — Я увернулась от очередного удара Элисон.

Тогда она рухнула на кровать и зарыдала, уткнувшись в подушку и колотя по матрасу кулаками.

— Что на тебя нашло? — Присев рядом с ней, я убрала волосы с ее лица.

Элисон на мгновение затихла. Голова у нее тряслась.

— Когда-то давно, — прошептала она сдавленно, — меня туда забрали.

— Кто забрал?

— Они... Люди в черных капюшонах.

И больше ничего не сказала, только снова заплакала, а я сидела и гладила ее по спине, пока она не заснула.

— Но я хочу *знать!* — приставала я к мисс Мэддокс у двери комнаты, где бушевал Майкл.

— Я тебе уже все сказала, — проворчала она. — Некоторые вещи девочкам вроде тебя знать не полагается.

За дверью раздались крики, Бетси прижалась ко мне. Мы услышали, как Майкла вырвало.

Я насупилась.

— Но вы-то знаете.

— Я взрослая, — бросила она напоследок и пошла по коридору.

— Ну скажите, скажите! Это злые духи? Или призраки? Черти? Злые гномы? Они приходили за Майклом? Они его заразили? — Я вцепилась в руку мисс Мэддокс и удивилась, что она такая холодная, будто неживая.

Мисс Мэддокс строго глянула на меня и серьезно кивнула:

— Да. За Майклом приходили гадкие гномы. Я не должна тебе этого говорить, — шепотом добавила она и поспешила прочь.

К концу фильма слезы ручьем катились по щекам Джози.

— Какой грустный фильм, мам. Я и не думала, что все так кончится. Бедная девушка.

Нина повернулась к дочке, притянула к себе, обняла за плечи. Волосы Джози пахли дорогим шампунем, который она выклянчила у матери.

— Я тоже не думала, солнышко.

После обеда они вместе вернулись от Лоры. Джози упиралась, твердила, что ее пригласили остаться на ночь, что у них с Нат свои планы, что им надо обсудить вечеринку и завтрашний поход по магазинам. «Твои планы, юная леди, изменились, — отрезала Нина. — Остаток дня мы проведем вместе», — твердо добавила она, подумав про себя, что если понадобится, то она пришиллит дочь к своей юбке на всю оставшуюся жизнь.

Всю дорогу до дома Нина нервно поглядывала в зеркало заднего обзора.

— Все частенько оборачивается не так, как думаешь. — После просмотра фильма, которым она подкупила Джози, глаза у Нины остались совершенно сухими. Она и на экран-то почти не смотрела. Помимо всего прочего, ей просто хотелось побыть пару часов рядышком с Джози, чтобы забыть обо всем. — Я тебя люблю, — неожиданно сказала она.

Джози отпрянула.

— Я тебя тоже, — слишком радостно объявила она и соскочила с дивана. — К себе пойду. Хочу побыть одна.

— Только чтоб никакого больше компьютера. И вообще, почему бы тебе не помочь мне в саду?

Малопривлекательное предложение, конечно, но Нине требовалось некое бездумное и прозаическое занятие, вроде прополки, на что можно было бы переключиться, пока у нее не сложится какой-нибудь план. Рядом с Джози было бы легче, к тому же они были бы неподалеку от мастерской Мика.

— Ячитаю, у меня книжка интересная. — Джози прошла через холл и поднялась наверх, оставив Нину один на один с воспоминаниями, которые она считала давно похороненными.

Сжимая в кармане ржавую заколку, Нина бога благодарила, что хотя бы Джози живет обычной жизнью, ничего не замечая. Костями лягу, чтобы так оно и продолжалось, чтобы скрыть все от Мика, решила Нина. Она еще раз убедилась, что входная дверь надежно заперта. Обошла и подергала все окна первого этажа. Черт с ней, с прополкой. Лучше посидеть в доме, поближе к Джози, и хорошенько пораскинуть мозгами. Обдумать лучший и худший варианты развития событий.

Нина налила себе чашку чая, завернулась в плед и устроилась на диване. Рабочим вопросам придется подождать. Она уставилась на противоположную стену. Вместе с Миком они расписали ее однажды ночью, когда Джози была еще маленькой, а потом как были, с липкими от краски руками, упали на кровать, оставляя друг на друге разноцветные отпечатки. «Помечаю территорию!» — прошептал Мик, и они занялись любовью.

Нина сбросила с ног вязаный плед. Пот лился градом, ее лихорадило. По сути, между лучшим и худшим вариантами почти никакой разницы. Чтобы все окончилось благополучно, ей придется пройти через ад.

— Ты точно не против, что я пригласил его на ужин?

Нина очнулась от своих мыслей. Сколько времени прошло — десять минут, десять часов?

— Что ты сказал? — Она улыбнулась мужу. Ее бросало то в жар, то в холод.

— Извини, что сообщаю в последний момент. Я наконец-то получил ответ из новой галереи. Секретарь пишет, что босс сейчас в наших краях и жаждет встретиться не откладывая. Я пригласил его к нам на ужин. Боюсь только, мне про него мало что известно.

Нина видела, что Мик приятно взволнован, но у нее самой от этого не стало легче на душе. Нет, конечно, она была рада за него, но когда до нее дошло, о чем он ее просит, когда представила, что через пару часов им предстоит принимать человека, который может навсегда изменить их финансовое положение... Нет, нет, сейчас это выше ее сил! Даже подкраситься казалось непосильной задачей, не говоря уж о том, чтобы приготовить ужин, которым было бы не стыдно угостить.

У Нины слипались глаза. Мик сразу заметил и поспешил компенсировать грядущие хлопоты — сел рядом, обнял. И почувствовал, как в ответ она обмякла, прильнула к нему.

— Интерес еще одной галереи — это наш шанс.

Нина повернулась и прижалась к губам мужа поцелуем, ладонями сжала виски, мечтая стать частью Мика, укрыться в нем от всех, навсегда.

— Мы с тобой завоюем целый мир, — сказала она глубоким голосом, который всегда заводил Мика, оторвавшись от мужа и глядя ему в глаза. — И галерею из Уэст-Энда.

— Вот именно, из Уэст-Энда!

Его губы коснулись ямочки на ее шее. Ему было мало одного поцелуя, он хотел еще, но время поджимало — надо готовиться к приему гостя.

Нине вспомнился единственный случай, когда она отклонила ласки мужа. Она снова очутилась в больнице, снова вглядывалась в отражение в крошечном зеркальце на стене туалета. «Умерла... — Она различала лицо, губы, слышала слова, но разве это ее голос? — Как моя малышка могла умереть?»

Это был плановый осмотр на двадцатой неделе беременности, Мик обещал приехать к ней в клинику, но по дороге проколол шину. Связаться с ним она никак не могла — мобильного телефона у него не было; по правде говоря, они едва наскребли на старенький «фиат» для Мика. Словом, в затемненную комнату Нина вошла одна, разделась за ширмой и легла на кушетку. С противоположной стороны урчащего аппарата УЗИ одиноко расположился стул. Для отца, догадалась Нина.

— Странное дело, — сказала докторша немного погодя и умолкла. Целая вечность прошла, прежде чем она показала: — Вот головка, но...

При виде крошечного курносого профиля Нина лишь ахнула, не в силах вымолвить ни слова.

— Но я не слышу его сердцебиения...

Произносила ли докторша еще какие-то слова, Нина не помнит. Все вокруг затянуло защитной пленкой, которая не давала правде пробиться в сознание.

Вызвали врача-консультанта, провели новое ультразвуковое исследование, с молниеносной скоростью сделали анализы, которые не оставили сомнений — ребенок умер. По мнению врачей, четыре недели назад. Нина пыталась вспомнить — что она делала, когда ее малышка решила сдаться?

Потом примчался Мик, красный как рак, виноватый, с ног до головы в машинном масле.

— Я все пропустил? — спросил он, улыбаясь.

Нина лежала на спине, белая, как ее рубашка.

— Она умерла, — проговорила бесцветным голосом.

Мик еще не знал, никто не удосужился ему сказать. Из приемной его сразу отправили в кабинет УЗИ — еще один папаша, которому сейчас за опоздание намывают шею.

Мик остолбенел. Спросил: ребенок еще внутри, еще не родился?

Нина не знала, что ответить. Она с мольбой уставилась на женщину-консультанта, что-то озабоченно строчившую в блокноте, но та не подняла глаз, не увидела выражения ужаса на Нинином лице, не заметила, как она сползла с кушетки и заковыляла в туалет. Мик бросился за женой, обхватил руками ее беременный, но уже безжизненный живот.

— Не прикасайся ко мне! — взвилась Нина.

Убитый горем Мик, не обращая внимания на ее крик, зарылся лицом в Нинины волосы.

— Умерла, — сказала она, глядя на себя в зеркало. — Как моя малышка могла умереть? — Ей казалось, она сама умирает, словно смерть ползла изнутри.

— Или давай поведем его в ресторан, — предложил Мик. Теплая рука сжала Нине плечо, возвращая в реальность. — Нина? Ты слышишь? Я говорю, можем поужинать в городе, тогда тебе не придется готовить.

Нина стряхнула воспоминания. Во рту пересохло. Не часто, но она думала о старшей сестричке Джози, никак, впрочем, не называя. Нина не дала ей имени — оно сделало бы девочку настоящей, живой, и потерять ее было бы еще тяжелее. Могилы не было, только горстка пепла, развеянного над рекой неподалеку от того самого места, где одной темной ночью она была зачата, где было вино и звезды и меж деревьев скользили летучие мыши. Вздох ветерка — и от нее не осталось и следа.

— У меня есть свежая рыба, — сказала Нина.

Слова невесомой нитью протянулись через годы, из прошлого в настоящее. Снова вернулся весь ужас ее сегодняшнего положения, застучал молоточками в висках. Живот свело. Некуда, некуда бежать! А если и убежать — что станет с ее семьей? Неужели им было дано прожить вместе лишь определенный срок, а теперь он на исходе? Неужели надо быть просто благодарной за двадцать лет, прожитых с Миком, за пятнадцать лет, отпущенных на заботы о Джози? А ведь в воображении рисовалось, как она состарится рядом с Миком, виделся домик в Корнуолле, собака, Джози приезжает в гости с их внуками...

— Я приготовлю ужин. — Нина встала, прошла в кухню и вытащила из холодильника рыбу. По крайней мере, будет чем занять мысли на несколько часов.

Мик топал следом, бормоча, как он признателен, и предлагая любую посильную помощь.

Нина коротко глянула на него, шлепнула рыбу на разделочную доску и еще не ведая, каким образом это поможет, набросилась на рыбью тушку с самым острым из имеющихся в хозяйстве ножей.

Десятки ворон срываются с деревьев, пока я обхожу Роклифф-Холл. Возмущенно каркая, птицы носятся в тонком утреннем тумане, который висит на ветвях, словно кто-то укутал школьный участок тюлем. Я иду вдоль каменного фундамента, выступающего у основания стен. Задрав голову, разглядываю пять этажей викторианского здания из красного кирпича, что поднимаются в дымку, затянувшую голубое небо. Утро сегодня замечательное, совсем не под стать моему настроению.

«Не это. И не это», — бормочу я, минуя одно окно за другим. Большинство комнат занимают шестиклассницы, но в этом же крыле живут и сотрудники. Такова политика школы — размещать комнаты женского персонала вперемешку со спальнями девочек. Ненавязчивый присмотр, как пояснила Сильвия. Мужской персонал обитает в том же крыле, где и Эдам, за исключением директора с женой. У них собственная квартира. На чердаке под крышей всего два помещения — моя каморка и еще одна комната. Я спрашивала Сильвию, нельзя ли в ней сложить спортивную форму, но та ответила, что комната заперта, а ключ у директора, и посоветовала, что только даром место пропадает.

Наконец отыскиваю знакомые голубые занавески, все остальные — лиловые. Земля здесь идет под уклон, и подоконник оказывается у меня над головой. Но если чуть отступить, то заглянуть в окно проще простого. Споткнувшись обо что-то, смотрю себе под ноги и замечаю прямо под окном камень, очень большой, похоже, из декоративного садика. Серо-зеленый лишайник покрывает его со всех сторон, но... что это? Сердце екает: на плоской стороне камня глинистый отпечаток ноги, а недалеко на траве — рытвина, откуда камень подтащили к стене.

— Кто-то здесь в самом деле был, — бормочу я.

Сквозь пелену тумана пробивается солнце, лучи падают на стекло, и мне в глаза бросается сальное пятно в нижней части окна, как будто его терли. Вокруг пятна все стекло в грязных разводах.

Так, а здесь что? За растрескавшуюся деревянную раму зацепился лоскуток. Осторожно вытягиваю обрывок салфетки — другого доказательства, что кто-то стер отпечатки ладоней, и не нужно.

Боюсь только, в отрезвляющем свете дня Эдам уж точно не поверит, когда я расскажу ему, что видела. Мне и самой с трудом верится, что кому-то понадобилось выискивать что-то — *кого-то* — в пустой школе. Возвращаясь назад к главному входу, я кручу в пальцах клочок салфетки и размышляю: где может прятаться человек, которому абсолютно некуда податься?

Я едва успеваю зайти в холл и отряхнуть росу с башмаков, как на меня налетает Эдам, бодрый и веселый, и принимается о чем-то говорить, и сыплет вопросами, в смысл которых я не в состоянии вникнуть.

— Я тут подумал — не составишь мне компанию? Если, конечно, в силах. Такое чудесное утро!

На Эдаме ярко-синяя куртка — идеальная одежда, если собрался в горы — и удобные ботинки для прогулок. От него пахнет кофе, еще влажные после душа волосы обрамляют свежее лицо крутыми завитками. Я с трудом отвожу от них глаза.

— Что, прости?

Эдам терпеливо вздыхает.

— Я говорю, не хочешь ли сходить со мной в старую церковь? Я договорился, чтоб нас пропустили, и это на школьной территории, так что идти не очень далеко.

Он топчется по старым плиткам пола с таким видом, будто не на шутку разобидится, если я откажусь. После инцидента с Кэти Фенуик его интерес ко мне сильно вырос. Я всего лишь поступила как должно, но тем самым, вольно или невольно, протянула между нами ниточку доверия.

— Ключи у одного мужика из деревни, — продолжает Эдам. — Я поднажал кое на кого и добился разрешения провести полчаса внутри. Мне это нужно для книги, и тебе, уверен, будет интересно. Церковь уже лет двадцать как заброшена. Мне не помешала бы хорошая компания.

Водонепроницаемая куртка обтягивает широкие плечи Эдама, одной рукой он опирается на стену, словно поддерживает все здание. Воодушевление на его лице уступает место надежде, а та в свою очередь сменяется нетерпением. Мне хочется прижаться лицом к этой куртке, укрыться от всех, выплакаться от души на груди у человека, ближе, сильнее, надежнее которого мне сейчас не найти.

— Да, хорошо. Пойдем, — отвечаю я чужим голосом.

— Расскажи о своей книге. Ты собираешься ее публиковать?

Солнце, просачиваясь сквозь кроны деревьев, набрасывает на мох и траву кружевное покрывало света. Туман почти растаял. Мы идем по пестрой тропинке к деревне Роклифф, Эдам шагает позади, и мне, странным образом, совсем не страшно покидать территорию школы. Когда мы вместе, я — часть внушающей доверие пары, а не та, кого будут искать, кого смогут опознать. Впрочем, после ночного переполоха вряд ли имеет смысл говорить о какой-то безопасности даже на территории школы. Я истосковалась по привычной близости, которой отныне лишена навсегда, — по шутке, понятной без слов, по возможности вместе посмеяться, обменяться понимающими взглядами. Но если Эдам вдруг возьмет меня за руку, я, вероятно, вырвусь — пристыженная, виноватая.

Он ворчит и возмущенно фыркает по поводу препон на пути издания книг по истории здешних мест.

— Если будет нужно, я сам ее напечатаю! Не в деньгах дело.

— А в чем? — быстро спрашиваю я. По мере приближения к церкви ноги у меня тяжелеют, словно свинцом наливаются.

Эдам на мгновение задумывается.

— В правде, — осторожно отвечает он. — Изучение местной истории сродни археологии. Упусти какую-нибудь деталь — и рискуешь неверно истолковать все событие. Нарушь последовательность — и никогда не узнаешь, что именно случилось. — Какое-то время мы идем молча, потом он добавляет: — Я хочу все расставить по своим местам.

— А почему именно Роклифф-Холл? Уверена, есть места и поинтересней. — Я тешу себя надеждой, что Эдам просто увлекается архитектурой. В конце концов, Роклифф — великолепный образец причудливой викторианской готики. — Что в нем особенного? — Мне нужно знать, что ему известно.

Эдам неожиданно останавливается и дергает меня за рукав! Лицо у него серьезное, глаза пронзительного синего цвета возбужденно сверкают.

— Разве ты не знаешь? — недоверчиво спрашивает он. — А я думал, здесь все знают. — Он разводит руками, делает несколько шагов и снова останавливается. — Убийства, — говорит он, понизив голос, и озирается, словно боится чужих ушей. — В Роклифф-Холле до конца восьмидесятых годов был детский дом. Ужасные, страшные дела творились в нем, и его закрыли. Несчастные дети. — Эдам качает головой. По-моему, у него на глазах слезы. — Здесь повсюду были найдены тела.

— Какой кошмар...

По лицу Эдама пляшут солнечные зайчики, закрывая его словно маской, и от этого он выглядит печальным и преисполненным решимости одновременно.

— Сначала обнаружили закопанное тело маленькой девочки... — Ему трудно говорить и даже дышать, кажется, неважно. — Затем полиция нашла еще много других. Жуткое дело. — Скорбь, которую он пытается скрывать, свидетельствует о том, что ему известно куда больше.

Я смотрю на Эдама, заслонив глаза от солнца, от прошлого, а заодно и от будущего.

— Похоже, ты уже многое разузнал... — Я не уверена, стоит ли продолжать. — Тебя послушать, так ты сам был здесь. — Я впираюсь взглядом в его лицо, высматривая любую, пусть даже мимолетную реакцию.

Фрейзер Бернارد позвякивает парой ключей на цепочке. Другая рука в кармане замыганного твидового пиджака.

— Много лет никто сюда не заглядывал, — угрюмо ворчит он. — Охоты не было, после того как все тут перебаламутили.

Входная дверь его дома распахнулась прежде, чем мы успели дойти до конца заросшей травой дорожки.

Эдам протягивает руку за ключами.

— Большое спасибо, мистер Бернارد, — громко говорит он. — Я вам очень признателен.

Я молча смотрю на ключи.

— Ишь какой шустрый! — отзывается тот, отдергивая руку. — И незачем орать. Согласно правилам, никто не может входить в церковь без сопровождения назначенного лица.

— Назначенного лица? — удивляюсь я. — Согласно правилам?

Фрейзер Бернارد пялится на меня, будто только что заметил. У него лицо пропойцы, опухшее и все в паутине красных прожилок, жалкие остатки седых волос прилипли к черепу. Даже на расстоянии двух метров я слышу ползущую от него едкую вонь.

— Как скажете, — соглашается Эдам. — Кто это «назначенное лицо»?

— Я, — рычит Бернارد.

Мысленно слышу звон одинокого колокола, плывущий над лесом, на тропе вереница взрослых, следом бредет стайка детей. Колокольчики расцвели буйную траву мазками лазури и индиго, искрится ручеек. Дети оживленно болтают в предвкушении воскресного пикника после службы. Вот отпирается арочная дверь маленькой церкви, дети входят внутрь, и дальше все покрывается мраком.

Меня охватывает слабость, ноги не слушаются. Фрейзер Бернارد хлещет тростью направо и налево, сбивая крапиву и ежевику, которые заполонили то, что некогда было

тропинкой. До меня долетает резкий запах человека, за которым я иду, — зловоние страха, выживания.

Наконец подходим к арке двери. С цепи свисает тяжелый железный замок. Сердце стучит как безумное. Я думаю о тех, кто проходил через эту дверь. И о тех, кто никогда не вышел.

Бернард смотрит на часы:

— На все про все у вас полчаса. И чтоб ничего не трогали.

Он отпирает замок, звенит цепью и тянет дверь на себя. В осенний воздух врывается мерзкий смрад. На солнце еще довольно тепло, но у меня по коже пробегает озноб.

— Небось крыса сдохла, — скалит он зубы, когда я брезгливо морщусь.

— Я туда не пойду! — Я хватаюсь за руку Эдама. Какое счастье — коснуться кого-то, кто может понять. Как мне этого не хватало. — Подожду тебя здесь.

Я стою на верхней ступени, на рубеже света и тьмы. Ничто не заставит меня перешагнуть эту грань. Упрямо скрестив руки, поднимаю голову к солнцу.

Эдам удивленно округляет глаза:

— Ты что, дохлой крысы боишься?

— Да, — соглашаюсь негромко. — Не люблю я их.

За плечом Эдама я мельком вижу внутренность церкви. Через витраж над алтарем пробиваются цветные полосы света, выхватывают из темноты упавший крест, каменные ступени, стол. Больше ничего не могу различить, слишком темно — или глаза отказываются видеть.

— Заходи, когда проветрится.

Эдам огорчен: все-таки придется идти одному. В руках у него блокнот и диктофон. Он в последний раз бросает на меня умоляющий взгляд — оттого, быть может, что самому страшновато, — поворачивается и шагает в темноту. Промозглая сырость щупальцами охватывает его, тянет к себе, пока он не растворится окончательно.

Я отхожу от входа, слушая исступленный пульс в ушах.

Фрейзер хмыкает:

— Чего струхнула-то? — Отвернувшись и покашливая, он возится с пачкой сигарет. Закуривает.

— Ничего не струхнула. Просто хочу подождать на солнышке.

— Небось думаешь, объявятся призраки да заграбастают, а? — Морщинистое лицо гнусно кривится.

— Не понимаю, о чем вы говорите. — Я спускаюсь на две ступени от входа, замшелые камни крошатся под ногами. — Вы, между прочим, тоже не пошли, а Эдаму для книги наверняка пригодились бы сведения из местной истории.

— Сам разберется. Когда-нибудь. — Фрейзер Бернард, задыхаясь, хихикает, давится кашлем и при этом умудряется пыхтеть сигаретой. — Ежели сперва не помрет от старости!

Из церкви несется грохот, затем вскрик.

— Эдам? — Я в два прыжка снова оказываюсь у двери.

— Ничего. Все нормально, — гулко долетает из глубины церкви — из глубины лет — голос Эдама. Чей-то забытый голос.

Фрейзер трясет головой.

— Сказал же: ничего не трогать.

— Там темно. Наверное, он случайно что-то задел.

— Никак, тело той девчонки, э-э? Пришла за ним, хе-хе! — Фрейзер изъясняется с сильным йоркширским акцентом, резким и грубым. Житье ли в Роклиффе сделало свое дело, или сказалась служба церковным сторожем — не знаю, только каждое его слово сочится злобой. — Как будто девчонка-беспризорница может чем подгадить, хе-хе!

Во рту пересохло, мне плохо. Я опускаюсь на ступеньку и утыкаю голову в колени. *Девчонка-беспризорница.* Я кусаю язык, пока не ощущаю вкус крови.

— Ты чего, барышня?

Он меня жалеет? Ушам своим не верю.

— Голова кружится. Сейчас пройдет. — Я запускаю пальцы в стриженные волосы и украдкой кошусь на него. И угораздило же меня совершить такую глупость — показаться перед кем-то из деревенских.

На фоне неба рисуется силуэт Бернарда, человека с прошлым не менее богатым, чем у самой церкви. Он роется в кармане засаленного пиджака, ищет что-то. Господи, и зачем только я согласилась на эту чертову прогулку.

— Вот. — Он вытаскивает какую-то таблетку и протягивает мне: — Держи, у меня этого добра хоть завались.

— Что это?

Прежде чем Фрейзер успеваает ответить, из церкви возникает Эдам, с искаженным лицом, запыхавшийся.

— Фрэнки!

Это все, что он, задыхаясь, произносит. Только мое имя. Мы смотрим друг на друга, словно делимся правдой. Я не обращаю внимания на протянутую руку Бернарда. Эдам пытается что-то сообщить мне. Что он обнаружил?

— Ты должна туда пойти, — на удивление бесстрастно говорит он. — Там есть некоторые интересные... особенности.

И он снова, нескончаемо долго, смотрит на меня. Никто не произносит ни слова, даже наблюдающий за нами Бернард. Я слышу, как заливаются птицы, как ветерок проносится, шурша листвой. Эдам бормочет что-то в диктофон. Я мотаю головой.

— Неужели ей, — нарушает молчание Фрейзер. Ты давай поживее там, пока она не брякнулась в обморок.

Я беру у него из рук таблетку и кручу в пальцах. Что бы это ни было, принимать я не собираюсь.

— Ну, глотай, барышня. — Фрейзер снова оборачивается ко мне, а я тяжело опускаюсь на холодные каменные ступени. — Говорю же, у меня их навалом. Забудешь про головную боль... и вообще про все. — Он втаптывает окурок в крапиву, не сводя с меня глаз.

Бетси никогда не сидела смиренно в церкви. И вообще, единственное, что ей по-настоящему нравилось в наших походах в храм, это скакать в лесу по дороге туда и, само собой, по дороге обратно. Бегать нам не разрешалось.

Вцепившись в руку, она тянула меня вперед. На зиму я связала ей варежки из обрывков шерсти — распустила старые потертые свитера, оставшиеся после других детей, и связала. Иногда варежки сваливались, и я торопилась поднять, пока их не втоптали в грязь. Я натягивала варежки на озябшие пальчики, Бетси говорила *насиба* и продолжала скакать, покуда все не повторялось.

Летом Бетси меняла два цветастых платяца. Одно я сама сшила кое-как из кусочков всего, что отыскалось в шкафчиках, а другое выкопала в куче одежды пропавших детей — тех, что не вернулись. Если их не было день или два, мы растаскивали их вещички. Раньше было бы несправедливо.

Бетси была хорошенькой как кукла: золотые кудри, глаза-незабудки, фарфоровые щечки. Все лето напролет она звенела смехом-колокольчиком, словно ее маленькую душу согревали длинные дни, жаркое солнце, игры на улице, когда мы гонялись друг за дружкой в лесных зарослях.

И она очень не любила, когда я уходила в школу. Заливалась слезами, сворачивалась клубочком на кровати и хныкала, пока не подходило время возвращаться школьному автобусу. Тогда она бежала в холл, садилась на каменный подоконник и поджидала меня, в точности как раньше я ждала папу.

Больше всего Бетси любила школьные каникулы и, конечно, воскресенья, за исключением того бесконечного часа, когда приходилось смиренно сидеть в церкви и перечислять Господни благодеяния.

— Что это — *бладеяния*? — шепотом спросила Бетси и яростно почесала голову.

— Это все то хорошее, что Господь дал тебе, — чуть слышно ответила я. Перед нами читал проповедь мистер Либи, над кафедрой взлетали его руки. Один из воспитателей обернулся и велел мне заткнуться — противный такой, я не знала его имени.

— А почему я должна их перечислять?

Бетси было почти пять лет. Она немножко умела считать и знала, что ее имя начинается с буквы Б. С учебой у нее было плоховато.

— Так полагается, — сказала я и сама задумалась. В самом деле, *почему* мы должны перечислять Его благодеяния? А если, к примеру, нечего перечислять — что тогда?

Потом я увидела, как Бетси один за другим загибает пальчики и беззвучно проговаривает знакомые числа. Подняв глаза к потолку, на пыльные дубовые балки, она складывала благодеяния, которыми наградил ее Господь.

— Сколько получилось? — прошептала я, когда запели первый гимн.

Бетси на секунду задумалась.

— Одно. Я много раз пересчитала, чтоб правильно было. — Она улыбнулась.

— Одно? — Я наклонилась к самому ее уху, и ее волосы залезли мне в рот. — Что это?

— Ты, — сказала она.

На протяжении недели воспитатели обещали нам за примерное поведение воскресный

пикник. После службы, если мы были послушными, а погода хорошей, мы шли в тот край колокольчикового леса, где деревья разбегались вокруг полянки, заросшей травой. Как раз достаточно места, чтобы девочки разложили коврики, а мальчики собственными свитерами разметили площадку для крикета. Если воспитатели считали, что мы вели себя дурно, — а для этого довольно было провиниться хотя бы одному из нас, — не было ни клетчатых ковриков, ни пакетов с едой, ни приятного шуршания бумаги, когда разворачиваешь бутерброды, ни пластиковых стаканчиков с лимонадом, которые никак не хотели стоять на неровной земле, и никакого валяния на солнышке после еды. Надо было ждать по крайней мере еще целую неделю, чтобы впереди замаячила надежда на веселье.

Пикники случались, по моим подсчетам, примерно раз в месяц, не чаще. У нас было много хулиганистых мальчишек, из-за них воскресного удовольствия лишали всех. Когда же назначался очередной пикник, с нами отправлялись все воспитатели, даже те, которые вообще за нами не присматривали, а больше прятались по комнатам запретного коридора, носили темные костюмы и приглушенно беседовали о непонятном.

— Что такое «головоломка»? — спрашивала я у Патрисии.

— Загадка, — отвечала она.

— А «пере... пердеряга»?

— Передряга. Так говорят, когда попадешь в затруднительное положение.

Неприятность.

— А что значит «изнасилование»?

Патрисия вскинула на меня глаза и с досадой захлопнула книгу, которую читала. Покачала головой и пошла к дубу, под которым устроились несколько воспитателей, как раз те, что мне так не нравились. Она села возле них и зашептала горячо, поглядывая в мою сторону.

Бетси забралась ко мне на колени и заснула. Она часто засыпала после пикника. Живот у нее был набит чипсами, пирожными и всякими вкусностями, которые не часто нам перепадали. Счастливым было время, эти воскресные дни после церкви. Если только никто не проштрафился на неделе, если только погода была хорошей, если только ночью я слышала сонное посапывание Бетси, если только никого не забирали.

Так я еще никогда себя не чувствовала. Может, заболела? Голова словно ватный ком, глаза не открываются. Это был «день конфет», я съела всего две штучки, остальные припрятала в тумбочку и вскоре после этого стала как пьяная, словно я — это не я, а кто-то другой. Я пошла и легла на кровать.

Проснулась глубокой ночью — музыка разбудила, и живот свело от голода. Я проспала ужин, проспала возню, сопровождающую укладывание на ночь, и все еще была в одежде. Что это? Кажется, раздались шаги? В полумраке я пригляделась к Бетси на соседней кровати: спит. Во сне у нее подрагивали веки.

— Кто здесь?

На полу лежала узкая полоска света от лампочки на лестничной площадке. Задернутые шторы чуть колыхались: окно за ними было открыто. Я никого не видела.

Внизу играла музыка, к нам в спальню долетали ее отзвуки. Опять у них вечеринка — визг и вскрики, перекрывая ритмичное буханье басов, взлетали над общим гвалтом, под который мы все научились засыпать. Воспитатели отводили душу. Зато как было здорово на следующий день, когда они еле таскали ноги и плевали на любые наши выходы.

Дверь вдруг открылась, в проеме возникли два черных силуэта. Я отчетливо видела, что это мужчины, один лысый, а у другого плечи шириной с дом. Я оцепенела и только таращила в темноте глаза, силясь узнать их.

— Кто здесь? — прошептала я.

По глазам полоснул луч фонарика, и чья-то рука легла на рот, загоня мой крик обратно в горло. От руки пахло табаком, а от ее хозяина разило пивом. Вдвоем они стащили меня с постели, опутали руками, окутали чужими, противными запахами. Я отчаянно отбивалась, я лягалась, я бы и кусалась, да рот был зажат.

«Вот оно, случилось — пронеслось в голове. — За мной пришли ночные чудища. Вот, значит, как это бывает...»

Меня волоком тащили мимо кровати Бетси, я потянулась к ней, замолотила ногами, силясь вырваться, но мне прижали руки к телу и вынесли из спальни.

— Ты ж вроде говорил, она под дозой? — проворчал один.

Другой, лет девятнадцати-двадцати, не больше, только крякнул. У него было воспаленное красное лицо, рябое от прыщей и угрей. Лысый тяжело пыхтел от натуги, напомнив мне папу, его толстый живот задевал мои ноги, пока они тащили меня вниз по лестнице и дальше. В том самом, запретном коридоре музыка оглушала. Знакомая по радио мелодия била по ушам.

— Нееет! — завопила я, как только рука отпустила мой рот. Щеку тут же обожгло пощечиной.

— Заткнись, дура! — прошипел старший. — Хочешь нас всех под монастырь подвести?

Они остановились и выпустили мои ноги, пятки стукнулись об пол. Я рванулась удрать, но они по-прежнему держали меня за руки. Тогда я попыталась укунить одного из них и получила такой удар, что меня отбросило к стене. На какое-то мгновение я отключилась — только звон в ушах и разноцветные круги перед глазами.

— Делай, что тебе велят, дрянь! — Старший снова ударил меня. Я истово закивала: да, да, только не бейте! Но стоило сжимавшим меня рукам ослабить хватку, стоило этим двоим вполголоса заговорить друг с другом, как я припустила по коридору, к свету в дальнем его конце, к своей кровати.

Сама не зная как, я оказалась на полу, ощутила на губах привкус пыли. Меня схватили за ноги и поволокли назад, платье задралось, шершавые половицы обдирали кожу на животе. Распахнулась дверь, и меня швырнули в комнату, где играла музыка. Я увидела вокруг себя множество ног, воняло пивом. Меня перевернули на спину, раздались выкрики и гогот. Платье собралось у меня под мышками, я хотела его одернуть, но кто-то сильно пнул меня в ребра. Я похолодела и только часто-часто дышала. Не мигая я смотрела на полдюжины лиц, а они разглядывали меня. Кто-то плюнул мне в глаз.

Потом все смешалось, перепуталось. Вдруг оказалось, что я голая, но что стало с моей одеждой, не знаю. Я стояла и дрожала так, что ныли ноги. Было ужасно стыдно. Я прижала руки к груди. Не знаю, что раздалось раньше — смех или свист трости, заставившей меня убрать руки.

Стул леденил спину, до боли врезались в запястья веревки. Должно быть, я описалась, потому что почувствовала под собой теплую лужицу. Стул вместе со мной перевернули, струи потекли по спине, намочили волосы. И снова удары — по голове, по плечам. Башмаком, тростью.

Потом обо мне забыли. Я просто валялась на полу, согнутая под углом девяносто

градусов, и деревянные планки стула впивались мне в спину. Меня трясло так, что сводило мышцы. Я лихорадочно водила глазами по сторонам, стараясь разобраться, что к чему и как мне отсюда вырваться. Я видела повара — он был без халата и болтал с другими мужчинами. Почему он позволяет им измываться надо мной? Я-то считала его другом. Видела еще хозяина деревенской лавки, где мы иногда покупали конфеты. Все прочие лица слились в одно смутное лицо.

Так вот куда попадали те, кого забирали ночные чудища? Я выла в голос; никогда в жизни мне еще не было так страшно. Веревки вгрызлись в щиколотки, но боли я уже не чувствовала. Я снова хотела к папе.

Вечеринка продолжалась. *Вечеринка?* Я увидела, как один из двоих, притащивших меня сюда, старший, целуется с какой-то женщиной, и зажмурилась. Ни Патрисии, ни мисс Мэддокс не было. Я стала их звать, но получила зуботычину.

После этого я перестала кричать и не проронила ни звука, даже когда какой-то мужчина снова поднял меня, даже когда он снял веревки и сдернул меня со стула. Бежать я не могла. Сил не было, меня качало, в голове шумело. Мне уже было безразлично, что я голая, вообще все безразлично. Комната плыла перед глазами, я не чувствовала собственного тела, словно его больше не существовало, я была не я, и только мой разум парил высоко под потолком, дивясь: что творится с этой несчастной тощей девочкой там, внизу, и зачем один из мужчин снял брюки?

Я видела боль девочки, страдание на ее лице. Она сжалась в комок, но мужчина растянул ее на полу. Собравшиеся в кружок зрители хлопали и ревели. Там была кровь. Пальцы рук и ног у нее посинели, голова бессильно моталась из стороны в сторону, сердце в груди тукало через силу, медленно-медленно.

— Эту больше не приводите, — недовольно процедил мужчина, застегивая молнию на брюках. — Одна морока.

Очнулась я в своей постели. Осторожно повернула голову и увидела профиль Бетси — вздернутый носик, пухлые детские губы. Протянув руку, я запустила пальцы в мягкие волосы и оставила их там, в кудряшках, а сама, уставившись подбитыми глазами в потолок, благодарила Господа за его благодеяния, и слезы беззвучно текли на подушку.

«Я вернулась, — кружилось у меня в голове. — Мне повезло. Я вернулась».

Звонок в дверь раздался, как раз когда Нина смешала салат. Что ж, ради Мика она будет веселой, постарается изобразить гостеприимную хозяйку. А потом сделает вид, что у нее дела на кухне, будет бегать в туалет, прятаться в спальне, пока не позовут. Мысль об общении с чужим человеком вызывала тошноту, хотя это общение и сулило деньги. Довольно с Мика жизни пресловутого голодного художника. У него талант, он заслуживает признания. Это его шанс, и, как бы паршиво ей ни было, губить этот шанс она не станет.

— Отлично. Рыбу пока в духовку ставить не будем, это можно сделать в последний момент — филе вмиг приготовится. — Нина вытерла руки полотенцем и напомнила себе: — Стол накрыть!

Она слышала, как Мик впустил гостя в холл. Тот громко, только что не криком, поздоровался с хозяином. Можно было разобрать обычный при знакомстве обмен именами, закрепленный рукопожатием, а затем все стихло. В гостиную прошли? Нина выглянула из кухни: пусто. Должно быть, Мик убирает в шкаф верхнюю одежду гостя. Надо быстренько закрыть дверь, чтобы незнакомый человек не увидел ее у плиты.

Нина решила дать мужчинам какое-то время поговорить, а потом уж выйти к ним, да и дел на кухне у нее еще минут на десять. Из столовой донеслись голоса — значит, мужчины перешли туда. Хорошо бы галерист обратил внимание на картины Мика, на стенах столовой висит несколько его работ. При мысли о том, что Мику, возможно, удастся продать картины за такие деньги, о которых он и не помышлял, Нина разволновалась. Буквально на днях они опять обговаривали пристройку, новую ванную, и Нина цеплялась за свою мечту, что бы ни происходило вокруг. Больше у нее ничего не осталось.

Прижав ухо к двери, она напрягла слух: о чем идет речь? Мужчины разговаривали очень тихо — кажется, обсуждали время, уходящие годы, — но она мало что разобрала. Мик наверняка нервничал — он совсем не умел рекламировать собственную работу.

— Самое время выпить, — пробормотала Нина, возвращаясь к духовке, представила Мика с графином в руках и тут же услышала звон стаканов и приглушенные тосты. — За удачу Мика! — Она подняла свой бокал с вином. Хоть что-то положительное во всей этой сумятице.

Нина мыла руки, когда вошла Джози.

— Накрой на стол, солнышко. — Она перекинула дочке салфетки, выдвинула ящик буфета и среди счетов, ручек, всякого хлама раскопала свою губную помаду. Бледно-розовую, любимый тон Мика. Пусть хоть мужу она принесет удачу, раз у самой удачи нет и в помине.

— Почему я всегда должна накрывать на стол? — бурчала Джози, собирая столовые приборы. Она ведь спустилась только за чипсами, и вообще у нее важный разговор с друзьями из «Afterlife».

Нина глянула в зеркало и вздохнула. У себя за спиной она увидела отражение гостиной и Джози, нехотя раскладывающую на столе ножи и вилки. Изнутри поднималось незнакомое чувство — смесь ярости, любви и страха. Чтобы не сорваться, Нина сжала кулаки. Хотелось разнести все вокруг, самой загубить собственную жизнь, пока этого не сделал кто-то другой. Сунув руку в карман, Нина вытащила заколку, поднесла к зеркалу и ткнула острым концом в своего двойника, со скрипом прочертила линию по стеклу.

— Ой! — взвизгнула Джози, уронив нож на ногу. — Больно!

Нина спешно сунула заколку обратно в карман. Ее затрясло, словно это она причинила дочке боль. Исподлобья глядя на свое отражение, она постаралась взять себя в руки.

— Сегодня вечер Мика. Не угрожь его!

На пороге кухни появился Мик, Нина почувствовала на себе его взгляд и обернулась. Муж был бледен и выглядел встревоженным.

— Что-то не ладится? — спросила Нина. Похоже, дела с лондонскими галереями Мику не по плечу.

— Все отлично, — неуверенно отозвался он. — Думаю... мы как-нибудь договоримся. — Мик взял стакан, налил себе холодной воды и осушил залпом, словно неделю томился жаждой. Потом заметил: — Прекрасно выглядишь, — и чмокнул ее в щеку. — Спасибо за хлопоты. — Мик на мгновение сжал ее плечи и вернулся в столовую. Жену он не позвал.

«Дорогая, позволь тебе представить...» — изобразив фальшивую улыбку, передразнила Нина. Хотя, конечно, если ты меня стыдишься... Ерунда собачья. Мик не стыдится ее, он просто психует — уж очень важная сделка.

В комнате вновь раздались мужские голоса, и Нина решила, что пора показаться. Проходя мимо зеркала, быстро поправила волосы и вошла в столовую.

Адреналин запустил сердце на все обороты прежде, чем она осознала причину. Ей казалось, что она идет по комнате, тогда как на самом деле она встала как вкопанная и наигранная улыбка медленно сползала с лица. Не в силах шевельнуться, она смотрела на гостя.

Тот неторопливо поднялся, с бесстрастным выражением протянул руку. Среднего роста, чуть пониже Мика. Все в нем было острым, колючим, от рук и ног до торчащих волос и длинного носа, даже каждый зуб в отдельности казался остро заточенным. Ей стало безумно страшно.

Нина с трудом заставила себя ответить на рукопожатие. Надо держаться в рамках приличия.

Гость натянуто улыбнулся.

Она впиалась взглядом ему в лицо: неужели?..

Нет. Определенно не он, просто память снова играет с ней шутки.

По спине бежали мурашки, сквозь волны накатывающей дурноты она старалась сосредоточиться на его лице и не упасть в обморок. К счастью, тело само сопротивлялось, подстегнутое инстинктом самосохранения, стремлением выжить.

«Это ошибка! — мысленно зывала она неизвестно к кому. — Этого не может быть».

— Добро пожаловать... в наш дом, — выговорила Нина, стараясь унять дрожь в голосе и силясь улыбнуться. Узнал ли он ее? Все-таки столько лет прошло.

— Чрезвычайно рад нашей встрече, миссис Кеннеди. — Отчетливые, аккуратные слова выскользнули из тонких губ свинцовыми пульками.

Нина вздрогнула, сглотнула. Мыслей не было — лишь мутный водоворот эмоций.

— Зовите меня просто Нина, — сказала она, бросив взгляд на Мика, который совершенно забыл о своих обязанностях хозяина.

— А я — Карл, — отозвался гость. Глазки у него масляно заблестели, подбородок выпятился вперед. — Карл Бернетт, — добавил он.

Все завертелось у нее перед глазами. Он здесь, в ее доме! Как разыскал?

— Очень, очень рад... — продолжал он, сделав паузу для пушного эффекта, — нашей встрече.

Нина явственно ощутила в кармане заколку. Он послал заколку как предупреждение, а теперь и сам здесь, в ее доме, и подспудно угрожает. Он не мог не узнать ее, ему прекрасно известно, кто она такая. Хуже всего, что его приход — прямая угроза для ее семьи. Он может положить конец всему, достаточно шепнуть Мику всего несколько слов на ухо.

Ради Мика и Джози ей надо держаться, по меньшей мере до тех пор, пока не появится возможность обдумать дальнейшие действия. Скорее бы прошел этот вечер и они остались втроем...

Мик наконец обрел голос.

— Дорогая, Карл владеет галереей на Нью-Бонд-стрит.

«Неправда! Ничего подобного!» — мысленно крикнула она.

— Неужели? — еле слышно выдавила вслух, бросив быстрый взгляд на мужа.

У него был ошарашенный вид, судя по всему, этот человек привел Мика в полное замешательство. Нина отчаянно посылала мужу сигналы опасности и безмолвно призывала: ну пойми же, пойми! Как дать ему знать, что Карла интересуют отнюдь не картины, что это *ее* он жаждет повесить, а не пейзаж или изящное ню? Карл использовал Мика, чтобы добраться до нее, Нины. Омерзительно.

И все же она лелеяла надежду, что если будет вести себя естественно, вечер пройдет гладко.

— Мне очень приятно, что в последнее время работы Мика вызывают такой интерес. — Невесомые как паутинка, слова едва долетели до середины комнаты.

У мужчин в руках были стаканы. Облокотившись на комод, Нина и себе налила хорошую порцию джина с тоником.

Карл прошелся по комнате. Он был с ног до головы в черном, держался уверенно и раскованно, лицо не выдавало никаких эмоций: пустая физиономия над костистыми плечами, способными сдвинуть мир — Нинин мир. Тронул пару безделушек, взял в руки фарфоровую птичку, которую Джози подарила Нине на день рождения.

— Мик говорит, у вас есть дочь? — Снова та же улыбка вонзается Нине в сердце.

Одно упоминание о Джози, сам факт, что он знает о ее существовании, заставили Нину облиться холодным потом.

— Да, — процедила Нина. — Не хотите ли еще выпить? — Любым способом она должна была увести разговор от Джози.

Дальше все происходило стремительно и вместе с тем словно в замедленном движении. Если бы позднее ее попросили описать, Нина припомнила бы лишь нестерпимую боль в сердце и желчно-горький страх, комом ставший в горле.

В гостиную вплыла Джози и озарил ее беспечностью и очарованием — искусство, которым она овладела, как только научилась ходить. Помедлила на пороге, разглядывая присутствующих, затем отец шагнул к ней, нежно обнял за плечи. Рад передышке, подумалось Нине.

— Мистер Бернетт из Лондона, — представил гостя Мик в ответ на вопросительный взгляд Джози.

Нина про себя молила, чтобы муж почувствовал напряжение в гостиной, чтобы услышал ее безмолвное сообщение.

Ничего не замечающая Джози расплылась в улыбке, между пухлыми губами сверкнули ровные, белые зубы. Нина затаила дыхание. Дочка переделалась в очаровательный летний наряд с низким вырезом. Только сейчас Нина обратила внимание на женственные очертания ее фигурки, подчеркнутые облегающим белым корсажем с вышивкой и цветной юбкой, открывающей колени. Туфли на танкетке добавили Джози лишних семь сантиметров росту, а светлые тона косметики — Нина всего неделю назад посоветовала их — накинули несколько лет к ее годам. Джози выглядела лет на восемнадцать и при этом светилась невинностью. Детская душа в женском теле. Нина стиснула зубы.

— Здравствуйте, очень приятно познакомиться, Джозефина, — прошептала Джози и вежливо протянула руку.

Словно не заметив этот жест, Бернетт распахнул объятия, шагнул к девочке и запечатлел два долгих поцелуя с каждой стороны нежных девичьих губ.

— Мик, Нина! — Он обернулся к родителям. — У вас совершенно обворожительная дочка! Я чертовски завидую. — Ладони Карла скользнули по голым рукам Джози, пальцы сплелись с ее пальцами. Он отстранился, и сальный взгляд обшарил ее фигуру с головы до ног.

Нина коротко, резко выдохнула. *Да сделай же что-нибудь, Мик!* Капли пота проступили у нее на лбу, пока Бернетт плотоядно разглядывал Джози. *Убери свой поганный взгляд с моей дочери!* — крикнула она, не издав ни звука. Что делать? Если устроить сцену сейчас, они все подвергнутся опасности. Нет, надо сохранять спокойствие, надо выдержать проклятый вечер до конца и дать себе время хорошенько подумать. Она обязана защитить Мика и Джози. *Каким-то образом* все еще может оказаться случайностью, ошибкой, совпадением. Ведь может, правда?

Нина извинилась и вышла на кухню.

— Мы уедем, — шептала она, дрожащими руками выкладывая на блюдо тушеные овощи, доставая из духовки подогретые тарелки. — Все вместе уедем и исчезнем. Он никогда нас не найдет.

Нина проигрывала в уме, как она все объяснит Мику, и вдруг — перед глазами чернота, будто она провалилась в омут.

Где могут быть остальные? Нина лихорадочно старалась вспомнить приговоры, сроки, которые оглашал судья. Если все они истекли, тогда это только начало кошмара.

— Ты с кем беседуешь? — Неожиданно около нее возник Мик.

Он выглядел почти спокойным, хотя столешницу сжал так, что вздулись под закатанными рукавами мускулы на руках. Упасть бы в эти руки, повернуть бы время назад!..

— Да ни с кем, — чересчур весело отозвалась Нина. — Вот, отнеси в столовую. — Она вручила Мику блюдо и замерла. Они в упор смотрели друг на друга.

— С тобой все в порядке? Ты уверена? — Мик сдвинул брови. Сделал несколько шагов к двери, остановился, обернулся: — Нина?

У Нины сердце сжалось от его серьезного голоса. Новой напасти ей не выдержать.

— Мы вместе, да? Мы трое, что бы ни случилось?

Нина нервно рассмеялась, от души отлегло.

— Конечно! Мы всегда вместе.

— Я не могу тебя потерять, ты ведь знаешь.

Нина проглотила комок в горле. В любом случае нужно сохранять хладнокровие и тянуть время. Она разберется, во всем разберется.

— А Джози где?..

Боже! Она только сейчас сообразила, что Бернетт остался наедине с их дочкой. Не дожидаясь ответа, Нина схватила бутылку с вином и кинулась в столовую. Гость поднял на нее глаза, прищурился, губы медленно расплзлись в зловещей улыбке. Или у нее разыгралось воображение?

Мужчины натянуто перебрасывались словами, Нина молча препарировала у себя на тарелке рыбу и раскладывала по краям. В общей сложности она проглотила два кусочка и не ощутила вкуса. Вечер казался страшным сном. Если кто и получал удовольствие, так только Джози.

— Ну-с, Джози, — подмигнул Карл, играя приборами и притопывая ногой под столом, — какой твой любимый предмет в школе?

— Да что школа — я театр обожаю! — Джози мгновенно вошла в роль, лицо оживилось. Она с детства любила кого-то изображать, петь и танцевать. Джози наклонилась к Бернетту с видом примадонны: — Когда вырасту, хочу стать актрисой.

— А сейчас где-нибудь играешь? — Карл стрельнул взглядом в сторону Нины, та быстро отвела глаза.

— Недавно была на прослушивании и получила роль Рокси Харт в молодежной постановке «Чикаго». Премьера осенью.

— Королева сцены, куда там! — хмыкнул Мик, с облегчением оставляя разговоры об искусстве.

В который раз Нина отметила, что он удивительно чувствует ее настроение: Нине не по себе — и Мик тоже нервничает. Позже они обсудят прошедший вечер. Бог даст, Мик заснет совсем не такой уверенный, что ему хочется работать с Бернеттом. А Нина будет смотреть бессонными глазами в потолок, наблюдать, как светлеет окно по краям штор, и вспоминать, вспоминать. Она будет искать выход и дрожать от страха за себя и своих близких.

— Вот спасибо, папочка! — Джози сдвинула брови и надулась. — Мама, когда может, берет меня за кулисы, она же гример. У нее потрясающий контракт с крупной кинокомпанией. Я буду вместе с ней ходить на «Пайнвуд» и вполне могу встретить режиссера, который...

— Да что ты говоришь! — перебил Карл, поворачиваясь к Нине. — Вы преуспеваете в бизнесе, и у вас прекрасная семья. Замечательно. — Карл отложил нож и вилку, поднял бокал. — За семью Кеннеди! — с нажимом сказал он. — Чтобы они получили все, чего заслуживают.

Сильвия дает мне две таблетки парацетамола. Она навещала свою тетушку, но теперь вернулась в школу — сказала, что любит воспользоваться последними деньками каникул, чтобы на свободе разобраться с делами. Но я подозреваю, что Сильвии, как и многим здесь, просто некуда податься.

— Немедленно в кровать, — приказывает она. Руки уперты в крутые бедра, на губах помада в тон алому лаку на ногтях. Она замечает мой взгляд. — Хотела прогуляться, но вы в таком состоянии... даже и не знаю.

— Пожалуйста, ничего не отменяйте. И не беспокойтесь за меня. — Я смотрю на часы. — Далеко собрались?

Она вдруг вспыхивает.

— Да так... Есть тут один... деревенский. В кино пригласил. — Сильвия смотрит в зеркало над раковиной в изоляторе и сжимает губы, чтобы помада легла ровнее. — Ну? Можно не волноваться, вы управитесь?

Когда вокруг нет девочек, Сильвия совсем другой человек.

Я киваю — да, управлюсь.

Я рада шансу поговорить с Эдамом. После нашего похода в церковь, когда он дал понять, что его книга имеет касательство не только к архитектуре Роклифф-Холла, не только к здешним видам и живой природе, меня не оставляет мысль — что вообще ему известно? Он знает об убийствах, о найденных телах — это и для меня не новость. Но почему он так заинтересован? Кроме того, мне совсем не хочется оставаться здесь в одиночестве, если снова явится тот бродяга.

Сильвия уходит, и я покидаю лазарет, спускаюсь по главной лестнице, минуя несколько коридоров, пересекаю холл и спускаюсь еще ниже, в полумрак. Щелкнув выключателем на стене, поднимаюсь по задней лестнице, прохожу еще одним коридором и, наконец, оказываюсь возле комнаты Эдама. Стучу, и дверь сама распаивается.

— Эдам? Это я.

Это я. Когда мы успели так сблизиться?

Перешагиваю порог, однако Эдама нет в комнате. Тут просторнее, чем в моей каморке на чердаке, но все завалено книгами. Учебники, книги в твердом переплете, книги в мягких обложках, старые книги, новые книги, зарубежные книги, современные глянцевого типа книги и древние, потрепанные книги. На старомодном столе у окна голубовато светится экран ноутбука.

— Да уж, чистюлей тебя не назовешь, — бормочу я себе под нос. Занятно заглянуть в личную жизнь Эдама.

Постель не заправлена, на краю целая куча одежды — явно копили несколько дней. Посередине кровати, рядом с брошенной курткой, лежит диктофон Эдама. Я дотягиваюсь до него. Оглянувшись на дверь, убираю звук до минимума и с бьющимся сердцем нажимаю кнопку воспроизведения.

...Несколько напестольных пелен в грязных пятнах, сломанное распятие, а на плитках под алтарем пара... пара старых кроссовок фирмы «Найк» сорок четвертого размера. Примерно там, где, очевидно, все и произошло. Окурки. Бутылки. Около тридцати дубовых скамеек, довольно пышная резьба для частной церкви. Северное окно... (Знакомый стук,

вскрик — тогда я ринулась вверх по церковной лестнице на помощь к Эдаму.) Одну-две секунды на скорости перематываю вперед и снова включаю воспроизведение. ...*Ты должна туда пойти. Там есть некоторые интересные... особенности.* (Это он говорит со мной перед церковью. Затем пауза, сопение и шепот — Эдам секретничает с диктофоном.) ...*Потрясающе хороша... Ноги, пальцы, фасон юбки. И все-таки я не понимаю...*

Я выключаю диктофон и бросаю на кровать. Оборачиваюсь — в дверях стоит Эдам.

— Ой, а я пришла спросить, не хочешь выпить со мной кофе в комнате отдыха у девочек? — Сердце подпрыгивает в самое горло, щеки пылают как уголья.

Эдам молчит.

Он сидит на полу, скрестив ноги, согнув спину — внешне абсолютно расслаблен. Заметив под креслом плюшевого зайца, вытаскивает, отряхивает:

— Твой?

— Ну уж нет, — отвечаю я. — Кто-то из девочек оставил. Они садятся в это кресло и изливают свою душу. — Почти все школьницы берут с собой в школу мягкие игрушки, даже шестиклассницы. — Это так трогательно: им нужно кого-то любить. — У меня наворачиваются сентиментальные слезы.

Эдам слышит мое всхлипывание, видит влажный блеск глаз и передает мне салфетку из коробки.

— Не хочешь ли ты забраться в это кресло и излить душу?

Я со смехом качаю головой, жалея, что у меня не хватит смелости сказать «да».

— Ты не передумала насчет этой работы?

— Отнюдь, — вру я. — Первая мысль всегда самая верная.

— Пожалуй, — откликается Эдам и подает мне кофе с подноса.

Он поверил, когда я сказала, что не собиралась совать нос в его дела, просто хотела пообщаться. Мне даже показалось — он рад, что я услышала ту запись.

— Ну, расскажи про церковь, — бодрым голосом прошу я. — Почему она тебя так занимает?

Эдам надолго припадает к чашке, поглядывая на меня поверх края. Снова мы с ним затеяли эту игру — «ты первый скажи». Мы оба чувствуем, что у каждого есть определенный интерес к этому месту и, по разным причинам, — интерес друг к другу.

— Церковь — очень важное звено в истории, которой я занимаюсь. — Он почему-то колеблется. — Именно там произошли убийства, одно из них — совершенно точно. — Он будто легенду пересказывает, не имеющую ничего общего с реальностью. — Сейчас мне необходимо побеседовать с живыми людьми. Я хочу найти местных жителей, которые помнят эти события.

Мысли вертятся волчком. Он уже нашел кого-то, кому есть что рассказать? Меня разбирает любопытство.

— Сегодня я хотел проникнуться тамошней атмосферой. Почувствовать... — он смолкает, откашливается, — почувствовать то место, где все случилось. Это было ужасно, Фрэнки! Там, внутри, я буквально ощутил запах страха. — Эдам опускает голову и шепчет: — *Ее страха.*

— Да?

Неудивительно, что деревенские потребовали заколотить церковь и больше никогда ею не пользовались.

— Вот тогда у меня в голове помутилось и я опрокинул здоровенный подсвечник. — Лицо Эдама выдает нечто большее, чем простое желание написать книгу об истории здешних мест. Душевная боль, переплетенная со скорбью.

— Почему именно Роклифф? — небрежно спрашиваю я. Мне надо быть осторожной. Он ненадолго задумывается.

— С тобой такого не бывало? Когда чувствуешь, что некое место неудержимо притягивает тебя, что ты должен раскрыть нечто крайне важное — и ты готов ради этого броситься на другой конец света?

Сердце у меня екает, рот приоткрывается, но я не нахожу слов для ответа.

— Роклифф-Холл взял меня железной хваткой, Фрэнки, и, образно выражаясь, за волосы приволок из Австралии прямехонько сюда. То, что началось с поисков в Интернете, с элементарного желания узнать собственное прошлое, переросло в стремление докопаться до мельчайших подробностей. Чтобы душа успокоилась, я должен выяснить все!

Я не свожу с него глаз и только безмолвно умоляю: продолжай!

— Я ищу сестру, — говорит он, снова бесстрастно, словно потерял книжку или галстук. Эдам все время осаживает себя, а я просто не могу дать себе волю. — Она жила здесь много лет назад, когда здесь был детский дом. — Он залпом допивает кофе, словно ответ может находиться на дне чашки.

Голос возвращается ко мне — тихий, бесцветный.

— Твою сестру?.. — Я встаю и на подгибающихся ногах, держась за стенку, направляюсь к двери. Мне нужно отсюда уйти. — Вряд ли ты найдешь ее здесь.

В воскресенье, последний день каникул, школа взрывается шумом, суматохой, рыданиями мам и возбужденным гомоном девочек. Даже первоклашки, отдохнувшие за каникулы, рады возвращению к школьной жизни. Старшие девочки без заминки вписываются в школьную рутину — оживленно болтают с подружками, небрежно машут на прощанье родителям.

Отец Лекси не заходит внутрь вместе с дочкой и не дожидается, пока та втащит чемодан по ступенькам главного входа.

— Привет, — говорю я. — Хорошо отдохнула?

На следующий день после переполоха за ней наконец приехали. И с тех пор никаких страшных физиономий в окнах замечено не было.

— Вроде нормально, — отвечает Лекси. — Почти все время была сама по себе.

Она идет к своей комнате, и я помогаю ей распаковать вещи. Сверху лежит подарочная коробка с шампунем и кондиционером, по всей видимости, очень дорогими.

— Это вам. — Лекси протягивает мне серебристую коробку. — Та фигня, что вы мне дали, — полный отстой. — Она ухмыляется. — Я сделала, как вы сказали — налила ее во флакон от шампуня папиной подружки.

— И? — Я снимаю крышечку, вдыхаю аромат косметики, которую я покупала в прошлой жизни, и благодарно обнимаю Лекси. — Спасибо!

— Папа сказал, что волосы у нее пахнут восхитительно, и оба пропали на несколько часов. Мне никогда не победить. Я ему просто не нужна.

— Глупости, Лекси.

Интересно, когда именно человек становится невидимкой? При том, что никуда и не пропал?

Голубая ленточка, скобки на зубах у одной и длинные светлые волосы у другой — я вспоминаю, как мысленно велела себе при следующей встрече с ними задать вопрос. Этих девочек я заметила в кабинете информатики довольно давно, еще когда Лекси заболела, но картинка на мониторе их компьютера отпечаталась в моем сознании. Я даже пробовала сама зайти на сайт с компьютера в комнате отдыха, но доступ оказался заблокирован. Чересчур усердный лаборант, надо полагать, или же судьба намекала мне, что от добра добра не ищут.

— Вы пожалуетесь мистеру Мак-Бейну? — Девчонка округляет глаза и одновременно опускает их долу — приемчик, который со мной не пройдет. Я их все знаю как свои пять пальцев.

— Может, да, а может, нет. Кое от чего зависит. — Самой не нравится, что я делаю, но у меня такая жгучая надобность, такой силы желание, что, возможно — только возможно, — они помогут мне заполнить крошечную частичку безнадежной пустоты, в которую превратилась моя жизнь.

— От чего? — спрашивает вторая девочка. Обе стоят передо мной, сцепив ладони на животах.

— От того, дадите вы мне попробовать или нет, — говорю я с таким видом, как будто женщине моего возраста просить о таком — в порядке вещей.

Они переглядываются, и я улавливаю робкую улыбку облегчения на их лицах.

— Вы это серьезно? — уточняет та, что повыше.

— А почему нет? — Я пытаюсь изобразить негодование. — Вы же не хотите, чтобы мистеру Мак-Бейну стало известно, чем вы занимаетесь на его уроках, верно?

Какая подлость, я сама себе противна. Однако другого выхода у меня нет.

— Не-ет, не хотим. Но если вы ему пожалуетесь про тот сайт, мы скажем, что не заходили.

— Думаете, он поверит вам, а не мне?

— Ага! Через школьную систему ограничения доступа на этот сайт не попасть, все такие сайты под запретом.

При мысли о крамольных сайтах девчонки корчат рожи и хихикают, но, по-моему, они просто психуют. Мой шантаж им нравится не больше, чем мне шантажировать их.

— И как же вы вошли? Я видела собственными глазами.

— А мы спецы!

— Фанаты компьютерные, — вступает блондиночка. — Технари, знаете ли. Мы это умеем.

— То есть нашли способ заходить на сайты, которые в школе запрещены? — Мне не верится. В отличие от этой парочки, я в технике мало что смыслю и всегда полагала: если что заблокировано, то заблокировано.

— Точно. Мы завели свой собственный сервер-заместитель. Пока сетевой координатор не обнаружил нашего адреса, нам ничего не грозит. Мы засыпались только потому, что Лекси заболела и вы увидели экран. Мистер Мак-Бейн всегда сидит на своем месте, по классу не ходит. — Девчонка вопросительно смотрит на меня. — Так вы настучите на нас?

— Настучу?

— Ну, донесете на нас?

— Донесу? — медленно повторяю я. — Нет, девочки, я не стану этого делать.

Я рассматриваю их: довольно хорошенькие, довольно воспитанные, довольно элегантно

одетые, несмотря на свойственное школьной форме обезличивание, — чуть укороченный галстук, приподнятый воротник, поддернутые рукава. Как все до единой ученицы в этой школе, они заставляют мое сердце обливаться кровью.

— Не бойтесь, ваша тайна в безопасности. Но я действительно хочу зайти на этот сайт, и без вашей помощи мне не обойтись.

Переглянувшись, обе кивают.

— Заметано, — говорит та, что повыше. — Я Флис, а это Дженни. Добро пожаловать в «Afterlife». — Флис протягивает руку, и я нерешительно пожимаю ее.

Теперь уже недолго, говорю я себе.

Нина уронила тарелку — верхнюю из стопки у нее в руках. Соскользнув, тарелка спланировала на выложенный плитками пол, осколки фарфора брызнули во все стороны, под стол, под буфет, под холодильник.

— Я достану, — сказал Мик, опять появившись невесть откуда. — Как по-твоему, все хорошо идет? — Он притянул Нину к груди и крепко обнял, словно прощался на месяц. Поцеловал в губы, она не ответила. — Что с тобой? — Мик вытащил у нее из пальцев кусочек фарфора.

— Ничего. — Нина ожила, нагнулась за останками погибшей тарелки, и неудачно — порезала палец. Сразу выступила кровь, густая и темная, закапала на плитки. Нина сунула палец в рот.

Мик вынул из ящика пластырь и протянул жене:

— Держи. Ты с ног валишься, любовь моя. Я сам принесу кофе, через пару минут. А Джози уже пожелала всем спокойной ночи. — Мик и сам явно нуждался в отдыхе.

Нина облегченно выдохнула: хоть за дочку теперь можно не переживать. Вот если бы еще Мик не намекал, что ей следует вернуться к Бернетту. Как хозяин он, конечно, прав, но, несмотря на усталость, Нина не сменит кухню на гостиную, где придется сидеть в компании с этим человеком. Она неуверенно возразила, что лучше займется кофе.

— Я быстро, — сказал Мик.

Спорить бессмысленно, поняла Нина. Она должна помочь Мику там. Ему невдомек, а ведь всей его семье грозит опасность. Скрепя сердце, Нина вернулась в гостиную. Выйдя из-за стола, Бернетт разглядывал ранние работы Мика над камином.

— Они разительно отличаются от того, что я ожидал увидеть, — вскользь заметил он, оглянувшись на Нину, опасно замершую в дверях. — Не такие... чувственные, на мой взгляд, как некоторые из работ вашего мужа.

— У него есть много других. — Аргумент слабоватый, подумала Нина. Но ей плевать на мнение Бернетта о мастерстве Мика, главное — чтобы он поскорее убрался.

— Думаю, я должен с ними ознакомиться. — Бернетт подошел к ней. — Я уже просил вашего мужа, чтобы вы без него показали мне картины, поскольку художники совершенно не умеют себя продавать. — Бернетт вернулся к камину и снова воззрился на полотна. — Мик со мной полностью согласился.

— Ты просто отведи его в мастерскую, — раздался у нее за спиной неожиданный шепот: оказывается, Мик все слышал. — Вдруг посмотрит и уйдет.

Нина содрогнулась и взмолилась безмолвно: «Не надо, пожалуйста, не надо! Не заставляй меня!» Единственное, что немного успокаивало, — мужу, кажется, гость тоже пришелся не по душе. Мик по-свойски опустил ей ладонь пониже спины, подталкивая к Бернетту. Нина упиралась, но рука гостя уже легла ей на плечи, и по коже у нее пробежал озноб.

— Показывайте дорогу. — Клок тусклых волос упал Бернетту на глаз, наполовину скрыв доволство на его физиономии. Ослабившись, он откинул прядь. — Сегодняшний вечер превращается в истинное наслаждение.

Мик открыл стеклянные двери на террасу, в дом ворвался запах нагретой за день реки. Солнце уже спустилось за соседнюю рощицу, и Мик включил уличные фонари, чтобы

осветить дорожку к мастерской. Фонари вспыхнули и тут же погасли.

Мик застонал:

— Черт! Предохранитель полетел. Или одна из лампочек перегорела. — Он двинулся было к чулану под лестницей, но сразу остановился, сунул руку в карман и протянул Нине ключ от мастерской: — Вот, возьми.

Тройной обмен беглыми взглядами — и Бернетт вывел Нину в темноту влажного вечера.

Чужой показалась Нине собственная дрожащая рука, протянутая за ключом; больше всего на свете ей хотелось ухватиться за пальцы мужа. Как он не понимает, что творит, оставляя ее один на один с этим человеком?

— Спасибо, — еле слышно проговорила она, и на миг ей почудилось, что Мик заколебался, померещилось сомнение в его глазах, обращенных к Бернетту и затем снова к ней. Но нет, Мик как ни в чем не бывало отправился к электрическому щитку.

Трава прохладно щекотала ноги, пока Нина молча вела Бернетта к мастерской, ступая по камням вдоль цветочных бордюров. Прошлым летом они с Миком своими руками выложили эту дорожку.

Можно изловчиться, схватить камень и огреть по голове, мелькнула мысль. И все кончится, не успев начаться. Мик поймет, если ему объяснить. Потом они все уедут...

— У вас очень милый садик, — заметил Бернетт. (Как это он разглядел в такой темноте?) — Я бы даже сказал, вы и в жизни очень мило устроились. — Голос стал более низким и густым, в нем зазвучали зловещие нотки.

Нина не ответила.

Они подошли к мастерской, Нина нащупала замок, крутила его так и эдак, но вставить ключ никак не получалось.

— Позвольте мне. — Теперь Бернетт говорил как нежный любовник, предлагающий расстегнуть заевшую молнию или тугую пряжку. Проворные пальцы легли на ее руку, ловко вытянули ключ и вставили в замок. — Вот так, — шепнул он ей на ухо. — Очень просто.

В мастерской Нина отыскала выключатель, лихорадочно защелкала им, но света не было.

— Наверно, Мик не нашел предохранитель. А мастерская подключена к одной цепи с садовыми фонарями. Придется возвращаться, все равно ничего не видно. — Нина шагнула к двери.

— Все, что мне нужно, я вижу, — жестко отрезал гость.

Нина повернулась к нему. Свет из кухонного окна бледной полосой падал на лицо Бернетта, выхватывая острый нос и выпирающий подбородок. Его глаза бегали по ее лицу, пытаясь что-то высмотреть.

Не говоря ни слова, Нина повернулась к выходу, но резкая боль от его пальцев, стиснувших предплечье, остановила ее.

— Я сказал: все, что мне нужно, я вижу. — Бернетт дернул Нину к себе. — Вот все искусство, вся красота и все доказательства, которые мне нужны. Мастерство вашего мужа не в картинах... — Бернетт засмеялся; изо рта несло тухлятиной, как в отлив на морском берегу, — а в умении выбрать себе жену!

Нина отвернулась, зажмурилась, не в силах протестовать, не в силах закричать. Что значит — в умении выбрать жену? Нет, неслучайно он пришел к ним в дом и неслучайно проявил интерес к искусству, хотя ему нет дела до картин Мика. Двадцать лет она уверяла

себя, что этот момент никогда не настанет. Спокойная жизнь, заботливый муж, собственный дом и свой бизнес лишили ее реакции, природного чутья. Мак-Кормак — и тот подвел ее.

— Я... я не понимаю, о чем вы говорите.

Бернетт густо захохотал, притянул Нину еще ближе и, взяв за подбородок, повернул к себе ее лицо.

— Неужели за все эти годы ты ни разу не вспомнила обо мне?

Нина замотала головой.

— А я вот думал о тебе, — продолжал он. — Каждый день, все двадцать лет вспоминал прелести маленькой девочки. — Он был так близко, что Нина ощущала запах — чуть ли не вкус — пота у него на лице. — И представлял, что сделаю с тобой, когда найду.

Он подтащил рабочий стул Мика, упал на него, так что стул возмущенно скрипнул, и рванул Нину вниз, к себе.

— Нет! — Она выдернула руку, пнула его по голени и прыгнула к двери.

Бернетт схватил ее, прежде чем она успела взяться за ручку, и, снова упав на стул, грубо усадил к себе на колени. Она с отвращением почувствовала под собой его жилистые ноги.

— Долгими одинокими ночами я думал только о тебе, — замурлыкал Бернетт, поглаживая Нину по спине. — А жизнь тебя не обидела, миссис Нина Кеннеди. — Он будто выплюнул ее имя. — Ты почти не изменилась. — Бернетт провел пальцем по Нининой щеке, по волосам, прихватил прядь на виске, словно там была заколка. — Надеюсь, тебе пришелся по душе мой подарок?

Горло у Нины сдавило так, что она едва не задыхалась. Сознание висело на волоске.

— Понимаешь ли ты, каково это — потерять двадцать лет жизни из-за... — Бернетт обдал ее кислым дыханием, — из-за *сопливой девчонки*?

Нина покачала головой. Смотреть на него не было сил. Все тело окостенело от страха.

— Девятнадцать лет, четыре месяца и семнадцать дней я провел в заднице. Из-за тебя!

Он вдруг встал, оттолкнув Нину к стене. С соседней полки что-то упало.

В полумраке Бернетт притронулся к полотну на мольберте.

— Мне не слишком приглянулись картины твоего мужа, — сообщил он буднично, словно подбирал что-нибудь для украшения гостиной. — И мне плевать на твою безмозглую дочь. — Бернетт поднял большое полотно и поднес к Нине. — Но *ты* — совсем другое дело. Для *тебя* жизнь больше не будет праздником.

Нина издала тихий стон и не узнала собственного голоса. Ногти впились в необструганные доски стены.

— Ты умрешь, — сказал он тихо, но слова наполнили собой всю мастерскую, проломили тонкие стены и вырвались в ночь. — А скажешь хоть слово — первой умрет девчонка. — Бернетт чиркнул пальцем по жилистому горлу и добавил задумчиво: — Она похожа на тебя.

— Не смей ее касаться своими грязными лапами! — выдавила Нина.

— Очень надо. Она слишком стара для меня, уж тебе-то следовало это знать, Нина. — Он погладил ее по щеке. — Когда с тобой будет покончено, я начну жизнь по новой.

Свет зажегся в тот момент, когда Бернетт ударом ноги пробил холст. Полуослепшая от яркой вспышки Нина смотрела на картину. Это был ее портрет, чудесный портрет, который написал Мик. Глазки Бернетта жадно всасывали каждый сантиметр обнаженного тела, изуродованного его башмаком. Рана с рваными краями прилась как раз на сердце.

— Скажешь Мику, что ты это нечаянно, договорились? — Бернетт толкнул холст, и тот

упал на пол лицом вниз.

— Ты дьявол! — всхлипнула Нина. — Истинный дьявол!

Она выскочила из мастерской и полетела к дому через залитый светом сад. Слезы застилали глаза, она смаргивала их, но они снова набегали и лились по лицу — слезы страха и гнева. Рушилось ее счастье, сама жизнь.

Как он нашел меня?

Очутившись у задней двери, Нина в окне кухни увидела Мика. Если она и была в чем уверена, так это в том, что в дом должна войти, словно ничего не случилось, словно она только что мило провела время с гостем в мастерской. Переступить порог должна абсолютно другая женщина.

Я пыталась рассказать воспитателям, но заговорить смогла только через два дня. Все думали, у меня болит горло, и Патрисия дала мне какие-то таблетки.

— Там и повар был, — сказала я ей.

Она коротко глянула на меня, покачала головой и дальше слушать не стала — у нее было много дел. А мисс Мэддокс, когда заступила на дежурство, отчитала меня за грязную одежду.

— Почему все это мятое, в кровянице валяется у тебя под кроватью? — Вытащив заскорузлые вонючие тряпки, которые были на мне, она брезгливо наморщила нос.

— Меня били, — прошептала я. — И повар там тоже был.

Мисс Мэддокс глянула на меня, в раздумье пожевала губами — и двинулась в обход спальни, собирая грязную одежду, подбирая с пола игрушки.

— И когда только вы порядку научитесь? — бурчала она. — Мараете, рвете, раскидываете...

— Мисс Мэддокс, да послушайте! — взмолилась я. — Со мной что-то плохое сделали. Так нельзя! — Слезы отчаяния брызнули из глаз. Почему она не слушает? Почему остальные дети молчали?

— Эва Этвуд, гораздо ты сказки рассказывать. Фантазерка, каких свет не видывал. В один прекрасный день собаки поживятся твоим длинным языком.

В детский дом пришли люди из муниципалитета. Патрисия сказала «инспекция». Нам было приказано отдраить все сверху донизу, даже те страшные комнаты, в пыли и паутине, которыми никогда не пользовались. Дом был огромный, и добрая половина обычно оставалась для нас под запретом. Бетси, еще слишком маленькая, чтоб помогать, ходила за мной хвостом.

— А что такое *спекция*? — спросила она.

— Сама не знаю, но мне она не нравится — больно много уборки. — Я возила шваброй с мокрой тряпкой по старым половицам, от дерева шел теплый кислотоватый дух. Бетси прыгала по лужицам на полу, а потом топала по сухим доскам, оставляя следы.

Их было шесть человек — пять мужчин и одна женщина, все в темных костюмах. Нас выстроили в столовой и велели петь, а гости пили кофе. Я узнала одного из мужчин — красный нос, коричневые пятна на лбу — и зажмурилась.

— Достоинно всяческих похвал, — заявил один из гостей, одобрительно кивнув директору дома мистеру Либи. Мы видели мистера Либи, только когда случалось что-то непредвиденное или когда приезжал кто-нибудь из муниципалитета. — Дело у вас поставлено отменно.

Звон чашек дал понять, что кофе допит. Хлопком в ладоши один из старших воспитателей отослал нас прочь, а гости из муниципалитета как жуки расползлись по всему дому. Три дня они наблюдали за тем, как мы живем, как с нами обходится персонал, рылись в бумагах и бухгалтерских книгах, записывали, чем нас кормят. Это были лучшие мои дни в Роклиффе. Нам давали все самое вкусное, и все были добры, не только Патрисия и мисс Мэддокс. Воспитатели даже играли с нами в разные игры и разрешали смотреть по телевизору что захочется.

И вдобавок приехал папа.

— Где моя птичка Эва? — Он стоял на пороге общей комнаты.

В камине горел огонь, было тепло и уютно, повар испек пирожки. Мы с Бетси сидели на полу и собирали пазл — новенький, со всеми нужными кусочками, нам его дали только из-за инспекции. Я как раз впихивала очередной кусочек, и моя рука закрывала пол-лица на картинке и еще частичку неба.

— Папа? — ахнула я и захлопала глазами: может, я сплю?

В другом конце комнаты сидели двое из муниципалитета. Я встала, не отводя взгляда от папы — вдруг опять исчезнет? Отсиженные ноги покалывало.

— Пап, это правда ты? — Я подошла к нему. Он был все в той же своей старой дубленке.

— Птичка Эва, как же ты выросла! — Он протянул ко мне руки и прижал к груди. Я мечтала об этом целую вечность.

— Я тебя знаешь сколько ждала? — Вцепившись в косматую изнанку папиной дубленки, я подсчитала на пальцах. — Целых пять лет! — Мне ужасно хотелось стукнуть его, но руки стали как ватные. — Ты приехал забрать меня домой?

— Я приехал повидаться с Патрисией, — ответил он, шаря глазами по комнате.

Сердце оборвалось, ухнуло в живот, скатилось под ноги. Я даже плакать не могла.

— Ее здесь нет, пап. У нее сегодня выходной. — Я знала расписание всех воспитателей, чтобы держаться в сторонке, когда злые заступали на дежурство.

— Черт! — ругнулся папа. — А когда будет? Мне нужно ее увидеть. — Он выудил из внутреннего кармана пачку сигарет, зажал одну в губах, и сигарета у него во рту дергалась, пока он говорил. И он все рыскал глазами по всем углам, как будто от этого Патрисия могла вдруг появиться.

Убедившись, что зря потратил время, папа уныло свозил меня в «Макдоналдс». По дороге сообщил, что два года назад они с Патрисией поженились.

— Только она быстро от меня ушла, — добавил он, высыпая в кофе третий пакетик сахара.

Я попросила кока-колу и чизбургер. Мы сидели в зале для курящих, и я все время кашляла.

Я ничего не сказала ни про то, что он женился, ни про то, что мне и словом об этом не обмолвился, ни про то, что даже не взял меня на свадьбу. Он показал мне свадебную фотографию, всю измявшуюся у него в кошельке.

— Правда, она красавица? — сказал он.

Вот, значит, откуда та прическа, подумала я, вспомнив высоко подобранные волосы и завитки на щеках у Патрисии. Лет сто назад она появилась на работе в таком виде, только чуть-чуть растрепанная и очень розовощекая. А еще на фотке был мальчик в очень красивом, наверное дорогом, костюме.

И что хуже? — размышляла я, после того как сказала папе, что Патрисия очень симпатичная и что я очень за него рада, хоть она и бросила его. Что хуже, думала я, стараясь проглотить комок в горле, когда твой отец женится тайком от тебя или когда тебя насилует неизвестно кто?

Ответа я не знала. Собственно, я даже не была уверена, что меня изнасиловали. Кое-что я видела по телевизору и в школе слышала, как шушукуются старшие девочки. Но вот о чем я не догадывалась, так это о том, что все жертвы всегда хотели умереть.

В первый раз Бетси пропала на целый день. Отыскали ее на яблоне, она прилипла к дереву, как котенок, руками и ногами уцепилась за корявую ветку, а лицом уткнулась в ствол. Патрисия послала садовника за лестницей.

— Я хотела яблочко! — взвыла Бетси. — Я и тебе хотела одно принести, — сказала она мне.

Вместо яблочка она получила порку от одного из гадких безымянных воспитателей и раньше положенного, без ужина, была отправлена спать. Я оставила ей кусок своей сосиски и хлеб.

Я присела к Бетси на кровать и вытащила из кармана еду. Сосиска остыла и ошетибилась ворсинками, но Бетси было все равно. Она жевала всухомятку свой ужин и плакала, что хочет домой, хоть и не знает, где он. Помочь я не могла и от этого злилась. А когда я злилась, то скручивала свою злость покрепче и прятала подальше. Если я и себе-то помочь не могу, то как я помогу ей? Мы все здесь просто ждали, когда закончится один день и начнется другой.

Если не считать конфет, тот кусок сосиски, наверное, был последним, что Бетси съела в том году. В следующий раз она пропала как-то вечером, зимой. А утром оказалась в своей кровати и вроде бы выглядела нормально, за завтраком, как обычно, тарасилась на свои хлопья, и я не стала ни о чем спрашивать, не стала выведывать секреты, таившиеся на дне молчаливых глаз, когда она зачерпывала ложкой молоко и выливала, зачерпывала и выливала. Что-что, а на это у меня уже соображения хватало. Да и не о чем было говорить. Зачем говорить о тех, кого забирали? Они пропадали, возвращались, жили дальше. А что еще мы могли сделать? Если же не возвращались, то и подавно нечего было говорить — надо было скорей делить их одежду, игрушки и, если повезет, пакетик конфет, оставшийся в шкафчике.

Когда я сказала мисс Мэддокс, что Бетси не ест и на глазах худеет, та лишь молча глянула на меня и снова принялась заполнять какие-то бланки. Иногда — это я усвоила со временем — и мой длинный язык не помогает.

Мне грозит увольнение, а Флис и Дженни — исключение из школы, однако они готовы рискнуть, особенно после моего обещания дать по двадцать фунтов каждой, чтобы держали язык за зубами.

— Даже если мистер Палмер свяжет вас и будет стегать по голым спинам ивовыми прутьями, договорились?

— Что мы, идиотки, что ли! — без тени былой ленцы, решительно отвечает Дженни.

От Флис пахнет дорогими духами, в руках у нее последняя модель iPod.

Девчонки переглядываются, словно я их престарелая мамаша, до того древняя, что они и вообразить себя не могут в таком возрасте. «Да, мам. Хорошо, мам», — а самим лишь бы улизнуть к себе и поскорей проверить e-мейл или послать эсэмэску приятелю.

— Нам лучше прямо сейчас пойти в кабинет информатики, — говорит Дженни. — Скоро урок, и никто особо не удивится, что мы там оказались. А если кто спросит, что вы там делаете, — скажем, что Флис стало плохо и я вас позвала.

— Я классно падаю в обморок, — вставила Флис с улыбкой, за которую ее родители, несомненно, отвалили ортодонту кругленькую сумму.

— Мне и нужно-то всего один раз заглянуть, — обещаю я, — и больше я к вам приставать не буду. — Я бегло улыбаюсь, чтобы они не подумали, будто я с придурью или выслеживаю кого-то в сети. Зачем мне это, им знать не полагается, а с двадцатками, зажатыми в кулаке, они и спрашивать не станут.

В кабинете информатики стоит жара и ровное гудение. На мое счастье, никого нет. Дженни запускает компьютер, а Флис подтаскивает еще два стула, чтоб видеть монитор всем троим, и сочувственно поглядывает на меня.

— Знаете, есть сайты, где взрослые знакомятся друг с другом. Хотите, найду вам такой?

Я качаю головой:

— Нет. Мне нужен именно ваш сайт. И давай побыстрее.

Я бросаю взгляд на стеклянную дверь. Мимо проходят учителя, заглядывают в кабинет. Если объявится мистер Мак-Бейн, начнутся расспросы, от которых никакими обмороками не отделаешься.

— Ладно. — Флис подталкивает Дженни локтем.

Компьютер загрузился, Дженни заходит в Интернет, и ее пальцы уверенно летают над клавиатурой. Она входит на неизвестный мне сайт, вводит имя пользователя, пароль, и перед нами разворачивается страница регистрации.

— Надо регистрироваться, — вздыхает Дженни. — То есть придумывать ник, отвечать на кучу вопросов. Уйма времени уйдет. — Девчонки уже нетерпеливо ерзают.

— Может, просто зайдешь на свою страничку, а я присмотрюсь, что да как?

Знаю, есть у них своя страничка, видела, как они там торчали. Если сейчас получится, тогда уж обзаведусь своей собственной и как-нибудь изловчусь заходить на этот сайт почаще. Я осаживаю свое нетерпение и, сдерживая дыхание, склоняюсь к монитору.

— Без вопросов, — отзывается Дженни, и ее пальцы снова порхают по клавиатуре.

— Обалдеть! — вопит Флис, будто меня нет рядом. — Ты только погляди, он тебе цветы подарил!

— Я его обожаю! — Щеки у Дженни становятся того же оттенка, что и букет роз у ее

виртуального порога.

— Они же стоят... до фига баллов! Пацан и вправду в тебя втюрился.

Этой парочки здесь нет, они целиком в своем таком настоящем-настоящем мире, который существует исключительно у них в головах. И нарисованные цветы значат для Дженни не меньше — если не больше, — чем те, которые этот парень отправил бы ей с посылным. Кликнув мышкой, она принимает подарок. Посылный на экране интересуется, не желает ли она отправить ответный подарок.

— Заставь его подождать, — советует Флис. — Пусть помучается.

Кашлянув, я обрываю их секреты.

— Девочки, а можно найти кого-то конкретного?

— Само собой. Здесь куча опций для поиска. — Дженни наводит курсор на цветы, дважды щелкает — и они оказываются в вазе в ее розовой виртуальной спальне. — Но статья другом этого человека можно только с его согласия. Правила безопасности.

Стараясь подавить готовые выступить слезы, я киваю:

— И это очень хорошо.

Флис удивленно на меня косится и вытаскивает из кармана пачку салфеток:

— Вот, мисс, возьмите.

Девчонки переглядываются, им меня жалко. Дженни открывает окно расширенного поиска.

— Вы знаете имя пользователя, которого надо найти? — спрашивает она.

Я сморкаюсь и задумываюсь.

— Нет, не знаю.

Значит, конец? Мне достался всего один мимолетный взгляд в иной мир, такой заманчивый, что я ощущаю его притяжение каждой своей клеточкой.

— Можно поискать по настоящему имени, мисс. Только если вам нужна Джейн Смит, будьте готовы перелопатить сотни ответов.

Девочки искренне хотят помочь, но я уже чувствую их нетерпение. Пальцы Дженни замерли над клавишами, в квадратике мигает курсор. Я перевожу глаза с одной на другую. Быть может, в эту самую минуту их матери думают о своих дочках, надеются, что им хорошо в школе, что их вкусно кормят, что у них есть подружки, что они делают домашние задания и самое главное — что они счастливы.

— Вы бы позвонили потом родителям, — предлагаю я. — Сказали бы мамам, что любите их.

Дженни и Флис сдерживаются, хотя им так и хочется прыснуть со смеху, я вижу. Но вижу и проблеск в глубине глаз: а что, мысль не такая уж глупая...

— Моя сейчас в отпуске во Флориде, проснется только через несколько часов.

— А моя вечно на всяких встречах. Если я ей помешаю, обозлится как черт. — Флис колупает лак на ногте.

— Готова поспорить, они в вас души не чают, — с тоскливым чувством бормочу я.

— Извините, мисс, нам не хочется вас подгонять, но если придет учитель... — Дженни оглядывается на дверь. — Вы знаете настоящее имя, кого мне искать?

— Да, да.

Я встаю и наклоняюсь через ее плечо, чтобы лучше видеть. Вот оно, мелькает у меня в голове, — мгновение, когда прошлое нагоняет настоящее, когда все, что я скрывала, становится реальным. Я задерживаю дыхание, закрываю глаза. И, почти касаясь губами ее

уха, теплым шепотом говорю:

— Найди мне Джозефину Кеннеди.

Нина дважды перемыла посуду, оттерла до блеска стол на кухне и вымела пол. Перерыла весь шкафчик, но отыскала-таки средство, от которого окна засияли хрусталем. Вынесла мусор, в гостиной пропылесосила ковер и обивку на всей мебели, метелкой из перьев смахнула с потолка паутину. Затем принялась за дверные ручки и начистила их до блеска, после чего отдраила и продезинфицировала туалет на первом этаже. Скатерть и льняные салфетки, которыми они пользовались за обедом, засунула в стиральную машину и включила кипячение.

В два часа ночи Нина опустилась на краешек плетеного кресла у окна в сад. Фонари вдоль дорожки к мастерской все еще горели.

— Чем это ты тут занимаешься?

Нина обернулась. В коротких пижамных штанах в красно-синюю клетку рядом стоял Мик с припухшим со сна лицом. Ей была приятна его близость — и вместе с тем хотелось его оттолкнуть. Мысли крутились, как белье в стиральной машине. Это был самый ужасный вечер в ее жизни — *почти* самый ужасный, — и она понятия не имела, что ей теперь делать. Знала только, что главное — уберечь семью.

— Наводила порядок. — Нина не узнала собственного голоса.

Во время уборки она носилась как шальная, отключившись от реальности, от того, что неминуемо должно было произойти. Она так долго жила с завязанными глазами, обманывая себя, мужа, дочь.

— Да ведь посуда уже вымыта. Я слышал шум. — Мик оглядел сверкающую чистотой комнату и нахмурился: — Ты что, уборку затеяла? В такой час?

— Мне хотелось избавиться... — Нина отвернулась к окну. — Хотелось поскорее разделаться с этим.

Мик пальцем поймал ее подбородок, повернул лицом к себе, присел возле кресла на корточки.

— Тебя что-то расстроило?

Нина покачала головой. Как смотреть в эти глаза? Ведь они видели, как из молодой девушки она стала зрелой деловой женщиной и матерью семейства.

— Все хорошо. — Она заставила себя улыбнуться. — Просто устала.

— Досталось тебе сегодня, — вздохнул Мик. — Зря я согласился на эту дурацкую встречу. — Вслед за Ниной он бросил взгляд в сад, потом повернулся и поцеловал ее в щеку. Осторожно, чуточку печально, виновато. — Если тебя это хоть сколько-то утешит — Бернетт заказал мне несколько картин.

— Да? — Нина вспыхнула. — Это... это замечательно, — добавила она, коря себя за то, что Мик пытается преуменьшить свой успех. Но новость убивала.

— Он говорит, у него целая очередь из желающих приобрести художественные произведения... хм-м... скажем так, не стандартные. — Мик сложил руки на груди. — А моими работами он хочет заполнить брешь на этом рынке.

— Прекрасно, — отозвалась Нина. Против ее воли вышло вяло, бесцветно.

Хуже того, что сообщил Мик, ничего и быть не могло. Объясниться с ним? Нет, это не вариант. В другое время она сказала бы себе, что утро вечера мудренее, и отправилась бы спать. Но не сейчас. На этот раз не будет успокоительного разделения ночи и дня, не будет

подзарядки, не будет сияющих глаз и принятия решения на семейном совете. Как смеет Бернетт использовать Мика, чтобы добраться до нее! Трус и психопат.

Мик обнял ее — крепко, но нежно. Для Нины это объятие было и концом, и началом. Слезы затуманили глаза, заволокли самую основу ее жизни — того, кого она боготворила.

— О, Мик! — выдохнула она, глотая рыдания.

— Что, любовь моя?

А вдруг это тот самый случай, та минута, когда она может быть предельно откровенной с мужем? Чувствует ли он ее отчаяние?

Но Нина промолчала, не найдя в себе сил заговорить. Волна подхватила ее и неотвратимо влекла к водовороту, в темные его глубины. Она знала, что идет ко дну. И знала, что никого не должна утянуть с собой.

— Пойдем спать. Я не засну, если буду знать, что ты еще тут. Пропади она пропадом, эта встреча! — Мик поднялся, потянул Нину с кресла, привлек к себе.

— Мик, мне нужно тебе кое-что сказать. — Она словно окаменела, взгляд стал безжизненным.

— Я слушаю.

Нина набрала в грудь воздуха.

— Ты меня убьешь, но... — Она закрыла лицо руками. Надо решиться, не время раскисать. — Это вышло случайно и... — Всхлип был наигранным лишь отчасти. — Помнишь, я пошла показать Карлу твои работы в мастерской, а там было темно, я нечаянно опрокинула... тот чудесный портрет, который ты написал с меня. Хотела его удержать, но наступила прямо на холст, и он порвался! — Всхлипывания перешли в совершенно искренние рыдания. — Мне так жалко, Мик! Я не стала раньше говорить, чтобы не портить тебе вечер.

— Нина, Нина, Нина! — Мик стиснул жену в объятиях. — Так вот почему на тебе лица не было, когда ты вернулась из мастерской. А я ведь было подумал, что Карл тебя чем-то расстроил или, чего доброго, начал приставать. — Мик даже рассмеялся от облегчения. — Ради всего святого, не переживай ты из-за этого холста! Я его так заштопаю, ты и не заметишь. — Поцеловав Нину в шею, он велел не заниматься ерундой и зря не волноваться. — Все будет хорошо, любовь моя.

— Спасибо тебе, Мик, — шепнула ему в плечо Нина, зная, что не будет ничего хорошего.

Должно быть, она все-таки заснула, потому что не заметила, как совсем рассвело. Она видела, как между шторами пробиваются первые лучи, слышала, как на улице мурлычет себе под нос и звенит бутылками молочник, почувствовала, как качнулась кровать, когда из-под одеяла выбрался Мик. В постель он не вернулся. Нина догадалась, что муж встал пораньше, чтобы поработать.

И тут она вспомнила.

Дарованная сном двухчасовая передышка мигом соскользнула с нее, как и пуховое одеяло. Она встала и пошла в ванную. Включила душ и, пока вода нагревалась, разглядывала себя в зеркале. Постепенно отражение исчезло в клубках пара.

— Вот и нет тебя, — прошептала она, открывая стеклянную дверцу душевой кабинки и шагая под горячие струи.

Она стояла под душем, и потоки воды шевелили ее волосы, разгладили их по плечам.

Нина медленно провела ладонями по лицу — хотелось смыть колючую усталость. Не вышло.

Вчерашний ужин — хотя она почти не ела — камнем лежал в желудке. Должно быть, она заболела. Держась обеими руками за кафельные плитки, Нина подалась вперед, опустила глаза на свои ноги и просто стояла под водой.

Потом, завернувшись в полотенце, снова долго смотрела в запотевшее зеркало. Мало-помалу его поверхность очистилась, появилось ее лицо. Не отрывая глаз от своего отражения, Нина представляла, что из зеркала на нее глядит совсем другая женщина.

В библиотеке висят картины. На картинах — лица. Равнодушные глаза взирают на меня сверху вниз. Я иду вдоль стены, разглядываю людей на картинах, шепотом спрашиваю у них: а вы видели то, что видела я?

— Считается, что среди них есть и ценные.

Я не оборачиваюсь, хотя мне следовало бы вздрогнуть, развернуться с круглыми глазами, охнуть, начать оправдываться, уверять, что я ужасно занята, извиниться и убежать.

— Наш Палмер — страстный коллекционер живописи.

Эдам стоит у меня за спиной, на расстоянии дыхания, от его близости горит шея.

— Чтобы по-настоящему оценить картину, нужно время. — Я вовсе не это собиралась сказать, и вообще я собиралась улизнуть со своей стопкой чистого белья.

— Ну-ну, продолжай. — Таким тоном учитель подбадривает запнувшегося ученика. Эдаму невдомек, до чего мне тяжело вести с ним сейчас этот разговор. Прошое, как выясняется, мчится резвее настоящего, оно куда проворнее. Миг — и оно становится будущим.

— Просто на каждую картину у художника уходит уйма времени. Поэтому и смотреть на них следует не торопясь, чтобы должным образом оценить работу мастера. — Не зная точно, где он стоит, я осторожно поворачиваюсь и оказываюсь нос к носу с Эдамом.

И совсем некстати принимаюсь хохотать.

— Боже правый, это еще что за вид?

Эдам делает удрученную физиономию: грустный клоун с намалеванной улыбкой.

— Разве тебе не нравится мой костюмчик?

— Не то чтобы не нравится... Просто любопытно, с чего это ты вырядился в желтое трико, розовую рубаху в полосочку, голубой кудрявый парик... — я прячу ухмылку за ладонью, — и шутовские башмаки.

— Да я в этом каждый день хожу! — театрально возмущается он. — Ты что, не в курсе? Сегодня школьный благотворительный забег. Ты разве не получила сообщение по электронке? Всем рассылали.

— Нет, не получила. У меня ни электронного адреса, ни компьютера.

— И сколько времени?

— Что?.. — Эдам меня совсем запутал.

— Сколько, по-твоему, нужно было времени, чтобы написать эти портреты? — Его мысли, как и мои, скачут между прошлым и настоящим.

— Для начала, здесь работы не одного художника. — Я пробегаю взглядом по ряду из десяти-двенадцати портретов. — Четыре различных стиля. А вот эта последняя картина — просто бесподобна, в точности Матисс. Какие цвета, композиция, свет. Мне очень нравится. Если бы я собралась вкладывать деньги, то в нечто подобное.

— Впечатляющие познания, только здесь пять художников. — Грим и парик забавно контрастируют с серьезным выражением лица Эдама.

— Вряд ли ты...

— А электронный адрес у тебя есть, как у всех сотрудников школы, — твои инициалы, потом фамилия, школьный домен, точка, net.

— Правда?

От пестрого разноцветья Эдама хочется зажмуриться. Глаза он себе обвел темными кругами, отчего нос с легкой горбинкой еще заметней выдается над ярко разрисованным клоунским ртом от уха до уха.

— У нас в Роклиффе почту надо проверять регулярно. Вот прочла бы сообщение — смастерила себе похожий нарядец и приготовилась пробежать-пройти-проползти восемь километров вокруг деревни в благотворительных целях. — Он поправляет съехавший набок парик. — И мне не пришлось бы упрашивать тебя пойти со мной.

Улыбка сползает с моего лица. Долго ли мне еще улыбаться, морщась от боли? Зарубцуются ли когда-нибудь окончательно порез на щеке, но главное — заживут ли ссадины внутри, из-за которых приходится жить с каменным лицом?

— Тогда действительно жаль, что я его не видела, — говорю я и мысленно отмечаю: не забыть поинтересоваться насчет электронной почты и Интернета для сотрудников.

— Стало быть, ты любишь Анри Матисса, — констатирует Эдам. — Одно очко в мою пользу: я еще кое-что про тебя выяснил.

— Ведешь счет? — недоверчиво переспрашиваю я.

— Не хочешь в выходные посетить галерею? В Лидсе выставка, которая должна тебе понравиться.

— Я не художественный критик. Мне нужно убрать школьную форму и вычистить спортивную форму и... — Я трясую головой и иду прочь, но представляю себе пустынную дорогу, голый пейзаж собственной жизни — и останавливаюсь. — Может, когда-нибудь мы и сходим в галерею. Пожалуй, я бы с удовольствием.

Еще с *каким* удовольствием — не передать.

— А если все-таки передумаешь насчет забега, я тебе одолжу свой парик! — кричит мне вслед Эдам.

Я с улыбкой качаю головой. Ноги отказываются уводить меня от него.

Флис и Дженни обещали молчать, хотя я их здорово напугала, когда не выдержала и разревелась над клавиатурой.

— Мисс? Что с вами, мисс?

Я подняла голову. Девчонки топтались у двери, горя желанием поскорее удрать, пока их не застучали. Им еще и сочинение сдавать.

— Ничего, идите. — Я благодарно кивнула, и они убежали.

А я осталась рыдать над столом. После только что увиденного тоска превратила меня в тряпичную куклу.

Когда Дженни очухалась от восторга, в который ее повергли цветы, присланные виртуальным приятелем, она занялась нужными мне поисками в «Afterlife». В результатах поиска оказалось восемь Джозефин Кеннеди — не такое уж редкое имя. Та, которую я искала, была третьей в списке.

— Вот! — выдохнула я. Пораженная непривычными чертами, я не могла отвести глаз от крошечной фотографии. Под именем значилось: *место жительства — Портисхед*. Сердце помчалось галопом, замерло, снова понеслось: сейчас я загляну в ее далекий мир.

Дженни кликнула мышкой на имени.

— Она почти две недели не выходила в сеть.

— Откуда ты знаешь? — Я вцепилась в край стола. Весточка. Уже больше, чем я ожидала.

— Здесь значится, смотрите. — Дженни покрутила курсором по панели информации. — Последний вход в систему 10 октября.

Теперь я знаю, что Джозефина Кеннеди делала 10 октября. Так просто, но я пришла в восторг.

— А это что значит? — спросила я. Мне хотелось еще. Рядом с ее именем выстроилось в ряд несколько иконок.

Флис и Дженни переглянулись, вздохнули.

— Это относится к игре. Краткие данные о том, как она играет, что делает. — Девчонки наслаждались собственным превосходством.

— Вот это сердечко означает, что она ищет любовь, — ухмыльнулась Флис.

— Правда? А это что?

— А это — что засекретилась. Если вас нет в списке ее друзей, вы не сможете прийти к ней в гости.

— И что нужно сделать, чтобы попасть в список ее друзей? Зарегистрироваться и стать участником игры, так?

Дженни кидает взгляд на часы, потом на дверь.

— Так.

Я уже было решила прекратить расспросы и поблагодарить девочек за то, что дали хоть одним глазком заглянуть в эту неведомую жизнь, когда иконка Джозефины Кеннеди вспыхнула и под ее именем замигало зеленым неонам: «в сети».

— Что происходит? — Я чуть не носом ткнулась в монитор. Руки не слушались, с мышкой я не совладала бы.

— Повезло, — хмыкнула Флис, — она вышла в сеть. В «Afterlife» всю дорогу ошивается кто-нибудь из твоих знакомых, в этом самый прикол!

— Она *прямо сейчас* за компьютером? — У меня перехватило дыхание.

— Само собой! — Дженни была потрясена моим невежеством. — Хотите поздороваться? Можно послать поцелуйчик или улыбку. Это типа «здрасьте», ни к чему не обязывает.

— Нет-нет, не надо. — Я не отрывалась от экрана, и он вдруг снова замигал.

Дженни обновила страничку.

— Смотрите. Она поменяла свое настроение и девиз.

— В каком смысле? — Сквозь пелену в глазах я с трудом разбирала мелкие буквы.

— Поставила себе «переменчивое» настроение, — сказала Флис.

— А девиз у нее теперь просто «Почему?». Вообще-то сюда обычно вставляют любимую цитату или поговорку, — озадаченно добавила Дженни.

Рука тянется к экрану, я будто пытаюсь окутать виртуальную жизнь Джозефины Кеннеди сеткой безопасности. Стены кабинета информатики расплываются, я вижу только экран и радужный ореол вокруг ее слов.

— Потому что у меня не было выбора...

От беззвучного шепота и горло перехватило намертво, я крепко зажмурилась, а когда снова открыла глаза, Джозефина Кеннеди исчезла из сети, словно никогда там и не была.

Обитатели деревни Роклифф высыпают на улицу, чтобы полюбоваться ежегодным зрелищем. Одни нарисовали плакаты, другие вывесили на окна флаги, и все громкими возгласами приветствуют пробегающих мимо девочек, бросая в маленькие ведра монетки.

— Я и не подозревала, что... настолько... не в форме! — А еще я не подозревала, что нелепый вид помогает отвлечься. Оказывается, помогает. На мне розовая балетная пачка и прозрачные крылышки, выуженные с самого дна ящика с театральными костюмами. Кто-то из шестиклассниц одолжил мне полосатые гольфы, а Лекси намалевала ярко-бирюзовые круги вокруг глаз и алый рот. До профессионального гримера ей, конечно, далеко, но благодаря ее стараниям я теперь идеальная пара для Эдама, с которым мы дружно трусим по деревне. — Ради чего... это все? Хорошо бы ради чего-нибудь стоящего. — Я пробую улыбнуться.

— Ради местного детского дома, — отвечает Эдам. Он даже не запыхался! — Мы такое устраиваем каждый год. Детдомовских ребят на целый день везут в Скарборо, а мы собираем на дорогу, кормежку, гостинцы и все такое.

Я останавливаюсь, будто наткнулась на стену.

— Детский дом?

— Да. В Харрогейте. Заведение муниципальное, денег мало. — Эдам тоже останавливается и, забыв о своем шутовском костюме, добавляет серьезно: — Это дело чрезвычайно близко моему сердцу.

Я хватаю ртом воздух, мысли разбегаются.

— После того как детский дом в Роклиффе закрыли, местные жители загорелись желанием собрать деньги для другого. Говорят, все были потрясены, ведь прямо у них под носом творились страшные злодеяния, и хотелось хоть как-то загладить свою вину. А теперь это стало традицией.

— Не понимаю, как несколько брошенных в ведро монеток помогут...

Эдам не слушает. Он ступает на тротуар и тянет меня за собой — нас минует дюжина мужиков в костюмах санитарок. Зрители улюлюкают и хлопают в ладоши.

— Поначалу деньги собирали только деревенские, но когда здание было продано и в нем открылась школа, стали звать на подмогу и школьниц.

— Вот оно что, — киваю я и чувствую, что пульс почти возвращается к норме. — Значит, детский дом в Харрогейте не имеет отношения к... — Я машу рукой на школу за спиной.

Эдам качает головой:

— Ни сотрудники, ни ученицы никак не связывают события восьмидесятых с сегодняшней жизнью школы. И директор не распространяется на эту тему с родителями потенциальных учениц.

— Так Палмер в курсе того, что здесь происходило? Он знает об... убийствах? — с трудом выговариваю я.

— А как же, — удивляется Эдам. — Он в те времена был учителем деревенской начальной школы. Местный, можно сказать, до мозга костей.

Вопли толпы сбивают меня с мысли. Мистер Палмер был учителем в начальной школе. Как шелестящие на ветру страницы фотоальбома, перед глазами проносятся образы: дети, школьные годы, стоптанные башмаки, леденцы, беззубые ухмылки, побои и окровавленные спины. Я ощущаю запах древесного дыма, вкус мерзкой еды, отчаяние и одиночество, в который раз вижу безликую фигуру мужчины.

Мистер Палмер. Нет, имя не вызывает никаких ассоциаций.

— С чего это вдруг такая заинтересованность? Книга, что ли, моя разожгла интерес к тайне?

— Просто я всегда осторожничаю, когда дело касается пожертвований. Предпочитаю точно знать, на что идут мои деньги.

Ядовитые цвета его наряда режут глаз. По лицу видно, что Эдам мне не верит.

— А я-то уж обрадовался, что ты сможешь мне побеседовать с кем-нибудь из местных.

— Пошли. Мы здорово отстали.

Так и есть — пестрая карнавальная группа протрусила по главной улице Роклиффа и теперь мелькает вдали флагами, пятнами ярких цветов. Я слышу обрывки приглушенных возгласов. Эдам припускает за ними, но по клоунской физиономии проплывает тень разочарования: теперешнюю его скорость не сравнить с тем, как мы начали. А когда мы равняемся с домишком Фрейзера Бернарда, он и вовсе останавливается посреди улицы.

— В чем дело? Сдаешься? — Я нетерпеливо оборачиваюсь к нему. Хочется скорей с этим покончить и вернуться к своим простыням и биркам.

— Давай зайдем в пивную, выпьем чего-нибудь? — предлагает Эдам.

— Ты же говорил, что хочешь принять участие в благотворительном пробеге? Пивная вроде из другой оперы?

— А если я внесу пятьдесят фунтов от нас обоих? Тогда пойдешь?

Группа бегунов в конце улицы почти скрывается из виду, но еще слышно, как со звоном падают монеты.

— Обещаешь? — Я представляю себе ребят, распевających в поезде на Скарборо, вижу их счастливые лица, измазанные мороженым, слышу треньканье пинбольных автоматов, когда дети бросают в них монетки из наших ведерок, — и мне немедленно хочется вывернуть карманы.

— Да если будет нужно, я сам отвезу ребят в Скарборо! — Эдам стаскивает парик. — Признаться, терпеть не могу бегать.

Волосы у него на макушке стоят дыбом. Он замечает мой взгляд и приглаживает шевелюру. Удивительно — Эдам в этой йоркширской деревушке точно у себя дома, хотя с его акцентом, рыжими вихрами и загаром ему самое место на австралийском пляже. Он снова ерошит волосы, почему-то вдруг засмуцавшись.

— Только засиживаться не будем. — Я мысленно охаю: с ума сойти, согласилась пойти с Эдамом в пивную! Несмотря на чувство вины, мне все равно приятно. — Когда девочки вернутся с пробега, в спальнях начнется светопреставление.

Эдам хочет курить, поэтому мы устраиваемся на улице. Для конца октября еще довольно тепло, и хозяин «Утки и куропатки» выставил несколько столиков на тротуар. Я сажусь на скамейку верхом и принимаюсь за эль, который принес Эдам. А сам он пока скручивает сигарету. Пятна солнечного света, юная парочка за соседним столом, переброшенный мне пакетик чипсов с сыром и луком, даже потешный костюм — все заставляет меня почувствовать себя обычной женщиной. Чуть-чуть, на один процент.

— У меня проблемы. — С губ Эдама свешивается незажженная сигарета, вихрь мыслей проносится в ярко-синих глазах. Он полагает, что я понимаю, о чем речь.

— А именно? — спрашиваю я, хрустя чипсами.

— Да с книгой, конечно. Всегда с книгой! Ни на чем другом не могу сосредоточиться.

— Думаешь, книга поможет тебе разыскать сестру?

Эдам прожигает меня взглядом, словно ему одному дозволено вспоминать ее, и долго молчит.

— Так ты поедешь со мной в Лидс? Я видел афишу, выставка открыта еще несколько

дней. Называется «За пределами экспрессионизма». Правда, здорово?

— Ты не ответил на мой вопрос, Эдам, — тихо, смиренно, почти шепотом говорю я, и его зрачки расширяются, несмотря на яркое солнце. Что на меня нашло?

Он пожимает плечами и отзывается так же тихо и примирительно:

— Работая над книгой, я надеюсь *разузнать* о ней, а не разыскать ее. — Мы словно осторожно кружим друг вокруг друга в причудливом танце. — А теперь ты расскажи о своем увлечении живописью.

— Разве я что-нибудь такое говорила?

Это в характере Эдама — докапываться и доискиваться, на то он и историк.

— Достаточно было увидеть, как ты с полными руками белья разглядываешь портреты в библиотеке. И твои слова насчет того, что нужно время, чтобы оценить картину. Так оно и есть. Большинство людей ограничиваются мимолетным взглядом. А если представить, сколько времени и труда...

— Ты поможешь мне разобраться со школьным Интернетом? — перебиваю я, чтобы положить этому конец.

— Конечно. — Сигарету он так и не зажег.

— Я тоже кое-кого ищу, — вырывается у меня. — Только этот человек не пропал.

Эдам вынимает изо рта сигарету и выдыхает, как будто было что вдыхать. Прищурившись, словно глаза режет несуществующий дымок, он тянет эль.

— Ты, мисс Джерард, как непрочитанная книга. — Прежде чем я успеваю отстраниться, Эдам проводит пальцем под шрамом у меня на щеке. — На каждую историю можно взглянуть больше чем с двух сторон.

В 1984 году детский дом Роклиффа получил специальную награду муниципалитета. Было что отпраздновать. Многие детские дома в округе, по словам Патрисии, закрылись или не прошли ревизии, а Роклифф был флагманом муниципалитета, маяком для заплутавших в жизни детей.

В то лето состоялась церемония награждения. В детский дом явился мэр, весь увешанный золотыми цепями, и преподнес мистеру Либи почетный знак. Тот, позируя для местной прессы, с улыбкой, которую я до тех пор не видела, прошипел сквозь зубы, чтоб мы не смели трогать награду. «Нечего хватать своими грязными лапами», — сказал он.

— Сэр, пусть рядом с вами встанет пара детишек, — попросил один из фотографов.

Мистер Либи как деревянный стоял рядом с мэром. Меня за руку подтащили и втолкнули между ними.

— Улыбайся, рыбка, — сказал человек с фотоаппаратом.

Рука мистера Либи скользнула по моей спине и замерла на мягком месте. И в тот же момент меня ослепила сотня фотовспышек.

— Эва, смотри, у тебя глаза закрыты! — фыркнула мисс Мэддокс, когда три дня спустя мы сгрудились над местной газеткой «Скиптон мэйл».

«Не закрыты, а зажмурены», — подумала я. Мне было пятнадцать, я уже все знала. За восемь лет, проведенных в детском доме, во всем успела разобраться. Жизнь тут напоминала слоеный торт, который нам давали только на Рождество. Мы, дети, были фруктовой начинкой в самом низу — переспевшие бананы и персики с коричневыми бочками. Вроде и не нужны никому — и выбросить жалко.

Я уже почти привыкла к исчезновениям Бетси. Ей было шесть, и она уже вовсю болтала. Главным образом о всякой ерунде. Она обреталась в придуманном мире — в раю, где родилась и жила до того, как попала в Роклифф.

В школу она не ходила. Записать-то ее записали, только продержалась она там всего два дня. Я к тому времени уже перешла в среднюю школу. И хотя прежде, чем сесть в свой автобус, я провожала ее в деревню, и целовала на прощанье у школьных ворот, и совала в карман лишнюю конфетку для перемены, она по-прежнему писалась, по-прежнему качалась на стульях, выдергивала себе волосы и кусалась.

Типичное антиобщественное поведение, сказали в школе, отправили Бетси назад, и один из воспитателей отлупил ее. Когда я пришла, она лежала, свернувшись, у себя на койке и походила на яблоко-падалицу: розовые щечки в ссадинах и кровоподтеках. А синяки на ногах выглядели как чешуя у дохлой рыбины. Я спросила ее, когда купала, почему она писает под себя?

Бетси вздернула худенькие плечики до ушей.

— Потому что могу.

Я отлично поняла, что она имеет в виду.

После купания мы пошли погулять. Было тепло. Мне хотелось побыть с ней вдвоем, собрать маргаритки, сплести венки, делать что-то простое и привычное.

— Моя мама умерла, — сказала я Бетси. — Только ужасно давно, я ее почти не помню.

На поле, за оградой участка, по которому мы с ней брели, паслись коровы. Когда Бетси была со мной, она ничем не отличалась от других детей. Тихая, ласковая и послушная. Мне

она нужна была не меньше, чем я ей, — прикосновение к тому, кто знает.

Бетси подбежала к забору из столбов и перекладин, который отделял нас от десятков животных. Она мычала и, приставив ко лбу пальцы, делала вид, будто бодает забор. Мы были с ней одинаковыми — брошенные сироты, которые не чаяли дожидаться, когда кончится детство, и упорно бодали головой пустоту. Единственная разница была в том, что я теперь об этом знала. Я утратила благодать детского неведения.

— У нее был рак, — сказала я. Бетси отыскала длинную палку, просунула ее через забор и ткнула в коровью лепешку. Туча мух взвилась и зароилась вокруг нас, Бетси взвизгнула. — А папу я не видела лет сто. Он женился на Патриси. Ты про это знала, Бетси? — Она не слушала, но мне все равно нравилось с ней болтать. — А потом они разошлись.

Я всегда гадала: почему Патриси молчала о том, что вышла замуж за папу? Стеснялась, наверно, того, что она моя мачеха, что у нее собственный сын, что он свободен и живет как все люди. «Только даром семья пропала, — думала я. — А у меня вообще никакой семьи».

В тот раз на обратном пути мы нашли Джеймса. В саду, на дереве. Шея багровая от веревки, лицо налилось кровью.

Его заметила Бетси и, сжав в ниточку губы, вытаращила огромные, как у коровы, глазищи. Вытянутое тело Джеймса медленно поворачивалось под самой толстой веткой яблони, ноги почти касались земли. Солнце пробивалось сквозь листву, и по лицу Джеймса прыгали зайчики. Я вскрикнула и рассыпала маргаритки.

— Нет, нет, нет!

Недоверчивые круглые глаза Бетси сузились в удивленные щелочки. Будто она углядела на том дереве эльфа, будто Джеймс, такой красивый и теперь недоступный, явился из тех же краев, что и она сама.

Мы постояли, каждая чуть-чуть завидуя тому, что он ускользнул от своих демонов. Он мучился кошмарами, но в свои шестнадцать стал достаточно взрослым, чтобы понять: все эти годы его терзали не видения.

Набравшись храбрости, мы приблизились — нас тянуло любопытство — и разглядели у него на шее глубокий шрам от врезавшейся веревки. Это был шнурок, скрученный из нескольких тонких бечевки и завязанный длинной толстой петлей. Мы смотрели не отрываясь.

— Он все заранее придумал.

Я тронула ботинок, черная кожа блестела на солнце. На нем были серые носки и темно-синие шорты, голени сплошь в синяках, как у Бетси. Я глянула ему в лицо: ничего общего с Джеймсом, бледным, застенчивым и тихим как мышка. Все думали, что ему не больше одиннадцати, а он был почти взрослым. Говорил высоким девчачьим голосом, и над верхней губой даже пушок не пробивался. Должно быть, ему едва хватило сил, чтобы залезть на дерево, но напоследок он доказал, что не трус.

— Прощай, Джеймс, — сказала я.

— Пока, Джеймс, — повторила за мной Бетси и бросила в него палку, не промахнувшись. — А что Джеймс делает? — спросила она.

— Он умер.

— Как твоя мама?

— Да.

Мы еще немножко поглядели на Джеймса. Муха села к нему на колено, я смахнула ее. С уголка рта у него медленно стекла и застыла красная струйка, и он все смотрел на россыпь

яблок, висящих вровень с его лицом.

— Пойдем, — позвала я Бетси. — Надо возвращаться.

Я никому не сказала о том, что мы видели. После стольких лет Джеймс заслужил немножко покоя.

— А мы умрем? — спросила Бетси, набирая пригоршню камешков с дорожки.

— Может быть, когда-нибудь, — ответила я, а сама подумала: как это мне раньше в голову не пришло?

В обмен на помощь с компьютером я скрепя сердце соглашаюсь пойти вместе с Эдамом побеседовать с одной деревенской женщиной. А внутреннему голосу, который предостерегает меня от опрометчивого поступка, велю уgomониться. Эдам рвется побольше узнать о своей сестре, и я, если честно, тоже. Кроме того, он мне просто нравится. А он просто старается помочь. Мы с ним сходимся все ближе, и хотя я еще не готова к чувствам, которыми сопровождается дружба, мне это приятно.

Эдам сгибается над своим ноутбуком, а когда тот в третий раз зависает, принимается колотить по нему.

— Давно нужно новым обзавестись, — бурчит он себе под нос, затем расплывается в ухмылке и поднимает на меня глаза. Похоже, мое присутствие его забавляет.

Я неловко примостилась на краешке его кровати, а он сам устроился за столом. Повсюду стопки книг и бумаг. Даже в полумраке виден слой пыли, покрывающей буквально все.

— В четвертый раз повезет. — Эдам встает, проходит по комнате с покатым полом и узловатыми балками потолка и сжимает мне плечи. От неожиданности я вздрагиваю. — Я перетащу тебя в двадцать первый век, даже если это будет стоить мне жизни! — До него вдруг доходит, что он сейчас сделал, и он резко отступает.

— Я не с другой планеты, доводилось пользоваться Интернетом, — усмехаюсь я.

— Ну наконец-то! — Эдам подключается к Интернету, кивком подзывает меня и пододвигает мне свой стул: — Садись сюда. Это, мисс Джерард, называется «Интернет». Удивительный мир, где можно завести знакомство с кем угодно — с китайцами, с австралийцами, даже с инопланетянами. — Эдам разливает по чашкам чай и продолжает лекцию по ликвидации компьютерной безграмотности, будто я полный неуч. — В банановой республике тоже умеют заваривать чай, — роняет он, потому что я смотрю не на экран, а в чашку. — Так-с, сейчас регистрируем тебя в школьной сети. И ты сможешь прочесть всю почту, которую проворонила. Сводка школьных новостей выходит каждый день. — Опираясь одной рукой на спинку стула, Эдам нагибается через мое плечо. От него пахнет сандалом, лесом, весенним дождем. Не хочу ничего этого замечать. — Входить во внутреннюю сеть могут только сотрудники и школьники. А сотрудники еще имеют доступ к Интернету на более высоком уровне. Так что если хочешь потрепаться с друзьями на Facebook или если, скажем, подседа на Ebay — без проблем. Для нас ничего запретного, а вот девочкам, согласно школьным правилам, доступны исключительно образовательные сайты.

— Что, прости? — У меня вдруг включается слух. Собственно, я не просила объяснять, что такое Интернет, сама знаю. — Нет, говоришь, запретных сайтов?

— Для сотрудников нет.

Эдам возвышается надо мной. Сегодня он в джинсах, а не в привычных темно-серых рабочих брюках. Вместо рубашки — линялая футболка с названием какой-то рок-группы через всю грудь, подбородок тронут однодневной щетиной, по цвету темнее, чем его волосы. А главное — он выглядит усталым, расстроенным. Что-то случилось?

Я внимательно слежу, как он регистрирует мой школьный электронный адрес и показывает, как все работает, как входить в систему, как заходить в Интернет с

неограниченным доступом.

— Очень просто, видишь?

Я хочу попробовать сама, повторить все, что он мне показал. На мгновение наши руки сходятся над клавиатурой.

— Можешь брать мой ноутбук когда захочешь. Учительские компьютеры не всегда свободны.

— Спасибо, — отзываюсь я, а сама думаю: как бы заглянуть прямо сейчас? Взламывать систему безопасности вместе с Дженни и Флис, чувствовать, как они заглядывают мне через плечо и гадают, зачем взрослой тетке тусить с подростками, — это совершенно не то. — А можно сейчас попробовать? — Надеюсь, дрожащий голос не выдает чудовищность моего замысла.

— Конечно. — Эдам открывает новое «окно». — Наслаждайся.

Весь мир у меня под рукой, всего в двух щелчках мыши — другая жизнь. Эдам с чашкой в руках присаживается на кровать. Листает одну, другую книжку, но вскоре со вздохом откидывается на локти. Я слышу, как он отставляет чай, взбивает подушку и растягивается на матрасе.

Я оглядываюсь: Эдам читает, не обращая на меня внимания.

Так, сначала Google, теперь страничка регистрации в «Afterlife». Я замираю, словно уткнулась в запертую дверь, словно явилась незванным гостем.

Новый пользователь — Демоверсия — Регистрация — Вход — Контакты — Конфиденциальность

— Эдам... — Прежде чем нырнуть неведомо куда, мне хочется убедиться, что рядом есть живая душа — тем более человек с загадочным увлечением Роклиффом. — Эдам, ты никогда не совершал чего-нибудь непоправимого, такого, что ломает всю жизнь... чего потом нельзя ни исправить, ни вернуть назад, иначе это повредило бы тем, кого ты любишь больше всего на свете? Короче, ты не совершал чего-то такого... после чего по утрам не хочется просыпаться, а хочется умереть?

Сгорбившись, затаив дыхание, я жду ответа. Но ответа нет, и я оборачиваюсь. Он спит, тихонько посапывая, а развернутая книжка покоится на груди.

На регистрацию уходит минут десять. Платить не надо, если только не хочешь зарегистрироваться на более высоком уровне с дополнительными льготами или не собираешься обзавестись чем-нибудь сверх стандартного набора принадлежностей для своего виртуального жилища. Выбираю себе имя, вношу кое-какие личные данные — все вымышленное, разумеется, — и под конец подтверждаю информацию с помощью школьного электронного адреса.

Создав маленькую иконку, которая будет представлять меня в этом новом и странном мире, я начинаю ощущать себя совершенно другим человеком. Выбираю себе фигуру, цвет волос, черты лица — я уже заявила себя особой женского пола пятнадцати лет от роду. Иконка превращается в симпатичную девушку с алыми волосами и маникюром. Добавляем одежду: джинсы, футболка, босоножки — теперь в самый раз; выгляжу в точности как любая другая пятнадцатилетняя девчонка, которая убивает время за компьютером, болтая, флиртуя, сплетничая.

На свет появилась *Химера_28*.

— Отлично, — шепчу я, стараясь не разбудить Эдама стуком по клавишам. «Afterlife» меж тем благоустраивает мою новую среду обитания. Я оказываюсь в довольно скромно

обставленной комнате. Наверху и внизу экрана мигают иконки и баннеры. Мне предлагается перейти на более высокий уровень всего за 2,99 фунта в месяц.

Пощелкав по разным ссылкам, поэкспериментировав, я попадаю на общую страничку. Выясняю, как найти нужного человека. Повторяю то, что на днях проделывала Дженни, и список всех Джозефин Кеннеди выскакивает на экран. Щелкаю на нужной, на той, что из Портисхеда, и замечаю — она поменяла себе внешность. Нарисованная девочка выглядит печальной, неухоженной, словно ее хозяйке теперь все равно, словно у Джозефины Кеннеди опустели руки.

Меня спрашивают: «Послать поцелуй?», «Поздороваться?» Варианты: вычеркнуть данного человека из списка друзей, добавить его в список друзей, поставить другу оценку, пригласить его в гости. Я озадачена, но не сдаюсь. «Не хочу здороваться с Джозефиной Кеннеди — хочу задушить ее в объятиях. Не хочу ее вычеркивать, — думаю я, сквозь слезы глядя на экран, — потому что уже сделала это».

— Добавить в список друзей, — шепчу я, щелкая мышкой, и в досаде закусываю губу: меня спрашивают, откуда я знаю данного человека. На выбор предлагается несколько стандартных ответов: одноклассник, друг твоего друга, родственник. Мне ни один не подходит, у меня другие причины связаться с Джозефиной. Есть еще специальная строка для сообщения: можно написать человеку, откуда ты его знаешь.

Привет, Джозефина! — печатаю я. — *Это ж надо, столько времени прошло, а я тебя нашла! Здорово будет снова подружиться!*

Нескончаемо долго смотрю на слова, стрелка курсора застыла над квадратиком «отправить». Возвращаюсь и добавляю: *Мы с тобой дружили в начальной школе.* Надеюсь, она клюнет. Щелкаю и жду, жду, наперекор разуму жду, что вот сейчас ее руки протянутся из экрана и обнимут меня, сейчас она упадет мне на грудь вся в слезах, но с восторгом, и простит меня. И все — одним щелчком мыши.

Двадцать минут спустя, когда Джозефина Кеннеди так и не выходит в сеть и иконка ее не загорается, я закрываю ноутбук. Сегодня домой я не попаду.

Я ухожу, а Эдам спит как сурок, даже на ужине его нет. И мне есть не хочется. Сияющая Сильвия рассказывает, как провела свободный вечер. Две девчонки просят освобождение от физкультуры без уважительной причины. Сильвия рывкает на них:

— Вот лежебоки! Отправляйтесь-ка и хорошенько погоняйте свою матушку-лень на хоккейной площадке.

Шестиклассницы гордо уплывают, надув губы и покачивая длинными гривами. Я берусь за нож с вилок, кромсаю брокколи у себя на тарелке. Сильвия сводит брови, я в ответ вымучиваю улыбку и спрашиваю:

— Сегодня вечером я вам нужна?

Я устала и опустошена. Кем я только не перебыла с тех пор, как появилась в Роклиффе: уборщицей и социальным педагогом, прачкой и помощником тренера. Я обезболила добрую сотню растянутых мышц, разыскивала прогульщиц, беседовала с озабоченными родителями и расчесывала патлы всех цветов. Ночи напролет, не смыкая глаз, сидела возле больных и спала рядом с соскучившимися по дому, когда те не желали оставаться в одиночестве. Следила за рационом наших малоежек и переглядывала бесчисленное количество школьных одежек. Разбиралась с пылкой влюбленностью Кэти и вспышками гнева Лекси. Но хуже всего, что ни одного дня я не прожила без постоянного страха разоблачения.

Сильвия накрывает мою руку своей:

— Нет, вы мне сегодня не нужны, идите-ка погуляйте, отвлекитесь от этого места.

Этому никогда не бывать, думаю я, благодарно кивая.

Позже, когда девочки окунаются в свои вечерние дела, Эдам застаёт меня в библиотеке. Я снова разглядываю картины и особенно пристально ту, что висит отдельно от всех, в самом конце длинного зала. Энергичные мазки покрывают большой холст совсем в ином стиле, нежели висящие по соседству портреты девятнадцатого века.

— Кто они все? — спрашиваю я.

Эдам пожимает плечами:

— Трудно сказать. На этом портрете парень, который построил Роклифф-Холл. Какой-то там граф. — Он задумчиво скребет щетину на подбородке. — Умер молодым, а его вдова не смогла жить здесь без него и покончила с собой.

— Ужасно.

— Но по слухам, она на самом деле не умерла, а только прикинулась мертвой, и это не ее призрак тайком разгуливает по коридорам Роклифф-Холла, а она сама, живая и здоровая.

— Неужели?

— Конечно, она в любом случае должна была уже преставиться, но...

— А другие? — И принесла меня нелегкая смотреть на эти проклятые картины! Исполинские лица неласково глазают на нас.

— Понятия не имею. Практически все — девятнадцатый век. Кроме этой. — Эдам тычет пальцем в картину, к которой я приглядывалась. На ней изображена девочка с бледным лицом вполоборота. Она стоит в ночной сорочке в конце длинного коридора, и непонятно — улыбается она или плачет. — Эта, само собой, современная. Даже по краскам видно.

— Мне нравится, — говорю я. Картина отзывается в душе; хочется взять девочку за руку и вывести из темноты, разлившейся вокруг. Отвернувшись, я собираю хоккейные майки, брошенные на стульях. — Но что я понимаю? Уберу-ка по местам, пока не начался мой свободный вечер. Красота! — Я делано хихикаю, чтобы скрыть прочие чувства.

Эдам задерживает меня, коснувшись локтя:

— Тогда встречаемся в половине восьмого?

— В половине восьмого?

Господи, совсем из головы вон — я же обещала пойти с ним в деревню! Прощай, мечты о тихом вечере в одиночестве. Я не могу разочаровать своего единственного союзника.

— Пообщаемся с одной деревенской тетушкой, помнишь? Она работала в местном детском доме и давала показания в суде.

— Показания?.. — Я ни жива ни мертва. Эдам не предупреждал, что это кто-то из персонала детского дома.

— Об этом я и хочу ее расспросить. Может, она знает что-нибудь о моей сестре. Может, даже помнит ее.

Мне становится нехорошо, кожу стягивает, руки-ноги обдаёт жаром. Я делаю отчаянное усилие справиться с нервами, но тщетно.

— Боюсь, я... не смогу.

Эдам мрачнеет и насупливается.

— Бога ради, Фрэнки, решайся! — Что за чертова таинственность? — Мне еще не доводилось слышать такой злости в его тоне. — Ты мне нравишься, поняла? — Он

запинается, прежде чем пояснить признание. — Мне казалось... ты с пониманием относишься к моим розыскам. — К моему удивлению, он вдруг притягивает меня за плечи и возвращается к прежнему тону, не требует, но уговаривает: — Пожалуйста, пойдём со мной! Ты обещала.

С тяжёлым сердцем я киваю. Это противоречит моим собственным правилам и нормам, и соглашаюсь я только потому, что знаю, насколько это для него важно.

— Спасибо. Значит, увидимся позднее. — Он разворачивается и шагает прочь с неразлучным ноутбуком под мышкой.

Ровно половина восьмого. Об этом меня известил компьютер, который я только что выключила. В сети кое-что произошло, и меня всю трясёт, но так или иначе, эта встреча теперь представляется правильной.

Я поджидаю у высоких дубовых дверей с перекинутым через руку пальто. Обвожу пальцем массивный железный засов, вспоминаю.

— Минута в минуту. Спасибо, что пришла. — Эдам потрясает блокнотом и диктофоном. — Думаю, будет интересно.

— Не сомневаюсь.

Я поглубже натягиваю вязаный берет, влезаю в пальто и поднимаю воротник. На мое счастье, ледяной ветер позволяет утонуть в куче одежды.

Глаза у меня густо накрашены, и с помощью румян я изменила форму скул. А ещё раскопала среди забытых вещей пару слабеньких очков. Эдам поглядывает удивленно, но молчит.

— Пойдем, — говорю я, пока не передумала, протягиваю руку к засову, и вдруг ладонь Эдама накрывает мои пальцы. На одно короткое мгновение время застывает.

Утаить нашу поездку в деревню невозможно. Древняя машина Эдама чихает, кашляет и оставляет за собой клубы черного дыма.

— Я ее далеко не прогуливаю! — кричит Эдам и открывает свое окно, чтобы выпустить чад. Стекло застревает посередине.

— И правильно! — кричу я в ответ.

Наше короткое путешествие освещает одна подслеповатая фара, видна только левая обочина, а сама дорога скрыта во мраке, будто ее вообще нет. Это наводит меня на невеселые мысли о собственном будущем.

Спустя несколько минут, под лязг и оглушительную пальбу мотора, мы въезжаем в Роклифф. В свете уличного фонаря я вижу, как две-три парочки, до носа закутанные от осенней промозглости, направляются к пивной. Мы минуем пруд и крошечный деревенский скверик, Эдам сбавляет скорость, давит на тормоза, и старенький «фиат» резко останавливается. Мотор тут же глохнет как подстреленный.

— Только сначала я хочу кое-что тебе показать. — Перегнувшись над моими коленями, Эдам открывает бардачок, роется в хаосе, извлекает свою сигаретную жестянку и пачку мятных леденцов. — Будешь?

Я сдираю серебряную обертку и зажимаю конфету в губах, надеюсь, что она удержит меня от слов, о которых я потом пожалею. Мы выбираемся из машины, и Эдам ведет меня к скверу. Тусклые фонари освещают нам дорогу. Трава сырая и, похоже, с лета некошенная — клочковатое напоминание о лучших временах. Сухой львиный зев и герань обрамляют треугольник сквера. В оранжевом свете все выглядит нереально.

Несколько тропинок сбегаются к центру газона, где высится нечто вроде памятника. Позади него две скамейки, стоят лицом к пруду. Когда я в последний раз была в деревне, на воде качались утки.

— И что ты хотел показать? — Я оглядываюсь: вокруг ничего необычного.

— Иди сюда, — отзывается Эдам. Слышно, как он хрустит своим леденцом. Он проходит по тропинке, останавливается у памятника и, пока я озираюсь, скручивает сигарету. — Ну иди же, — подзывает он меня к каменной конструкции.

С каждой стороны широкого постамента — дощечки с выгравированными на металле именами.

— Местные жители, погибшие в двух мировых войнах. — Сняв очки, я представляю венки из алых маков, которые ложатся сюда в ноябре. В алфавитном порядке перечисляются фамилии здешних прихожан, павших в бою. Над каждой группой имен значится год смерти. — Сколько жизней потеряла эта деревня...

— Да, печально, — кивает Эдам. — Но ты сюда взгляни. В приходском совете был скандал по поводу добавления этих имен. — Он шагает через цепь низкой ограды к задней стороне каменного обелиска и ждет, пока я перелезу через ограду. — Злости не хватает... Поднять шум из-за того, что люди хотят сохранить память о погибших!

Я пробегаю глазами список, и земля уходит из-под ног. Стоя рядом с Эдамом, я пытаюсь осмыслить перечень имен, вырезанных на дополнительной плашке, как запоздалое раскаяние. Впитываю запахи мягкой земли, увядших летних цветов под ногами, подгнившей воды в пруду, разлившихся в холодном воздухе выхлопных газов нашей машины.

— Зачем ты мне это показываешь? — Я сглатываю. Зажмуриваюсь. Снова сглатываю.

— Это имена умерших детей, — тихо отвечает он.

Я едва слышу его, глаза снова вбирают имена — мне нужно удостовериться. Один за другим они проплывают передо мной, я слышу их плач и смех, ощущаю их боль, вижу, как тает дымкой их жизнь, а у всех вокруг продолжается, будто ничего не случилось, будто их и не было на свете.

Тилли Броуди
Абигайль Николс
Оливер Кен
Оуэн Фишер
Джейн Доккерил
Сэмюэль Сибрайт
Меган Сибрайт
Джонатан
Джеймс Мак-Вей
Элистер Питерс
Дон Коутс
Энди Дж. Р.
Майкл Прайс
Крейг Нот

Список продолжается, но у меня нет сил читать дальше.

— Как... как они?.. — Язык еле ворочается, липнет к губам. — Кто... Что

произошло? — Я умолкаю, потому что знаю ответ на каждый свой вопрос.

— Их всех убили, Фрэнки, — угрюмо говорит Эдам. — Их мучили, а потом убили в детском доме Роклифф-Холл.

Он разворачивается к пруду. Я иду следом.

Мы садимся на замшелую скамью и представляем себе уток, представляем резвящихся детей, представляем прошлое, будущее.

— Все это будет в моей книге.

Не слушаю — *не могу слушать*. Мысленным взором я вижу, как встаю и удираю, сбегую в другой город, в другую страну, на другой континент. И как до конца своих дней живу, постоянно оглядываясь.

— В восьмидесятых годах полиция накрыла в детском доме Роклифф банду педофилов, — продолжает Эдам. — На протяжении многих лет детей систематически насиловали и убивали. Годами никто не догадывался, что там творилось. Когда дом закрыли, на его территории были обнаружены останки детей. Некоторых так и не опознали, некоторых не нашли. Полиция много лет подряд пыталась разыскать пропавших, неизвестно было, убиты они или им каким-то образом удалось бежать. Учет в доме велся из рук вон плохо, кое у кого из детей ни фамилии, ни даты рождения.

Эдам достает сигарету, крутит в пальцах.

— Думаю, список умерших далеко не полон. Вернувшись в Англию, я пробовал говорить с местными властями, выходил даже на отставных полицейских, которые расследовали дело, но двери захлопывались у меня перед носом. Я даже задумался: кому можно верить?

Никому.

Он умолкает, хмурит лоб, быть может гадая, стоит ли ему доверять мне.

— Сюда я приехал, Фрэнки, чтобы узнать о судьбе своей сестры. Нас разлучили, когда она была совсем крошкой. Я ее почти не знал, но у меня есть ее свидетельство о рождении, и я вычислил детские дома, по которым она кочевала. Как и я, она со дня своего рождения то и дело попадала в чужие руки. — Эдам с усилием произносит: — Некоторым людям нельзя разрешать заводить детей.

Я касаюсь его плеча:

— Не терзай себя. Когда пытаешься изменить прошлое, невольно меняешь настоящее — и получаешь совсем не то будущее, которого ждал. Ты уверен, что хочешь этого?

Он поворачивается ко мне и смотрит в лицо.

— Отчего это, Франческа Джерард, мне все время кажется, что ты гораздо мудрее, чем прикидываешься?

В глазах у него стоят слезы, и я с трудом преодолеваю желание прижаться к человеку, которого волнует то же прошлое, что меня. Связь между нами тонка, но заполняет собой всю вселенную.

— Может, оттого, что я понимаю, каково это — терять близких. Ты ищи, и сестра обязательно найдется. Если не в этой жизни, то в твоём сердце. — Теперь это мое единственное утешение, и я могу поделиться им с Эдамом, не разоблачив себя.

— Но я точно знаю, где она. — Эдам лезет в карман за зажигалкой, он затягивается, огонек дрожит. — Она умерла.

Я открываю рот для обычных в таких случаях слов, но не издаю ни звука. Нагнувшись, срываю сухую головку чертополоха, выигрывая минуты, чтобы подумать, прежде чем

заполнить паузу.

— Я думала, ты не куришь.

— А я и не курю, — угрюмо отзывается он, выдыхает дым и кривит губы. — Хочешь, признаюсь?

Я киваю.

— Ты единственная, кому я рассказал про сестру. Ни одна живая душа не догадывается, что она у меня была. Даже Клаудия. — Он снова глубоко затягивается, с кончика сигареты падает пепел.

Мне безумно жаль его.

— Как ее звали?

— Элизабет. Но я всегда звал ее Бетси. — Он тщательно вдавливая недокуренную сигарету в мокрую траву.

Компьютер был свободен. В учительской никого, только уборщица, таская за собой пылесос, собирала грязные чашки, вытряхивала мусорные корзинки. Она была стара и нетороплива, из ушей у нее торчали длинные белые проводки.

— Что, нравятся мои наушники? — прокричала она, подмигивая мне и гордо усмехаясь. Музыка была слышна даже с другого конца комнаты. — Внучка дала!

Я повернулась к компьютеру. Да-а, время не стоит на месте, технологии идут вперед, передавать информацию все проще и проще. А между тем человечество тратит гораздо меньше времени на разговоры лицом к лицу — мы так близко и все же на расстоянии световых лет друг от друга. Припомнились эсэмэски, которые я, бывало, получала и сама отправляла и которых мне сейчас так не хватало. *Ты где? Кутишь хлеба? Что приготовить на ужин? Люблю, целую.*

Как учил Эдам, я вошла в систему для сотрудников и подключилась к Интернету. Заходить в «Afterlife» я уже умела. Очутившись в том, другом, мире, я обнаружила два уведомления.

Джозефина Кеннеди приняла ваше приглашение. У вас одно новое сообщение.

Сердце подпрыгнуло: она прочла! Удивилась, наверное: что это за подружка из начальной школы под ником Химера_28? Два щелчка — и я уже читала сообщение от *Королевы сцены Джо-джо.*

— Королева сцены, — шептала я, дожидаясь, пока загрузится страница. Я слышала ее голос, видела, как пухлые губы выговаривают эти слова.

— *привет, Химера, сп. за приглашение в друзья, а я тебя знаю? не вижу твоего наст. имени. Джо-джо.*

— Джо-джо, — повторила я. И еще раз, и еще.

Уборщица сунула щетку пылесоса под мой стул, я приподняла ноги. Подпевая плееру, уборщица поковыляла дальше, а я лихорадочно заелозила курсором по многочисленным иконкам и кнопкам, пытаюсь разобраться, что к чему, — игра оказалась непростой. На саму игру мне было плевать, я хотела быть рядом с Джозефиной Кеннеди.

«Список друзей», — прочитала я и щелкнула мышкой.

Появилось одно-единственное имя с маленьким портретиком *Королевы сцены Джо-джо* и ее личными данными. Всего несколько слов. Ага, вдобавок к нику она сообщает свое настоящее имя, а я, как выяснилось, выбрала анонимность.

Я задумалась, перебрала подходящие имена; припомнила ребят из начальной школы,

пакеты с завтраками и расцарапанные колени, белые гольфы и книжки для чтения. Прокрутила в памяти домашние задания, дружбу до гробовой доски и ссоры, контрольные и уроки музыки, балетные тапочки и карнавальные костюмы. Пересчитала всех до единого плюшевых зверей на подоконнике и перечислила все книжки с картинками на полке.

Аманда Уэндсворт, вот кто, сказала я себе, воскрешая в памяти образ маленькой девочки с гладкими каштановыми волосами. Она со всеми дружила, но потом куда-то переехала. Убедившись, что под таким именем никто еще не регистрировался, я внесла новые личные данные в свою анкету и щелкнула на кнопке «показать настоящее имя». Будем надеяться, Джозефина поверит.

Мне пришло новое уведомление. В правом нижнем углу экрана замигала зеленая иконка в виде человечка. Я навела курсор, всплыл ярлычок: «У вас в сети один друг».

Пальцы стиснули мышь, я представила, как *Королева сцены Джо-джо* в эту самую минуту сидит за своим письменным столом. Чуть сгорбившись, не удосужившись подкраситься, в мятой одежде и с немытыми волосами. Хорошего обеда, должно быть, не видела уже целую вечность. Я растерялась: что делать? И тут на экран выскочила ярко-голубая рамочка со словами: *Мэнди, ты, что ли?* Рядом — маленькая картинка *Джо-джо* и место для моего ответа.

Я покрылась испариной, тряслась как в лихорадке: только бы не упустить шанс.

— *Точно, это я. Как поживаешь?*

Мои неуклюжие слова не вязались с ее скорописью. Следующее сообщение появилось лишь через пару минут. Вероятно, ее спугнул мой церемонный ответ.

— *погано, еле терплю, а ты?*

— *что у тебя? я в порядке сп.*

Затаив дыхание, я ждала ответа. Ведь теперь-то у меня *правильный* язык? Я представила, как пальцы Джозефины замерли над клавиатурой, что-то напечатали, потом, когда она передумала, стерли.

— *мама умерла.*

Непослушными пальцами я набрала ответ; внутри все ходило ходуном.

— *мне ужасно жалко. она болела?*

Долгая пауза.

— Ну, доброй ночи, голуба, — сказала уборщица. В одной руке у нее был скрученный провод пылесоса, в другой — четыре чашки разом, на плече висел один из наушников. — Гляди не перетрудишься! — усмехнулась она и выволокла пылесос из учительской.

— *не болела. если бы.*

Я не ответила. Она сама выберет, когда сказать. Наконец на экране появилось одно слово.

— *самоубийство*

Весь воздух вышел из груди, словно на меня кто-то встал.

— *в жизни еще не было так паршиво*

— *мне тебя так жалко. ужас какой. а как твой папа?*

Каково для пятнадцатилетней девочки потерять мать? Будет ли она вспоминать мамин смех, объятия? Станет ли рыться в ее шкафу, прижиматься лицом к любимому свитеру? Захочет ли стянуть косметику с материного туалетного столика, чтобы стать на нее похожей? Или просто будет лежать на кровати и смотреть в потолок, не переставая спрашивать себя: почему?

— с папой неладно. но мы стараемся. где ты живешь?

— в Лондоне, с папой. я тоже потеряла маму. три года назад. рак.

Ложь родилась сама собой, в новом мире я перестала быть Франческой Джерард.

— ой, Мэнди мне он жаль. жизнь несправедлива.

Какое-то время мы обе, виртуально породнившись, проникались этой информацией.

— скажи, Мэнди, потом будет не так больно? чтобы проснуться утром а боли нет?

Никакой переписке не облегчить ее горя.

— мне помогло, что я знала — мама не хотела бы чтоб я горевала. я знала что она меня любила. Знала что она не хотела уходить.

Ответ возник с быстротой молнии, и с той же быстротой я осознала собственный промах.

— зато моя вот хотела. видно не любила меня.

— Нет! — торопливо напечатала я. — мама тебя любила. даже не думай, что это твоя вина.

— я ничего не понимаю. все вверх дном. думала, мама счастлива. думала она нас любит. у папы крыша поехала.

Долгая пауза. Я вглядываюсь в унылую мордашку, которую выбрала для себя Джозефина Кеннеди. Смотрит ли она сейчас на фигурку, которая должна представлять Аманду?

— тебе не интересно как она это сделала?

— нет. — Это выше моих сил.

— а всем остальным интересно. тебя спрашивали про маму?

— да, — вру я. — ну и я просто говорила правду и они затыкались.

— а мои друзья не знали что сказать. до сих пор не знают, я лишняя.

— папа с тобой не говорит про это?

— не-а. он работает как проклятый, он здорово изменился, не тот папа которого я знала.

— ужас. Нужно чтоб тебе кто-то помог. может к своему доктору сходишь?

Я бы все отдала, чтобы помочь, но нас разделяла целая жизнь. Я бы прижала ее к груди и не отпускала, пока все снова не станет хорошо.

— а смысл?

— тебе надо с кем-то поговорить. тебе помогут, только попроси. можно записаться в какую-нибудь группу или поговорить с врачом. и твоему папе пошло бы на пользу. жизнь продолжается. ты никогда не забудешь маму. просто помни что она тебя любила. но у тебя вся жизнь впереди, тебе есть для чего жить. твоя мама этого хотела бы.

Только когда весь текст появился на экране, до меня дошло, как много я написала и как мало это похоже на слова подростка.

— не учи меня! ты мне не мама.

И иконка стала серой, Джо-джо отключилась.

Слезы капали на клавиши. Девочка моя! Пусть через все километры моя боль, моя любовь долетит до тебя.

На первый взгляд день был как день. Позднее лето, солнце согрело сад. Заказы шли к Мику быстрее, чем он успевал рисовать, поэтому он спозаранку засел у себя в студии. Заспанная Джози спустится часа через два, не ранее, и ей понадобятся медовые мюсли, чай и телевизор. Текущие Нинины дела высились на кухонном столе — стопка бумаг, в которых было все: перспективы, возможности, все то, о чем она так давно мечтала. Жизнь, теоретически, была прекрасна.

Отчего же в таком случае, когда зазвонил телефон, Нина вздрогнула и уставилась на аппарат с чувством, что если ответит, то мир рухнет?

— Слушаю? — Она взяла трубку двумя пальцами и держала на расстоянии, словно это могло спасти от неведомой опасности.

— Миссис Кеннеди? Это Джейн Шелли. Я не помешала?

Не сразу Нина припомнила женщину-констебля, которая приехала по вызову о попытке вломиться в дом.

— Нет, ничего.

Что ей нужно? Неужели что-то выяснила? Может, полиция все-таки поверила?.. Только теперь Нине придется идти на попятную и уверять, что она ошиблась и никто к ним в дом не вламывался. Впутывать полицию сейчас никак нельзя.

— Вообще-то я просто так звоню. Хотела убедиться, что у вас больше ничего не приключилось.

Было что-то в тоне констебля, что заставило Нину поверить — Шелли звонит не по долгу службы. К тому же на определителе высветился номер мобильного телефона. Номера полиции, надо полагать, так запросто не определяются. Констебль Шелли звонила от себя лично.

— Вы очень добры, — ровным тоном ответила Нина. — У нас все хорошо. — Обмолвиться о Бернетте хоть словом все равно что подписать смертный приговор самой себе.

— Я вам верю, — сказала Джейн Шелли. Связь была неважной, легко можно ослышаться. — В смысле — насчет взломщика и машины. Я верю, что вы ничего не придумали.

— Наверняка ничего особенного не произошло. Воображение разыгралось.

На том конце провода вздохнули.

— Мне уже доводилось сталкиваться с подобным. Все это очень печально. Не хотелось бы прохлопать еще один случай.

Джейн Шелли вряд ли давно служила в полиции, но за недолгую службу что-то явно ее задело. Что, как и почему — неважно. Сейчас главное, чтобы она повесила трубку. Нине надо было обдумать дальнейшие шаги.

— Столкнулась я как-то с одной женщиной помоложе вас, — продолжала констебль Шелли. В трубке слышался какой-то посторонний шум, как будто она стояла в толпе детей. Смех и крики почти заглушали ее голос. — У нее был маленький сын, всего четыре года. Чуть ли не каждую ночь сожитель колотил ее до потери сознания. И пацаненок все видел.

Нина недоуменно нахмурилась, не желая слушать и слышать. В окно она увидела, как из мастерской вышел Мик, жадно вдохнул свежий воздух, закинул руки на затылок, потянулся,

откинул назад голову. И вдруг упал на колени. Если бы Нина не знала, что это он так переводит дух, решила бы, что муж в полном отчаянии.

— Все это очень прискорбно, — вежливо ответила она, — но ко мне не имеет никакого отношения.

— Так вышло, что ее тело нашла я, — упорно продолжала Шелли. Теперь ее голос звучал громко и ясно, никакого детского гомона. Нине послышалось урчание автомобильного мотора. — Точнее, ее нашел сынишка, а когда я пришла, он тянул ее за руку и уговаривал мамочку проснуться. Сожитель забил ее до смерти.

Нина нервно расхаживала из угла в угол. Если это полицейская уловка, чтобы заставить ее признаться, то ничего не выйдет. Про Бернетта она и не заикнется. Если она хочет выжить, то должна разыскать Марка Мак-Кормака и просить его о помощи — или обойтись своими силами. Других шансов нет.

— Та женщина несколько раз вызывала полицию. Жаловалась на какого-то бандита, на грабителей. А на самом-то деле ее лупил сожитель. Мы ей говорим: подайте официальное заявление, а она в отказ. Ошиблась, мол, сама упала.

— Меня муж *не бьет!* — возмутилась Нина.

Снова вздох.

— У меня есть сын, — сообщила Шелли. — Как раз забрала его из детского сада.

— Рада за вас.

— Я мать-одиночка, в прошлом году ушла от мужа. Поднимал на меня руку, стервец.

— На вас? Полицейского? — Нина едва не расхохоталась.

— В этой игре все равны. Мой номер у вас есть. Захотите поговорить — звоните.

И гудки в трубке.

На киносъемках Нине уже приходилось работать — давным-давно, когда она еще училась в колледже на гримера. Коротенький фильм снимали студенты кинематографического факультета для своих выпускных экзаменов. Колледж пригласил несколько кинопрофессионалов — консультировать студентов, а заодно приглядеться к будущим талантам. Для участия в съемках привлекли всех студентов театрального факультета.

Пуще остальных Нину занимал Итон Ричер, главный постановщик трюков и спецэффектов для кинозвезд, который согласился дать студентам однодневный мастер-класс. Нина была с ходу очарована. Имя этого человека она видела в титрах бесчисленного количества фильмов. Его профессиональные знания были безграничны, приверженность деталям безупречна.

— Возьмите хотя бы «Немые мечты», — ревел он: средний уровень громкости не отвечал требованиям великого человека. — Для съемок сцены смерти режиссер не раз обращался к группе по спецэффектам, однако ему удалось создать фильм такой правдоподобный, такой обжигающий, такой жуткий, что кое-кто из актеров не смог высидеть на премьере.

Аудитория приглушенно шепталась, пока Ричер сообщал подробности. Нина сидела как замороженная: оказывается, одной крошечной деталью можно добиться колоссальных результатов. «В точности как в моей жизни», — думала она.

— Разумеется, рука была искусственной, — продолжал Ричер, — однако пальцы настоящие, и крупные планы вышли убойные. И никакого вам топорного монтажа. — Он

отхлебнул воды из полулитрового стакана. — Мельчайшие движения мышц — вот ключ к сценам, где надо, к примеру, цепляться за край скалы. Когда в «Немых мечтах» актер наконец разжимает пальцы, зритель «сидит» у него в голове. Те крупные планы были не крупными планами, а *взглядом изнутри*.

Раздались смешки. Многие студенты пришли сюда от скуки, остальные проявили вялый интерес. И лишь двое-трое, включая Нину, были околдованы. С первого дня занятий по театральному гриму Нина почувствовала, что у нее появилась цель в жизни. Изменять внешность, характер человека — вот чем она хотела заниматься.

— То есть ту сцену со скалой снимали единственным дублем? — выкрикнул какой-то самоуверенный студент. — Актер после такого падения, конечно, отдал концы?

Итон Ричер успел несколько раз прокрутить им эту сцену. «Классический пример, когда простыми эффектами были достигнуты сногсшибательные результаты», — пояснял он.

За вопросом прокатилась волна смешков.

— Встаньте, молодой человек. — Ричер вышел из-за трибуны, оглядел аудиторию, ухватился короткопалой ладонью за подбородок. На поднимающихся амфитеатром скамьях кое-кто еще хихикал. — Вопрос не так глуп.

Нине подумалось, что самому мэтру трюки уже не под силу. Итону Ричеру давно перевалило за шестьдесят, и от былой подвижности мало что осталось. Слишком много травм в прошлом, чтобы продолжать работать дублером.

— Актер, о котором идет речь, сломал обе ноги, — гаркнул Ричер, и смешки сменились недоверчивым ропотом. — Отказался от дублера наотрез, а такого рода падения, даже в воду, но с громадной высоты, требуют немалого опыта. Видели бы вы, какую пропасть бумаг ему пришлось подписать, чтобы продюсер дал добро! — Ричер громогласно хохотнул, перекрыв шум теперь уже наострившей уши аудитории. — Режиссер вставил обратно все вырезанные сцены — все, что было потом. Лицо крупным планом, кровь, боль.

Нина представила и содрогнулась: она не переносила высоты. Кому может прийти в голову взяться за такую работу? Нет уж, лучше оставаться за кадром.

— Ну и как сигануть с такой высоты, чтоб остаться в живых? — поинтересовался другой студент.

— А считай, что никак. Либо... — Ричер выдержал паузу, — придумывать другой трюк, либо молиться.

После мастер-класса Итона Ричера окружила группа студентов. Им дали возможность заглянуть в мир спецэффектов, позволили продемонстрировать собственные умения одному из лучших мастеров жанра, и теперь всем хотелось лично поблагодарить его. Нина встала в очередь желающих пожать мэтру руку.

— Я обратил внимание на твою работу. — Итон снова припал к своему стакану. Стоя рядом с ним, Нина поняла, почему Ричер не расстается с водой — пот лил с него градом. — Ты выделяешься на общем фоне. Хочешь работать в театре и в кино?

— Очень хочу... — Дожив до двадцати лет, Нина еще никогда и ни перед кем не испытывала такого благоговения. Он отметил ее работу! До сих пор все ее только унижали. — Только об этом мечтаю.

— У тебя есть способности, — кивнул он, оглядывая ее с головы до ног. — Держи мою карточку. Получишь диплом — звони. Сколько до выпуска?

— Еще год, — сказала Нина. Сердце в груди стучало как бешеное. Сам Итон Ричер! С ума сойти! Маячивший впереди год учебы представился десятилетием. Эх, если б

разделаться с колледжем прямо сейчас...

— Как тебя зовут?

— Нина Брукс, — пролепетала она. — Спасибо, сэр, за чудесный день. Я столько узнала.

Итон Ричер черкнул в блокнот ее имя, хохотнул.

— По крайней мере, ты теперь знаешь, как не надо падать со скалы, — пророкотал он и вышел в сопровождении группы студентов.

Она честно пыталась. Джози еще спала, а Мик должен был объявиться не скоро. Нина обзвонила все отделения полиции, которые знала, а которые не знала, нашла в Интернете. Всякий раз прилежно набирала «141», чтобы скрыть собственный номер: совершенно ни к чему, чтобы ей перезванивали. Пока не отыщется Марк Мак-Кормак или кто-нибудь другой, кто подтвердит, что занял его место, — никаких подробностей.

«Прошу прощения, но если вам не известно имя контактного лица, то я не могу соединить вас с этим отделом департамента уголовного розыска. Районный офицер связи даст вам координаты...»

Нина повесила трубку.

«Марк? А дальше? По буквам, пожалуйста».

«Отдел переехал, теперь все сосредоточено в Лондоне».

Набрав Скотленд-Ярд, Нина обзвонила шесть разных отделов, пока не вышла на того, кто мог иметь отношение к защите свидетелей. Она произнесла эти слова, и само их звучание привело ее в состояние тихой паники.

— Имя и регистрационный номер, пожалуйста, — сказал женский голос.

— Миранда Бейли, — лягнула Нина первое, что пришло на ум. — Регистрационного номера у меня нет.

Последовала пауза.

— Прошу прощения, Миранда Бейли в списках не значится.

Нина бросила трубку.

— В списках не значится, — прошептала она.

«Да разве я могу назваться? — в отчаянии думала она, глядя на экран компьютера. — Марк говорил: хочешь жить — без моего ведома не доверяй никому. Ну и как сказать полиции, кто я такая, когда некоторые из них сами были полицейскими?»

— Нина? — раздался за спиной голос Мика. — Что случилось?

Нина живо обернулась и захлопнула крышку ноутбука. Попыталась улыбнуться:

— Ничего себе у тебя видок. Ты когда встал?

— А я вообще не ложился. Помираю — хочу кофе!

Мик принялся возиться с кофеваркой, греметь чашками, уронил на пол коробку с бумажными фильтрами.

— А не сказать ли этим галерейщикам, что тебе требуется больше времени? — Нина терпеть не могла, когда Мик бывал в таком состоянии. Ей нужен Мик бодрый, энергичный, в любую минуту готовый к действию. А сейчас он и ложки кофе не в состоянии донести до кофеварки, рассыпал половину. — Ты вымотался. Нельзя же картины писать, как оладьи печь.

Мик обернулся и запустил чайную ложку через кухню, едва не угодив в лицо Нине.

— По-твоему, черт побери, я дни напролет оладьи пеку? — Он шваркнул крышку на

стеклянный кофейник. — Не всем, знаешь ли, так везет, не все могут выбирать, когда работать, когда нет. Это ты у нас, как я заметил, можешь себе позволить полдня торчать дома. И тебе плевать на оплату по закладной. — Натыкаясь на мебель, Мик метался по кухне, лупил по крышке кофеварки: давай скорее! Ему не терпелось убраться в мастерскую.

— Я знаю, тебе нелегко. Стресс...

— Что тебе известно о стрессе! — огрызнулся он. — О *таком* стрессе.

Нина растерялась, не зная, чем его успокоить. В таком состоянии она видела мужа впервые.

— А что, если сказать этому... — Язык не поворачивался выговорить имя. — Может, сказать этому *галерейщику*, что выполнить его заказ не в твоих силах? Оставишь только галерею Марли. В конце концов, они первыми к тебе обратились.

Лицо Мика окаменело, изменилось до неузнаваемости.

— Сказать, что я не в состоянии выполнить заказ? — неожиданно хладнокровно переспросил он.

Неужели готов согласиться, неужели? Если бы он отказался работать на новую галерею, у них появился бы шанс избавиться от Бернетта навсегда. И Мик с Джози никогда ничего не узнали бы.

«Мы переедем, — думала Нина. — Сменим фамилию — предлог можно придумать, Мик меня любит, он поймет и простит... Вот чего он никогда не простит — так это того, что я восемнадцать лет лгала ему, восемнадцать лет молчала о том, кто я такая на самом деле».

— Сказать, что не могу выполнить заказ?! — бешено заорал Мик.

Нина подпрыгнула.

— Я просто подумала...

Он шагнул к ней, придвинулся вплотную.

— Подумала? Что ты можешь думать? Ты ни черта не смыслишь, ни черта не соображаешь в моей работе.

— Я понимаю, насколько она для тебя важна. Знаю, сколько лет ты добивался заслуженного признания. Господи, да я ведь прожила с тобой почти все эти годы!

Нина отстранилась, но Мик угрожающе приблизился. От головы к сердцу протянулась ниточка страха, хоть сердце и отказывалось принять это чувство. «Это твой *муж*», — сказала она себе и коснулась его руки.

— Не смей. — Мик отпрянул. Не дожидаясь, пока выключится кофеварка, выдернул кофейник, плеснул себе в кружку. — Просто не смей, — повторил он и вышел.

Нина смотрела, как он, расплескивая кофе, шагает через сад. У мастерской остановился, отшвырнул чашку. Та врезалась в дерево и мелкими осколками осыпала кусты.

— Мам, что тут у вас такое? — В дверях стояла заспанная Джози. — Крики, шум.

— Ничего особенного. — Нина сглотнула слезы. — Ну и сколько можно дрыхнуть?

— У меня каникулы, хотелось поваляться, — и потрясла пачку хлопьев, взвесила в руке пакет из-под молока и насупилась: — А что, молока нет?

— Где магазин, ты знаешь, — отрезала Нина и тут же пожалела. Нельзя отпускать Джози одну из дома. Во всяком случае, до тех пор, пока ситуация не разрулится.

— Отлично, пойду завтракать к Нат. По крайней мере, *ее* мама делает яичницу и блины!

Нина представила, как Лора с остервенением взбивает тесто, плюхает его на сковородку и сваливает на тарелку обугленный по краям блин. Повариха из Лоры никакая, на кухне она

просто дает выход собственному раздражению.

Возмущенно задрав подбородок, Джози вышла и хлопнула дверь.

«Ну вот, оба. За какие-то пять минут меня оттолкнули и муж, и дочка. — Нина бессильно опустилась на корточки. — Может, они хотят мне что-то сказать?»

Через двадцать четыре часа после моей смерти меня качало и перед глазами плыло. Я здорово стукнулась головой. Не могу сказать, что именно пошло не так, в чем я ошиблась, хотя к советам прислушалась и досконально, насколько позволило время, изучила вопрос. Но факт оставался фактом: несмотря ни на что, я осталась в живых, эта часть прошла по плану. Остальное было не в моей власти.

Ни о какой больнице не могло быть и речи. В первый вечер я сидела перед ящиком в номере мотеля, таращила глаза в какую-то телевикторину, тряслась и не могла понять: почему я не в состоянии ответить на самые элементарные вопросы или, например, пересчитать гнусные цветочки на замызганных шторках? Стоило только *вспомнить* — и у меня едва хватало сил на вдох и выдох; я с трудом верила, что умерла.

Прочел ли кто-нибудь мое письмо?

Я откусила яблоко. Некоторое время назад женщина, которой я еще до конца не стала, сняла его с витрины супермаркета и отнесла на кассу в корзине, где уже лежали краска для волос, ножницы, печенье, сухофрукты, шоколадка и вода. Расплатившись наличными, я сложила покупки в багажник двадцатилетнего «форда-эскорт», за который на окраине города также было заплачено наличными перекупщику. Вопросов он не задавал. Надо надеяться, этот драндулет довезет меня куда надо. Потом он окажется на придорожной стоянке, с ключами в зажигании, оставленный на милость воришек.

В дверь постучали. Я обмерла, и ребра стянуло болью. Ткнув пальцем в кнопку телевизионного пульта, я убрала звук, погасила настольную лампу, но было уже поздно.

— Эй, вы здесь? — В дверь забарабанили сильнее. — Откройте, милочка, — призывал женский голос.

Я сползла с кровати и, не снимая цепочки, приоткрыла дверь. В узкую щелку пахло сигаретным дымом.

— Да?

— Хотела проверить, милочка, у вас все в порядке? — В коридоре стояла регистраторша мотеля.

Я нахмурилась, по привычке подняла руку, чтобы заправить за ухо волосы, которых уже не было.

— Да, все хорошо.

Мне было плохо и совершенно не хотелось знать, с чего вдруг она переполошилась. Лучше всего побыстрее закрыть дверь, но она подставила ногу. Крупная тетка.

— Просто когда вы регистрировались, вы вроде как были чем-то расстроены. И встревожены. Вроде как что случилось.

— Нет, все в порядке. Правда. — Я даже улыбнулась, прежде чем потянуть дверь на себя, но нога мешала по-прежнему.

— Вы были у доктора насчет... этого? — Она прикоснулась к своей щеке.

— Пустяки, — ответила я. — Через пару дней заживет.

— Ну, коли так, милочка... Ладно. — Она собралась уходить, но вдруг передумала. — Просто у нас иногда останавливаются женщины, которых... собственные мужики отколошматили...

— Что вы, ничего подобного. А это... ерунда, упала с велосипеда. Спокойной ночи.

На этот раз дверь закрыть удалось.

Я снова легла, но спать не могла. Слушала, как подъезжают и уезжают машины, как за стеной болтают постояльцы. Слушала, как ночью вываливаются из пивной на улицу поздние посетители и как поет радио, заглушая мои рыдания.

Утром я нацепила уверенное выражение лица (моего нового лица) и позвонила. Надо было позаботиться о дальнейшей жизни.

Женщине лет шестьдесят, да еще с хорошим хвостиком. Она открывает дверь и оглядывает нас с головы до ног, подмечая все, вплоть до диктофона в руках у Эдама и сумки у меня на плече.

Несколько мгновений она переводит глаза с Эдама на меня и обратно, но ничем себя не выдает. Только чуть дольше задерживает взгляд на мне, и я отчаянно ломаю голову — как, судя по всему, и она. Ее лицо мне знакомо, но откуда, вспомнить не могу.

— Спасибо, что согласились поговорить. — Эдам жмет ей руку.

Ее седые волосы стянуты в такой тугий пучок, словно его не распускали десятилетиями. Испуганное выражение разгладило все морщинки на напудренном лице. Несмотря на всю суровость и угловатость, на строгую прическу и стиснутый рот над крупным мужским подбородком, есть в ней какая-то мягкость. Эта мягкость слышна в голосе, когда она отходит в сторону и пропускает нас в дом:

— Сюда, пожалуйста.

Нас провожают в маленькую гостиную. В камине полыхает уголь, дышать нечем. Хозяйка знаком предлагает нам присесть на крошечный диванчик, заботливо укрытый пледом, а сама устраивается в единственном кресле у огня.

— Я очень признателен за то, что вы уделите нам время. — Эдам приподнимает диктофон. — Вы не против?

Качнув головой, женщина бросает взгляд в мою сторону. Я замечаю, как она сводит брови, как у нее вздрагивает подбородок. Она складывает на коленях руки и говорит:

— Да я мало что знаю.

Эдам скован, напряжен, но и взволнован, словно эта женщина — ключ к завершению его исследований. Я могла бы ему сказать, что это не так, что если он хочет найти ответ, ему придется копнуть куда глубже. Но я молчу и только ободряюще поглядываю на него. Эдам включает диктофон.

— Скажите, пожалуйста, когда вы начали работать в детском доме Роклиффа? И кем?

Женщина коротко кашляет.

— Я начала работать в Роклифф-Холле пятого июня тысяча девятьсот семьдесят первого года, а ушла, когда детский дом закрыли. В тысяча девятьсот восемьдесят седьмом. Я заботилась о детях как родная мать.

Я всматриваюсь в ее лицо... и холодею: меня пронзает догадка.

Зачем я пришла сюда?

— Взгляните на этот список. Вам знакомы какие-нибудь из этих имен?

Щурясь, женщина держит листок бумаги на вытянутой руке. Должно быть, обычно она читает в очках. Немного погодя кивает:

— Да, я помню почти всех. Все они из детского дома. Некоторые поступили еще младенцами.

— Вы можете сказать, что с ними случилось? — Эдам заметно дрожит, а шея в вырезе

белой рубашки и лицо до самых волос покраснели.

— Померли маленькие негодники, померли бедолаги.

Вот когда я узнаю этот голос из прошлого — грубоватый, с нотками скуки, презрения и усталости. Мягкости и приветливости нет и в помине — передо мной возник другой человек.

— Так полиция сказала, — добавляет она. — А я тогда сообщила все, что знала.

— И вам должно быть известно, что в детском доме обнаружили банду педофилов, трое ее членов были обвинены в насилиях и убийствах детей, а уж потом вскрылась целая сеть.

После вопроса Эдама наступает молчание. Огонь яростно шипит и так печет, что у меня багровеет левая щека. Наша собеседница вдруг теряет охоту продолжать беседу.

— Да, — коротко отвечает она.

— Однако известно, что в последнем убийстве в Роклиффе принимали участие четверо человек, не так ли? Один из них скрылся, о нем по-прежнему ничего не известно, и он не получил срок вместе с остальными. Я прав? — Эдам делает вдох и задерживает дыхание до ответа женщины.

Я тоже перестаю дышать и сосредоточенно обдираю заусенцы на пальцах, только чтобы не видеть безликого монстра в капюшоне, заляпанном кровью, склонившегося над алтарем, как хирург над операционным столом.

Женщина снова кивает. Носки ее туфель беспокойно трутся друг о друга.

— Если полиция так считает, стало быть, так оно и есть.

— Вам известно, кто был этот четвертый? — спрашивает Эдам каким-то чужим голосом.

— Да коли б я знала, разве не сообщила полиции еще тогда? — Женщина выпрямляется в кресле. — Я на суде все сказала, все до капельки.

По ее лицу тенью пробегает нетерпение. Сквозь эту тень она искоса поглядывает на меня, припоминая быть может. Пальцы на коленях не находят себе места. Как и мои.

— Иногда, — после паузы говорит Эдам, — люди боятся рассказывать все, что знают.

Женщина отворачивается к огню, в темных зрачках пляшут отблески.

— Люди все время приходили и уходили, — произносит она, глядя на угли. — Устраивали сборища, деревенские являлись. У них там было что-то вроде клуба. Этим четвертым мог быть кто угодно.

Мы с Эдамом не шевелимся: он боится, что собеседница замолчит, а я просто не хочу слышать то, что и так знаю.

— Я держалась в стороне, мое дело — за мальцами глядеть. Некоторые уж какие жалкие были. — Она нагибается, тычет в огонь кочергой. А я вижу, как она с криком потрясает над головой такой же кочергой. Потом вижу ее тихой, в окружении детей, которым она читает сказку. — Грязные дела творились в тех коридорах. Лучше и не знать. Я не высывалась, знай себе работала да деньги получала. Другой-то работы в наших краях не было.

— Вы помните девочку по имени Бетси?.. — Эдам кашляет, словно в горле першит, но его боли этим не скрыть.

— Которую? Ту, что померла последней? — договаривает она слова, которые застыли на губах Эдама. Тусклые глаза смотрят с сожалением и опаской.

— Да.

— Ах, горемычная. — Она качает головой. — Из-за нее-то развратников и упрятали в

каталажку. Грязное, грязное дело.

— Какой она была?

Я вижу его глаза — и вдруг понимаю все. Ему нет дела ни до Роклифф-Холла, ни до его обитателей. Он жаждет доказать, что его сестренка жила и умерла не даром. И цель его книги не поведать о прошлом, а успокоить собственную совесть. Он не спас свою сестренку тогда и потому пытается сделать это сейчас. Ему нужно, чтоб четвертый — тот, кто убил Бетси, — был найден и осужден. Ему нужна справедливость.

Женщина задумывается, старается подобрать верные слова.

— Уход за ребятишками был хороший, — говорит она. — Конечно, кое у кого из них были проблемы. Попадали-то к нам те, кого родители бросили, не нужны они им были. Ну или вовсе сироты.

Не нужны... Что ж, это правда.

— А Бетси? Расскажи про Бетси, — нетерпеливо перебивает Эдам.

— Забавная такая. Одни глазищи да кудри. И не так чтоб очень смышленная.

— Продолжайте.

Я не спускаю глаз с ее лица, и вдруг словно щелчком рубильника ее память выключается. Губы сжимаются, как будто кто-то потянул за шнурок.

— Больше ничего не помню.

— А друзья у нее были? — спрашивает Эдам. Наверное, он рассчитывает разыскать их, узнать еще что-нибудь, но женщина уже на ногах: с нее довольно.

— Была одна подружка. — Она украдкой косится на меня. — Да только никто не знает, что с ней случилось.

— А что насчет четвертого? Которого не опознали?! — Эдам не готов оборвать разговор. Я буквально вижу, как у него в голове роятся сотни незадаанных вопросов, ведь другой случай может не представиться. — Говорят, он был...

— В капюшоне? — Она вдруг снова проявляет интерес. — Никто из арестованных его не выдал. Уж им и приговоры помягче сулили, если назовут имя, а те как язык проглотили. С этой шатией всегда так, друг за дружку горой. Теперь уж вряд ли до него доберутся.

Я тоже поднимаюсь, мне душно, надо поскорее на воздух. Какая же я дура — снова переступила границу запретной территории. Наплевала на опасность.

— Прощайте, Патрисия, — говорю я, глядя в пол, давая понять, что больше она нас никогда не увидит.

Эдам тоже улавливает намек и неохотно поднимается следом, удрученный и вместе с тем успокоенный. Общее молчание, кивки всех троих на пороге — и мы уходим.

Эдам захлопывает дверцу машины, трогается.

Я стискиваю кулаки так, что ногти впиваются в ладони, и прижимаюсь лбом к боковому стеклу. Молчу. Неожиданно Эдам тормозит в воротах, за плечи резко поворачивает меня к себе и взглядом впивается в меня с таким напряжением, что я не уверена, поцеловать хочет он меня или ударить. Он не делает ни того ни другого.

— Откуда ты знаешь ее имя?

— А разве не ты сказал, когда мы приехали?

— Нет! (Я отшатываюсь как от удара.) Я понятия не имел, что ее зовут Патрисией. Откуда ты знаешь? Ты уже с ней встречалась? Скажи, Фрэнки. Во имя всего святого расскажи, что тебе известно!

Я вглядываюсь в лицо Эдама и верю — он не выпустит меня, пока я не выложу все. И

только когда я начинаю плакать, он молча направляет машину к школе, барабаня по рулю.
По моему сердцу.

Иногда мы с Бетси бродили вокруг лужайки и я рассказывала ей о том времени, когда еще была жива моя мама. Как я садилась к ней на кровать и она заплетала мне косички; как она давала мне слизать крем со сбивалки, когда пекла; как я щупала растущую у нее на шее шишку.

Бетси тоже кое-что рассказывала, но это были несвязные обрывки страданий и горестей, поведенные коряво и совсем не детским языком. Другого-то она не знала. Мы ступали по траве в знакомом лесу, а из уст девочки лился поток непристойностей. Я была уже достаточно взрослой и понимала, что цинизм Бетси — продолжение того, что она по-прежнему пачкала штанишки и прудила по ночам.

— Видишь эти бутончики? — сказала я, наклоняясь. — Из них распустятся колокольчики. Красивые! И в лесу будет как в подводном царстве.

Бетси принялась неистово рвать и топтать цветы, стараясь уничтожить как можно больше, пока я не поймала ее и не схватила за руки.

— Отцепись!

— Бетси, ну зачем ты так?

Ей было уже восемь, а вела она себя не лучше, чем капризная трехлетка. Я старалась объяснить Бетси, что правильно, а что нет, что хорошо, а что плохо. Но каждый раз, когда мне уже казалось, что дело идет на лад, каждый раз, когда у нее появлялись проблески понимания, *они* выбивали из нее все. А я не могла помешать забирать ее, не могла помешать рвать и перекраивать ее душу. И боялась, что ей никогда не стать нормальной.

— Ненавижу их! — кричала Бетси, вырываясь от меня. — И тебя ненавижу!

Злобно сверкая глазами, она плюнула мне на свитер. Когда она скверно вела себя, это она хотела доказать свою силу. Хотела показать миру, что какие бы мерзкие шутки он ни выкидывал, она может сделать кое-что и похуже.

Глаза у нее вдруг проказливо сверкнули.

— Хочу на пикник! — завопила Бетси.

Она разлеглась на усыпанной листьями земле и изобразила, будто жует сэндвич. Как раз на этом самом месте и был наш последний пикник. Сто лет назад. Нас уже давно ничем не баловали. С тех пор как наш дом получил награду и его не закрыли, как другие детские дома, воспитатели вздохнули с облегчением и больше себя не утруждали.

Я считала дни до своего освобождения: мне семнадцать, значит, скоро я смогу выбраться отсюда и устроиться на работу; если придется — буду жить на улице, хотя трудно было поверить, что вне Роклифф-Холла возможна какая-то жизнь. Казалось, у нас нет иного выбора, кроме как бесследно испариться. Я уже решила, что заберу Бетси с собой.

Приходили новые дети и тут же исчезали, как тень, как шепот, — и никакого следа, только вещи в шкафу. Мало-помалу до меня дошло: пропадают те, о ком совершенно некому беспокоиться.

По выходным одних ребят водили на прогулку мамы или бабушки-дедушки, другие на неделю уезжали в приемные семьи, а кое-кому даже разрешалось вернуться домой. Этих ребят редко забирали по ночам, они не страдали от рук людей в капюшонах, не знали, каково это, когда тебя хлещут по голой спине или вторгаются в твоё тело. Наверное, я давно подметила это, только не отдавала себе отчета. Поэтому, наверное, столько лет прождала на

подоконнике, когда из-за поворота выплывет папина машина, — чтобы доказать: есть на воле кто-то, кто хватится меня, если я загадочным образом пропаду, я неудачный выбор, я все-таки кому-то нужна.

Себе я внушала, что жду папу, потому что люблю его, а он любит меня. Но верила в это лишь отчасти. За все годы я видела его считанные разы. Как правило, он был пьян. Однажды даже свалился со стула в кафе и его увезла «скорая помощь». Я восемь километров пешком шла до Роклиффа, а ведь могла бы пройти эти восемь километров и в другую сторону.

Бетси ойкнула, вытаращилась на церковь и описалась. Я взяла ее на руки и понесла, пыхтя от тяжести, Бетси была довольно рослой для своих лет. На животе у меня расплылось мокрое пятно.

— Мы туда не пойдем, — сказала я ей.

Мы все люто ненавидели походы в церковь, ненавидели длиннющие проповеди, которые мистер Либи считал своим долгом лично читать нам, после того как мы споем гимны. Ни викария, ни капеллана не было, только мистер Либи и еще один деревенский.

— Нечистые помыслы недолго остаются помыслами, — сказал как-то директор. — Помните: тела ваши были рождены грязными и только милостью Божьей очистятся. К телесной чистоте ведет чистота помыслов.

А в другой раз он поведал нам историю про мальчика, который кричал: «Волк! Волк!» — а никакого волка не было.

— Лгать и доносить на ближнего своего — большой грех, — наставлял он. Лицо у мистера Либи было красное, точь-в-точь как у папы, когда он того и гляди отключится. — И вам все равно никто не поверит, — вновь и вновь твердил директор, стараясь вдолбить нам покрепче в голову, что доносить очень плохо и что нам вырвут языки, если мы посмеем хоть одним словечком выдать наши греховные помыслы.

Мне сказали, что папа умер. Однажды утром подошел мистер Либи — вместе с Патрисией, как будто она переметнулась в другой лагерь, — и сообщил мне о папиной смерти. Вообще-то это произошло три недели назад, да они все забывали мне сказать. Я ждала, когда подступят слезы, а мистер Либи и Патрисия объяснили, что денег никаких не осталось, папины вещи забрали, с банковскими счетами разобрались, а дом продали. Его развод с Патрисией еще не оформлен, сказали мне. И она любезно согласилась обо всем позаботиться, так что мне нечего волноваться.

Слез не было. Я медленно побрела в спальню. Бетси сидела у меня на кровати и стригла себе волосы. Сыпались, как перышки, светлые завитки, а она смотрела и хихикала. Царапина на лбу, где она зацепила себя ножницами, сочилась кровью.

— Тебе грустно? — спросила она.

— У меня умер папа.

— Теперь ты как я! — обрадовалась Бетси.

Я кивнула и нагнулась к ней, чтобы она и мне отхватила волосы, но Бетси бросила ножницы и обняла меня.

— Я за тобой пригляжу, — важно сказала она, а я рухнула на постель и рыдала до изнеможения.

Я плакала не потому, что хотела к папе, а потому, что теперь никто меня не хватится. Теперь никто не помешает им приходиться за мной ночью.

— Выкладывай, — требует он.

От него пахнет сигаретами и мятой. С тех пор как мы вернулись, он искурил целый кисет виргинского табака и сгрыз две пачки мятных леденцов. Как будто это может заглушить табачную вонь в комнате.

Я расхаживаю взад-вперед по неровному полу, мечусь, словно львица в клетке. Эдам ни на шаг не отступает от двери, только тянется к маленькому столику стряхнуть пепел в щербатую кофейную чашку.

— Пока не расскажешь, не уйдешь.

— Я буду кричать, — предупреждаю я. Сильвия услышит.

В комнате жарко. Под выгнутыми половицами булькают трубы центрального отопления.

— Как угодно. Все равно не выпущу, пока не узнаю, откуда тебе известно имя мисс Элдридж. — Эдаму тоже жарко, он закатывает рукава белой рубашки и плечом подпирает дверь. — Если понадобится, могу и до конца семестра тут простоять.

Я чертыхаюсь про себя, но своей тревоги стараюсь не показывать. Еще решит, будто может распутать мое прошлое, чтобы заштопать свое.

— Ладно, — соглашаюсь я, состряпав в уме кое-какую историю. Главное — начать говорить, а там само покатится и, надо верить, сложится во что-нибудь правдоподобное. За последние двадцать лет я поднаторела по части выуживания более-менее правдивого факта из кучи лжи. Повтори одну и ту же сказку много раз — и она станет былью. — Ладно, я тебе скажу.

Эдам с облегчением отклеивается от двери, усаживается в облаке дыма на кровать и выжидающе смотрит на меня.

«Дело было так, — звучит только у меня в голове. — Родная тетя одной моей давнишней знакомой работала в детском доме Роклиффа. Это и была мисс Элдридж. Я встретила ее на благотворительном вечере и...»

— Эдам, я...

Во рту сухо как в пустыне. Я опускаюсь на стул с мятой комковатой подушкой на сиденье. Вытаскиваю ее из-под себя и прижимаю к груди. «Одно время я работала с бывшей воспитанницей детского дома. Она как-то упомянула имя Патрисии Элдридж. Вот и все. Никаких зловещих тайн».

Я отчаянно стискиваю подушку, хватаю открытым ртом воздух и не могу произнести ни слова. Эти пронзительно-синие глаза вымывают из меня ложь, как дождь — соль из земли. Я будто загипнотизирована, правда рвется наружу. Я вижу его сестру. Слышу, как через годы она зовет меня. Я — связующее звено между ними. Если я расскажу еще одну небылицу, эти двое потеряют друг друга навсегда.

— Когда мне было восемь, мой отец сдал меня в детский дом. Я прожила здесь десять лет.

В душе — ураган, разрушительный, очищающий и почти заглушающий слова, что звучат следом:

— Я знала твою сестру. Это я заботилась о Бетси. Практически была ей матерью.

Эдам молчит двадцать минут. Курит одну сигарету за другой и стряхивает пепел на пол.

Я буквально вижу, как из его души капля за каплей сочится весь накопленный гнев и отчаяние.

Я крепче обнимаю подушку, мою защитницу.

— Кроме тебя никто не знает, Эдам.

Он отрывает глаза от чашки-пепельницы, которую держит в коленях. Не представляя, что говорить, откашливается.

Теперь дело не только в Эдаме и его сестре. Дело в том, что я хочу быть самой собой. Не желаю больше лгать о своем прошлом, не желаю изворачиваться. Хочу слышать, как мое сердце бьется в моей собственной груди.

— Мне придется уехать из Роклиффа, — вырывается у меня, когда я осознаю возможные последствия. — Теперь ты знаешь, и я не могу остаться.

Что я наделала? Господи, что я наделала!

— Дальше ты заявишь, что тебе придется меня убить? — Эдам на удивление легкомыслен. — Не дури, Фрэнки. Никуда ты не поедешь. — Он встает, сбрасывая чашку с пеплом на пол, и открывает буфет, тоже забитый книгами. Между томами приютилась бутылка дорогого на вид шотландского виски и несколько стопок. — Для экстренных случаев. Как сегодня.

Я принимаю свою порцию с благодарностью: нервы разошлись, меня трясет.

— Итак... — Он садится совсем рядом. — Ты поймешь, если я скажу, что не нахожу слов?

Я молча киваю.

— А понимаешь, что я хочу узнать больше? Все хочу знать.

Еще один кивок. Виски обжигает горло, снимает спазм. Такое чувство, что сейчас вся моя жизнь извергнется из меня.

— Я хочу кое-что тебе показать, Эдам. — Лучшей иллюстрации моего прошлого не придумать. Он не понимает всей опасности моего положения. — Идем.

Эдам гасит сигарету, открывает оконце, чтобы проветрить комнату, и я веду его вниз по лестнице, по коридорам, через столовую и большой холл, вдоль других коридоров, вверх по другим лестницам и запутываю след, вернувшись назад по одному из проходов.

— Никогда не был в этой части здания, — говорит он.

— Здесь мало кто бывает. Я иногда прихожу сюда складывать чистое белье. Здесь тихо и просторно.

— И холодно, — добавляет Эдам.

Верно, холодно. Температура упала градусов на пять. Мы входим в крашенные коричневой краской двери и оказываемся в комнате с двумя высокими окнами. В углу свалены коробки и прочий хлам, а другая половина комнаты занята столом, который я притащила, чтобы складывать простыни.

— Да ты тут основательно устроилась. — Эдам обходит комнату.

— Остановись там. Чуть-чуть назад. Здесь стояла ее кровать. Головой к окну. Она любила, чтобы утром на лицо светило солнышко. Говорила, оно ее щекочет и будит.

Эдам поворачивается и, раскинув руки, обнимает стену, словно в надежде, что холодная штукатурка воссоединит его с погибшей сестрой.

— Здесь? Правда?

— Да, но это еще не все, далеко не все, — отзываюсь я, а у самой в душе идет отчаянная борьба. «Молчи! Уноси ноги, пока не поздно!» — кричит один внутренний голос. А другой

требует: «Говори, пока не выдохнешься и не рухнешь на пол, пока не очистишься от всей мерзости, которую так долго носила в себе». — Посмотри сюда. — Я провожу пальцем по отполированному временем дверному косяку. — Если школу расширят, все здесь будет содрано и перекрашено.

— Что это? — Эдам приглядывается к царапинам на деревянной планке.

— Метки. Мои и Бетси. Когда она сюда попала, мне было почти двенадцать, а она была совсем маленькой, года три-четыре. Чтобы позабавить ее, я отметила наш рост этими зарубками. Вот это метки Бетси, а это — мои. С годами она меня догоняла, видишь?

Эдам неожиданно стискивает меня так, что дух вон; его объятия исполнены благодарности и печали.

— Фрэнки, спасибо тебе. Я еще никогда не был так близко к ней. — Он садится на корточки у отметок, гладит пальцами изрезанное дерево.

— Держать нож в спальне, конечно, не разрешалось. Я каждый раз таскала с кухни.

Он поднимает глаза:

— То, что ты говоришь, бесценно, ты понимаешь? Вот только что нам теперь делать?

— А ничего не делать. Все кончено, Эдам. История. Ушло и не вернешь. — Я думаю о многом другом, что также ушло из моей жизни. Стоит ли втягивать Эдама и во все это?

Эдам трясет головой, спрашивает со страхом:

— Но ты ведь все мне о ней расскажешь? Нельзя подразнить, а потом на попятный.

— Я тебя не дразню, Эдам. Я говорю правду, а это ох как нелегко. Я и без того сказала тебе слишком много, сама не знаю почему.

Нет, знаю. Потому что он мне нравится, очень нравится. Но об этом я молчу.

Эдам недоуменно сдвигает брови, но его внимание вновь переключается на Бетси.

— Я запишу все, что ты рассказала. — Он хлопает по карманам. — Нужно наметить вопросы, составить план интервью...

— Остановись, Эдам. Ничего этого не будет. — Опять забыв о своей новой стрижке, я поднимаю руки к затылку, чтобы затянуть резинку на «конском хвосте». — Я не зря сказала, что не могу остаться в Роклиффе. Кое-чего тебе знать обо мне не положено, да ты и не захочешь. Я помогу тебе, честно, помогу, но на своих условиях. И мне бы прочесть твою книгу.

Эдам энергично кивает:

— Само собой. — Он все взвешивает, примеривается к информации, которую может получить. Другого шанса не будет, это он понимает и не хочет промахнуться. — Пойдем, я прямо сейчас дам тебе свой компьютер.

Я у себя в комнате, одна, с ноутбуком на коленях. Эдам вручил мне его, будто своего первенца, объяснил, как найти нужный файл, умолял прочесть как можно скорее. Но всему свое время. Итак, школьная система, Интернет, а теперь «Afterlife». У меня вереница сообщений.

В первом спрашивается, когда я снова выйду в сеть. Спустя час новое сообщение: Джо-жо интересуется, куда я пропала. После этого она заходила в сеть через равные промежутки времени и разыскивала меня, свою давнюю подружку Аманду. А потом прислала шоколад со словами *спасибо за то, что ты такая же как я*.

Я немедленно строчу в ответ, что весь вечер буду в сети, тут же понимаю, что уже поздно и она уже спит... но ее иконка загорается, выскакивает рамочка для переписки.

— Мэнди ну наконец

— Привет, — печатаю я, бросив предыдущее сообщение. — Ты как?

— жива еще. а ты?

— жива-здорова

Если бы... Зато дети быстро оправляются.

— я тебя послушалась, сходила к доктору.

— молодец Джози.

— Джозо-джо, — поправляет она. — Я теперь Джозо-джо.

Она пытается переделать себя.

— и что сказал доктор?

— надо идти к психотерапевту. у меня из-за нее крыша поехала.

— из-за кого?

— а ты как думаешь? из-за мамочки.

Пальцы на клавиатуре леденеют и подрагивают. Мне нечем унять ее боль.

— как папа?

— зациклился

— на чем?

— этот мужик все время к нам приходит

— кто?

— мужик который покупает папины картины. папе нужно отдохнуть

У меня перехватывает дыхание.

— расскажи еще. — Этого не может быть!

— папа рисует для него ну просто тонны дурацких картин.

— а вы с папой не можете уехать на время?

— держи карман шире подружка

— почему?

— папа говорит у него куча долгов.

Я морщу лоб. Долги? Ничего не понимаю.

— Джози, послушай меня внимательно. Вам с папой надо на время уехать. Скажи, чтобы он снял домик на море. В каком-нибудь хорошем месте. Он может рисовать там. Вам это обоим пойдет на пользу.

Сволочь, он ведь обещал оставить их в покое.

— ты о чем?

Черт, даже издали я пытаюсь склеить разбитую жизнь.

— Когда умерла моя мама, мы с папой так и сделали, — пальцы легко выдают очередную ложь. — папа взял отпуск на полгода, мы уехали, были все время вместе. стало легче. может и у вас получится.

— папа на это не пойдет. он теперь почти не разговаривает. я сама не прочь удрать.

— Да, — вслух произношу я. — Беги что есть мочи. Только, пожалуйста, захвати с собой папу.

Но она ведь не слышит меня. Неужели все впустую?

— а можно я у тебя поживу?

Тогда все будет хорошо, думаю я и заставляю себя ответить:

— нельзя.

Позже, оставшись наедине с собой, Нина поняла: пора действовать. Это никогда не кончится. *Он угрожал Джози!* Таких, как он, и двадцать лет тюрьмы не исправят.

Джози благополучно легла спать. Мик, само собой, работал. Что он тогда бросил ей в сердцах? «Ты ни черта не смыслишь, ни черта не соображаешь...» Те же слова ей хотелось сказать ему. Нина ходила к нему в мастерскую извиняться, но он заперся. Только крикнул через дверь: «Скоро закончу». Это было еще утром.

В спальне Нина схватила свой телефон, перелистала список входящих звонков до номера Джейн Шелли. «Расскажу ей все: имена, даты, факты, — думала Нина, — и она свяжет меня с кем нужно. Да, но имена замешанных в том деле станут опознавательным маяком для всех служащих в полиции, кого интересует, где я обретаюсь». «Не доверяй никому, — говорил Марк Мак-Кормак. — Их может быть больше...» Почему же она доверилась самому Марку?

Много лет назад Нина не понимала, не могла осознать всей глубины и ширины разгромленной полицией сети, всех арестов и приговоров, прокатившихся по стране. Кто только не оказался за решеткой — полицейские, учителя, судьи, адвокаты, врачи, отцы и братья. А если бы осознала, то, наверное, ничего не затеяла бы.

— Алло? — донесся тоненький детский голос из трубки на коленях у Нины.

Она и не заметила, как набрала номер Шелли. Нина поднесла трубку к уху.

— Алло? Это Нина. Нина Кеннеди.

Пауза, и затем:

— Привет, Нина. Чем могу помочь?

Профессионально терпеливый голос. Таким лишь уговаривать облегчить душу, предаться в надежные руки закона. Знать бы только, не сойдутся ли эти руки у Нины на горле.

— Я посоветоваться хотела.

— Слушаю.

— Защита... — Нина запнулась.

— Да?

— Существует ли отдел, который имеет дело с такими вещами?

Джейн Шелли облегченно вздохнула, словно у нее гора с плеч свалилась.

— Ну конечно, Нина. Мы этим и занимаемся.

Нина по-прежнему хранила свою тайну, но дело, кажется, сдвинулось с мертвой точки.

— Я уже сталкивалась с этим, — сказала она. — И мне помогли выжить, переселиться.

Очень давно.

— Из-за вашего теперешнего мужа?

— Что?

— Это случилось из-за вашего теперешнего мужа или был кто-то другой?

— Вы о чем?

— О жестоком обращении, Нина. Нельзя жить в унижении. Я очень рада, что вы отважились на первый шаг.

— Вы не понимаете!..

— Нет, понимаю, — категорически заявила Джейн Шелли. — Я к вам пошлю

специального сотрудника, он вам поможет, наметит следующие шаги...

— Не надо никого присылать! Он меня убьет! — У Нины зашлось сердце.

— Тогда приходите к нам сами. Когда вам будет удобнее...

— Никогда, никогда! Я напрасно позвонила. Пожалуйста, не регистрируйте мой звонок.

Считайте, я не звонила!

Телефон прыгал в руках. Черт возьми, как он отключается?! Нина уткнулась лицом в ладони.

Итон Ричер был стар. Из профессии ушел, когда попросилось на покой его тело, но время от времени, несмотря на его восемьдесят с хвостиком, крупные киностудии продолжали обращаться к нему за советом. Нина была его любимицей с того самого мастер-класса; теперь казалось, это было сто лет назад. Она училась упорно, на отлично, а когда закончила колледж, связалась с Итоном. И он ей здорово помог на первых порах, пока ее еще никто не знал в этом бизнесе: позволил работать со своей командой на съемках нескольких картин и всячески поддерживал.

— С моим именем в послужном списке ты без работы не останешься, — обещал он.

И был прав. Имя Ричера держало Нинину репутацию на плаву. Да и сам он всегда был готов помочь советом, только позвони. В этот раз, однако, Нина специально прикатила в Лондон, чтобы повидаться с ним. Джози и Нат закинула в ближайший киноцентр, строго-настрого наказав никуда не уходить. За ней не следили, это точно. Значит, есть время на разговор с Ричером.

— Слезливая пошлятина! — Он сжимал и разжимал кулаки на коленях.

— Нет-нет, это будет потрясающе. — Вероятно, Нина не слишком убедительно расхваливала вымышленный фильм, на съемках которого будто бы работала. — Бюджет огромный, актеры стоящие, и сценарий выписан до мелочей.

Ричер на своем инвалидном кресле подъехал к холодильнику, вытащил пакет молока:

— Хочешь?

Нина покачала головой, а Итон налил себе добрых пол-литра и выхлебал все до капли.

— Мне запретили жирное.

— Зачем же вы пьете цельное молоко?

— Чтоб ускорить события. Думаешь, мне по душе такое житье? — Он нажал какие-то кнопки на кресле и резко покатил из кухни, кивком велел Нине следовать за ним. — Не я первый, не я последний. А врачи будут талдычить одно и то же до самой моей смерти.

«Которая, если так пойдет, уже не за горами», — с грустью подумала Нина.

Ричер, покашливая, оглядел забитые дисками полки.

— Вон там, наверху, — он ткнул пальцем, — достань-ка «Прыжок». Хочу показать тебе одну сцену.

Перед Ниной побежали заключительные титры дешевой телеверсии мало кому известного романа.

— Вот. Видишь? Мое имя черным по белому. *Консультант по спецэффектам Итон Ричер*. — Он направил пульт на видеоманитофон и выбрал определенную сцену. — Я такой иск ублюдку вчинил — он у меня без штанов остался. «Консультант»! Да единственное, что я им посоветовал, — вырезать всю сцену к чертовой матери, если они не в состоянии снять ее как положено. Коли нет у тебя трюкача для самоубийства, то чем меньше снимешь, тем лучше, — передразнил Ричер голливудский выговор.

— В моей картине трюкачей нет, — серьезно сказала Нина. — Актриса хочет сама все сделать. По-настоящему.

— Баба? — заинтересовался Ричер. — Мост, говоришь? Какой высоты?

Нина сглотнула.

— Метров семьдесят пять. Может, чуть меньше.

Ричер покатился со смеху.

— Разыгрываешь, да? Что, серьезно? Тогда мне билет на премьеру в первый ряд! Зрители будут громить кассы.

Ричер нажал кнопку «воспроизведение» и обстоятельно разжевал Нине всю сцену. Делал паузы и возвращался назад, снова и снова демонстрируя, как не следует снимать прыжок самоубийцы.

— Вот здесь зря сменили план. Заметила, как в решающий момент рассеялось внимание? Наш взгляд вернули к машине, а его следовало сосредоточить на теле. Кадр с машиной должен был появиться позже.

— А не могли бы вы рассказать о самом трюке, об оборудовании — короче, все детали? — Нина пришла сюда не за тем, чтобы узнать, как надо или не надо снимать. — Что должна сделать актриса, чтобы выполнить трюк и остаться в живых?

Ричер разразился своим фирменным ржаньем, затем посерьезнел.

— Актриса, значит? В нашем деле единственно убедительные самоубийства, детка, — настоящие самоубийства.

Когда я в последний раз видела Бетси живой, в казалось, сама весна течет по ее венам. Стоял ноябрь, от пронизывающего ветра немели покрасневшие пальцы, впереди у нас была пустота, а душа у Бетси пела от радости. И все из-за старого пианино. Инструмент был погребен под хламом в чулане, и я упросила Патрисию, чтоб его притащили в комнату для отдыха.

— Ей будет чем заняться, — уговаривала я воспитательницу.

— Ага, на нервах у меня играть, — отозвалась Патрисию.

— Мы петь будем.

— Ну да, как же. Играть-то никто не умеет.

— А мы научимся.

— Да кто вам позволит!

Я ушла полная решимости заполучить пианино, даже если мне придется приволочь его в общую комнату на себе. Я знала, что Бетси будет на седьмом небе, и не ошиблась. Мои приставания и назойливость сделали свое дело. Не успели Тед и его напарник, пыхтя и чертыхаясь, опустить запыленное пианино на пол, как Бетси уже нажимала на клавиши, внимательно прислушиваясь, какой звук с каким сочетается.

Поначалу звучала какофония, но Бетси терпеливо сидела на обеденном стуле, слишком низком для пианино, перебирала пожелтевшие клавиши согнутыми пальцами, и постепенно что-то начало вырисовываться. Вскоре из общей комнаты доносились «У Мэри был барашек» и «Апельсины и лимоны» в необычном исполнении. И очень странная, меланхолическая вариация «С днем рожденья» в миноре. Бетси знала, что всего через неделю мне исполнится восемнадцать и я уйду из детдома. Она понятия не имела, что я собираюсь забрать ее с собой. А я и помыслить не могла оставить ее здесь. Кто бы утешал ее по утрам?

Я не имела ни малейшего представления, куда мы с ней пойдем, но была уверена, что как только муниципалитет перестанет за меня платить, меня в ту же минуту выставят на улицу. В лучшем случае дадут адрес общежития, может, пару фунтов на автобус, скажут, где искать бюро по трудоустройству. Но я твердо решила, что новую жизнь мы с Бетси начнем вместе.

— С днем рожденья-я... моя Э-э-ва-а... — ломким голосом выводила Бетси, не попадая в мелодию, которую играла, а в финале прокричала во все горло: — С дне-ем рожденья тебя-я!

Все захлопали. Бетси, в крайнем изумлении от собственных успехов, обернулась, хотела изобразить равнодушие, но рот с капельками пота над верхней губой выдал ее восторг. Улыбка от уха до уха открыла желтоватые зубы, которые она чистила только после моих бесконечных напоминаний. Это было истинное счастье — простое, нечаянное, пышущее жаром ее сердечка.

Когда я уходила, она самозабвенно и методично пыталась извлечь звук из каждой клавиши подряд. Не все они отзывались, а из тех, что звучали, не многие были настроены. Меня послали за дровами для большого камина. Зимой, когда мы приплетались с остановки, где нас высаживал школьный автобус, мы почти все время проводили в общей комнате — собьемся в кучу у камина и смотрим детские передачи по телику. Из всех детдомовских

только я одна шла на аттестат о среднем образовании и мечтала чего-то добиться в этой жизни.

С корзиной на спине я спустилась в подвал. От поленницы, где я обычно брала дрова, остались только завитушки коры да щепки, годные разве что на растопку. Я решила заглянуть в другое место, где должна была быть непочатая поленница сухих дров. Потолок там шел под уклон, и мне пришлось нагнуться.

Войдя в соседнее темное и тесное помещение, я услышала рокот голосов, идущий откуда-то сверху. Подняла голову и угодила лицом в паутину, раскинутую между балками. Я стояла под комнатой, где разговаривали двое мужчин, сквозь щели между половицами просачивался свет. Дерево приглушило их голоса, сделав неузнаваемыми.

— Все готово, теперь можно... — отчетливо произнес один.

— Я предупрежу остальных, — перебил другой.

Я мысленно пробежала по коридорам. Это оказалось непросто, но я все же вычислила, что надо мной кабинет мистера Либи. Хотя его звучного рыканья, которое я бы ни с чем не спутала — достаточно наслушалась на воскресных проповедях, — слышно не было. Кто же там наверху? А впрочем, какая разница? В Роклиффе постоянно толклись чужие; какие-то мужики шныряли по коридорам, оглядывали нас, и у меня всякий раз подгибались коленки.

Наверху проговорили что-то еще, но стук шагов заглушил слова. В подвале было холодно, я заторопилась поскорее набрать в корзину дров и вернуться к огню. Вспомнив, как Бетси брэнчала на пианино, я невольно улыбнулась. Жаль, раньше не догадалась про пианино — сколько радости для малышки.

— Ну, до встречи, — сказал первый голос. — Не опаздывай.

Хлопнула дверь, стало тихо.

Бетси оправлялась от простуды. Патрисия была только рада, что по ночам с ней нянчусь я — вытираю сопливый нос, пою горячим питьем с лимоном и медом. Только у нас на кухне не было ни меда, ни лимонов. Я обходилась апельсиновым соком, добавляя сахар и несколько капель лимонного концентрата из пластиковой баночки в форме лимона.

Подогрев питье в микроволновке, я усадила Бетси к себе на колени и поила, а она морщилась и вертела головой.

— Пей, — уговаривала я. — Тебе станет лучше.

— И они перестанут за мной приходить?

Я съежилась, зажмурилась. Честное слово, я ночи напролет караулила ее. То и дело вскакивала в панике и шарила по кровати возле себя или, когда Бетси не боялась спать в своей кровати, тянулась к соседнему матрасу, стараясь нащупать ее тельце. Если рука натыкалась на теплую преграду, можно было еще поспать. Один раз я даже связала наши запястья поясом, но утром он оказался разрезанным пополам, а Бетси лежала ногами на подушке, без пижамы, с багровыми рубцами на бедрах.

— Может быть.

— Если я буду хорошей девочкой, они перестанут приходить?

Я поднесла к ее носу салфетку, чтобы высморкалась.

— Ты у нас хорошая девочка, — заверила я.

— Тебя вот никогда не забирают. Так нечестно.

Бетси была права, так нечестно.

— Я им не нравлюсь — не такая хорошенькая, как ты, и слишком большая.

— А когда не была большой, забирали?

Я виновато кивнула:

— Один раз.

Как он тогда сказал? *Эту больше не приводите. Одна морока.*

Бетси завозилась у меня на коленях — котенок, пристраивающийся возле мамы-кошки. Когда она уснула, я поднатужилась и перетащила ее на свою кровать. Она раскинулась по диагонали, а я примостилась у стены, подсунув под спину сложенную подушку, и боролась со сном. Бетси натужно сопела, а я держала ее за руку, гладила по лбу, целовала волосы. И прижимала к себе при каждом скрипе половицы, при каждом стуке ветки в стекла высоких окон нашей спальни, при каждом выкрике в спальне у мальчишек.

Когда я проснулась, стояла глубокая ночь. Не помню, как это случилось, но, должно быть, я задремала, потому что Бетси исчезла из моих рук. Полоса света из полуоткрытой двери лежала на кровати, высвечивая смятую простыню.

Я провела рукой по пустому месту — не показалось ли? Нейлоновое белье потрескивало, оно еще не успело остыть от ее тепла. Значит, совсем недавно она еще была здесь.

В один миг меня сорвало с кровати. Ветер хлестал дождем в окно. Я натянула джинсы и свитер, прямо поверх ночной рубашки, подол мотался по коленкам. О башмаках и не вспомнила. Мне надо было найти Бетси. В этот раз им ее не видать, они не отнимут ее у меня сейчас, когда свобода так близка!

Прежде чем потихоньку выбраться из спальни — остальные крепко спали, — я бросила взгляд на то место, где в последний раз видела Бетси, нагнулась, погладила ее подушку. И помчалась на поиски девочки, ради которой только и жила.

Он все переврал. По Эдаму выходит, это был детский лагерь для отдыха. Чистые платица и белые носочки, поездки на пляж и выходные с родителями, которых и на свете не было.

Удостоенный награды детский дом Роклифф-Холл занимал наиважнейшее место в жизни сотен детей еще с 1940-х годов. В послевоенной Британии появилось множество сирот и нежеланных детей. Приюты были переполнены и работали из рук вон плохо, но один выделялся из общего ряда. Широко раскинувшееся поместье Роклифф с викторианским готическим особняком, спроектированным и построенным в начале девятнадцатого века, было уже почти десять лет заброшено, когда муниципальный совет Западного округа взял на себя заботу о нем и превратил в настоящий дом, где ребятишек окружили любовью, в которой они так нуждались.

— «Любовью, в которой они так нуждались»! — с негодованием повторяю я. — Да что он может понимать!

Мне неприятен откровенно журналистский стиль Эдама, но я не останавливаюсь и глотаю страницу за страницей, стараясь не пропустить ни слова, пока не застаиваюсь на очередной трескучей ахинее, вышедшей из-под его пера.

Детский дом Роклифф-Холл был укомплектован преданным и прекрасно обученным персоналом. Дети боготворили своих наставников и их новаторские методы, и все последние годы существования детского дома его воспитанники буквально расцветали под неусыпной заботой корифеев педагогики. Мистер Реджинальд Либи, Маргарет Мэддокс и мисс Элдридж — эти трое сыграли решающую роль в успехах, которых достиг детский дом...

Так бы и вышвырнула ни в чем не виноватый ноутбук в окно! Откуда, скажите на милость, взялось напыщенное восхваление детского дома и «корифеев педагогики»? Ведь его родная сестра погибла от рук этих чудовищ!

Я перекидываю ноутбук на кровать, поднимаюсь и разглядываю в окно макушки деревьев. Достаточно высоко, чтобы только мокрое место осталось от того, кто сдуру решил бы прыгнуть вниз.

Меня подташнивает, и голова кружится не только от высоты, когда я сажусь к туалетному столику. Хватит с меня творчества Эдама. Из покрытого бурными пятнами зеркала на меня взирает незнакомка.

Шрам на щеке затянулся, но красный рубец выглядит еще более пугающе, чем когда был свежим. Что приходит в голову людям, когда они замечают его? Автокатастрофа, нож бандита, халтурная операция? Я провожу по шраму пальцем, отмечая, как заострились скулы над впалыми щеками и ввалились обведенные серыми кругами глаза. Выгляжу кошмарно. Взрослая копия того ребенка, что некогда жил в этом теле. Женщина без семьи. Сирота-переросток.

Со вздохом перебравшись обратно на кровать, я заставляю себя снова взяться за книгу

— или, скорее, пространный очерк, судя по количеству страниц. Эдаму явно не хватало информации. Должно быть, писал, переписывал, в отчаянии стирал написанное. Да и возможно ли верно изложить подобную историю, даже если владеть всеми фактами? Листаю вперед и останавливаюсь за несколько страниц до конца.

Никто не знает, что побудило четырех мужчин лишить жизни безобидную девятилетнюю девочку. К тому моменту, когда обнаружили ее тело, в детском доме были убиты по меньшей мере еще восемнадцать детей. Данные судебной экспертизы, свидетельские показания и собственные признания обвиняемых не оставляют сомнений, что долгие годы в Роклиффе дети подвергались унижительным истязаниям, насилию и мучениям от рук тех людей, чьему попечению они были доверены.

Патрисия и мисс Мэддокс в меру своих возможностей заботились о нас, это правда. Но я ни на секунду не могу допустить, что они оставались в неведении о том, что творилось у них под носом. И никогда не поверю, будто Патрисия не догадывалась о грязных мыслях повара, когда тот зазывал меня на кухню. Тем более что однажды я пыталась удрать от его лап через окно. Мне вспомнилось, как он заманивал меня мороженым. Как усаживал на стол, а сам прижимался, прижимался... Ребенок всегда рад чему-то вкусненькому, любой ласке. В те дни мне казалось — ничего в этом плохого нет, я гораздо сильнее боялась показаться перед детьми с остатками мороженого вокруг рта.

Я опускаю крышку компьютера и прикладываю ухо к двери:

— Кто там?

— Фрэнки, это я. Мне компьютер нужен, — доносится с той стороны напряженный голос Эдама.

Вот уж с кем мне сейчас меньше всего хотелось бы встречаться.

— Я еще не дочитала.

— Открой, Фрэнки. Пожалуйста.

Я неохотно поворачиваю в замке большой ключ. Он еще не провернулся до конца, а Эдам уже дергает медную ручку.

— Ты что?.. — я обрываю себя на полуслове.

Эдам окидывает комнату пристальным взглядом и только после тщательного осмотра обращает глаза к темной крышке компьютера.

— Нужно кое-что доработать, — говорит он, хватая ноутбук и сует в самое надежное место — себе под мышку. — Поговорить еще с людьми. Кое в чем разобраться. — У него сконфуженный вид. — Очень много не хватает.

— Хочешь, помогу? — предлагаю я.

Он падает на низкую табуретку у туалетного столика, колени оказываются на уровне подбородка.

— Ты читала не тот черновик, — говорит он. — Это вариант я пишу, когда ощущаю себя чужим, будто никогда не был Бетси братом, будто у нас с ней не одни и те же родители, будто в наших жилах не течет — *не текла* — одна и та же кровь.

Вскинув брови, я прислоняюсь к двери.

— То есть... у тебя два варианта?

— Да.

— Одной и той же истории?

Он кивает.

— Позволишь прочитать настоящий?

Нина уже два с половиной часа сидела в машине, пыталась занять себя деловыми звонками, дожидаясь, пока у Джози кончится репетиция. Ни за что она сейчас не оставила бы дочь без присмотра. Ее собственное сбивчивое объяснение и помощь Тэсс на пару дней умиротворили продюсера «Могилы».

Вдруг она вздрогнула: ей показалось — или впрямь смутная фигура поднялась по ступеням и вошла через служебный вход театра? Это был он или истерзанное воображение играет с ней злые шутки? Нина вглядывалась в старые кирпичи, в металлические поручни, словно на них могли остаться сальные следы его рук.

Она посмотрела на часы: без двадцати двенадцать. Первая репетиция «Чикаго» должна была закончиться в полдень. Скорее всего, Джози сейчас в зеленой комнате, среди других исполнителей, все возбужденно галдят, сыплют своими репликами, разыскивают запропавшие балетные тапочки. Но Нина готова была поклясться, что видела, как он крадучись проник внутрь, — ведь видела же? Наверняка он готов нанести следующий удар. Сама не своя, Нина бросилась к театру.

Это место было ей знакомо как собственный дом. Она потянула дверь служебного входа и темными коридорами двинулась в глубину здания, пока не услышала гомон молодежной труппы, взбудораженной перспективами новой постановки. Нина остановилась за дверью.

Истомившись ожиданием, последние полтора месяца лета Джози места себе не находила — когда же начнутся репетиции! И вдруг как гром среди ясного неба: Нина запретила дочери играть главную роль в будущем спектакле и потребовала, чтобы та вообще ушла из театра. При этом ничего не объясняла, а только твердила, что изменились обстоятельства. Джози была в отчаянии.

— Ну, мама! Ну, пожалуйста! Ведь я только и живу по-настоящему, когда играю! — сидя на полу в своей комнате, умоляла она и сквозь слезы смотрела на мать из-под спутанных волос. — Ты знаешь, сколько я работала, сколько ждала такой роли?

В конце концов Нина не выдержала и сдалась на уговоры.

— Ничего не понимаю, мам, что с тобой такое... — бормотала Джози, опасливо пятясь от матери и едва смея дышать: а ну как та опять передумает?

Джози поплелась в ванную привести себя в порядок после рева, гадая, что приключилось с ее матерью. Нервный срыв или этот... как его... кризис среднего возраста? Девчонки что-то такое говорили. Мама настолько на себя не похожа — даже страшно. Еще и папа сдвинулся, никого на порог мастерской не пускает. Потерянная и расстроенная Джози отправилась искать утешения в «Afterlife».

С размаху толкнув дверь, Нина ворвалась в зеленую комнату, почти ожидая увидеть, как Бернетт припечатал Джози к стене.

— Мама? — ахнула Джози. — Ты зачем пришла? Мы еще не закончили.

Возмущенный вид Джози и безумные глаза ее мамы вызвали хохот среди юных актеров. Джози повернулась к Нине спиной и принялась нарочито сосредоточенно рыться в сумке.

— Выходишь из игры, Джози? — съехидничал кто-то.

— Мамочка за деточкой пришла, — добавил другой, и снова хохот.

— Джози, нам пора. — Нина метнула настороженный взгляд в сторону других

девчонок, деловито собирающих свои вещи.

Он где-то здесь, это точно. Затаился, прячется, только и ждет, когда Джози и Нина повернутся к нему спиной, утратят бдительность. Нина *носом чуяла* присутствие Бернетта. Она выглянула за дверь. Лоб покрылся испариной, по спине стекали ручейки.

— Джози, живо! — приказала она.

Она видела сведенные брови дочери, пылающие щеки, раздраженный жест, которым та закинула за плечо сумку. Поспешное отбытие примы дало молодняку повод для новой порции смешков и града язвительных замечаний.

— Мне сегодня... к зубному! — бросила Джози друзьям.

Нина быстро шагала по коридорам, затем перешла на бег, схватив Джози за руку:

— Не отставай!

У выхода остановилась, чтобы перевести дух. В глазах Джози росло удивленное недоверие, увеличивая трещину, что пролегла в последнее время между ней и дочерью. А ведь Нина давала себе клятву, что этого никогда не произойдет, что никогда между ними не будет пропасти, а будут совсем другие отношения — основанные на доверии, уважении, откровенности. И что же? За несколько дней она собственными руками погубила, выставила на посмешище все, чем дорожила.

— Мам, что происходит?

— Я понимаю твое удивление, солнышко. — Нина обняла дочь за плечи и открыла дверь.

— Да что с тобой такое, мам? Я сейчас позвоню папе.

Джози полезла за телефоном. Маме нужна помощь, самой тут не справиться, с такими заскоками она еще не сталкивалась. Джози набрала домашний номер, но не дождалась даже первого гудка: Нина выхватила телефон у нее из рук и захлопнула.

— Надо убираться отсюда! — нервно прошипела она, щурясь от уличного света и озираясь по сторонам в страхе увидеть костлявую фигуру Бернетта.

Где он? Трется у ее машины, перерезает тормоза, подкладывает под сиденье бомбу?.. С него станется, достаточно вспомнить, с какой легкостью он снова вполз в ее жизнь, словно никогда и не исчезал.

— Живо в машину! — скомандовала она.

Джози, которой передался страх матери, подчинилась, набросила ремень безопасности, защелкнула, а Нина тем временем судорожно выкручивала задним ходом.

— Перестань, мам! Ты меня пугаешь.

Джози должна быть в безопасности — это главное. Нина дрожащей ногой вдавила педаль в пол, задев бампером стену, резко вывернула руль и ударила по газам. Машина сорвалась с места, но Нина дала бы голову на отсечение, что успела заметить у служебного входа Бернетта, наблюдающего за их бегством.

— А помнишь... — Нина сжимала обеими руками чашку с чаем, помнишь, как мы вчетвером в первый раз пошли в ресторан? Ты еще сказала, что Мик — моя недостающая половинка.

Лора уже не плакала. Ее слезы вылились в смех: надо же, Том все-таки ее бросил. Нина приехала как нельзя кстати, вот только подруга и сама находилась в ужасном состоянии. Поплакавшись, обе женщины, как ни странно, немного успокоились. Правда, Лора не могла понять, зачем Нине понадобилось запирать обе входные двери, проверять все окна и

задергивать все шторы.

— И до сих пор так считаю, — отозвалась Лора. — Зато про Тома я никогда не думала, что мы с ним две половины одного целого. Тебе здорово повезло.

Нина взяла подругу за руку.

— Да, повезло. — Лорины слова не принесли привычного покоя, лишь напомнив обо всем, чего Нина должна была лишиться. — Мне дольше падать. Ты сама говорила.

Лора неуверенно кивнула, пытаясь сообразить, что у Нины на уме. Они сидели на кухне, в хорошем темпе уговаривая бутылку вина, а девчонки в комнате Нат наверняка злословили о пребывающих в растрепанных чувствах мамашах. Ненадолго заскочил домой за вещами Том, сердито пошвырял в чемодан одежду, как мог, успокоил дочь, которая со слезами упрашивала его не уходить.

Нина смотрела в окно, как он уезжает.

— Чья это машина? — Она прищурилась, пытаясь разглядеть удаляющийся темно-зеленый автомобиль. — По-моему у Тома был серебристый «БМВ»?

Лора нервно хохотнула.

— Был да сплыл. Забрали. Его фирма борется за экономию, так что Том уже пару недель как пересел на этот «ровер». Прямо-таки сердце кровью за него, бедняжку, обливается. Уж очень он разобиделся, что не получил последней модели. Поделом ему!

Нина слабо улыбнулась. В этот момент зазвонил ее мобильный.

Мик переехал к Нине через одиннадцать дней после их пикника в Даунсе.

— А чего ждать? — сказал он, и она согласилась.

В самом деле, не жить же ему на этой кошмарной стоянке для прицепов. Прямой смысл поселиться вместе. Иначе она прогуливала бы работу, не в силах выбраться из его теплой постели, чтобы успеть на первый автобус до города. К тому же Мику нужно место для картин, а в ее комнатенке и то посвободнее, чем в его трейлере. И невелика беда, что придется пожертвовать почти всей кухней.

— Питаться будем в ресторанах! — продолжал он.

— Разоримся, — усмехнулась Нина.

— Тогда будем воровать.

— И угодим за решетку!

— Не согласен — я без тебя умру, — сказал он, укладывая Нину среди тюбиков с краской, блокнотов, набитых фотографиями коробок из-под обуви — остатков их некогда отдельных жизней.

В этом хаосе забылось, кто они, кем были всего несколько дней назад. Нина думала только о том, какой она будет, завершив преобразование. С этого момента Мик стал такой же неотъемлемой частью ее жизни, как новый цвет волос и непривычное имя в чековой книжке.

Неделю спустя Мик продал две картины и окончательно уверился, что Нина его счастливый талисман.

— Я получил шестьдесят фунтов! — гордо объявил он.

Тогда Мик и решил изменить свою манеру письма, покончить со старыми привычками и оставить в прошлом все, что было прежде. Когда в руках кисть, ему достаточно подумать о Нине — и его полотна наполняются будущим. Так говорил он, обнимая ее и размышляя о том, как бы он выжил без этой юной красоты.

Вдобавок к работе на телевидении Нина устроилась в соседнее кафе — три вечера в

неделю делать сэндвичи. С Миком в ее одинокую жизнь пришли тепло и покой, появилась цель. Она наслаждалась его присутствием, словно утоляла жажду. Мик был для нее всем: другом, возлюбленным, собеседником, товарищем по играм, родной душой.

Через несколько лет в их жизни появилась Джози, и Нина окончательно поверила, что так хорошо будет всегда. Она вычеркнула прошлое. Фильм ужасов остался за спиной, впереди ждала лирическая картина с наисчастливейшим концом. И Нина играла в ней главную роль.

— А конец оказался печальным... — Нине вспомнилось, как гоготал Итон Ричер, когда она норовила уклониться от ответов на его настырные расспросы о трюках в несуществующем фильме.

— Печальный конец? — переспросила Лора, едва разобрав, что там подруга бормочет себе под нос. После телефонного разговора минуту назад Нина будто отключилась от реальности и несла околесицу. — Я бы сказала — дьявольски печальный конец. Трагедия, черт бы ее побрал, вот что это такое!

Она достала из стиральной машины мокрое белье, вытянула из общей кучи несколько мужских сорочек, трусы, майки, еще что-то, явно принадлежащее Тому, и затолкала в мусорное ведро.

Бледная как полотно Нина молчала, тупо уставившись в пространство.

— Ты только подумай: сам *признался*, что у него роман на стороне! А я с самого начала подозревала!

— Не отпускай его, — тихо сказала Нина, глядя прямо перед собой и почти не вникая в гневные речи подруги.

— Что?!

— Верни его. Если ты дашь ему уйти — все. Конец.

— Ну и отлично. Скатертью дорога.

— Как будто он умер... Разве ты хочешь, чтобы Том умер? — Нина помолчала, чтобы подруга могла вдуматься в смысл этих слов. — Не дай ему умереть, — шепнула она и крикнула Джози, что пора уходить. Ей хотелось домой, к Мику.

Недолгий путь до дома они промчали на недозволенной скорости, ветер свистел в окнах, а в голове у Нины кружились безумные, путаные картины последних дней. Одно было ясно: если Бернетт добьется своего, очень скоро умереть придется не мифической героине выдуманного фильма, а ей самой, Нине.

— у тебя когда-нибудь было чувство, что жизнь кончена?

Я сжимаю виски ладонями.

— бывало

— и что ты делала?

Я задумываюсь. Как объяснить в нескольких словах?

— начинала все заново

— я так скучаю по маме. а ты по своей еще скучаешь?

— конечно, — печатаю я, хотя, по правде говоря, почти не помню ее. Удивительно, как наша память превращается в кладовую запахов, звуков, ощущений, образов. Лоскутное одеяло давно минувшей жизни.

— папа не хочет о ней говорить. и он вечно не в духе.

— постепенно примирится, просто он горюет по-своему.

— он теперь совсем другой со мной. холодный.

— после такого это нормально.

Нелегко прикидываться пятнадцатилетней девчонкой, когда больше всего хочется поматерински прижать ее к груди.

— но он уже давно такой.

Я почти слышу, как она всхлипывает, оттого что ей кажется, будто папа больше ее не любит. Глядя на нее, он надеется увидеть меня.

Появляется еще одно сообщение.

— ты не представляешь, как он любил меня, когда я была маленькой.

— он на твою маму сердится, Джо-джо, а не на тебя.

У меня не было нормального отца, я не могу поделиться опытом и меняю тему, пока она чего-нибудь не заподозрила.

— тот мужик все еще к вам ходит?

— последнее время не было, — печатает Джози, и у меня будто камень с души.

— а как в школе?

Выскакивает новая иконка: Джо-джо добавила в свой альбом фотографию. До сих пор имелся только крохотный снимок рядом с именем.

Я щелкаю мышкой и, затаив дыхание, жду, жду, пока загрузится новое фото. Вот это да... Джози обкорнала себе волосы, а то, что осталось, выкрасила в белый и лиловый цвет. Глаза обведены черным карандашом и усталостью. Ничего общего с девочкой, которую я помню.

— все противно, школа отстой, редко хожу.

Хочу ответить и путаюсь в клавишах, раз за разом промахиваюсь и печатаю не те буквы.

— почему? в школу надо ходить.

— мама умерла, я вообще ничего не делаю.

Я слышу ее рыдания; вижу, как прогибается кровать, когда она забирается под одеяло и молится, чтобы быстрее текли дни.

— что ты сделала со своими волосами?

Не надо бы этого говорить, но сервер не справится, если я напишу то, что мне на самом деле хочется.

— *хочу выглядеть уродкой.*

Мигает курсор на экране.

— *это зачем?*

— *чтоб никому не нравиться. Откуда знаешь, что у меня новая прическа?*

Что-то из давнего всплывает в памяти — всякий раз, когда кто-нибудь говорил ей: ах, какая миленькая девочка, она надувала губы и отвечала, что хочет быть уродкой. Даже подростком терпеть не могла комплиментов.

— *когда я тебя знала у тебя были другие волосы, длиннее.* — Надеюсь, сойдет за объяснение. Как это я обмолвилась? — *а почему ты не хочешь нравиться?*

— *когда тебя слишком любят и когда совсем не любят — это одинаково больно.*

Ее ответ тысячу раз эхом отдается в Интернете, болью отзывается в моем сердце. Удержаться, не броситься сломя голову на помощь своей дочери куда труднее, чем было оставить ее.

Глубокий порез рассекает щеку. Слабое ощущение реальности, которое еще оставалось, от удара покинуло меня окончательно. Не помню точно, когда это произошло, только на лице появилась рана, которая привлекала всеобщее внимание. А цель у меня была как раз обратная.

— Вы бы показали доктору. — Аптекарьша кивнула на мою щеку.

— Ничего, заживет. Пластырь, пожалуйста. И парацетамол. — Я протянула пятифунтовую банкноту. Головная боль мучила с утра.

Из мотеля я выехала, не дожидаясь, пока хозяйка снова начнет приставать с расспросами. За ночь кровь просочилась в поролоновую подушку, испачкала простыни.

— Само не заживет, швы надо накладывать, — покачала головой аптекарьша.

— Попробую обойтись. — Я забрала небольшой пакет и сдачу.

В машине перед зеркалом заднего обзора я налепила пластырь. Перед тем как уехать из мотеля, я приняла душ, символически смыв все, что было до этого дня, а заодно и засохшую кровь. Поначалу пластырь как-то держался, но после часа езды я согнулась от боли над рулем. Пластырь отлепился, края пореза расползлись. В таком виде никуда не явишься. Я съехала на обочину и удрученно уставилась в зеркало. В кого — во что — я превратилась?

Разбудил меня стук в окно. Я лежала головой на пассажирском сиденье, рычаг переключения скоростей упирался в ребра. На меня смотрел незнакомый человек, а я видела его костистое лицо, приклеенное к безмянному шоферу.

— Подвинься-ка чуток вперед, красавица... — Он что-то бубнил про свой грузовик и придорожное кафе впереди.

Я сорвалась с места и умчалась в ночь, не понимая, грежу или, быть может, уже мертва.

Эдам разрешил мне прочитать второй вариант и оставил с ноутбуком на коленях. Но прежде чем приняться за мешанину файлов, которые он мне открыл, я заглянула в «Afterlife» — из головы не шел странный разговор с Джози.

Моя дочь не хочет, чтобы ее любили.

Я снова гляжу на экран, а душа ноет от виртуальной пощечины, которую она мне влепила, — обматерила и вышла из сети, возмущенная моими расспросами об отце. Когда Эдам возвращается, слезы ручьями льются у меня по щекам. Он обнимает меня и не отпускает, и мало-помалу я забываю, где я и что я, тревога и боль бледнеют. Эдам — как

противоядие от моего зыбкого будущего, просто потому, что у нас с ним одно общее прошлое.

— Извини, не успела прочитать.

Мы стоим на покатых половицах под скошенным потолком, Эдам наклоняет голову, чтобы не упереться в балку, а я отворачиваюсь в другую сторону, чтобы он не видел моего зареванного лица.

— Но дело не в этом, верно?

Ах, как хочется излить ему всю душу, но нельзя. Слишком опасно, я и так уже достаточно выболтала.

Только сейчас я осознаю, что произошло: он обнял меня, а я его не оттолкнула. Пряжка на ремне, мышцы груди, сильные ноги — я все это почувствовала. Я уловила слабый аромат лосьона после бритья и запах кондиционера от рубашки. Я все заметила, словно это случилось со мной в самый первый раз. Словно я обнимала единственного человека, которого любила, словно он по-прежнему был в моей жизни, а Эдама вовсе не существовало.

Перед глазами плывет, я даже не понимаю, твердый пол под ногами или меня по спирали несет в пространство? Только когда его руки тянут меня вверх, сознание проясняется. Оказывается, я стою на коленях и корявые половицы занозами впиваются мне в ладони.

— Позволь мне помочь тебе, Фрэнки... — Эдам усаживает меня на кровать, а сам опускается на корточки. — Расскажи все. Доверься мне.

И мы оба хохочем: я — истерически, сквозь слезы, а он — потому что тянулся за коробкой салфеток и потерял равновесие. Чуть не упал, но успел за что-то ухватиться. Как выяснилось, за мою ногу.

— Прости, — бормочет он, и смущенные улыбки сползают с наших лиц. — Мне надо поговорить с тобой. С тех самых пор, как ты появилась в Роклиффе, я хотел о многом с тобой поговорить, но ты так усердно избегала меня.

Я шмыгаю носом и, пожав плечами, вытягиваю из коробки еще одну салфетку.

— Со мной столько всего случилось.

— Расскажи!

Он был безмерно терпелив, бесконечно добр. И как обидно отталкивать его, когда уверена — он хочет только помочь.

— Не могу, Эдам. — Теперь он точно знает: я что-то скрываю.

— Бога ради, Фрэнки! — Эдам выпрямляется и шагает к окну, стиснув зубы, сцепив руки, словно его так и подмывает швырнуть что-нибудь через всю комнату. Круто обернувшись, он бросает: — Я одного не могу понять, какого черта было устраиваться на работу в то самое место, откуда тебе следовало бежать сломя голову?

Вопросы сыплются один за другим, но я не слушаю. Я хочу, хочу рассказать ему все. Как и я, он жаждет невозможного: начать все сызнова с теми, кого любит больше всего.

— Я приехала в Роклифф, — скороговоркой шепчу я, сжигая все мосты, — потому что скрываюсь от одного из тех, кто повинен в смерти твоей сестры. Его уже выпустили из тюрьмы. Он нашел меня. Я решила, что именно в Роклиффе он ни за что не станет меня искать. И мне самой, как ни странно, необходимо было вернуться. Безумие, знаю. Огромный риск. — Я привычно запускаю пальцы в волосы. — Этих... нелюдей поймали из-за меня. Я все видела, сообщила полиции и опознала всех, кроме одного. — Я опускаю голову, но тут же снова поднимаю и смотрю прямо в глаза Эдаму: — Тот, кто своими руками убил Бетси,

человек в капюшоне, остался на свободе. — От ощущения собственной вины внутри все переворачивается. — Прости.

В тот миг, когда Эдам привлекает меня к себе, я осознаю, что человек, от которого я на самом деле скрываюсь, — я сама.

Страшная комната, где я видела кинокамеры, то место, которое представлялось мне самой преисподней, находилась в конце запретного коридора. Я решила сначала поискать там.

Они не получают Бетси. Мы скоро уйдем отсюда.

Я выскочила из спальни. Затертый линолеум, битый кафель, крашенные стены со следами грязных рук — все сливалось в мутное пятно и исчезало за спиной. Я летела не чуя под собой ног.

Перед дверью в жуткую комнату остановилась, чтобы перевести дыхание и справиться с тошнотой. Наконец решилась и уже не заботясь о том, что будет, рванула дверь на себя. Пускай лучше возьмут меня! Я была встречена темнотой, пустотой и мерзким смрадом.

— Бетси! — завопила я и припустила по коридору, перпендикулярному к первому. Одна дверь, вторая, третья — я ломилась во все. Скатилась вниз по лестнице, которая привела меня к другому входу в подвал, и оказалась в помещении с низким потолком, заваленном старой мебелью, бочками, банками из-под краски, какой-то техникой. Из помещения неизвестно куда вела еще одна дверь, но она была заперта. Мне показалось, я слышу за ней жалобный плач.

На ватных ногах я побежала к знакомому входу в подвал. Новая черед дверей. Я распахивала каждую, хлопала по выключателю и все время напряженно прислушивалась — не раздастся ли снова плач. Это могла хныкать Бетси.

Но я слышала только свое собственное дыхание, оно с хрипом вырывалось из клетки ребер, где я хранила свои страхи, копила долгие годы. Теперь, когда я в отчаянии искала маленькую девочку, благодаря которой моя жизнь обрела смысл, эти страхи хлынули водопадом. Бетси была мне как младшая сестренка, а я ее подвела.

— Бетси! — Мой крик, отскакивая от стен, покотился по подвалу, сгоняя с места тучи пыли, призраки прошлого, отголоски страха, накрывшие груды хлама как изодранная, окровавленная одежда. Мне мерещилась пещера ужасов, виделись маленькие скелеты, кости давно пропавших детей. — Ты здесь?

Это неправда! — твердила я себе, все яснее сознавая весь ужас того, что здесь творилось.

Тишина. Я уже не слышала никакого плача. Быть может, я вообще его не слышала? Или — кто знает — это прятался кто-то другой, комочек страха, с замирающим сердцем ждущий приближения смерти?

Я вскрикнула — по босой ноге пробежала крыса. Убедившись, что в подвале Бетси нет, я кинулась назад, на первый этаж.

Роклифф-Холл замер, дети спали. Старые часы показывали без четверти три. Полоска света лежала перед дверью в кабинет, где дежурила Патрисия, — согнувшись над столом, она только и мечтала, чтобы ее никто не потревожил.

— Кто здесь? — окликнула Патрисия, высунувшись из кабинета.

Я вжалась в стену.

Патрисия pokrutila головой и вернулась к своей книжке. Ей не нужны неприятности, не станет она обращать внимание на ночные шорохи.

Я заметила, что входная дверь приоткрыта: кто-то недавно вошел или вышел.

Вглядываясь в темноту и молясь, чтобы на этот раз оказаться на правильном пути, я сбежала по ступенькам.

Как была, босиком, я мчалась по камням, по щебенке, по застывшей грязи. Мчалась так, будто на карту поставлена моя жизнь.

Ошалевшая от страха, оборачивалась, пятилась, сверлила взглядом угрюмую громаду Роклифф-Холла.

— Ненавижу! Ненавижу тебя!

Тысячи воображаемых лиц маячили в темных окнах, скалили зубы. Я молотила кулаками воздух, черные тени, мелкий ледяной дождь — и бежала дальше, спотыкаясь о собственный ужас.

Ноги заплетались, словно я продиралась сквозь ночной кошмар. Руки хлопали по бокам, как крылья. Я полетела бы, если б только могла.

— Меня, возьмите меня!

Губы запеклись, в ушах звенело, кожу обжигал холод. Исколотые ноги кровоточили. Я была уже на аллее, ведущей к воротам ада. А дальше куда?

Что это? В лесу мелькнул свет, и я, не раздумывая, ринулась в ту сторону.

Я не узнавала знакомых мест. Все вокруг было чужим. Деревья, вокруг которых мы скакали, за которыми прятались, на которые залезали, вдруг обратились в чудовищ и тянули ко мне корявые руки.

Я все бежала.

Здесь в земле спали будущие колокольчики. «Не рви их, они хорошие», — говорила я Бетси. Но она не слушалась. А на проповеди, сверкая глазами-монетками, обрывала лепестки, и лиловое конфетти сыпалось нам под ноги, на каменный пол.

Я бежала дальше, перепрыгивая через сучья, сбитые недавней грозой. *Я иду, я уже иду...* Свет должен привести меня к Бетси. Кто-то был в лесу посреди ночи. Только бы они не тронули Бетси.

Морось постепенно превратилась в дождь, на мне не было сухой нитки. Лес сгустился, деревья словно сомкнули ряды и взялись за руки, чтобы не пропустить меня туда, где меня не ждали. Я не сводила глаз с огонька.

Но вот подлесок расчистился, деревья отступили и образовали открытое место с церковью посередине. Я затормозила, чтобы меня не заметили. Стараясь держаться в самой густой тени, я кралась вдоль опушки. Высокое стрельчатое окно церкви светилось, внутри кто-то зажег свечи — десятки свечей выстроились на подоконнике.

Пожалуйста, Бетси, пусть с тобой все будет хорошо. Она в доме Господа, здесь ей ничего не может угрожать, правда? Может, она и прибежала сюда, подальше от жадных лап, в покой и тишину пустой церкви? «Храбрая малышка», — пробормотала я, представляя свернувшуюся на скамье Бетси. Но пока я не знала наверняка, надо было соблюдать осторожность. Вдруг там вовсе и не Бетси?

От леса к церкви тянулась полоска кустарника. Пригнувшись, я пробиралась вдоль него, пока не уткнулась в сырую стену. Ведя ладонями по замшелым камням, я пошла вдоль здания к главному входу.

Стоп. Дальше нельзя, сразу заметят.

После воскресной службы нас, старших, всегда уводили в заднюю комнату на дополнительные уроки по Библии, а младшие оставались ерзать на скамьях и петь гимны под руководством мистера Либи. В той комнате было несколько окон и дверь прямо на

улицу. Когда нас туда водили в последний раз, одну задвижку заело. Патрисия разозлилась: «Ну и пусть это чертово окно остается открытым!» — и испуганно зажала себе рот рукой.

Я подкралась к окну, просунула пальцы под трухлявое дерево, и рама поползла вверх. В нос ударил незнакомый запах. Обычно в церкви пахло сыростью, плесенью, старыми книгами, а теперь в воздухе разлилось благоухание ладана.

Я уперлась босыми ногами в зазор между кирпичами, руками вцепилась в оконную раму, подтянулась и протиснулась в образовавшуюся щель. Здесь было совсем темно, лишь тонкая полоска света просачивалась из-под той двери, что вела в церковь.

Я беззвучно спрыгнула на пол, на ощупь двинулась на свет и вдруг задела то ли стул, то ли ящик. Раздался скрежет дерева по дереву. Я проглотила крик от боли в босой ноге и затаила дыхание: вот сейчас сюда ворвутся, меня схватят, начнут трясти за плечи...

Ничего.

Я выдохнула, продолжила по шагочку осторожный путь и вдруг услышала пение, какого мне еще никогда не доводилось слышать.

Вот она, дверь. Алтарь будет слева, скамьи для прихожан — справа. Молясь, чтоб не скрипнула, я чуть-чуть, на мизинец, приоткрыла дверь и увидела ряды пустых деревянных скамей, на которых мы по воскресеньям отсиживали зады.

Людей нет, но откуда тогда эти странные звуки, похожие одновременно на монашеское пение и ворчание старой собаки? Я отважилась приоткрыть дверь пошире, на ладонь, но смогла разглядеть только окна и высокую наружную дверь напротив. И по-прежнему ни одной живой души. На мгновение я закрыла глаза, умоляя Господа о защите.

Не решаясь открыть дверь еще шире, я приникла к щели возле дверных петель. За ней поднимался столб света — золотое мерцание, наводящее на мысли о Рождестве, об ангелах, о празднике.

Глаза привыкли к сиянию множества свечей вокруг алтаря, и... я заткнула себе рот кулаком, вогнала крик назад в горло и впилась зубами в пальцы, чтобы удержать вопль.

К столу цветными лентами было привязано обнаженное детское тело. Девочка. Стол стоял перпендикулярно к алтарю, а она лежала поперек, маленькими босыми ногами к кресту. Четыре фигуры в черном возвышались над ней по четырем сторонам стола. Ее лица я не видела.

Только не Бетси! Пожалуйста, только не Бетси! Что происходит, я совершенно не представляла. Быть может, все не так страшно, как кажется на первый взгляд? Девочка не вырывается, не плачет. Пламя свечей совсем по-домашнему освещает обычно неприветливую церковь, пение навевает покой.

Округлив глаза, я уставилась на человека, стоявшего напротив.

Я его знала.

Мистер Таллок, когда-то он учил меня в деревенской школе. Сейчас его песочные волосы казались совсем рыжими. Рябая кожа туго обтягивала жирные щеки. Он был самый низкий из четверых и, похоже, главный. Он взмахнул руками над головой, пение прекратилось.

Короткий прерывистый вздох вырвался у меня из груди.

Тихо! Только не шуметь.

Я взмокла, руки тряслись — одной я по-прежнему мертвой хваткой держалась за дверную ручку, другую затолкала в пересохший рот. Кожу щипало и покалывало, как будто по мне ползали насекомые.

— Продолжим, — сказал кто-то из них.

Они пошли вкруговую, вытянув руки ладонями вниз над несчастным ребенком на столе. Свечи выхватили из полумрака еще одно лицо.

Я знала и его.

Молодой парень из деревни, тот, что разъезжал у нас по участку на газонокосилке, сам еще совсем мальчишка, кудрявый и румяный. Сейчас его лицо было бледным, напряженным, глаза возбужденно горели. В Роклифф-Холле я слышала, как другие девчонки, дразня и заигрывая, звали его по имени, когда он работал у нас. «Эй, Карл! — хихикали они. — А ну, поймай! Не догонишь!»

Увидев следующее лицо, я замычала в кулак.

Мистер Либи.

Он медленно ступал вслед за другими в кольцо свечей, провалы темных впадин обозначились у него над глазами. Я зажала рот обеими руками и окаменела. Это наш директор, он обязан нас защищать.

Так почему же он вытащил из-под стола длинный нож и передал его четвертому из группы?

Этот последний повернулся, чтобы принять оружие. Я перестала дышать, приготовившись к новому шоку и очередному открытию. Но увидела только черный капюшон с пустыми миндалинами, вырезанными на месте глаз.

Все свершилось так быстро.

Нож вертикально вошел в грудь. Пение возобновилось, приглушив короткий, но пронзительный вскрик. С края стола потекла струйка крови. Меня беззвучно вывернуло наизнанку. Но я все еще не видела ее лица. Две маленькие руки раскинулись в стороны, и непроизвольно дернулось колено.

Прошу тебя, Господи, пожалуйста! Прошу тебя!

В гробовой тишине лезвие поднялось и вонзилось снова, на этот раз в живот. Человек в капюшоне орудовал ножом как хирург, и по церкви пополз металлический запах крови.

Девочка неподвижна. Четверо мужчин, обменявшись невнятными словами, отошли от тела.

И тогда я увидела ее.

Все закружилось, поплыло перед глазами.

Мягкие волосы свесились с края стола, широко открытые васильковые глаза на милом личике безучастно смотрели в потолок. Из темных отверстий на обнаженном теле струилась кровь. В ямке на груди собралась небольшая лужица, а из подмышки бежала целая алая река.

Я смотрела на нее, кажется, целую вечность. Проплыла в памяти каждая минута, которую мы прожили вместе, — с того самого момента, когда я нашла ее в коридоре, как приبلудного щенка, и до последнего часа, когда она лежала со мной в кровати, теплая, живая и невредимая.

Горе превратило меня в камень.

Я видела свежие синяки у нее на ногах, на внутренней стороне бедер. Бессознательно впитывала все подробности, вбирая с жестокой отчетливостью. В памяти отпечатались каждая родинка на их лицах, цвет их глаз, волос, тембр голоса, какие на них ботинки, какой длины ногти на руках и как они ухмылялись и аплодировали друг другу за отлично выполненное дело. Я видела и узнала их всех, за исключением того, что был в капюшоне.

Наконец я отступила от двери, попятилась обратно к окну, но споткнулась, и что-то с

грохотом покатилося по полу.

Мужчины обернулись, с трех лиц отхлынула кровь, они стали белыми, как безжизненное тело Бетси.

Раздались испуганные крики, затем проклятья, оглушительный топот ног.

Не помню, как добралась до окна, трясущимися руками отворила его. Рама поехала вниз, прищемив мне пальцы. Все четверо были совсем близко, они уже ворвались в заднюю комнату.

Я вывалилась наружу, на мягкую землю у церковной стены, и побежала.

Только один раз я оглянулась, споткнувшись, и встретилась взглядом с молодым. *Карл.*

Лес сомкнулся вокруг, проглотил меня всеми своими ветвями, шипами и опавшими листьями. Я летела вперед, слыша только всхлипы собственного дыхания — вдох, выдох, вдох, выдох, тысячу раз, — и шум крови в ушах. Ноги до самых колен были в ледяной грязи, корявые корни выростали на пути.

Переводя дух, я остановилась, согнулась пополам, оглянулась. Никого. Во мраке леса я оторвалась от преследователей.

Издали неслись приглушенные возгласы, но ни свирепого топота ног, ни звука погони сквозь чащу я не слышала. Они не знали, в какую сторону я побежала, не знали лес так хорошо, как знала его я.

Но разве я могла бросить Бетси? *Тело Бетси.*

Что они собираются *теперь* с ней сделать?

Жгучая ненависть к ним и столь же жгучая преданность Бетси заставили меня повернуть. Я крадась назад, на освещенные окна церкви. Осторожно, очень осторожно; шаг — вдох, другой — выдох. Остановиться, прислушаться. От дерева к дереву, от куста к кусту. Мне чудилось, как руки хватают меня сзади, зажимают рот, волокут в церковь, привязывают рядом с Бетси...

Впереди мелькнул слабый огонек.

Я была уже близко. Один из них, тот, в капюшоне, нес фонарь. Я скорчилась за мокрым кустом, сквозь колючие ветки наблюдая за происходящим. Они тихо переговаривались, время от времени над гудением голосов взлетал гневный выкрик — они спорили. Кто-то толкнул мистера Либи, он упал. Я нарушила порядок их ритуала. Они не знали, что теперь делать, не знали, много ли мне удалось увидеть, — и готовы были перегрызть друг друга глотки.

Я старательно подмечала каждую деталь, до последней черточки, и знала, что эту отвратительную сцену мне не забыть никогда.

Снова крики, звуки потасовки. Мне хотелось подобраться ближе, но я не смела. Один из мужчин что-то нес — в руках у него что-то белело, другой держал свечу. То теряя их из виду, то снова находя, я следила за продвижением четверки.

Карл — тот, который работал у нас на участке, — поднял лопату и принялся яростно копать. Я слышала, как звякнул металл и выругался Карл — лопата угодила в камень. С шорохом сыпалась земля в темноте.

«Клады», — сказал один, я узнала голос мистера Либи. Тот, в капюшоне, нагнулся и сбросил Бетси в яму, пинком отправил ее высунувшуюся руку в неглубокую могилу.

Карл наклонился и сдернул что-то с головы Бетси, поднял к глазам. Я не могла рассмотреть, что это, но в свете фонаря блеснул металл.

Затем он наспех забросал яму землей. «Уходим».

Подхватив лопату, свечу, сброшенный пиджак, все четверо поспешно зашагали прочь. Я смотрела им в спины. Черный человек откинул с головы капюшон. И они скрылись в темноте.

Я перевела взгляд на невысокий сырой холмик под дубом. Через час, а может, два, когда не осталось и тени сомнений, что убийцы ушли, я поползла к Бетси как лесная зверушка, рыскающая, вынюхивающая, ищущая. Подобравшись вплотную, я запустила руки во влажную землю, и ее запах залепил ноздри. Дождь кончился, но с веток падали крупные капли.

Я разгребала землю, сначала медленно, потом быстрее, быстрее, в ужасе, что Бетси задохнется. Рыла как одержимая, пока ноготь не зацепил что-то мягкое, что-то холодное.

Плечо Бетси.

Я утерла слезы, размазывая грязь по щекам, и принялась счищать землю с ее лица, с груди, с шеи. Наконец показались слипшиеся пряди ее мягких, как у младенца, волос. В них была заколка с клубничкой — одна из двух, она всегда их носила.

— Бетси! Бетси!

Слезы лились на ее лицо, открывая под маской из грязи тонкую белую кожу. Она спала с открытыми, забитыми землей глазами и смотрела на кроны деревьев.

Я трясла ее. Целовала. Стирала подолом ночной рубашки кровь с ее груди.

Бетси больше не было. Ее у меня забрали. Она была мертва.

Я сняла с нее вторую заколку, невольно вырвав несколько спутанных волос. И побежала. И не останавливалась, пока не очутилась в деревне. В изнеможении, обезумев от горя, я рванула дверь телефонной будки. Я звонила в полицию.

Довольно. С меня хватит. После десяти лет молчания пришло время все рассказать.

Стиснув в кулаке ключи от машины, Нина с ужасом глядела на мужа.

— Ты дрался? Кто тебя так? — дрогнувшим голосом спросила она.

Окровавленный, возможно, сломанный нос Мика смотрел на сторону, нижняя губа рассечена надвое, под обоими глазами чудовищные синяки.

— Ничего себе! Что с тобой, пап?! — Джози подскочила обнять отца, но тот жестом остановил ее.

Нина несмело опустилась возле мужа на колени. Неужели это дело рук Бернетта?

— Ты попал в аварию? — Примчавшись вместе с Джози от Лоры, она не заметила на машине Мика никаких повреждений. Он позвонил, спросил, когда она будет дома, сказал что-то про несчастный случай и бросил трубку — она даже не успела ни о чем спросить. — Джози, бегом в ванную, принеси бинты и антисептик.

Мик покачал головой и поморщился.

— Идиотизм, — глухо, будто с набитым ртом, прошамкал он и криво улыбнулся. — Не поверишь — я грохнулся с лестницы.

— С лестницы? — недоверчиво переспросила Нина. (Значит, это не Бернетт?) — Нужен лед, я сейчас. — Она рывком открыла морозилку, вытряхнула ледяные кубики из лотка в пакет, завернула в полотенце и осторожно приложила Мику к лицу. — Как тебя угораздило? Послушай, дело точно в лестнице, Мик? Это не авария и не... какая-нибудь драка?

Джози сверху прокричала, что не может ничего найти.

— Посмотри внимательнее в шкафчике! — крикнула в ответ Нина.

Мик было хохотнул, но скривился и замычал от боли.

— Если бы кто-нибудь так меня разделал, думаешь, я сидел бы здесь? Давным-давно писал бы заявление в полицию!

Нина кивнула: он прав. Мик не из тех, кто позволит хулигану выйти сухим из воды.

— Я хотел вытащить старый шкаф из комнаты Джози. Ты сама ко мне без конца с ним приставала, да и мне самому надоело, что он стоит там без толку, только мешает. Ну вот, я его волоку к лестнице, и тут звонит мой мобильный. — Мик переложил лед на другую щеку. — Я не заметил, что стою на краю лестницы, полез в карман за телефоном — и готово, лежу мордой на столе в холле! Все ступеньки пересчитал, пока катился. До сих пор чувствую каждую.

— Какой кошмар, Мик! — Нина бережно обняла мужа. Ко всем напастям теперь еще и это. — Поедем в больницу, пусть осмотрят.

— Обойдусь. — Мик поднялся.

— И все-таки ты отдохни сегодня, полежи. Вдруг сотрясение?

Мик фыркнул:

— Ага. А картину прикажу закончить эльфам.

— Мик...

— Не понимаешь, да? — Мик покачнулся, ухватился за дверной косяк.

— Давай я хотя бы принесу все сюда, поработаешь на кухне. По крайней мере будешь у меня на глазах. — От тревог и этого последнего стресса голова у нее просто раскалывалась. — Мастерская заперта? Дай мне ключ. — Она нежно улыбнулась, прибегнув к сильнодействующему средству.

— Нет. Пока никто не должен видеть, работа еще не закончена. А за меня не волнуйся. — Потирая виски, Мик прикрыл за собой дверь.

Нина в окно увидела, как он вернулся в мастерскую. Она простояла у окна целую вечность, раздумывая обо всем, что предстояло сделать, *что ей было невыносимо делать*. Наконец, очнувшись, поднялась к Джози — та все еще разыскивала бинты.

Лестничную площадку в самом деле перегораживал шкаф, рядом на ковре валялся мобильник Мика, стена кое-где была ободрана. Нина с облегчением вздохнула: муж пострадал не от рук Бернетта. И на том спасибо.

Нина выискивала в Интернете все, что должно было ей понадобиться, когда зазвонил домашний телефон. Она едва успела опередить Джози, которая тоже рванулась к аппарату. Джози недовольно потопала наверх, комментируя себе под нос странное поведение мамы. А Нина через секунду-другую с трудом протолкнула вдох в легкие — на том конце провода помолчали и повесили трубку.

В панике она тут же позвонила Лоре:

— Я сейчас подкину тебе Джози, ты не против?

Другого выхода не было. Кругом опасность, а рядом с ней, Ниной, — тем более. Может, вообще будет лучше оставить Джози ночевать в гостях?

Лора не колебалась ни секунды:

— Давай. Смогу вечером уговорить бутылку винца перед ящиком, не думая о том, где наши куклы гуляют.

Простившись с Джози, Нина громко всхлипнула. Неужели она больше никогда не увидит своей дочери? Лора, похоже, одну бутылку уже уговорила, судя по тому, как она растягивала слова. Значит, девчонки зависнут в «Afterlife», однако Нину сейчас это волновало меньше всего. Главное, чтобы Джози не выходила из дома.

— Ни при каких обстоятельствах! Слышишь?

Джози неохотно кивнула. Хорошо хоть Лора не заметила, в каком состоянии пребывает подруга. Нина попрощалась и уехала. Ей о многом надо было позаботиться.

Эдам опускает ладони на алтарь и закрывает глаза. Темнота до краев наполняет церковь, только один тонкий лучик пробивается в щель ставней.

— Черт! Она не заслужила смерти.

— Никто из них не заслужил. — Сколько же всего было смертей? — Мы сюда ходили на воскресные службы. Думали, здесь мы ближе к Богу, а тут жил дьявол.

Эдам оборачивается:

— Что-то свело нас, Фрэнки. Быть может, дух Бетси?

В полумраке я вижу его нахмуренные брови. Он стискивает мне руки, затем, опомнившись, выпускает.

— Я не верю в загробную жизнь, — горько замечаю я. — Жизнь всего одна, только проживаем мы ее по-разному. — Я присаживаюсь на краешек скамьи, глажу теплое дерево. — На этом месте мы молились. Смотри, она нацарапала это камешком, который нашла на тропинке.

Эдам садится на корточки рядом со мной, проводит пальцем по кособокой букве «Б».

— Я хочу возобновления расследования, Фрэнки. Тот, кто это сделал, должен ответить.

Я опускаю голову. Пусть Эдам знает, что я пыталась.

— Даже когда они... когда они...

— Говори, Фрэнки.

— Когда они хоронили ее в лесу, он был в капюшоне. Я сотни раз прокручивала в памяти всю сцену, силилась вспомнить хоть какую-нибудь зацепку, которая могла бы помочь полиции. Я на все была готова, только чтобы его поймали. Я тоже любила Бетси.

Мне на плечи ложится рука. Тепло другого человека, ощущение покоя от того, что он рядом, ему небезразлично, он *понимает*, — все это бесценно.

— Как мне было страшно, Эдам! Злость моя была с целый мир, даже больше. Может, попади я туда раньше, я бы еще успела спасти ее. Или хотя бы увидеть без капюшона и запомнить того, кто это сделал. Если б ты знал, до чего это был омерзительный обряд...

— Ты это так поняла? Как обряд?

Я киваю:

— Полиция так же решила. Мне тогда почти исполнилось восемнадцать, я многое понимала из того, о чем они между собой говорили — о педофилах, об обрядах посвящения новых членов. Это оказалась едва ли не самая крупная преступная сеть на севере Англии. Действовала в детском доме много лет, и все молчали.

— И эти мысли с тобой все эти годы...

— Дня не проходит, чтобы я не думала о ней.

— Знаешь, чего мне хочется? Прожить с ней хоть один денек.

— Если тебе это удастся, скажи мне как. Есть люди, с которыми я тоже хотела бы прожить хоть денек...

От неожиданного и громкого стука мы оба вздрагиваем. Это Фрейзер Бернارد колотит по двери своей палкой. Его силуэт вырисовывается в дверном проеме; сам он стоит на пороге, но в церковь ни ногой.

— Закрывать, закрывать пора! — хрипит он, будто произойдет катастрофа, если мы задержимся еще немного.

Сжав Эдаму руку, я встаю:

— Подожду тебя на улице.

Я с облегчением покидаю церковь, пусть даже снаружи поджидает старик из деревни. Чем больше местных меня увидят, тем больше риск быть узнанной. Я вернулась сюда снова только ради Эдама.

Фрейзер позвякивает ключами, как тюремщик.

— И чего ворошить старое... — ворчит он. — Что сделано, то сделано.

— Иногда людям нужно примириться с прошлым, — с досадой отрезаю я, — чтобы не страшиться будущего.

Фрейзер тычет в землю палку, в другой руке крутит связку ключей... Я не могу отвести глаз — так дети таращатся на калек. На руке не хватает большого пальца. Фрейзер Бернارد замечает мой взгляд и спешно сует руку в карман.

— В мае здесь все синее, как море, — говорю я Эдаму и взмахиваю рукой. — Во-о-он оттуда и до самой церкви. Мы называли это «Боженькин ковер». — Я веду его дальше.

Это была его идея. Из церкви он вышел с покрасневшими глазами и ни слова не произнес, пока Бернارد не запер дверь на замок и не отправился восвояси. Мы остались вдвоем на тропе. Я еще не отошла от увиденного. Беспалая рука. У многих ли людей не хватает большого пальца? Ясно, это он подглядывал в окошко к Лекси, но зачем? И как сказать об этом Эдаму? Подумать страшно, что это может означать.

— Покажи, где ее похоронили.

Немыслимо.

— Не надо, Эдам. Не мучь себя!

Эдам зашагал назад, он ведь знал, что это где-то недалеко от церкви.

Шуршат опавшие листья у нас под ногами.

— Где? — требует он, когда мы снова приближаемся к мрачному зданию церкви, которое отгораживают от остального мира десятки метров колючей проволоки.

— Там. — Я поворачиваю налево. — Я не очень далеко убежала, не могла ее бросить. Глупо, конечно, но я надеялась, что она еще жива.

Деревья и густой подлесок укрывают нас от солнечного света.

— Храброй ты была девушкой, — сипло бормочет Эдам.

— Нет, я была дурой. Круглой дурой, потому что так долго терпела это!

Теперь я, как раньше Эдам, глотаю слезы. И вспоминаю, как это было. Вспоминаю огоньки свечей в церковных окнах, отсветы на земле, лопату, их перепалку и тычки.

— Вон там, — указываю я, — где пригорок на прогалине.

Теперь-то он оставит меня в покое? Я хочу уйти, но Эдам хватается меня за руку и тянет дальше.

— Покажи, где именно.

— Эдам, столько лет прошло. Деревья, кусты — все изменилось.

— Пожалуйста! — У него в глазах застыла боль.

И я подчиняюсь. Перед нами не настоящая могила, а всего лишь пустой холмик. После того как извлекли тело Бетси, здесь неделю копались криминалисты.

— Вот. — Я рисую в воздухе прямоугольник.

— Почему ты так уверена?

— Здесь и раньше было небольшое кладбище. Видишь, вон остатки стены? — Низкая

полуразрушенная каменная кладка вся заросла плющом. Она огораживает с дюжину могил, простые каменные надгробия вросли в землю. — Когда мы ходили в церковь, бывало, прыгали по этим камням, как по дорожке, и нам за это влетало. — Я сдвигаю ногой слой листьев, сухих и хрустящих сверху и слипшихся, подгнивших внизу. — И эта могила была как раз рядом с... тем местом, куда... положили Бетси.

Эдам опускается на колени, кладет ладони на сырую землю, склоняет голову, словно молится, все ниже, ниже, до самой земли.

— Смотри! Видишь? — вырывается у меня. — Дубок вырос!

Эдам далеко унесся, в ту жизнь, которой никогда не было. Он озирается, чтобы найти, где дуб-отец. Вон там, левее; стоящий на страже великан.

— Осенью она любила играть с желудями. Ей понравилось бы, что он здесь вырос.

Эдам кивает. Мы сидим на влажной земле, я все говорю, говорю о его младшей сестренке, а он выкладывает из веточек и камней сердце.

Два дня она не заходила в сеть — странно. Я уже с трудом управлялась с каждодневными делами и обычной неразберихой школьной жизни, которая по мере продвижения семестра только усугублялась. А что будет в Рождество? До него, правда, еще далеко, но некоторые девчонки уже обсуждали планы на праздники. Мне хотелось залезть в какую-нибудь нору и впасть в спячку до самой весны.

— Можно мне воспользоваться твоим ноутбуком? Это ненадолго.

Эдам сидел в учительской, куда я обычно заходила только в поисках свободного компьютера. Сегодня школьные компьютеры все до единого оказались заняты: учителя проверяли четвертные контрольные, трудились над отчетами. Но мне до смерти нужно было поговорить с ней, убедиться, что у нее все в порядке. Только так я могла выдержать нескончаемую череду дней.

— Конечно, — откликнулся Эдам, поднимаясь. Ноутбук, как всегда, торчал у него под мышкой. — Найдем какое-нибудь укромное местечко? В библиотеке?

Я кивнула, и мы молча зашагали по школьным коридорам. Последний раз мы с ним разговаривали у церкви, на том месте, где закопали Бетси и где он молился о ее душе. В библиотеке пусто — только две девочки склонились над учебником, да библиотекарьша надевала обложки на новые книги. Она улыбнулась нам, когда мы сели за стол.

— Мы с тобой так и не сходили на выставку, — вскользь замечает Эдам и кивает на портреты. — А теперь уже поздно.

Я открываю ноутбук и жду, пока подключится Интернет.

— Не хочется мне ни на какую выставку, Эдам.

— А я думал, тебе нравится живопись, — говорит он и вводит пароль. Я замечаю начальные буквы — «б», «е» и «т».

— Нравится. Просто... просто я когда-то любила одного художника.

И до сих пор люблю. Но нет, больше я ничего не скажу.

Эдам с пониманием наклоняет голову.

— Старая любовь?

Я киваю.

— Плохо кончилось?

Я пристально изучаю страничку Google, очень надеюсь, что Эдам не будет настаивать на ответе. Он все не так понял.

— Стало быть — да.

— Я недолго. — Поднимаю на него глаза. Неужели намек не ясен?

— Четвертый класс у меня только через пятнадцать минут, — говорит он и не двигается с места.

Я разворачиваю компьютер лицом к себе, захожу в «Afterlife» и через какое-то мгновение уже проверяю свои сообщения. Ни одного нового. Зайдя на страничку Джо-джо, я вижу, что сегодня утром она была в сети, и вздыхаю. Наверное, слишком громко.

— Все в порядке? — Эдам вытягивает шею и заглядывает на экран. — И ты туда же? А я-то думал, этим только молодняк увлекается. — Он с ухмылкой снимает какую-то книгу с ближайшей полки, открывает наугад. — Загадочная вы штучка, мисс Джерард. Или миссис Джерард? — Он с любопытством смотрит на меня, пробираясь все глубже, в самую душу.

— Мисс, — шепчу я, отъезжаю вместе со стулом и еще круче разворачиваю компьютер.

И тут объявляется Джозефина, будто только меня и поджидала. Наши разговоры уже стали привычными, и всегда первой начинает она. Но на этот раз ни рамочки для переписки, ни знакомого приветствия.

Ничего.

А времени-то у меня нет! Я сама открываю окно, чтобы написать ей. В ту же секунду ее иконка тускнеет — она отключилась.

— Странно, — говорю я и снова щелкаю на ее иконке.

— Что такое?

Ничего не поделаешь, надо объясниться. Или напелсти что-нибудь, или сказать правду. Женщины моего возраста не играют в «Afterlife».

На экране появляется новый запрос: *Коготь в сети и хочет стать вашим другом.*

— У меня есть... приятельница, а у той — дочка-подросток. И у нее сейчас, скажем так, трудный период. — Я читаю и перечитываю запрос, не соображая, что делать. — Подруга попросила помочь с дочкой, и мы с ней решили, что «Afterlife» — лучший способ выяснить, чем та живет.

— Ты за ней шпионишь? — недоверчиво спрашивает Эдам и возвращает книжку на место.

— Не то чтобы шпионю... — Чувствуя, как к щекам приливает кровь, я решаюсь и кликаю по слову «принять», и передо мной разворачивается страничка Когтя.

— Так девчонка знает, что это ты? — не унимается Эдам.

Я качаю головой. Черт меня дернул... Хотя ведь это почти правда. Бегло проглядываю данные Когтя. Та же школа, что у Джози... на год старше... играет в хоккей...

— Значит, шпионишь.

— Да, — признаюсь я. Какой-никакой, а отвлекающий маневр.

— И что же ты выяснила?

— Что она очень несчастна. Что ей не с кем поговорить. Что ей, быть может, угрожает опасность. — Какое облегчение — высказать то, что тревожит. — У меня душа за нее болит.

— Привет, — пишет Коготь. — Ты подружка Джози?

Я тупо смотрю на рамочку со словами.

— Тогда надо рассказать об этом ее матери.

— Она в курсе. Только не знает, что делать. — Я поправляю коврик для мыши, и стрелка курсора прыгает через весь экран. — Видишь ли, дочь живет с отцом, моя подруга с ними не живет.

Еще одно слово — и я выдам себя с головой.

— *Да,* — отвечаю Когтю.

— *я за нее волнуюсь,* — продолжает Коготь.

— Девочка учится у нас? — спрашивает Эдам.

Я трясую головой:

— Нет.

Компьютер пищит и интересуется, согласна ли я одновременно общаться и с Когтем, и с Джозефиной. Мои пальцы зависают над клавиатурой. Как только Джози принимает приглашение, то же самое делаю и я.

— *Привет,* — печатает Джо-джо.

— *ты как? я переживала, ты что-то была в миноре.*

Мне не очень нравится, что Коготь может все это читать. Эдам поглядывает на часы. На экран он старается не смотреть, но я вижу — он читает каждое слово.

— *У меня все хорошо, спасибо.*

— *Что новенького, Джо-джо?* — вклинивается Коготь.

— Как странно, — говорю я. Все-таки здорово, что Эдам здесь. — Знаешь, не похоже, что у нее все хорошо.

Он наклоняется ко мне:

— Почему? Она сама сказала: все хорошо.

— *В школе была?* — спрашиваю я.

— *Никаких новостей, Коготь.*

Это совсем не похоже на Джози.

— *И — да, я была в школе,* — добавляет она.

— Обычно она совсем не так разговаривает, то есть печатает, — замечаю я. — Сегодня у нее какой-то другой язык. Слишком правильный, что ли.

— Ты определила по нескольким словам?

— И я уверена, что она *не ходила* в школу. Слишком расстроена была.

— *думала тебе школа не по силам,* — строчу я.

— *Где ты?* — спрашивает меня Джозефина. — *Какой у тебя адрес?*

— Ничего не понимаю. По-моему, она собирается убежать из дома.

— *Здрасьте!* — восклицает Эдам. — Хватит с меня здешних барышень с их гормонами и побегами.

Я по-прежнему придерживаюсь сочиненной для Эдама версии.

— Она думает, что я Аманда, ее старая подруга по начальной школе. Ей очень тяжело дома, с тех пор как ее мама... уехала. Девочка просила пожить у меня; разумеется, я сказала, что нельзя. И вот теперь она интересуется моим адресом.

Ладонью подперев подбородок, Эдам переводит взгляд с меня на экран и обратно. Очевидно, мы оба ставим его в тупик. Он так близко, что я чувствую на щеке его дыхание.

— На твоём месте я прикрылся бы правилом номер один безопасной работы в Интернете. — В ответ на мой недоумевающий взгляд он объясняет: — Скажи ей, что не размещаешь в Интернете никаких личных данных. А то, мол, папа тебя убьет. — И потечески похлопывает меня по плечу.

— *зачем тебе мой адрес?* — печатаю я. Вдруг она в беде? Вдруг ей необходимо бежать?

— *Я бы хотела навестить тебя.*

— Нет, Эдам, что-то здесь не так! Она совсем по-другому болтает в Интернете. Совсем

по-другому!

Мысли мчатся вихрем. Передать Мику записку, только чтоб он не понял от кого? Но как? Через Лору, через Джейн Шелли? Что делать? Что же делать?

Эдам встает, потягивается. Ему много пришлось пережить в последнее время, и мои передраги — совсем уж лишнее.

— У меня сейчас урок.

— *тот мужик не появлялся?* — спрашиваю я. Мне нужно это знать.

— *Какой мужик?*

— Фрэнки, мне не хочется тебя торопить, но...

— Еще минутку. Пожалуйста!

— *Мужик из галереи.* — Рука не поднимается написать его имя.

Я оглядываюсь на Эдама — читает? Нет, отошел поболтать с библиотекаршей.

— *Он теперь постоянно в нашем доме. Он симпатичный. По-моему, я ему нравлюсь.*

У меня глаза лезут на лоб. Сердце заходится. Быть этого не может!

— *В каком смысле?* — Боже правый, нет!

И вдруг, так же неожиданно, как появилась, иконка Джо-джо сереет. Отключилась.

Я лихорадочно барабаню по клавишам — пишу Когтю. Может, он сумеет связаться с ней, зайти, что угодно! Но он тоже исчез.

— Закончила? — Эдам тянется за компьютером, но я вцепляюсь в него мертвой хваткой.

— Пожалуйста, еще пять минут! Вдруг она вернется. Ведь все не так! Все неправильно! — Я и сама еще не понимаю, что плачу.

— Фрэнки, мне компьютер необходим на уроке. Это может подождать?

Я отодвигаю ноутбук.

— Мы потом встретимся? Ты мне поможешь?

Тепло его руки у меня на спине — больше мне ничего не нужно, чтобы поверить: поможет.

Приходит Сильвия подменить меня на занятии по личному, общественному и санитарному просвещению. Я пожаловалась на мигрень.

— Не знаю, как вас и благодарить, — говорю я и протягиваю свои записи.

— Что мы изучаем на этой неделе? Интрижку с женатиком или пьянство? — Она хохочет и листает мой блокнот.

— Собственно, мы все еще обсуждаем преследования и то, когда наступает время с кем-нибудь поделиться.

— Ага, то есть наврать с три короба, — хмыкает сестра-хозяйка. — Это они обожают.

И она скрывается в комнате отдыха.

Эдам находит меня в учительской, где я слоняюсь вокруг компьютера, за которым один из сотрудников прокручивает какую-то страницу.

— Он уже, наверное, часа два торчит на сайте Ebay! — шепчу я.

Эдам бросает на меня понимающий взгляд и хлопает по своему ноутбуку:

— Бери мой. А потом... — он подмигивает, — я для тебя кое-что припас. Для поднятия настроения.

Мне удастся выдавить улыбку — удивительное дело, я думала, у меня их уже не осталось.

— Спасибо.

Я устраиваюсь с ноутбуком в углу, подальше от учителей, которые приходят, уходят, торопливо глотают чуть теплый кофе, стонут, что работа вконец замучила, проверяют на коленках тетради. Компьютер запрашивает пароль, я набираю «Бетси» и захожу в систему. Подняв глаза на Эдама, ловлю его взгляд. Легкая улыбка, еще одна из моих тощих запасов, сокращает расстояние между нами.

С последнего нашего разговора несколько часов тому назад Джо-джо в сети не объявлялась. Я листаю страницы, куда, как я заметила, она постоянно заглядывает, а сама меж тем сочиняю для нее сообщение, которое послала бы, если б могла. Оно ляжет в папку черновиков. Маячок правды, памятка о том, что некогда было.

Шея затекла, пальцы ноют. Я поднимаю голову, потягиваюсь. В учительской пусто. Я напечатала шесть страниц и все-таки не сказала всего, что хотела. Подписавшись одиноким значком поцелуя и мечтая о том, чтобы он длился всю жизнь, я сохраняю написанное на своей странице игры. После чего выцеживаю из кофеварки последние густые капли кофе.

— Уроки закончились, — раздается за спиной голос.

Эдам. И давно он тут, интересно?

— Я задержала твой компьютер, прости, пожалуйста.

— А он мне был ни к чему. Другие дела. — Эдам убирает его в свой шкафчик и щелкает замком. — А теперь — сюрприз! Пойдем-ка.

— Что?..

Меня тащат за руку по бесконечным коридорам, вверх по лестничным пролетам, вдоль проходов, которые ведут к моей комнате.

— Куда мы идем? — Не надо мне никаких сюрпризов. Он позвякивает ключами, усмехается, и у меня екает сердце. Дернув Эдама за руку, я останавливаюсь. Я должна ему сказать — пусть думает, что я умом тронулась.

— Эдам, тебе ничего не бросилось в глаза? Когда Фрейзер Бернард возился с ключами?

Он морщит лоб:

— Что конкретно?

— У него на левой руке нет большого пальца! Не вспоминаешь? Нет? В первый раз я тоже ничего не заметила, а пока ждала тебя у церкви, увидела: нет большого пальца!

— Ну и что?

Хмурые морщинки собираются в уголках его глаз, ходят желваки на скулах. Неужели он все еще считает, что я тогда все выдумала?

— Не понимаешь? Это он заглядывал в окно к Лекси. Я тебе клянусь: на отпечатке, который я видела, не хватало большого пальца. Что, по-твоему, он там делал?

Черт бы побрал невозмутимость Эдама. Но ему трудно осознать, насколько все серьезно. Если меня узнали — это конец.

— Вел себя как похотливый старикашка?

— Именно. Сообщим о нем?

Я внутренне съеживаюсь. Полиция, показания, расследование... А что ждет меня потом? Угрозы, страх, снова побег.

— Фрэнки... В жизни не встречал таких дерганных, как ты.

— Но...

— Ты себя ухайдакаешь.

— Я...

— Угомонись хоть ненадолго, ладно? Давай отложим это до завтра. — Он с досадой вздыхает.

Я киваю. Как хорошо было бы упасть в его объятия и затихнуть, пока боль не отпустит.

— А теперь пошли. — Миновав мою комнату, по покатоному коридору мы спускаемся чуть дальше. В этой части здания ни одной прямой линии. — Мне Палмер дал ключ. Может, говорит, вы захотите взглянуть. Я ему рассказывал, что тебя заинтересовали портреты в библиотеке. — Ключ с натугой скрежещет в замке и наконец проворачивается. — Джефф сказал, сюда невесть сколько лет никто не заглядывал, а предстоит генеральная уборка — это помещение хотят выделить новым сотрудникам. — Эдам заходит, щелкает выключателем и оглядывается на меня: как я отреагирую?

Когда до меня доходит, что он устроил, я только смеюсь, удивленно качая головой.

— Шампанского, мадам? — Эдам подходит к столу, взметая крошечные пыльные смерчи над старыми досками загаженного пола, сдирает фольгу с бутылки «Лансон» и аккуратно разливает по бокалам. Один протягивает мне, а другой поднимает к глазам и следит за пузырьками. — Наш собственный вернисаж! — Он обводит комнату широким взмахом руки.

Они разложены на полу, выстроены вдоль стен, кипами свалены на подоконниках, развешаны на всех крючках — картины, картины. Тут добрая сотня картин.

— Палмер сказал, их сюда снесли сто лет назад. Он их все пересмотрел, а выбрал всего парочку, остальные не приглянулись. Говорит, на чердаке еще есть, только он их не видел. — Эдам показывает на люк в потолке: — Кому охота туда лезть. Их все скоро на аукцион отправят, так что Палмер разрешил брать, что понравится.

— Нет слов... — Я потягиваю шампанское.

— Поскольку идти со мной на выставку ты не пожелала, я решил, что за неимением лучшего сгодится и это. Есть кое-что очень неплохое, а прочее — тихий ужас. Только, поверь, я не хотел тебя расстраивать, когда ты сказала про художника, которого...

— Я и не расстроилась. — Улыбаясь — надо же, что придумал, — я двигаюсь в обход комнаты. А он широким жестом сдергивает со стола белую скатерть — стол ломится от холодных закусок. — Эдам... — У меня душа ноет от его доброты.

— Тебе надо взбодриться. А мне надо... — он запинается, — я хочу побыть с тобой. Вдвоем.

Я хмурюсь:

— Свидание?

— Да.

— Эдам, я никак не могу... — Я умолкаю и принимаю у него из рук тарелку крекеров с паштетом. — Спасибо.

— Ну, что скажешь? — Он приподнимает полотно без рамы. — Под импрессионистов косит?

— Кошмар! — смеюсь я. — Мазня бездарной школьницы.

— Не-а. Картины здесь были еще до того, как открылась школа. Палмер вообще не знает, как и когда они сюда попали.

— А вот эта, — я киваю на другую картину, — ничего. Мне нравится небо. Довольно удачный ход...

— ...пустить по небу облака? — договаривает за меня Эдам.

— Но тоже кошмар, да? — Я фыркаю.

— Так тебе и надо! Вот не пошла со мной на выставку...

— Ладно, ладно, пойду.

Эдам подливает нам шампанского.

— И ужинать потом?

— Может быть. (*Нет. Я не могу предать Мика.*) А как тебе вот эта? Повесил бы у себя?

— Уволь.

— А эту?

— Ни за что!

Игра продолжается: одну за другой я поднимаю с пыльного пола картины, мы в два голоса потешаемся над ними, как будто сами нарисовали бы куда лучше, пока вдруг не наткнемся на серию картин, разительно отличающихся от прочего хлама.

Эдам режет сыр.

— Ты «бри» любишь?

— Да, спасибо. А эти действительно хороши. — Я жую виноградину и разглядываю абстрактные и все же очень реалистичные картины, которые Эдам выставил под окном. — Выглядят современными, здорово опередили свое время. Смотри, на этой, по-моему, есть дата.

— 1983, — читает Эдам.

— Антиквариат, — усмехаюсь я, не сводя с картины глаз. От шампанского мне стало легче, но напряжение почему-то возвращается, стягивает шею, плечи, стучит болью в висках.

— Бери себе, — предлагает Эдам, — повесишь над кроватью. От них так или иначе будут избавляться. Какой там аукцион! Скорее всего, на помойку выкинут.

Я прислоняю картину к столу. Мы рассматриваем другие, уминаем деликатесы и приканчиваем шампанское.

Позже, лежа в кровати, я вглядываюсь в деревенский пейзаж, блуждаю в переливах зеленого, из которого он вылеплен, восхищаюсь мастерством художника. Один проблеск алого, искра золота — и ты уже видишь охотников, заливающихся лаем псов, насмерть перепуганную лисицу.

Засыпаю. И вижу сон, или не сон, а картину, или сон про картину. Я — лисица; задыхаясь, я мечусь по полю и не могу, никак не могу уйти от человека в капюшоне, который неотступно преследует меня. Дрожа, в поту, я просыпаюсь среди сбившихся простыней. Темно. Включаю свет и выбираюсь из кровати. Торопливо накидываю что-то на себя и бесшумно несусь через всю школу. Мне нужен Эдам. Мне срочно нужен его компьютер.

Много с собой не возьмешь. Она не египетская царица, которую провожают в загробную жизнь с кучей всякого добра. Она даже не уверена, будет ли жива через двадцать четыре часа. А если и будет, то кем станет?

В доме было удивительно тихо. Джози и Нат сидели наверху, пытаясь найти общий язык с Ниной швейной машинкой. Нину уже не раз призывали распутать нитку. Она постояла в дверях, наблюдая за девочками. Кройка и шитье отвлекли их от похода по магазинам, от кино, от потенциальной опасности. Нина вспомнила себя в этом возрасте, как она, бывало, из ничего мастерила нечто. «История моей жизни», — думала она, возвращаясь в их с Миком спальню.

Она легла на кровать и уставилась в потолок, в тысячный раз мысленно все перебирая, как делала обычно перед спектаклем на выпуске. Весь реквизит на месте. Грим проверен, спецэффекты подобраны, расходные материалы заказаны. Чтоб комар носа не подточил, парики не сбивались, бутафорской крови было хоть залейся. В точности как сейчас, как в реальной жизни, — все должно быть абсолютно готово к финалу. От страха сосало под ложечкой.

Нина вытянула руку, провела ладонью по матрасу. Это самый трудный шаг в ее жизни. Она представила, что Мик лежит рядом, и попробовала объяснить ему. Но воображаемый Мик вскочил с кровати, требуя подробностей, в ярости от того, что его столько лет держали в неведении. «Я ведь твой муж», — слышала она его злой, растерянный и разочарованный голос. А Джози? Мятающаяся, красивая, вспыльчивая, трудная. Еще неизвестно, что причинит ей больше боли — что мать всю жизнь жила во лжи или что ее, Джози, предали.

Нина уже вытряхнула деньги из банки, которую держала в кладовке, — ее тайный рождественский резерв. До недавнего успеха Мика у галерейщиков с деньгами у них было туговато. По привычке особенно не шикая, Нина сэкономила там, сям — десять фунтов за одну неделю, двадцать за другую, и довольно скоро собралось несколько сотен. Ими-то она и расплатилась за груды металлолома, которую перекупщик называл автомобилем.

— Фамилия? — Его рука зависла над квитанцией.

— Дейвис, — без запинки ответила Нина. — Сара Дейвис.

Ему было без разницы, ей тоже, поскольку зарегистрировать драндулет Нина не собиралась. В клубах дыма она выехала из гаража и двадцать минут спустя припарковала старую развалину на месте, которое тщательно выбрала за день до этого. В багажнике был припрятан чемоданчик с одеждой и прочими нужными вещами, купленными все на ту же сэкономленную наличность. Детали плана мало-помалу срастались, и Нино сердце стучало все громче. Она знала, что очень скоро будет нелегко удержать его в груди.

Мик работал в мастерской. Это хорошо, думала Нина, что жизнь вокруг нее идет своим чередом. Ее недавнее поведение, нервное, переменчивое и подозрительное, — образцовое объяснение тому, что должно произойти и вызвать немало вопросов. Плюс оставленная записка, которую перечитают сотни раз.

Почему? Как она могла? Неужели никто не догадывался?

Сработает ли ее план, Нина не знала, только ничего другого, кроме как попытаться, ей не оставалось. Просить помощи не у кого — во всяком случае, некому довериться, а подвергать еще большей опасности тех, кого любила, Нина не могла.

Она утешалась мыслью, что, быть может, это не навсегда. Может, если хорошенько постарается, она как-нибудь исхитрится выцарапать хоть лоскуток того, что у нее когда-то было, даже вернется, объяснит, вымолит прощение. Правда, до этого еще невыносимо далеко, но если бы не эта надежда, Нина положила бы всему конец по-настоящему. Впрочем, и сейчас нет никакой уверенности, что она выживет. Так или иначе, но единственным достоверным фактом в ее жизни сейчас была смерть.

Я была разбита вдребезги. Покачивалась на блестящем проводе телефонная трубка, а я в изнеможении сползла по стенке будки.

Полиция едет. Я рассказала им все.

Две женщины в форме полицейских посадили меня в машину. Жизнерадостные, будто ничего не произошло, они даже пытались шутить со мной. Но я-то знала: ничего и никогда уже не будет прежним.

— Там, — выдохнула я, ткнув пальцем в лесную чащу, когда мы ехали мимо Роклифф-Холла.

В окно машины я увидела одинокий голубой огонек в ночи, как раз на том месте, которое я описала по телефону. Ее нашли.

Больше я никогда не увижу Бетси.

Констебли тихо переговаривались между собой, передавали закодированные сообщения по радию, поглядывали на меня в зеркальце. Пока не привезли в полицейский участок.

Мне дали одеяло — коричневое, колючее, таким прикрывать плечи преступников, а не дрожащие косточки девчонки, на глазах у которой только что было совершено убийство. Кто-то сунул мне в руки кружку с томатным супом. Комочки не растворившегося порошка прилипли к краям.

— Хочешь кому-нибудь позвонить? — спросил мужчина в штатском.

Я покачала головой. Потом подумала: может, Патрисии? Или мисс Мэддокс? Но вдруг они с самого начала все знали?

— Мне некому звонить, — сказала я. Суп обжигал губы.

Следующие несколько дней я давала показания, до хрипоты. Полиция записала подробности всех десяти лет моей жизни в Роклиффе. Свое восемнадцатилетие я встретила среди чужих. Формально я уже не могла рассчитывать на заботу муниципалитета, но какая-то добрая душа сжалилась надо мной, и мне разрешили пожить в теплом, уютном доме, в семье, где были мать, отец, еще дети, улыбки и мягкий ковер.

Я лежала на кровати и смотрела в потолок, рядом сидела моя временная мама, а я воображала, что это она, моя настоящая мама, и что она всегда была здесь, что это мой родной дом и жизнь полна счастья.

— Я тебя люблю, мама...

Как долго я тосковала по этим словам! Она погладила меня по голове, но не ответила. Откуда-то издалека до меня донеслось: *Я тоже тебя люблю.*

Потом было опознание. Я видала такое на экране нашего телевизора в детском доме, но никогда не думала, что мне самой придется тупо смотреть в стекло, прозрачное только с одной стороны. Опознать их было легко, и все же никогда еще передо мной не стояла более тяжелая задача. Даже смотреть на мертвое тело было не так страшно, потому что эти были живыми и опасными. Они таращили немигающие глаза, зная, что я в каких-то тридцати сантиметрах от них, хотя они и не видят меня. Бешеные собаки, чующие мой запах.

Три раза выстраивались в линию тщательно отобранные мужчины: свитера, очки, коричневые ботинки, у некоторых — зачесанные назад волосы, у двоих — кольца и часы, один выше всех. Обычные люди, чьи-то отцы, сыновья или братья, в уличной толпе и

внимания не обратишь.

— Этот, — сразу сказала я. — Номер два.

Троих по моим показаниям уже арестовали. Процедура опознания должна была официально подтвердить, кого я видела. Рядом со мной стояли два детектива, и кто-то еще наблюдал из-за непрозрачного стекла у меня за спиной. Я смотрела на *этих*, а он смотрел на меня.

— Не спеши, подумай, — сказал детектив.

— Мне нечего думать. Это он. Что тут думать? Он был в церкви. Его зовут мистер Таллок.

Я видела его чуть не каждый день, когда училась в начальной школе. Ребята его любили — он замечательно рассказывал всякие истории и летом разрешал делать уроки на улице.

В следующем строю — шестеро мужчин среднего возраста. Все в темной одежде, кроме последнего, на котором бежевое пальто.

— Этот, — я показала на седого человека в темно-синем блейзере, — мистер Либи тоже был в церкви.

Бессменный руководитель детского дома, через его руки прошли сотни детей. Полицейские кивнули. Я опустошила стакан с водой, который поставили специально для меня. Когда перед стеклянным экраном возникла последняя группа мужчин, я уже осмелела.

На этот раз мне потребовалось чуть больше времени. Самый молодой из тех, кого я видела той ночью в церкви, бывало, с ревом гонял на своей газонокосилке по всему нашему участку. Кое-кто из девчонок постарше сох по нему, а мальчишки забирались к нему на колени и катались по широким газонам Рокклиффа.

— Он тоже был там. Номер пять. — Я ткнула пальцем в тощую фигуру. — Его зовут Карл.

После суда я узнала, что полное его имя Карл Бернетт. Мать у него была немкой, отец колотил жену, торговал наркотиками, угонял машины, и тюрьма стала его вторым домом. Карл рос среди лондонского отребья и видел только мерзкую сторону жизни. Но был неглуп и не без амбиций. Газеты раструбили его историю — как он покинул места, где прошло его обездоленное детство, чтобы начать новую жизнь на севере страны, как поступил в колледж, устроился на полставки в фирму, занимавшуюся декоративным садоводством, как связался с преступниками, что обосновались в Рокклиффе.

Четвертого опознания не было. Какой смысл показывать мне мужчин в черных капюшонах? Никто из арестованных не заговорил, не назвал имени; никого не убедили выдать его. Тот, кто убил Бетси, остался на свободе.

Первые угрозы начались за два дня до суда. Трое, которых я опознала, были под стражей, но многие остались на свободе. Хотя детский дом сразу же закрыли, а ребят распределили по другим домам, кое-кто из извращенцев не попал в поле зрения полиции и притаился. «В том-то все и дело, — сказал мне один из детективов. — Надо выгрести все дерьмо».

Звонок был анонимный, в мой приемный дом. Мне без обиняков пообещали: не изменишь свои показания, не скажешь полиции, что ошиблась, — умрешь. На тот момент это мало что изменило бы: и без меня было доказано, что Либи, Таллок и Бернетт виновны в гнусных преступлениях против десятков детей.

Таллок на одном из бесчисленных допросов — дело вели очень решительно настроенные парни — расколосился и назвал еще несколько имен, но категорически отказался

говорить о человеке, который скрывался под капюшоном. А потом Таллока нашли висющим в петле. Кто-то передал ему в камеру ремень.

Прокатилась волна новых арестов. Полиция обнаружила захоронения по всему Роклиффу, а первой извлекли из ее мелкой могилки мою бедную Бетси. Похорон не было, только кремация после того, как криминалисты закончили свою работу.

Когда меня сбила машина и я попала в больницу, ко мне приставили охранника.

— Кто-то хочет, чтобы ты умерла, — сказал мне детектив.

У него самого дочка моих лет, добавил он и показал мятую карточку, засунутую в кармашек бумажника. На ней была девочка, темноволосая, как я, только симпатичнее. Он замной присмотрит, пообещал детектив, чтобы уж ничего дурного больше не приключилось. Мне не понравилась его ухмылка.

А после того как на меня напали с ножом, меня вывезли в другой район и поселили на специальной квартире.

Описать нападавшего я не могла — лицо было скрыто, — но он был очень силен, от него разило машинным маслом, и он хотел моей смерти. Если бы мой приемный отец не спугнул его, нож вошел бы до конца и пронзил мне сердце.

— Боже, Эва! — Он упал на пол возле меня, прижал ладони к моей ране. Я хотела сказать, чтоб он перестал давить, что это ужасно больно, пусть лучше я истеку кровью, пусть он даст мне умереть... Но силы оставили меня.

Очнулась я в больнице, в окружении белых халатов и полицейских мундиров. Тремя днями позже меня перевезли в частную лечебницу. Где это, мне не говорили, а женщина-детектив, которая меня сопровождала, сказала, что в списки меня внесли под временным именем.

— Временным? — переспросила я, а сама подумала, что именно так я себя ощущала всю свою жизнь.

— Пока ты не получишь новое. Теперь тебе будет помогать наша специальная команда.

Большая удача, сказали мне несколько недель спустя, что у меня нет никакой семьи. В некоторых случаях система защиты свидетелей имеет дело и с родственниками, однако при переселении целого семейства возникает масса сложностей.

Марк Мак-Кормак каждый раз выглядел по-иному: то поденным рабочим в джинсах и клетчатой рубашке, то коммерсантом в костюме и галстуке. Должно быть, это тоже было частью его работы. Он-то и объяснил мне, что и как будет.

— Имя можешь выбрать себе сама, — сказал он.

Остальное за меня решили другие.

Я остановилась на Нине Брукс. Нормальное имя, его хозяйка вполне могла иметь счастливое детство, поступить в колледж, быть душой компании, учиться водить машину или безумно влюбиться. И совсем непохоже, что обладательница такого имени десять лет кряду провела в детском доме, набитом педофилами. Или что она понятия не имеет, как ей теперь жить дальше.

— Мы отправим тебя в Бристоль, — сказал Мак-Кормак, когда судебный процесс уже шел полным ходом. — Дело гораздо серьезней, чем мы предполагали. — Он намеренно не говорил мне всего, я знаю, но я и не желала слышать взрослой правды, не желала осознавать весь масштаб ужаса, в котором жила. — У тебя будут новые личные данные, новый дом. Хочешь — устроим тебя в колледж, не хочешь — найдем работу. На твой счет положат определенную сумму на первое время, а я буду регулярно проверять, как у тебя дела. И я буду

твоей единственной связью с прежней жизнью.

Я молча кивнула, задумалась. Я была то наивной девчонкой, то в следующее мгновение — независимой женщиной. Марк привел меня в закусочную по соседству с домом моей второй приемной семьи. Им, как и врачам в больнице, назвали мое временное имя, и они все удивлялись, почему это я не сразу откликаюсь, когда меня зовут обедать или обращаются с вопросом.

— Через неделю ты переезжаешь. — Марк подтолкнул по липкому столу несколько брошюрок и пояснил: — Все факультеты колледжа, выбирай. — Он был добр ко мне и выглядел в тот раз как мой отец: теплый жилет, полосатая рубашка, серые брюки — хотя по годам и не подходил. И небритый. Мне он нравился. — У меня на руках все документы, которые тебе потребуются на первых порах. И жилье мы подобрали. Хозяйка в курсе, ждет тебя. Но разумеется, понятия не имеет, кто ты и через что прошла.

И все это из-за того, что Бетси умерла, из-за одного моего телефонного звонка.

— А мне купят новую одежду? — поинтересовалась я, листая брошюры. Вот оно! Я сразу поняла, чему хочу учиться в колледже, и сказала Марку.

— Итак, гримерша, — одобрил он, и перед нами словно развернулась моя будущая жизнь, вся, кроме одного маленького нюанса. — Некоторые подробности этого дела я не могу открыть тебе, Эв... Нина, — поправился он. — За годы службы я благополучно переселил уйму свидетелей, подвергавшихся опасности, но бывало и так, что все шло прахом. И тому есть несколько причин. Я хочу, чтобы всю жизнь, каждый день ты следовала двум простым правилам.

Меня готовили к преследованию длиною в жизнь.

— Первое: не доверяй никому. Абсолютно никому! Они везде. На прошлой неделе, к примеру, был арестован офицер полиции. Представь себе, тоже член этой сети. И нам точно известно, что схвачены еще не все. Твое новое имя и адрес знаю только я. Если, не дай бог, что-то не так, ты обращаешься только ко мне. Я дам тебе номер телефона, держи его при себе всегда и везде.

Я кивнула. Откуда-то изнутри поднимался озноб.

— Второе, — продолжал Марк, — ты никогда, ни при каких обстоятельствах не должна появляться ни в Роклифф-Холле, ни в его окрестностях. Кто-нибудь тебя узнает. Кто-нибудь скажет кому-нибудь, кто знает еще кого-то. И все наши труды насмарку. Так что держись от этого места подальше. — Он увидел выражение моего лица, похлопал по руке: — Но я уверен, все будет хорошо. Только следуй этим правилам. Никому не верь и не возвращайся.

Эту мантру я твердила все время своего долгого путешествия на юг. При мне был чемодан с одеждой и сумка с паспортом, данными банковского счета, номером социального страхования — все, что необходимо для новой жизни. Единственное, чего Марк Мак-Кормак не сделал, это не стер воспоминания. А они оказались самой неподъемной частью моего багажа, когда я по крутой лестнице волокла свою новую жизнь в комнатенку под крышей.

— По крайней мере, не придется голодать, — бормотала я, вспомнив про вывеску дешевой забегаловки, что была как раз под моими окнами.

Изображая из себя заботливого отца, который отправляет дочку на учебу в колледж, Марк познакомил меня с квартирной хозяйкой. Показал автобус, на котором я буду ездить каждое утро. Занятия уже начались, но меня снабдили правдоподобной уважительной причиной и записали на курс. Вскоре я обзавелась парой подружек, после чего визиты Марка сократились до одного раза в полгода, а еще немного погодя он сообщил по телефону,

что больше не приедет.

— Мой номер у тебя есть. Если понадобится помощь — звони. — И повторил, перед тем как повесить трубку: — *Никому не верь и не возвращайся.*

Я была странно взволнована, словно примадонной вступала на театральные подмостки Уэст-Энда. Я могла стать кем пожелаю и для каждого нового знакомого сочиняла очередную историю о собственном прошлом.

Со временем Нина Брукс зажила своей жизнью. А потом я обрела счастье и стала Ниной Кеннеди — я встретила Мика, человека, который должен был окончательно прогнать все мои страхи. Никогда еще я не чувствовала себя так надежно, так спокойно, не была так уверена, что больше ничего плохого со мной не случится.

Нина никогда не думала о расставании навсегда. И в мыслях не было, что опасность, в которой она жила, — та самая опасность, которая с годами обернулась ослепительным счастьем, — может угрожать чьей-нибудь еще жизни, кроме ее собственной.

Если этого не сделать, им тоже придет конец, говорила она теперь себе в минуты сомнения. Бросая их, она спасает им жизнь.

Декорации и реквизит готовы. Осталось сделать последнее — умереть.

День выдался теплый и, на счастье, тихий. Как всегда в последнее время, Мик встал с помятым лицом, сумрачный от недосыпа и усталости.

— Соку? — предложила Нина.

Мик покачал головой и налил себе кофе, намереваясь отнести в мастерскую.

Стакан хлопнулся об пол, брызги сока разлетелись по всей кухне.

— Какого?.. — Мик круто обернулся как раз в тот момент, когда что-то просвистело мимо его головы.

Нина, красная, трясущаяся, вся в слезах, колотила по буфету — недаром столько лет проработала в театре. «Прости, прости!» — мысленно крикнула она и заверещала, дергая себя за волосы и царапая щеки:

— Я так больше не могу!

Мик напрягся, покачал головой и ушел в мастерскую.

Кожа под гидрокостюмом стала противно липкой. Она переделалась в общественном туалете на окраине парка. Руки тряслись так, что она еле застегнула молнию, лицо блестело от пота, ног она вообще не чувствовала.

Поверх костюма она надела юбку. Особую юбку — сама сшила из материала, который, по словам Ричера, иногда применялся для таких трюков. Юбка была снабжена парашютным шнуром и двумя гибкими рейками. Если сработает, перевес на ее чаше весов, не сработает — что ж, ее среди скорбящих не будет.

Нина вспоминала рассказанную Миком много лет назад историю о том, как во времена королевы Виктории женщина прыгнула с моста, но осталась жива благодаря своей юбке. Перебирала в голове советы Итона Ричера, все «можно» и «нельзя», которые втолковывал ей старик. Пусть крохотный, но шанс у нее есть. Только надо поторопиться, чтобы захватить прилив.

Сердце отстукивало непривычный ритм, растягивая резину костюма под майкой. Она положила в пакет одежду, которую сняла, затолкала все в придорожный мусорный бак. И не оглядываясь погнала машину к Клифтонскому подвесному мосту.

Несколькими часами раньше Джози собирала вещи для школы, что-то сварливо приговаривая, искала физкультурную форму, которая за долгие летние каникулы разбрелась по всей комнате. Нина подняла вывернутый наизнанку хоккейный носок, каким-то образом избежавший стирки. Джози молча выхватила его у матери из рук и гордо удалилась, уклонившись от Нининых объятий.

Мик, конечно, работал, отходя от недавней Нининой истерики с битьем стакана.

Последний раз она видела его, когда он шел в мастерскую, как тысячу раз до этого.

Только бы ее поведение в последние две недели, колкости, которыми они обменивались, шесть пустых пачек парацетамола, оставленные ею на кухонном столе, ее сумка с кошельком и мобильным телефоном на крючке в холле, — только бы все это заставило всех, включая полицию, местные газеты, *Бернетта*, поверить.

Она мертва.

Нина припарковала свою машину прямо на двойной желтой линии на подъезде к мосту: самоубийце плевать на штраф. Она прогнала все мысли — стоит сейчас задуматься хоть на миг, и она не доведет дела до конца. Ключи оставила в зажигании и дверь не закрыла, мельком задавшись вопросом: интересно, как скоро ее угонят? Женщина, надумавшая свести счеты с жизнью, не станет беспокоиться о ворах.

Дробный стук каблуков, когда она побежала к мосту, отдавался в душе, и каждый следующий шаг приближал ее к финишной линии. Остались позади мощные тросы, протянутые к каменным башням. Она бежала по желтоватым камням пешеходной дорожки, мимо прожекторов, которые так красиво горят в ночи, мимо скамеек, где парочки любовались видом. Дальше, дальше. На мост, туда, где белая решетчатая ограда отбрасывает легкую тень на пешеходную дорожку.

Впереди неторопливо шагала женщина, ветер трепал ее волосы. Нина вытащила из кармана зажим для носа. Будет ли от него хоть какая-то польза? Вниз она не смотрела, не могла себя заставить встретиться взглядом с грязно-коричневым потоком. От высоты ее мутило.

С усилием переставляя ноги, Нина приближалась к отметке середины моста. Мысли были заняты только тем, что происходило сию секунду, — не тем, что было секунду назад, не тем, что через секунду будет. Она видела лишь камень, на который ступала нога, слышала лишь свой очередной вдох.

Остановилась. Подняв глаза, чувствуя жар адреналина, уперлась взглядом в высокую проволочную сетку, натянутую именно от таких, как она. Собрав все силы, взобралась на ограждение и припала к сетке. Каким-то образом, как удавалось и другим до нее, перелезла. Проволока цеплялась за кожу на руках, оставляла царапины на голеньях, плечах, лице. Ей было все равно.

Просигналила машина, кто-то крикнул, взмахнул на ходу рукой. Подгоняя ее.

Нина стояла, вцепившись в ледяные прутья; шквалистый ветер рвал юбку. Наконец глянула вниз.

Она смотрела в будущее.

Три секунды — и смерть.

— Стойте! — услышала она женский вопль и оглянулась. Женщина зажала рот ладонью, в глазах плескался ужас. За ее спиной неуклюже семенил к перилам толстяк в форме — смотритель моста.

Нина отвела глаза. У нее нет выхода. Если она умрет, то остальных он не тронет, оставит ее семью в покое.

Она правильно поступает, ведь так?

— Следуй за пузырьками, — прошептала она. Ветер унес ее последние слова.

«Там, внизу, темным-темно, — сказал Ричер. — Следуй за пузырьками, они выведут на поверхность. А уж тогда — плыви что есть мочи! — Он расхохотался. — Если и впрямь решилась. Хотя на такое никто не пошел бы. Без специального оснащения, во всяком

случае».

Река далеко, как другая планета, другая жизнь.

И Нина сделала шаг — шаг в пустоту.

Она была права. Три секунды — и смерть, но на это потребовалась вся оставшаяся жизнь.

— Эдам, Эдам! Проснись, это я! — Сначала я осторожно стучу в дверь, затем принимаюсь тарабанить. — Эдам, открой же!

Я слышу стон.

— Ну, что еще?

— Эдам, открой, пожалуйста. Мне нужна твоя помощь.

Мгновение спустя дверь распахивается и на пороге появляется Эдам — в тренировочных штанах, с голой грудью и взлохмаченной чуть больше, чем всегда, рыжей шевелюрой. Он трет глаза и широко зевает.

— Что стряслось? — Посторонившись, он пропускает меня в комнату и ухмыляется. — Гляди, сплетни пойдут.

— Прости, что разбудила, но... — Я переминаюсь с ноги на ногу, плотнее запахиваю халат. — Я тебя умоляю, помоги, Эдам. Умираю от беспокойства!

— А до утра с этим никак нельзя подождать? — Он садится на кровать, натягивает футболку.

— Мне срочно нужен твой компьютер. Дело... дело в той девочке, о которой я тебе говорила. Она в беде. В большой беде. Я уверена.

— Ну так позвони ее матери. Ты-то тут при чем? Тем более я? Да еще в такой час. — Эдам валится на подушку. — Половина четвертого... Делай что хочешь.

Я бросаюсь к столу, открываю ноутбук и через пару минут уже захожу в «Afterlife». Конечно, никаких признаков Джозефины — ночь на дворе. Я стучу по клавишам, набирая новое сообщение. Она получит его, как только выйдет в сеть.

Кому: Королева сцены Джо-джо

Тема: Важно, срочно прочти!

Сообщение: Джози! Тебе грозит опасность. Немедленно уходи из дома. Сейчас ничего не могу объяснить. Иди к Нат, вызывай полицию. Уходи сразу, как получишь это письмо.

Я не подписываю «Аманда» и с трудом удерживаюсь от того, чтобы не напечатать «мама». От шока она может не послушаться. Отправляю.

— Боже, что я натворила! — Я поворачиваюсь к Эдаму.

Он садится, мрачно взирает на меня:

— Понятия не имею. Поделись.

Распахнув маленькое решетчатое оконце, высовываюсь наружу, жадно хватаю ночной воздух. Тревога на шаг — на миг — отступает, словно темнота владеет всеми ответами и, пока я глотаю ее, все будет в порядке. Потом разворачиваюсь лицом к Эдаму, смотрю в упор, но перед глазами мельтешит рябь.

— Я должна вернуться.

— Ничего не понимаю. Говори толком! Куда вернуться? — Плеснув в два стакана виски из своего запаса для особых случаев, Эдам одну порцию почти насильно вливает в меня.

— Домой... — Я кашляю, спиртное обжигает горло. — Мне надо вернуться домой и покончить с этим кошмаром.

Как зверь, я мечусь по комнате, не соображая, где я, что я. И думаю, думаю.

— Еще чего! — восклицает Эдам и подливает мне в пустой стакан. — Никуда ты не поедешь.

Безумный вой вырывается у меня:

— Он убьет ее! Как я могла надеяться, что все получится! Помрачение нашло, умом тронулась. Отвезешь меня? Прямо сейчас?

— Да куда отвезу-то?

— Домой, в Бристоль. Прошу тебя! — Я не спускаю с него глаз, и отчаяние сочится из каждой моей клетки. — Я сотворила нечто столь безумное, что душа разрывается, и теперь должна вернуться, чтобы исправить... если еще не поздно.

Он опускает ладони мне на плечи.

— Давай уточним. Ты хочешь, чтоб я посреди ночи отвез тебя в Бристоль? На своей развалюхе?

— Она хотя бы ездит, а моя даже не заводится. — Я прижимаюсь щекой к его руке. — Если меня не будет рядом, с ней случится что-то ужасное! Может быть, уже случилось. — Вместе со слезами я проглатываю содержимое своего стакана — хотя что толку? — и тяну Эдама за футболку. — Я бы взяла такси, но у меня нет ни...

— Ладно, — четко произносит он, уже надевая рубашку и свитер.

— Что?

— Ладно, я тебя отвезу.

— Но?..

— Но — ты скажешь правду. Кому угрожает опасность? — Он сдергивает с вешалки куртку.

— Моей дочке, Эдам! Если я не приеду к ней, моя дочь погибнет.

Эдам интересуется, сколько, по моему мнению, ехать до Бристоля. Я возвращаюсь мыслями к своему безрадостному путешествию сюда, отмеченному парой ночевок в мотелях, долгим забытием на придорожных стоянках, бесконечными часами, когда я тупо таращила глаза на окрестные поля, сама не веря, что я это сделала.

— Часа четыре. А на этом... — я хлопаю по приборной панели, — может, и все пять.

Эдам уже залил полный бак бензина на ночной заправке, купил кофе и чего-то съестного. Есть я не могу, но кофе придает сил.

— А я всегда знал: от тебя только и жди неприятностей. С самого начала. — Пока стоим на светофоре, Эдам бросает на меня взгляд. Мы даже еще не выбрались на шоссе. — Как увидел тебя тогда на первом собрании, так и понял. Что-то такое было у тебя в глазах, эта рана на щеке, как ты всех сторонила. Я сразу заподозрил: здесь кроется какая-то тайна.

— Ты мне помогаешь, чтоб выведать мою тайну?

Пусть думает что хочет, лишь бы поскорее довез меня до дома. Пальцы судорожно впиваются в ремень безопасности. Только бы не опоздать, только бы не опоздать. Душа окаменела. Нет сил взглянуть правде в лицо.

— Ты-то мою знаешь, — отзывается он. — А как еще скоротать время?

Несколько минут я храню молчание, но неожиданно до меня ниоткуда доносится голос. Мой голос. Но я словно в первый раз слышу его. Этот голос рассказывает Эдаму об Эве, маленькой девочке, у которой болезнь отняла мать, а пьянство — отца. Как ее сдали в детский дом, как там по ночам забирали детей и издевались над ними, как однажды забрали

и Эву.

— Только не вздумай меня жалеть. Не тот случай. Я ведь жива, а многие дети умерли. — Женщина, которую я не узнаю, стряхивает с плеч груз прошлого.

— И все молчали? — недоверчиво спрашивает Эдам.

— Каждый знал: будешь болтать — получишь порку, а то и чего-нибудь похуже. — Я смотрю за окно. Еще не скоро рассветет. Мимо проносятся другие машины.

— Никогда еще не гнал свою старушку на такой скорости. — Эдам похлопывает по рулю и улыбается мне.

— Все смолчали, а я нет. И видишь, что из этого вышло?

— Какой она была, Фрэнки? Расскажи про мою сестричку.

Я вздыхаю. Наврать было бы дурной услугой Эдаму.

— Она была молчунья. Напугана была как мышонок, когда я впервые увидела ее в одном из коридоров. В предыдущем детском доме, говорят, не могли с ней справиться. Она часто... не успевала в туалет. (Пальцы Эдама стискивают руль.) Но она была живая, как огонек, и смышленная. Мы с ней пели, я рассказывала ей сказки. Она была мне как младшая сестра. Если бы не Бетси, я бы свихнулась. — Пауза. — Я для нее платья шила, мастерила игрушки, всякое такое. Потому что у нас вещей было негусто. Когда кто-нибудь из наших... когда ребята исчезали, мы налетали на их шкафчики и все растаскивали. И вроде легче смирились с тем, что их самих больше нет. Ужасно, правда?

— Она когда-нибудь вспоминала, как жила дома? О семье?

— Несколько раз повторила «братик». Как будто у нее остались туманные воспоминания о том, кого она любила. Больше я ничего о ней не знала. И воспитатели тоже. Эти-то были только рады, что я за ней присматриваю, — одной заботой меньше.

Я представила, как Бетси карабкается на колени к брату, как, бывало, карабкалась ко мне.

— Спасибо тебе, — без улыбки говорит Эдам. — Я серьезно. Спасибо. — Он накрывает своей рукой мою, и наши пальцы переплетаются.

Должно быть, я задремала. Шея затекла, рука по-прежнему в горячей ладони Эдама. Я бросаю на него взгляд — он смотрит на дорогу перед собой. Слева от нас, у самого горизонта, на небе появляется красно-оранжевая полоса.

— Потом стало совсем худо, — продолжаю я свой рассказ с того места, где остановилась, и Эдам молча слушает. — После того как я опознала тех троих из церкви, мне постоянно угрожали. Они бы и убили меня, если б я не уехала. Мне дали новое имя. Это целая история. Слышал о защите свидетелей? Вот я таким свидетелем и была. Оказалось, что несколько извращенцев в Роклиффе и его окрестностях — это только макушка айсберга. Раскрыли колоссальную сеть.

— Но убийца Бетси остался на свободе.

— Да, — с горечью откликаюсь я.

— Стало быть, у тебя началась новая жизнь.

— Безумие... Девчонка из детского дома — и вдруг самостоятельный человек, предоставленный самому себе.

— И чем ты занялась? — Эдам тянется за шоколадкой, я ее разворачиваю для него.

— Окончила колледж, работала как вол. Обзавелась кое-какими друзьями, но мне так крепко вбили в голову, что никому верить нельзя, возвращаться на север нельзя, что я по утрам и глаза-то со страхом открывала.

— Тяжело, должно быть.

— Тяжело, но и на удивление весело — начинать с чистого листа. А через два года после колледжа я встретила своего будущего мужа. Вот когда все по-настоящему пошло на лад. — Эдам, уловив перемену моего настроения, косится на меня. — У нас родилась дочь, Джозефина. Ей сейчас пятнадцать.

— Та, к которой мы...

— Да, — не даю договорить я. — Прошло двадцать лет, и одного из той троицы выпустили из тюрьмы. Понятия не имею, как он меня разыскал. Насколько я знаю, в ту банду и полицейские входили. Двух-трех арестовали уже после моего отъезда — я следила по газетам. Это была бомба, когда открылось, что среди членов преступной группы педофилов — важный полицейский чин. Можно не сомневаться, что кое-кому из них удалось выйти сухим из воды. С их помощью он, видимо, и нашел меня. Теперь вся эта шатия в Интернете крутится, в «Afterlife» и тому подобных местах.

Светлеет с каждой минутой, за окном тускло-серое утро. Бегут над головой низкие облака, под стать моему душевному состоянию. Мы мчим на юг, мелькают столбы с разметкой: 190, 85... И вот уже указатели вместо Бирмингема оповещают о Бристоле.

— Как думаешь, что для этого нужно? Чтобы человека простили за то, что он бесповоротно исчез из жизни близких людей?

Вопрос озадачил Эдама, он задумчиво морщится.

— Как если б он умер?

— Вот именно.

— Да-а... Я так думаю, понадобилась бы чертовски уважительная причина.

— А если он снова объявился бы? Вдруг, из ниоткуда?

— Опять же — лично мне бы потребовалась чертовски уважительная причина.

Какое-то время я молчу, а потом кидаюсь очертя голову — просто говорю правду. Не получается никому не верить, решила я, не работает оно.

— Эдам, двадцать девятого августа этого года я убила себя.

Машина резко виляет.

— Что? Ты пыталась покончить с собой?

— Я не пыталась. Я покончила.

Эдам выравнивает машину.

— Но вот же ты, рядом сидишь.

— Для всего прочего мира я умерла. Ты один знаешь, что Нина Кеннеди жива.

— Нина Кеннеди? — В ожидании очередного потрясения Эдам сбавляет скорость.

— После детского дома я была Ниной Брукс. А когда вышла за Мика, взяла его фамилию.

— А кто такая Фрэнки Джерард?

Эдам в том состоянии, когда человек уже перестает чему-либо удивляться, и признайся я сейчас, что я международная шпионка, он поверил бы.

— Франческой я стала, когда убила себя. Понимаешь, я разыграла собственное самоубийство, чтобы Карл Бернетт оставил в покое меня и мою семью. Он угрожал мне, угрожал Джози. И вообще ясно дал понять, что все кончится, только когда я умру. У меня не было выбора.

Эдам размышляет, мысленно раскладывает все по полочкам.

— Почему ты не обратилась в полицию? И почему исчезла одна? Сбежали бы все

вместе.

— По-твоему, я об этом не думала? Ты не знаешь этого человека. Исчезни мы все разом — как считаешь, Бернетт не стал бы нас искать? Да он землю носом рыл бы! А так... Предсмертная записка, свидетели, которые своими глазами видели, как я прыгнула с моста. Очень убедительно. Я погибла, а мое тело унесло потоком. Официально признанное самоубийство. Осиротевшие муж и дочь, пара газетных репортажей — вполне заслуживает доверия. А три смерти — это слишком, это не прошло бы. Да и какое право я имела из-за своего проклятого прошлого поломать жизнь тем, кого любила? Они ведь ничего не знают. Я не могла так поступить с ними.

— Но в Роклифф-то зачем было возвращаться?

— Бернетт вряд ли сунулся бы туда опять, во всяком случае, сразу после освобождения. Я же тебе говорила: я решила, что Роклифф будет самым безопасным местом. Ни одному свидетелю под защитой, если, конечно, у него есть хоть капля разума, не придет в голову вернуться туда, откуда он в свое время еле ноги унес. Я думала, что очень умно поступила.

— А полиция какую роль во всем этом играла?

— А никакую, — грустно усмехаюсь я. — Если не считать одной молодой женщины, которая решила, будто меня бьет муж. Я пыталась рассказать им, не вдаваясь в подробности, только ничего не вышло. У меня ведь в голове накрепко засело: доверять можно только одному человеку — тому, кто занимался моим переселением. Я и старалась разыскать его, да не смогла.

— История на грани фантастики, Фрэнки.

— Думаешь, я все сочинила?

— Вовсе нет. У тебя все на лице написано. — Эдам проводит пальцами по шраму на моей щеке.

В Бристоль мы попадаем в самый час пик. Кажется, век прошел с того дня, как я покинула город, в котором скрывалась целых двадцать лет. Я показываю Эдаму, куда свернуть, где срезать, чтобы объехать пробки, и вот мы уже в другой части города, направляемся к тому месту, которое я когда-то называла домом. Через сломанную печку в салон задувает холодный воздух.

Я смотрю на часы на приборной доске.

— В это время она уже встает. — Может, лучше отправиться к школе и подождать у ворот, а не устраивать переполох дома? — Эдам, не могу сообразить, как поступить. Я еще никогда не воскресала из мертвых.

— Правда? А послушать тебя, так ты в этом спец. Ну, куда едем?

— Домой. — Слово, которое некогда наполняло душу теплом, теперь леденит страхом. — Вряд ли она сейчас ходит в школу.

Мне вспоминается странный разговор в сети.

А еще, если Джози уже прочла мое последнее сообщение, стоит позвонить Лоре. Может, Джози уже у них. Я прошу у Эдама его мобильник и, набирая номер, готовлюсь подделать голос под девчоночий.

Несколько минут спустя я даю отбой, а у самой внутри все дрожит от звука Лориного голоса и от собственного обмана.

— Оказывается, они ее с неделю уже не видели. И это очень странно. Раньше она дневала и ночевала у Нат.

— Поедем сначала к твоему дому, а потом к школе. Идет?

Я киваю. Уже совсем близко. Пальцы немеют. От мыслей, что я скажу дочери, которую предала, голова идет кругом.

— Скорее!

Я закрываю глаза, и в темноте внезапно вспыхивает правда.

Целый сезон пропущен. Деревья стоят черными скелетами, словно после пожара. Палисадники, которые я помню в пышной зелени, увяли и засохли в предчувствии осени и зимы. Кое-где на крылечках еще болтаются корзинки с пожухлыми цветами, но только на фасаде моего дома — полный комплект мертвого летнего убранства.

— Ужасное зрелище. Поезжай вперед. — Я едва дышу от страха: вдруг кто-нибудь из соседей меня заметит. Спешно опустив солнечный козырек в машине, натягиваю шерстяную шапку Эдама ниже бровей.

У нас в саду будто табор ночевал. Кругом мусор. Шторы на всех окнах задернуты. Что происходит?

Эдам проезжает мимо дома номер восемнадцать и в конце улицы притормаживает, вопросительно поглядывая на меня: направо или налево?

— Можешь повернуть направо? Хочу еще раз глянуть.

Едем обратно. Замечаю одну соседку с малышом — держат путь на детскую площадку. Здесь мало что переменялось, жизнь идет своим чередом.

— Почему у дома такой вид, как будто здесь никто не живет?

— Может, они еще спят, Фрэнки. Остановиться здесь?

— Нет! Поезжай дальше, там магазины, можно встать, и никто не обратит внимания. А вернемся пешком.

Так и делаем. Выбравшись из машины, мы облакачиваемся на капот, из-под которого валит пар. Устала старушка.

— Я бы позвонил. — Эдам протягивает мне свой телефон.

Я набираю номер, но никто не отвечает.

— Наверное, уже ушли.

— Хочешь, я пойду и постучу в дверь? Меня ведь никто не знает.

Я готова расцеловать его, но не делаю этого. А Эдам меж тем уходит, но вскоре возвращается. На лице недоумение.

— Не могли они куда-нибудь уехать? Такое впечатление, что там давно никого нет. Почта на коврике, шесть бутылок молока под дверью. Я звонил, звонил. Хотел обойти кругом, но калитка заперта.

— Она просто тугая, — говорю я, и на память приходят разные домашние хитрости, известные только обитателям дома, — все то, что и делает его *домом*. — Я иду туда. — Решение принято. — Может, она там одна, или с *ним*, а может, ранена или...

— А может, ты перестанешь психовать? Если б было так худо, твой муж давным-давно вызвал бы полицию. — Эдам берет меня за руку, но я вырываюсь и пускаюсь бежать. — Погоди! — кричит он.

Поздно, я уже барабаню в собственную дверь. Сейчас за стеклом покажется лицо Джози. Повзрослела, должно быть, похудела...

Стучу, звоню — тишина. Эдам шагает к калитке и, поднажав, распахивает ее. Я, надрываясь, зову Джози, молясь, чтобы она меня услышала.

— Может, там посмотреть? — предлагает Эдам, кивая в глубину сада, на мастерскую Мика.

Вокруг деревянного строения трава по колени, крыша завалена сухой листвой.

— Это мастерская... — Я отчетливо вижу в окне лицо Мика. Прижав лицо к стеклу, он смотрит на меня, в глазах светится любовь. Так же внезапно видение исчезает — как краска, стертая с холста.

Я бросаюсь к хижине, приставляю ладони к окну. Ни души, только картины, картины повсюду. Запах краски пробивается даже сквозь деревянные стены.

Я оборачиваюсь к Эдаму:

— Никого. — Я тяну его прочь. — Нам туда нельзя. Да у меня и ключа нет.

Мик неизменно держал его при себе.

Спотыкаясь, пересекаю запущенную лужайку — сплошное месиво из сорняков, опавших листьев, мокрой земли, — взлетаю на террасу и припадаю по очереди к каждому из трех окон, ожидая чего угодно, кого угодно.

— Пусто. Настоящий кавардак — и ни души. — Я задыхаюсь не столько от беготни, сколько от полной неизвестности. — Да где же она?

Эдам берет меня за руку:

— Чего, собственно, ты опасешься, Фрэнки?

Эдам здесь, не в Роклиффе, он на крыльце моего дома, и у него в руках ниточка к моему прошлому — и далекому, и недавнему.

— Сама не знаю... — Я путаюсь в словах, которые просятся на язык, но остаются невысказанными. — Это скверные люди, очень скверные. Нельзя допустить, чтобы моя дочь оказалась рядом хоть с кем-то из них. — Я смотрю на часы на запястье Эдама. — Даже если Джози и ходит в школу, сейчас она вряд ли там, еще слишком рано.

Я прижимаюсь лбом к оконному стеклу и вдруг вижу в столовой на столе компьютер Джози — неподключенный, обмотанный связкой проводов. Зрелище невыносимое — как будто ее саму связали и заткнули кляпом рот. *Он схватил Джози?* От мысли, что дочь где-то держат пленницей, к горлу подкатывает тошнотворный комок.

— Компьютер всегда стоял у нее в комнате, а сейчас... Не понимаю. — Я дергаю за ручку стеклянную дверь — заперто. — Ключ! Ключ всегда лежит под тем горшком — на случай, если Джози забудет взять свой.

Метнувшись к ряду засохших цветов в кадках, я наклоняю среднюю. Ключ на месте.

Как только я отпираю дверь, дыхание спирает от нестерпимой вони.

— Дай-ка я первым пойду, — говорит Эдам.

Я знаю, о чем он думает, и эта мысль лишает меня сил.

Эдам шагает вперед, опасно осматриваясь в каждой комнате, а я трясусь от страха в кухне. Что он там обнаружит? Здесь помойное ведро переполнено, и еще несколько мешков с мусором раскиданы по полу. В раковине гора тарелок и кастрюль с присохшими объедками, все кругом завалено коробками из-под готовой еды и грязными чашками. Это не мой дом. На ум приходит Бернетт, как он мог бы здесь жить, оскверняя все, что мне дорого, — включая мою дочь.

— Нет никого, Фрэнки. Ни живых, ни мертвых, хоть и воняет, как в морге.

От слова «морг» меня передергивает. Только представить, что мертвое тело могло здесь пролежать не один день...

Мы возвращаемся в столовую, посмотреть на компьютер Джози — единственную ниточку, связывавшую нас последние месяцы. Жалкое зрелище: знакомые наклейки полубодраны, монитор перекошен и в грязи, клавиатура поставлена на попа. Все в пыли и опутано проводами.

— Зачем его сюда притащили? Нелепость какая-то. — Я глажу компьютер, словно он может соединить меня с дочерью, передать ей мою тревогу, предупредить об опасности. — Можешь его подключить? Нужно зайти в «Afterlife», вдруг она ответила на мое сообщение? — Я в отчаянии смотрю на Эдама.

Эдам утвердительно кивает. Он сообразил, что это за своей собственной дочкой я следила из Роклифф-Холла, и не задает лишних вопросов. Я помогаю ему втыкать проводки, тяну шнур питания к розетке. Все время мы настороженно прислушиваемся — не подошел ли кто к входной двери?

Звонок телефона сродни оглушительному грому.

Зажав рукой рот, слушаю, как мой собственный голос весело просит оставить сообщение, затем щелчок и короткие гудки — на том конце повесили трубку.

Компьютер загружается, я сижу как на иголках. Ну наконец...

— Смотри, — шепчу я, загрузив страничку «Afterlife». — Сообщение от нее!

Сколько раз я ругала Джози за то, что опять она торчит в этой проклятой игре, вместо того чтобы собираться в школу, а теперь готова прыгать от радости. Открываю сообщение и вместе с Эдамом, согнувшимся надо мной, читаю. Смысл не сразу доходит до нас.

Если хочешь получить дочь живой, приходи за ней сама. А не то она пойдет по стопам своей мамы.

— Боже, нет! Джози у него! — Я едва успеваю отпрыгнуть в угол, и меня выворачивает наизнанку.

Вытирая рот, я возвращаюсь к столу и перечитываю сообщение еще раз. Увы, я ничего не напутала.

— Пора вызывать полицию, Фрэнки. Если твоей дочери угрожает такая опасность, нам самим не справиться.

— Ты не понимаешь! — кричу я, мгновенно реагируя именно так, как меня натаскивали. — Если в полиции узнают, кто я такая...

— Успокойся, Фрэнки. — Эдам непреклонен. — Хорошо бы, конечно, с твоего согласия, но если и нет — я все равно позвоню. Безопасность ребенка важнее всего. Пусть даже твое местонахождение и рассекретится. Этот тип без того в курсе, что ты жива.

Эдам прав, я опять жива. Но лучше бы мне по правде умереть.

— Как он догадался?.. — Я приглядываюсь к Эдаму. В памяти всплывает: *никому не верь и не возвращайся*. Я нарушила оба правила.

— Этого я не знаю, но он... или они... определенно используют Джози как приманку, чтобы добраться до тебя.

Я падаю на стул, живот по-прежнему сводит судорогой.

— Эдам... — В комнате стоит какой-то странный, призрачный полусвет. Может, мне все снится? — Эдам, я больше не могу.

Роняю голову на стол, на самый край, лоб разрывает боль, слезы каплют на ботинки. Надо что-то делать, но что?

Эдам достает свой мобильный.

— погоди. Если собираешься обратиться в полицию, то надо звонить Джейн Шелли. Она поможет. Она считает меня жертвой домашнего насилия... Так мы и полицию к делу подключим, и не вызовем подозрений.

Перешагивая через раскиданные повсюду вещи и мусор, пробираюсь в прихожую. Моя сумка по-прежнему висит на крючке, но телефон пропал. А там был номер Шелли.

— Ублюдки! — Я с размаху бью кулаком в стену. — Эдам, я не помню ее номера. Звони в участок и попроси, чтоб ее позвали. Но только ее! Иначе просто оставь сообщение.

Эдам кивает и набирает номер полиции. А я снова перечитываю сообщение на экране. Отправлено в 6.23 утра, вскоре после моей записки. Ясно, что Джози довольно давно не пользовалась этим компьютером. Значит, он послал сообщение с другого. И что? Все равно непонятно, где они сейчас.

— Если им нужна я, то они меня получают.

И я объявляю на весь Интернет: «я в сети». Вот она я, хватай меня.

— Фрэнки, что ты творишь? Я оставил срочное сообщение для Шелли. Мне пообещали, что она перезвонит, как только заступит на дежурство. Но по-моему, стоит еще и экстренный вызов сделать, для пущей верности.

— Нет! Подождем. Это сработает.

— Думаешь, он тебе скажет, где Джози?

Я киваю, кусая губы.

— И что тогда?

— А тогда, — решительно и спокойно отвечаю я, — мы пойдем и заберем ее.

Ожидание тянется нескончаемо долго. Без четверти десять снова звонит домашний телефон, и снова мой голос просит оставить сообщение.

«Здравствуйте, мистер Кеннеди. Это секретарь школы. Почему Джози сегодня опять не было на занятиях? Директор хочет срочно поговорить с вами. Пожалуйста, свяжитесь с нами. Спасибо. До свидания».

— А куда, собственно, подевался ее отец? — задумчиво спрашивает Эдам, но тут компьютер, тихонько свистнув, оживает. Мы припадаем к монитору, вглядываемся в экран.

— Смотри, Джо-джо в сети. Это она. — Мои дрожащие пальцы накрывают мышку.

— Или не она, — отзывается Эдам.

Почти в ту же секунду всплывает окошко для разговора.

— *привет*

— Спокойно! — командует Эдам. — Надо выяснить, где она.

— *привет*, — печатаю я. — *Как дела?*

— *не могу долго говорить*

— *что делаешь?* — Нельзя подгонять ее, но время не ждет. — *Джози?* — снова печатаю я, не получив ответа. — *Ты где?*

— *не знаю*, — отвечает она. — *где-т кпр, л*

— Что такое? Ерунда какая-то.

— Рука соскользнула, — предполагает Эдам.

И тут от мощного вздоха у меня распирает ребра — тело откликается быстрее, чем разум. Я хватаю Эдама за руку:

— Нет!

— *Если хочешь, чтобы она осталась в живых, делай, что я скажу.*

Я киваю. Что угодно сделаю, только не тронь, умоляю, не тронь мою девочку! Ладони становятся влажными, по спине бегут ледяные мурашки. Эдам пододвигает к себе клавиатуру и осторожно вынимает мышку из моих пальцев.

— *Кто это?* — печатает он.

— *Угадай*

— Эдам, не играй. Ты не представляешь, насколько серьезно...

Один его короткий взгляд — и я обрываю себя на полуслове.

— *Не буду*

Нет, он не понимает, что делает!

— Передай мне телефон, Фрэнки. Нравится тебе или нет, а я звоню в полицию, пропади она пропадом! И твоему мужу тоже.

— *Никакой полиции, иначе она умрет*

Он словно прочитал наши мысли.

— Эдам, спаси ее, спаси! Боже-боже-боже!.. — кричу я.

— *Что ты хочешь, чтобы я сделала?*

— *Чтобы ты умерла. И на этот раз по-настоящему.*

Мы переглядываемся. Я кивком прошу Эдама продолжать.

— *Говори — как. Только не трогай ее.*

У меня перед глазами моя Джози — запертая где-то в темной комнате, связанная по

рукам и ногам, с кляпом во рту, напуганная до смерти...

Снова раздается телефонный звонок, и мы с Эдамом вздрагиваем от неожиданности. Однако на этот раз надывается не домашний телефон, а какой-то другой.

— *Ответь на звонок*

— Вот черт! Он нас видит.

Мы вскакиваем, идем на звук. Он доносится из кухни. В куче пустых коробок из-под готовой еды Эдам обнаруживает красный мобильник. На экране мигает «абонент неизвестен». Эдам передает трубку мне.

— Да? — выдавливаю я чужим голосом.

Поначалу слышу только шорох и звук шагов.

Затем долетает вскрик — девичий вскрик — и приглушенный приказ.

— Это Джози. Помогите мне, пожалуйста! Кто это? Вы меня спасете?.. — И плач.

— Джози! Джози! Ты меня слышишь? — Я смотрю на экран — разговор закончен — и судорожно пытаюсь отыскать список принятых вызовов. — Это была Джози. Она плачет, мне нужно к ней!

Эдам забирает у меня телефон, нажимает какие-то кнопки и подтверждает то, что мы и так знаем:

— Номер не определился.

На мониторе нас ждет очередное сообщение:

— *Она жива. Пока.*

— Так и будем с ним переписываться? Нам нужно к ней! — Я уже и не пытаюсь бороться с истерикой. Как это вышло? Все, во что я верила, на что полагалась как на каменную гору, поставлено с ног на голову.

— У тебя есть какие-нибудь мысли, где она может быть? Где эта сволочь живет?

— Не представляю.

Господи, как мне плохо...

— *На этот раз — по-настоящему. Или вместо тебя упадет она. Пятнадцать минут.*

Эдам поворачивается ко мне. Глаза — как две щелки.

— О чем он?

— Мост! — выдыхаю я, хватая мышку. — Он хочет, чтобы я снова прыгнула!

— Или упадет Джози, — медленно повторяет Эдам.

Я щелкаю мышкой и печатаю:

— *Уже еду*

Эдам задним ходом выезжает со стоянки. Я не чувствую собственного тела, только сжимаю в руках оба телефона и жду, когда один из них зазвонит. Мы мчимся в сторону городской окраины Ли-Вудз.

— Шоссе А-369, — еле слышно произношу я. — Следи за указателями. Боже, это... не должно было случиться.

Эдам молчит, и я знаю, о чем он думает. *А чего ты ждала?*

В Эбботс-Ли ремонтируют дорогу. Эдам наугад сворачивает в переулок, и его интуиция выводит нас на главную дорогу как раз за пробкой.

«Господи, пожалуйста, пусть нам и дальше везет», — молю я про себя.

— Черт, уже десять минут прошло. — Эдам выжимает из машины все, на что она способна. — Далеко еще?

— Не очень. Налево! — кричу я, когда мы пролетаем поле для гольфа.

Мы чуть не проскочили поворот к мосту. Эдам ударяет по тормозам, и машину резко заносит. Сзади кто-то сигналиит.

— Поехали, поехали!

Между деревьями мелькает мост. Я смотрю на часы Эдама — мы еще укладываемся в пятнадцать минут. Что ждет нас?

О смерти я не думаю.

— Я еду прямо на мост, Фрэнки. С парковкой слишком долго возиться. Если они там, мы их засечем.

Я киваю, озираюсь, считаю секунды. Мы приближаемся к гигантскому сооружению, дребезжат на стыковочных швах колеса.

— Где они? Ты их видишь? — Я подаюсь вперед, уже отстегивая ремень.

— Я не знаю, как они выглядят, — тревожно откликается Эдам.

Он медленно едет вдоль моста, мимо пешеходов в нахлобученных от пронизывающего ветра капюшонах.

— Там! — вскрикиваю я. — Вон они! — Две фигуры опасно балансируют на краю моста по ту сторону ограды, а третья стоит на дороге. — Господи, наверху Джози, а рядом ее отец...

Эдам останавливает машину посередине проезжей части, метрах в пятнадцати от них. Я распахиваю дверцу.

— Секунду, — бросает Эдам. — Вместе пойдем.

Мы перекрыли дорогу, и машины сзади отчаянно сигналият. Тот, третий, слышит и, круто обернувшись, в упор смотрит на нас.

— Это кто?

— Карл Бернетт, — шепотом отвечаю я, сжимая руку Эдама, и мы осторожно двигаемся вперед. — Он опасен.

Джози стоит на самом краю моста. Бледное лицо, обведенные темными кругами, ввалившиеся глаза. Руки связаны за спиной, во рту кляп из грязной тряпки. Единственное, что не дает ей камнем рухнуть вниз, — это рука отца на спине.

— Он захватил их обоих. Плохо дело, Фрэнки. — Эдам тянет у меня телефон. — Я вызываю подмогу.

Внезапно раздается сдавленный вопль изумления: Джози видит меня. У нее сереет лицо, подгибаются, соскальзывают ноги. Мик едва успевает схватить ее за шиворот.

— Все хорошо, Джози! Я здесь! Теперь все будет хорошо. — Я протягиваю к ней руки, мечтая оказаться рядом.

— Ба, воскресшая из мертвых собственной персоной, черт тебя подери! — рычит, приближаясь, Бернетт. Тускло блестит лезвие ножа, я отшатываюсь. — Думала, я не раскушу твою жалкую уловку?

Мик у него за спиной застыл, только глаза настороженно перебегают с Бернетта на меня.

— Я... я... — Но язык не слушается.

Эдам оценил ситуацию и готов действовать. Он не осознает, с чем столкнулся.

— Давайте девочку сюда! — кричит он Мику, воспользовавшись тем, что Бернетт отвлекся, и бросается к краю моста.

Бернетт подступает ближе, приставляет мне нож к горлу. Все происходит как в

замедленном кино.

— Эдам, нет! Ты не понимаешь!

— Стой, мать твою, где стоишь, а не то ей крышка, — цедит сквозь зубы Мик, и лицо у него каменеет.

Он хватается Джози за волосы и с силой дергает, голова моей дочери откидывается назад, он вплотную придвигается к ней и что-то яростно шипит прямо в лицо.

Я вскрикиваю, но голоса нет.

Сама не знаю, как и откуда появляются силы.

— Не смей! Ты, ублюдок! — хриплю я.

Бернетт на мгновение отворачивается, и я кидаюсь к Мику.

— Назад, паскуда, — скрежещет он.

Где тот глубокий, насыщенный тембр, в который некогда я влюбилась без памяти? Нынешний голос Мика почти убивает, лишает последних сил. А силы нужны, чтобы понять и принять, кто он и что он. Словно чужими глазами я смотрю на него и вижу, как те самые руки, которые прежде защищали дочь, теперь готовы убить. Джози с обезумевшим взглядом лягается, кусается. Сквозь кляп рвется жалобный вопль. В отчаянии она со всей силы топает по отцовской ноге.

— Стой смирно, Джози. Перестань драться! — Если он разожмет пальцы, она сорвется.

Эдам за плечи поворачивает меня к себе:

— Что происходит, Фрэнки? Ты говорила... это ведь твой муж.

— Картины, — задыхаясь, выдавливаю я.

— До поры до времени ты, Нина, была отменным прикрытием. Где еще так надежно затаишься, как не под боком у охраняемого свидетеля? — скалит зубы Мик. — Да только появился *он*. — Мик зыркает глазом на Бернетта.

— Два по цене одного, — подает голос Бернетт, а у самого смятение на лице — не может решить, к кому подступить с ножом. — Когда знакомый фараон дал мне наводку на *ее* адресок, я и не рассчитывал на такой подарок — отыскать заодно и тебя. Ее муж! Кто бы мог подумать. Кисть в руке, готов принимать заказы. Не ждал небось, что я разрушу твое любовное гнездышко?

Я перестаю слышать. И чувствовать. Действую как во сне. Машинально. Хладнокровно.

...Сейчас проснусь и окажется, что я бегу к человеку, которого любила, в котором двадцать лет души не чаяла, от которого родила дочь. И я обхватываю его за шею, прижмусь губами к его губам, вдохну запах его кожи...

Я отскакиваю от Бернетта, еще не зная, что сделаю. Нож вспарывает кожу на руке, но боли нет. И вдруг все переворачивается, я со всего маху лечу головой на бетон. Кулак Бернетта сбил меня с ног.

— Давай ее сюда, ко мне! — надсаживается Мик.

Среди зевак поднимается крик... взвизгивает женщина... мужской голос требует немедленно прекратить.

— Эдам! — Я поднимаюсь, и голова взрывается болью. — Он убьет Джози!

— Пошевеливайся! — рывкает Мик.

— Не делай этого, Мик. Она и твоя дочь!

Он сверлит меня взглядом:

— Покажи, что ты ее любишь. Давай, иди, займи ее место.

— Хорошо... — Я подхожу к ограде. — Ты ведь тоже ее любишь? — Все минувшие

годы проносятся между нами. Он даже не вздрагивает. — Ты ведь на самом деле не хочешь этого, Мик. — Я спокойна, глаза абсолютно сухие. — Прошу тебя, не делай этого, отпусти свою дочь.

Я жду искры жалости, проблеска раскаяния. Но их нет. Напротив — теперь он еще холоднее, еще злее. Джози на расстоянии его ладони от смерти. Она дрожит, всхлипывает, глазами умоляет меня спасти ее.

Эдам, воспользовавшись моментом, делает рывок. Сцепившись, они с Бернеттом катаются в пыли у меня за спиной. Это подталкивает Мика.

— У тебя последний шанс — или она сдохнет! — Побагровевший, мокрый от пота, он страшен.

— Я иду!

Не помня себя от страха за дочь, я взбираюсь на ограду и перелезаю за решетку. Однажды я это уже проделала, сделаю и теперь. Только на этот раз по ту сторону не будет жизни, — во всяком случае, не для меня. Никому не пережить падения при отливе. Все закончится очень быстро.

— Только, пожалуйста, отпусти ее. — Слова рвутся из меня вместе с остатками воздуха. Я цепляюсь за прутья. Ноги дрожат.

И вдруг сирены. Поначалу — далекий приглушенный звук, но он приближается и скоро делается пронзительно-нарастающим.

— Сука, полицию вызвала! — Мик, перехватив руку, которой держит Джози, пихает ее. Одна нога Джози срывается. Мик инстинктивно хватается за куртку. Руки Джози связаны, самой ей нечем держаться.

— Нет, нет! Это не я! — кричу я в ответ. Нельзя выводить его из себя. Если Эдам не удержит Бернетта, нас с Джози в считанные секунды столкнут с моста. — Это кто-то из них! — мотая головой в сторону собравшейся толпы. Почему никто не поможет нам? — Слушай, Мик, все еще можно исправить, только отпусти Джози. Мы с тобой все обсудим. Тебя не посадят, я буду тебя защищать, мы ведь одна семья, правда?

Какая мука — произносить эти слова.

На секунду его глаза оживают, вспыхивают искоркой тепла. Мне кажется, он хочет что-то сказать... Но сквозь прутья ограды к нему продирается напуганный сиренами Бернетт. Эдам, пошатываясь, поднимается с земли, утирает кровь под носом.

— Я в тюрьму больше не сяду! Нет! Черта лысого! — истошно вопит Бернетт. — Тебе сошло с рук, когда ты выпустил кишки той соплячке в церкви. Теперь твоя очередь мотать срок!

— Жаль, тебя заодно не пришил... — словно камни с моста, падают слова Мика.

Тебе сошло с рук, когда ты выпустил кишки той соплячке...

Мир вокруг замирает, только свистит в ушах ветер.

— Ты убил Бетси? — чуть слышно шепчу я, потому что кричать уже не могу. Сил едва хватает держаться за прутья.

Мик поворачивает ко мне лицо. Человека, которого я знала, больше нет; есть тот, кто двадцать лет являлся мне в ночных кошмарах. Я вышла замуж за убийцу Бетси, изверга, который уничтожил мою жизнь. Правда налетает порывом снежной бури, предвестием вечной зимы. Я во всем разобралась, все поняла... но не *это*. Про Бетси я не додумалась.

Я поддвигаюсь к Джози, перехватывая пальцами прутья решетки.

— Держись, Джози!

Какая непереносимая боль. Сорваны последние лоскутья лжи. Теперь я знаю, с чем все это время мирилась. *С чем заставила жить родную дочь.*

Мелкими шажками я переступаю по выступу все ближе, ближе к дочери. Нет, я не дам ей погибнуть.

Внезапно Эдам кидается на Бернетта и стаскивает вниз. Они сплетаются в клубок рук, ног, хриплых выкриков и зуботычин. Эдам ударяется головой о бетон дороги, Бернетт мгновенно вскакивает и бросается к Мику, норовит дотянуться, вцепиться в него. Мик в ответ лягается:

— Отвали, мать твою! Я не собираюсь в тюрьгу!

Отвлечшись на Бернетта, он уже не так крепко держит Джози.

— Ты не сядешь в тюрьму, Мик. Только дай мне забрать Джози. — Ветер хлещет меня по лицу. — Вот так, хорошо, не торопись... Пускай она подойдет ко мне.

В этот момент Бернетт сбивает Мика с ног, тот с воплем срывается и повисает на руках.

Джози без поддержки пошатывается...

Дико вскрикнув, я ловлю ее — она уже опрокидывается назад — и притягиваю к решетке, намертво обхватываю за талию. Теперь я ее не выпущу. Теперь я буду держать ее сколько хватит сил.

Мик побелевшими пальцами цепляется за жизнь.

— Кончено, Мик! — хрипит Бернетт. — Сейчас сдохнешь, мразь!

Сокрушительным ударом кулака Эдам сшибает Бернетта на землю и в два прыжка взлетает на ограду. Глаза у него черны от бешенства, его не остановить никому и ничему.

— Не-е-ет! — воет Мик, взглядом взывая о помощи.

В толпе ахают, вскрикивают. Джози дрожит, ее рыдания разрывают мне сердце.

— Все позади, Джози. Не двигайся, не смотри...

Я знаю, что сейчас произойдет. Что должно произойти. Эдам все ближе подбирается к Мику.

— Ах! Ты! Подонок! — Каждое слово Эдам сопровождает ударом ноги, которая плющит сведенные пальцы Мика. — *Ты убил мою сестру!*

Мик неотрывно смотрит на меня — эти мгновения вбирают всю нашу с ним жизнь.

Еще один, последний удар. Пальцы разжимаются.

Три секунды — и смерть. Это я знаю.

— Господи... господи... господи... — твержу я без остановки, прижимая лицо Джози к своему плечу.

Все тело одеревенело, не слушается. Внезапно чьи-то сильные руки тянут у меня Джози. Нет, не отдам!.. Но это Эдам из последних сил проталкивает ее за решетку.

Еще две пары рук подхватывают меня под мышки — мужчины из толпы тащат меня на мост. Я повисаю тряпичной куклой, а секундой позже утыкаюсь головой в грудь Эдама, и он обнимает сразу и меня, и Джози, которая оказывается между нами. Я реву в голос, но голос не мой, чужой. Сквозь рыдания различаю прерывистое дыхание Эдама и топот — полиция наконец добралась до места. Полицейские устремляются в толпу и собирают в кучу всех подряд, не зная еще, кто в чем замешан и что вообще произошло.

Эдам отводит нас от ограды, трясущимися руками развязывает тугие узлы на затылке, на руках у Джози. Дочь бросается мне на шею. Кровавые отметины от кляпа тянутся поперек ее осунувшегося лица. Я прижимаю к себе мое сокровище — единственное, что у меня осталось.

— Все прошло, дорогая, все кончилось... — Наши слезы смешиваются, мы дрожим как одно целое, и облегчение на время охватывает нас обеих. — Господи, Эдам! Как такое возможно? *Мик!*

Эдам гладит меня по голове и где-то находит силы, чтобы сказать, что теперь все будет хорошо, что теперь нам ничто не грозит.

Как мы переживем такое? У меня подкашиваются ноги, и я валюсь на мостовую. Какой-то детектив отводит Эдама в сторонку.

— Мама! — Джози падает рядом, обнимает. У нее царапины на скулах и на лбу. И следы от веревок на запястьях. Она трет их, судорожно всхлипывая. — Он меня запер, а сам притворился, будто это я в сети. Говорил, что... — Она захлебывается плачем. К нам подходит полицейский. — Он... он говорил, если не доберется до тебя, то убьет меня. Раз, говорит, ты ее дочь, туда тебе и дорога.

На другой стороне моста полицейские поставили на ноги Бернетта. Тот еще стоит нетвердо, качается, но уже в наручниках. Эдам объясняет, что произошло.

Кто-то трогает меня за плечо. Вздрогнув всем телом, испуганно оборачиваюсь... и вижу констебля Шелли.

— Тише, тише. Теперь вы в безопасности.

— Мой *муж*... — ошеломленно говорю я. Она оказалась права.

Подбегают санитары с одеялами. Я опять рыдаю, не понимая, кричу я или это бьется во мне вина, которая уже поселилась в душе; вина, от которой мне не избавиться до конца своих дней.

Эдам снова рядом. Я отворачиваюсь, когда желудок сводит судорогой.

— Нам надо о многом расспросить вас и вашу дочь, — говорит детектив, присев возле меня на корточки. — Давайте поедем в какое-нибудь тихое место.

Кивнув, я с трудом встаю на ноги, помогаю подняться Джози. Нас отводят к машине без опознавательных знаков. Мы втроем — Эдам, Джози и я — забираемся на заднее сиденье. А вокруг полиция освобождает мост от зевак, оцепляет всю территорию. Мы отъезжаем, и нас накрывает внезапная, благословенная тишина. Минут через двадцать нас заводят в полицейский участок. Я выпотрошена, как покинутая раковина. Единственное, что заставляет биться сердце, — это дочь, которую я чуть не потеряла.

Мы в комнате для допросов. Прищурившись, я смотрю на него. Из глубин памяти всплывает знакомое лицо. Да, это он. Его специально вызвали. Он берет меня за руку, коротко улыбается:

— Нина Брукс. Сколько лет, сколько зим. Мы позаботимся о тебе.

— Вы это уже говорили однажды, и тогда я вам поверила.

— Знаю. Прости, Нина.

Морщин на лице Марка Мак-Кормака прибавилось, и живот под рубашкой выступает явственней. Но в целом он в хорошей форме — для человека, который на двадцать лет старше того Мак-Кормака, что пришел мне на выручку. Мне словно опять восемнадцать.

— Я, если тебя это интересует, сменил поле деятельности, — поясняет он. — Переключился на педофилов. Теперь охочусь за детской порнографией, главным образом, в Интернете. Наш отдел отлавливает распространителей, раскрывает сети. Мы уже некоторое время идем по одному следу.

Мак-Кормак осторожно подбирает слова — боится, что я могу сорваться.

— А ты молодец, юная леди. — Он останавливает взгляд на Джози и ждет моей реакции.

— Джози? — вскидываюсь я.

Что Марку Мак-Кормаку известно о Джози?

— Ночью поступил звонок, Нина. Экстренный звонок от крайне взволнованной девушки. К несчастью, мы не успели разобраться, где она находится, — связь оборвалась. Джози очень храбрая девочка. — Мак-Кормак умолкает, предоставляя продолжать самой Джози.

— Они отвезли меня в какое-то жуткое место. Там так воняло. По-моему, там жил тот, второй. И там было полным-полно картин. Ужасных картин! — Джози закрывает руками лицо, словно прячется от кошмарного зрелища. — Они напились, и, пока храпели, я взяла их телефон и все рассказала полиции. Я сдала его, мам. — Невидящими глазами Джози смотрит прямо перед собой. — Но потом тот, другой, проснулся и выбил у меня телефон.

— Звонок имел... щекотливый характер, и дело переадресовали в мой отдел, — поясняет Марк.

— Щекотливый характер? — Не хочу, не могу этого слышать. И тоже закрываю лицо руками. — Я только сейчас узнала. Клянусь! — бормочу я сквозь пальцы. — Он рисовал детей... И продавал эти страшные картины. Он использовал меня. Использовал нас! Я была его ширмой.

Я оборачиваюсь к Эдаму. С тех пор как мы покинули мост, он не отходит от меня ни на шаг.

— Помнишь картины на чердаке, Эдам? Тот пейзаж, что ты дал мне, — он весь вечер мучил меня. А я все не хотела признавать очевидное, пока оно не завопило открытым текстом... — Я путаюсь в словах, несущая бессмыслицу.

Джози вдруг зажимает уши руками.

— Он говорил, что я не должна никому рассказывать, а то ему придется несладко и его от меня заберут, — шепчет она. — Говорил, что любит меня по-особому. Будто мне очень повезло, что у меня такой отец, как он, — другие папы не любят своих дочек так сильно. Это ведь не очень плохо, что я сообщила в полицию, правда, мам? — Она жалобно заглядывает мне в глаза.

Что я наделала с собственной дочерью...

Я склоняюсь к ней, не смея прикоснуться.

— Он надругался над тобой, да? И все эти годы он... он... — шепчу я в слезах.

Язык отказывается повиноваться. Но это неважно. Мы обе знаем правду.

Я прижимаю ладони к ее холодным щекам, целую заплаканное лицо.

— Ты правильно сделала, что рассказала. И теперь все будет хорошо. Твой отец поступал дурно, очень дурно, но твоей вины тут нет.

Не представляю, откуда берутся эти слова. Как я смогу поддержать дочь? Как забыть то, что он с ней сделал, зная, что он всегда будет частицей ее самой? В ее жилах течет его кровь, в ее клетках его гены. У нее те же глаза, они застенчиво улыбаются, когда ей чего-нибудь хочется.

— Но ты ведь умерла, мам, — шепчет Джози как в дурмане. — Тебя не было со мной. — Лоб собирается в морщинки. — И он меня похитил. Мой родной папочка похитил и связал меня!

Голос Джози срывается в крике, какого я еще не слыхала. Я не могу смотреть на нее —

боюсь увидеть, что с ней случилось; я не могу отвести от нее глаз — боюсь, что ее снова у меня отнимут.

— Я вернулась. Я вернулась навсегда, Джози. Можешь рассказать мне все. Я больше никуда не уйду.

Как нестерпимо беспомощно это звучит, но, чтобы помочь ей, я должна быть рядом, никогда не покидать ее. Мы будем бороться вместе. Мы ведь обе живы.

Приходится напоминать самой себе, где я нахожусь.

Дома у Лоры. Лора — моя подруга. Вот она, сидит напротив меня за кухонным столом.

Джози свернулась калачиком на диване в соседней комнате, а Нат гладит ее по голове. Я без конца мысленно перебираю их всех, словно только так и можно сохранить их в моей жизни.

Рядом со мной сидит Эдам и пытается уяснить, что к чему, точно складывает старую головоломку.

— Утром мне снова к ним.

Последние двенадцать часов я провела в полиции — отвечала на вопросы, делала заявления. Марк Мак-Кормак не отходил от меня, а Джейн Шелли без усталости таскала еду, питье, записки, держала меня за руку.

— Я сразу почуяла — вся беда в нем, — шепнула она, похлопывая себя по носу.

— Вы никогда его не видели, — возразила я.

— А и не нужно было. Я по одному вашему поведению смекнула, что дела плохи.

— Столько лет, а я даже не догадывалась. — Я вытащила из коробки последнюю салфетку. Думала, выплакала все слезы, оказывается — нет. — Ведь он ни разу не обидел меня. Был таким внимательным и нежным. Был *Миком!*

— С вашей дочкой беседуют психологи, — попыталась переключить мое внимание Джейн Шелли. — Они на этом деле собаку съели. Хорошо, знаете, что она разговорилась, а то замкнется опять да начнет втихую переживать...

Сейчас, вспоминая об этом, я качаю головой так, что она того гляди отлетит.

— Почему я ничего не видела? — Я ищу ответа у Лоры.

Впрочем, если не кривить душой, наверное, видела. Только не хотела замечать. Вспышкой мелькает перед глазами детство Джози — как она злилась, когда ей говорили, что она хорошенькая; как, повзрослев, шарахалась от каждого прикосновения; как отчаянно отстаивала право на личную жизнь; как стеснялась расцветающего тела; как рассказывала мне о том, что папа любит ее по-особому. А сцена — это ее отдушина? Возможность стать другим, нормальным человеком? Собранные воедино, эти мелочи складываются в тошнотворную сумму, по отдельности же, размазанные по всей жизни, проскользнули мимо меня.

— Не казни себя. — Лора обнимает меня. — Я и сама частенько задавала себе этот вопрос, — бормочет она.

На ее долю тоже выпало довольно горечи и обид, но все это не идет ни в какое сравнение с кошмаром моей жизни. Лора чувствует, что ей еще повезло.

— Но мы *любили* друг друга! И оберегать Джози — это его долг. Мы были одной семьей! (Черт! Кофе проливается на стол: никак не унять дрожь в руках.) Я вышла замуж за убийцу. За педофила. И родила от него ребенка. — Я мысленно проверяю себя: ведь я люблю Джози по-прежнему? Да, любовь крепко сидит во мне, намертво вмонтированная часть души. В открытую дверь я вижу рассыпавшиеся по дивану волосы Джози, и сердце подскакивает к горлу. — Она снова со мной.

— А ты снова со мной. — Лора прижимает меня к груди. — Мы ж были на той треклятой поминальной службе... и вообще... — Она отворачивается, шмыгает носом. — Я

помочь хотела, все говорила Мику: давай разберу Нинины вещи, а он так ни разу и не позвонил. — У нее на щеках разводы туши.

— Спасибо тебе, Лора. Спасибо, дорогая моя подружка. — Я тщетно стараюсь сдержать поток эмоций, который поминутно вскипает во мне.

Сна не было. Шампанское и пейзаж на стене моей комнатухи сплелись в сеть безумных видений, спеленали меня ту же простыней. Нужно поговорить с Эдамом. Чуть раньше мы с ним разглядывали сваленные в пыли картины — Эдам, добрая душа, устроил мне импровизированное свидание, — а теперь мне до смерти был нужен его компьютер. Я все еще отказывалась верить и видела лишь крупицу неизмеримо громадной правды.

Накинув халат, я потихоньку выскользнула из комнаты и двинулась по коридору. Стоп. «На чердаке еще есть», — говорил Эдам. Я должна их увидеть. И я повернула к комнате, где мы с ним сегодня были. К счастью, не заперто. Стол, по-прежнему заставленный пустыми тарелками после нашего пира; те же картины вдоль стен, стопками на подоконниках, на полу. Я захлопнула за собой дверь, включила свет. Взглянула наверх: потолок невысокий. Подтащив под чердачный люк стул, взобралась на него и взялась за крышку.

Пыль и песок посыпались дождем. Я зажмурилась, отплевываясь. Крышка поддалась и застряла — там что-то мешало. Просунув в щель руку, я нащупала холодные перекладки складной металлической лестницы, из люка змеей скользнула веревка. Я потянула за веревку — лестница свесилась вниз.

Качаясь и дрожа на каждой ступеньке, я с опаской вскарабкалась наверх и заглянула в квадрат люка. На чердаке было холодно, пахло плесенью. Я с трудом дотянулась до старого выключателя, и в конусе света единственной лампочки водоворотом закружились пылинки.

Когда глаза привыкли к полумраку, я увидела, что треугольное пространство чердака сплошь заставлено коробками и деревянными ящиками. И я заползла на грязный пол.

«Еще картины», — пробормотала я, нагибаясь к пачке, прислоненной к кирпичам торцевой стены. Одну за другой я перебрала всю пачку, и меня замутило. Боже правый...

Масляная живопись. Акварели. Эскизы. Холст. Бумага.

Дети. Малыши. Подростки. Мальчики и девочки, смущенно отвернувшиеся или ухмыляющиеся прямо в глаза зрителю. Выражение боли, застывшее в открытых ртах; скрюченные пальцы; безликие тела взрослых. Все обнаженные.

Я зажимаю рот ладонью. В жизни не видела ничего более омерзительного.

Некоторые лица я узнала: *Джимми, Маркус, Хедер, Кайли...*

Мне стало плохо.

Но было что-то в полотнах, что не позволило мне вернуться в свою комнату. Затаив дыхание, я сняла крышку с одной из коробок. Здесь были небольшие работы и сверху пачка старых фотографий, с которыми, вероятно, сверялся художник. Такая же мерзость, как и картины.

«Вот оно...» — шепнула я. Схожесть стиля бросилась мне в глаза, еще когда Эдам предложил забрать тот сельский пейзаж. Эта мысль не оставляла меня, являлась в ночных кошмарах. Но подписи не было, ничто не подтверждало догадку, которая сверлила смущенный разум. Только это. Шарф...

На каждой картине персонаж — *жертва* — связана или обвязана яркой полоской нарядной ткани. Красота и боль рядом.

— Точно такой же шарф, как... — Я вспомнила свой портрет, который так мне

польстил.

Лиловый и алый шифон вился по всем картинам на чердаке, не смягчая, а подчеркивая гнусность главной темы: дети всех возрастов рядом с гротескными фигурами взрослых, истязавших их невообразимыми способами. Шарф был его фирменным знаком.

На некоторых картинах остались ярлыки. «Сто пятьдесят фунтов». Он их продавал, зарабатывал на них.

Почти десять лет я провела в окружении педофилов, а тем временем мой будущий муж рисовал, наживался на отвратительных портретах детей, которых я знала, с которыми росла; ребят, которые исчезали. Сомнений в том, что это его работы, у меня не было.

В слепом неверии я поспешно покинула чердак. Примчалась в ванную и нырнула под душ. Нужно было смыть все это с себя. Нужно было успокоиться, собраться с мыслями и добраться до Джози, пока она не попала в ужасную беду. Я надеялась, что еще не поздно. Надеялась, что могу успеть.

Я бросилась к Эдаму, забарабанила в дверь.

— Эдам, Эдам! Проснись! Это я, Фрэнки...

— Но как Мик нашел меня двадцать лет назад? И Бернетт — как он узнал мое новое имя?

Слишком во многом предстоит разобраться, слишком много вопросов. Не уверена, что ответ мне нужен на каждый. Я помню нашу свадьбу. Как Мик говорил, что обожает меня. Как воткнул мне в волосы розу. «Мы встретились случайно».

— Думаю, не ошибусь, — откликается Мак-Кормак, — если предположу, что в обоих случаях дело в утечке секретной информации из полиции. Как ни печально, их навел кто-то из наших. Эта братия чертовски предана друг другу. Последовать за тобой в Бристоль — это Мик умно придумал.

Вспоминаю, как мы встретились — рисунки, мои брюки, ветер... Как естественно все это выглядело, как искусно переплелось с судьбой. Но все было спланировано. Он следил за мной. Прикидывал, как именно вклинится в мою жизнь — самое безопасное для него место.

— Но как вышло, что картины не были обнаружены? — Я в сердцах стучу кулаком по столу. Подскакивают стаканы с водой. — Если бы тогда, давно, полиция не зевала, а обыскала все здание сверху донизу, то непременно нашла бы картины и, может, даже арестовала художника!

Я спешу переписать прошлое, но на самом деле понимаю: даже раскопай они припрятанные картины, отыскать автора было бы почти невозможно, он ведь ни одной не подписал. В общем, пустое это дело — мечтать о том (господи, как больно об этом думать!), что было бы, а точнее, чего не было бы, не выйди я замуж за Мика.

— Они были все повязаны круговой порукой, — замечает Мак-Кормак. Рядом с ним за столом инспектор уголовной полиции, напротив — женщина-констебль. — Мы вытянули пару имен из Таллока, но потом он покончил с собой. Либи умер в тюрьме от рака пять лет тому назад. Я перетряхиваю старые архивы, но на это нужно время. Ты вот говоришь: здание плохо обыскали, а знала бы ты про все остальное. — Он проводит руками по лицу — похоже, всю ночь не спал. — Года три назад у меня было похожее дело. Знаешь, что меня бесило больше всего? Почти все, кто работал в тамошнем заведении, были в курсе.

Я залпом осушаю стакан. Роклифф не исключение.

— И почему молчали?

— По разным причинам. Главным образом, потому, что не хотели рисковать и смотреть правде в лицо. У них была работа, своя жизнь. Если бы Роклифф тогда прикрыли, все лишились бы заработка. Кусок хлеба для них был важнее всего прочего. Восьмидесятые известны безработицей. — Марк вздыхает. — Либо это, либо они сами были участниками.

— Сколько детей погибло, какие страдания они перенесли... — Я думаю о прошлом отрешенно, словно не я пережила все это. Меня обещали сводить к психологу. Не знаю, пойду ли. Для меня гораздо важнее, чтобы начала выздоравливать Джози. — Мне надо будет встретиться с Бернеттом в суде?

— Как сказать. — Марк Мак-Кормак по-прежнему добр и внимателен, но в нем появилась определенная жесткость — результат долгих лет работы в отделе по борьбе с извращенцами. — Будет зависеть от того, захочешь ли ты дать против него показания. — Он смотрит на меня оценивающе. Ему нужны надежные свидетели.

Я киваю:

— Чего бы мне это ни стоило. — А сама уже заглядываю в далекое будущее, когда он отсидит свой срок и снова выйдет на свободу. Так, пожалуй, мне никакой жизни не хватит. — И чтоб вы знали — я теперь Эва. Эва Этвуд. Джози тоже поменяет фамилию. Официально.

Отныне я буду самой собою и никем другим. Нам и без того предстоит сделать слишком много открытий, выяснить, кто мы на самом деле — я и Джози, — какими можем стать.

— Понимаю, — отзывается Мак-Кормак. — Мы благодарны тебе за сотрудничество.

Меня вдруг осеняет:

— Думаете, в Роклиффе еще остался кто-то...

Он кивает, не дав мне договорить.

— Скажем так: мы подоברались очень близко. Следили, выжидали. А теперь, после всех этих событий, я направил туда группу. Несколько человек были арестованы в деревне и довольно много по всему северу страны. Мои ребята захватили кучу предметов изобразительного искусства, если, конечно, можно так выразиться, фото и видео. Прикрыли несколько интернет-сайтов. И это еще не конец, как я думаю.

— Вот, значит, как Мик и Бернетт пронюхали, что я жива... Кто-то в Роклиффе узнал меня и сообщил. А те потом вычислили, что это я разговариваю с Джози в «Afterlife».

Марк с досадой хлопает ладонью по столу:

— Говорил же я тебе: не возвращайся! Ты меня слушала?

— Никому не верь и не возвращайся, — понуро повторяю я.

Мак-Кормак читает бумаги, которые передал его коллега.

— Бримли. Это имя тебе что-нибудь говорит?

Я качаю головой.

— Он получал картины от Бернетта и продавал. — Марк пробегает глазами список. — А еще Бернанд. Фрейзер Бернанд. Он в больнице под полицейским надзором. Отравиться пытался — все карманы были диазепамом набиты.

— Он! — вырывается у меня. — Это он навел Бернетта. Должно быть, узнал меня в церкви. — Господи, стоять рядом с одним из *них*! И провести рядом с другим из *них* полжизни. — Один раз ночью к нам кто-то забрался. В школе...

Мак-Кормак смотрит на меня с недоумением. Я еще не дошла до этой истории в своих показаниях. Нам еще работать и работать.

— Завтра продолжим, — говорит он. — Иди домой.

У Лоры меня ждет Эдам.

— Мне пора, — объявляет он. — Я нужен в школе.

— Уезжаешь?! — с истерическими нотками переспрашиваю я.

Он мой друг. Я доверилась ему — и не ошиблась. Уму непостижимо, но Джози уже за компьютером — какая жизнестойкость. Они с Нат забрались на диван и голова к голове склонились над экраном. Лора теперь требует, чтобы Нат пользовалась компьютером внизу. Я вижу, как в темной комнате светится розовым и зеленым страничка знакомой мне игры.

— Да, конечно, — вздыхаю я покорно, опустошенно. Не хочу, чтобы он уезжал.

— Я звонил Палмеру. Полиция уже ввела его в курс дела, но он отказывается закрывать школу до конца семестра, хотя чуть не половину здания опечатали криминалисты. По мере сил он им помогает и при этом трясется над девочками. Хороший мужик.

— Мистер Палмер в своем репертуаре. — Я вымучиваю улыбку. — *Non scholae sed...* или как там.

— Представление должно продолжаться. — Эдам надевает куртку; в кармане звякают ключи.

А как же *мое* представление — фильмы, над которыми я собиралась работать, «Хамелеон», которого собиралась вывести на следующий уровень, мюзикл Джози?..

— А с Сильвией ты говорил? — Воображаю ее гнев при виде сотен перепутанных носков, мятых юбок, изгвазданных спортивных костюмов.

— Передает тебе привет, — уверяет Эдам.

И вдруг оказывается, что я стою в кольце его рук, уткнувшись лицом в грудь, и вдыхаю все, что могло быть и чего у замужней женщины быть не могло, — всю нашу с ним общую историю.

«Эдам у нас — история...» Так, кажется, выразилась Сильвия, когда знакомила нас.

«Точно. Я живу в прошлом...» — подтвердил он.

Мы на улице, возле машины Эдама.

— Надеюсь, она тебя довезет, — говорю я, похлопывая старушку по крыше и мечтая прямо о противоположном. Пусть бы она вообще не завелась.

Лора стоит в освещенном прямоугольнике двери, рядом Джози и Нат, все трое машут на прощанье. Эдам снова обнимает меня:

— Созвонимся, да?

От этих слов на глаза наворачиваются слезы. Я киваю, пытаюсь улыбнуться.

Он садится за руль и заводит мотор. Из выхлопной трубы вырывается облако черного дыма. Эдам опускает окно, притворно кашляет.

— Ну, пока.

Машина трогается с места... Не успев сообразить, что делаю, я бросаюсь наперерез и растягиваюсь на капоте.

— Стой!

Взвизгивают тормоза, а я скатываюсь на землю. Четыре пары глаз изумленно округляются.

— Мам, ты ж могла убиться! — ахает Джози.

А мне не привыкать.

— Все в порядке, — говорю я, поднимаясь. — Джози, собирай вещи.

— Какие вещи?

— Какие угодно. Пальто. Все, что тебе понадобится до конца жизни. — Я оборачиваюсь к Эдаму. Он ошеломлен и бледен. — Мы едем с тобой.

— Что?

— Никому не верь и не возвращайся, — говорю я. — А я *верю* тебе, Эдам Кингсли, и *возвращаюсь* с тобой в Роклифф! — Я подталкиваю Джози, которая уже стоит рядом, одетая, обутая, в машину. — У меня работа, а Джози нужно учиться. — Обнимаю онемевшую Лору, потом Нат: — Вы встретитесь с Джози в «Afterlife». И приезжай на каникулы. Все очень просто.

— Джози! — Нат обегает машину и просовывает голову в окно. — Ты что, правда уезжаешь?

Джози страдальчески морщится, но всего на мгновение.

— Я хочу быть с мамой. Если она едет, значит, и я тоже. — Она слабо улыбается. — Все и так погано.

Девочки держатся за руки. Нат открывает дверцу и обнимает Джози. Долго и нежно — как обещание крепкой дружбы, совместных каникул, болтовни в сети, телефонных разговоров и писем.

— Присмотри за Когтем. — Джози вытирает глаза.

— Клянусь, буду каждый день сидеть около него в столовой, и пусть только кто-нибудь попробует с ним заговорить! Ты видела, он опять переделал свою комнату, совсем на розовом чокнулся. Говорит, налаживает контакт с женской частью своей натуры.

Девчонки фыркают и смеются. Потом Джози отпускает Нат и посылает ей воздушный поцелуй.

Я устраиваюсь рядом с Эдамом:

— Ну, поехали. Домой.

Он морщит лоб, косится на меня:

— А как же расследование? Полиция?

— Я не под арестом. И я не отказываюсь им помогать. Если понадобится, найдут. Лора им сообщит, где я. Давай, Эдам, поезжай. — Я на секунду прикрываю глаза. Если я поступаю неправильно, почему мне так хорошо? — Пожалуйста!

Эдам трогается с места, потихоньку, с уговорами выводит старушку на шоссе, и мы катим на север, в Йоркшир, — порой молча наблюдая, как городские пейзажи сменяются сельскими, порой возбужденно болтая все хором, сплетая слова в один клубок, пока, наконец, не въезжаем на длинную аллею, ведущую к школе. Из-за деревьев показывается Роклифф-Холл.

Эдам останавливает машину, Джози окидывает испуганным взглядом огромное здание, девочек в форме. И нервно облизывает губы.

— Не бойся, — говорю я ей.

«Не бойся», — говорю я себе.

Семь месяцев спустя

По дороге в приемную мистера Палмера я миную кабинет информатики. Несколько девочек склонились над компьютерами, кусают губы, грызут ногти. Одна из них — моя дочь.
— Эй!

Она оборачивается на голос. Форма ей идет — клетчатая юбка, крахмальная блузка, изумрудно-зеленый жакет. Джози вписалась в школьный коллектив, как будто всю жизнь здесь была. Небрежный взмах руки — и она снова утыкается в экран. Переписывает что-то с сайта о животных.

— Он будет только утром. — Бернис выдергивает у меня из рук письмо и поворачивается к конторке у себя за спиной. — Я прослежу, чтоб он его получил.

На деревянной полочке уже лежит еще одно письмо, от Эдама.

Я благодарю и тороплюсь к своим недоразобраным спортивным костюмам. Прислонившись к стене, меня ждет Эдам с развернутой газетой в руках.

— Сегодня опять. — Он указывает на статью, а я отворачиваюсь. Не желаю видеть. — И они снова трутся у задних ворот.

Я качаю головой:

— Девочкам это не на пользу.

Уже четырнадцать школьников забрали встревоженные родители. В школе день и ночь дежурят полицейские — отгоняют назойливых журналистов и зевак. Временное затишье было, только когда дело дожидалось судебного разбирательства. Еще восьмерых арестовали за хранение детской порнографии; Бернетту тоже предъявлено обвинение. Всем отказано в поручительстве.

«Детский дом ужасов». «Торговец кошмарами за решеткой». «Смерть отца-педофила».

В газетах встречалось и откровенное вранье, и горькая правда, как, например, статья под названием «Она полюбила извращенца».

— Ну, что? — спрашивает Эдам.

Любопытство берет верх, и я просматриваю свежую статью. На снимке полиция ведет Бернетта к бронированному автомобилю после вчерашнего приговора: виновен по всем пунктам.

— Прости?

— Ты отнесла письмо?

— Да.

Эдам обнимает меня за талию, и газета падает на пол.

— И когда же? — интересуется Сильвия. У нее усталый вид. Ей каждый день приходится отбиваться по телефону от озабоченных родителей, заверяя, что их дочери в полной безопасности, что прежний муниципальный детский дом не имеет ничего общего с Независимой школой Роклифф-Холл. — Другой такой помощницы, как ты, у меня не было и не будет.

Я обнимаю ее. От нее пахнет стиральным порошком и табаком.

— Скоро. На следующей неделе. Если мистер Палмер отпустит нас до окончания семестра.

— Кого это — вас?

— Меня и Эдама. Мы вместе уезжаем. Втроем. — Я отвожу глаза, словно Сильвии так будет легче принять новость.

— То есть вы с ним...

— Нет, нет. Ничего подобного. *(Да, да!)* Мы с ним просто друзья. И хотим одного и того же — тихой, спокойной жизни где-нибудь подальше.

— Куда лыжи наострили? — Сильвия вздергивает брови и подбоченивается.

— В Австралию. А что? По крайней мере, всегда тепло.

Джози ждет не дождется. Другой конец света — это как раз то, что нам нужно.

После моего возвращения в Роклифф мы с Сильвией поговорили о случившемся, но она знает, что в подробности мне вдаваться не хочется. И помогает: если кто мне звонит — она начеку. Велела секретарше не пускать дальше приемной никаких неожиданных посетителей. Защитница моя. Мама. Она все понимает.

— Не сходите с ума, Сильвия, — говорила я, пожимая ее костлявые кулачки. — Мне надо жить, сколько можно прятаться? Они все уже за решеткой.

— Я тебя в обиду не дам, — обещала она. — Помимо всего прочего, никто не управляется с утюгом лучше тебя.

Она шутила, но, вероятно, с самого начала догадывалась, что я не останусь, что мрачные тайны Роклиффа по ночам отравляют мне кровь. Джози, благодарение Господу, отошла, но видеть, как она носится по коридорам, посапывает ночью в спальне, гоняет по спортивной площадке, с каждым днем становилось все тяжелее. Слишком знакомо.

Поэтому, когда Эдам сказал, что едет домой, в Австралию, что ему предложили вести историю в какой-то школе в Брисбене, я заявила, что еду с ним. И замерла в ожидании его реакции.

— Это далеко, — заметил он с улыбкой, пытливо вглядываясь в меня, будто до сих пор еще не вычислил, что я из себя представляю. — Там полно страшных пауков и чертовски жарко. К тому же у тебя нет визы...

— Эдам, я не шучу. — Меня знобило, в столовой была жуткий холод. — Я думала, возвращение в Роклифф станет решением...

— Ты должна была понять это сама. — Он вытащил из кисета папиросную бумажку, скрутил в колечко и подал мне. — Выходи за меня замуж, — сказал он тоном, каким просят передать соль. — Я хочу заботиться о тебе... И о Джози.

— Ладно, — в тон ему ответила я, просунула палец в колечко, и мы оба расхохотались. А уж потом я упала к нему на грудь и битый час лила слезы.

— Это ее. — Я протягиваю заколки для волос.

На прошлой неделе я продала дом, забрала последние вещи и на несколько тысяч фунтов накупила грима и всякой всячины, что мне понадобится для нового дела в Австралии.

Эдам берет заколки, крутит в пальцах, тихо говорит:

— Все, что от нее осталось. Кажется, я их помню. — Он прячет заколки глубоко в карман.

Эдам сказал, что никогда больше не вернется в Англию. Теперь уже незачем. Мы помечаем место еще одним деревцем. Будем надеяться, густая крона дуба не помешает пробиться нашей березке.

Вокруг сияют лазурью колокольчики, с листьев над головой сыплются солнечные

брызги. Мы словно плещемся в озере. Я собираю букетик и кладу к подножию березки:

— Для Бетси.

Когда мы возвращаемся в школу, мистер Палмер топчется у секретарского стола. Эдам, не прерывая своего рассказа о дождевых лесах и удивительных птицах Квинсленда, поднимает глаза на часы и охает:

— Черт! На урок опаздываю!

Но на его пути вырастает мистер Палмер. Разбросав руки, он загоняет нас обоих в копировальную комнату и щелкает выключателем.

— На пару слов.

Дело в наших заявлениях, не иначе.

Эдам, в расстройстве из-за опоздания, нетерпеливо переминается с ноги на ногу.

— Хочу сообщить, что принимаю вашу отставку. — На бледном, усталом лице директора никаких эмоций. — Я все понимаю.

Бедняга, в последние месяцы на него столько всего свалилось, не всякий выдержит. Вместо того чтобы заниматься школьными делами, пришлось воевать с прессой, возиться с криминалистами, которые оккупировали добрую половину здания. Кто-то из журналистов раскопал, что он местный, и они только что носом землю не рыли, доказывая его давнишнюю связь с Таллоком. Это была бы сенсация. Да только ничего у них не вышло.

А мистер Палмер по-прежнему отдавал все силы, чтобы школа работала в обычном режиме. Кое-какие классы перевели в наскоро сколоченные временки на участке.

— Желаю удачи на новом поприще. Вы оба получите официальные письма. Мистер Кингсли, вы будете освобождены от двухгодичного контракта досрочно. Мисс Джерард, нам всем будет недоставать вас. Девочки к вам привязались. — Он расплетает скрещенные руки, словно выпускает нас.

— Благодарю вас, мистер Палмер. — Эдам, извинившись, убегает.

— В последнее время нам всем пришлось несладко, — замечаю я.

Мистер Палмер выключает свет.

— Можете ехать когда пожелаете, — ровно звучит в темноте его голос.

Джози сидит на подоконнике, прижав ладони к стеклу. Я смотрю в то же окно возле обшарпанной входной двери.

— Так нечестно, мам! Опять в зиму едем.

— Только зима в Квинсленде совсем не такая, как у нас, глупенькая.

Мы обе высматриваем на длинной аллее такси. Какое странное чувство — видеть свою дочь на том самом месте, где много-много лет назад сидела я сама, загадывая: вот моргну и увижу, как из-за поворота выплывает папина «гранادا».

— Такси задерживается. — Эдам втаскивает в холл последний чемодан. — На пятнадцать минут.

Джози со стоном сползает с подоконника.

— Надоело, — ворчит она, удаляясь.

— Далеко не уходи! — кричу я ей в спину и цепляюсь за руку Эдама. Мышцы его напряжены, должно быть, от чемоданов. — Я не сваяла дурака? — спрашиваю я его. Или себя. — С Австралией, то есть?

Эдам хохочет.

— Уровень жизни ты себе обеспечила неплохой. Того, что ты выручила за дом, тебе с лихвой хватит на что-нибудь очень приличное.

— *Нам* хватит, — поправляю я, извлекая из кармана бумажное колечко.

— Сумасшедшая. — И он целует меня.

— Бетси любила тут сидеть и ждать меня из школы. — Я заглядываю ему в глаза, от синей их глубины кружится голова. — Который час? Пойду-ка я отловлю Джози. Держу пари, все уроки сорвала, заново обнимаясь с подружками.

Я сама уже со всеми попрощалась и взяла с Сильвии слово, что она не придет помахать мне рукой у двери. Хочу улизнуть так, чтоб никто не заметил.

Негромко окликаю дочь, шагаю по коридору. Она ведь точно пошла в эту сторону?

— *Джози!*

Поворачиваю налево, торопливо иду вдоль окошек, выходящих во двор.

— Джози Этвуд, куда ты подевалась?

И следа нет.

Заглядываю в наполовину стеклянную дверь какого-то класса — девчачий голос бубнит французские глаголы. Здесь ее нет. Может, отправилась в кабинет информатики, рассылает письма перед отъездом? Я снова смотрю на часы — в любую минуту у входа может загудеть такси. Развернувшись, решаю попытаться счастья в другом коридоре, перпендикулярном главному.

— *Джо-зи!*

Никакого ответа. Почти все здешние комнаты заняты либо под кладовые, либо под кабинеты заведующих кафедр. Распахиваю дверь наугад — вываливается груда хоккейных клюшек. Подбираю и запикиваю все обратно.

— Джози Этвуд, где ты?

Ее новое имя все еще непривычно режет слух. Дергаю еще пару дверей — заперто... и врываюсь в кабинет мистера Дикси. Он стоит с мобильником в руках, но ни с кем не разговаривает.

— Ох, простите!

И тут я замечаю девочку. Семиклассницу. С пунцовым лицом. Мистер Дикси захлопывает телефон и усаживается за стол. Девочка заправляет блузку.

— Простите, — пятаюсь, бормочу я. Меня вдруг пробирает озноб. — П-простите.

— Ничего, ничего. Генриетта уже уходит. Верно? — Он в упор смотрит на девочку, та пулей вылетает из комнаты.

— И я тоже, — лепечу я, не в силах сдержать страх, который с новой силой вскипает в душе. — Я тоже ухожу.

Стены смыкаются надо мной... Прочь из этого проклятого места! Я со всех ног бегу назад в холл и бросаюсь к Эдаму:

— Джози нигде нет!

— Да здесь она, Фрэнки. Успокойся. Просто ходила в туалет. — Эдам подзывает мою дочь. — Такси на месте. Ничего не забыли?

Я перевожу дух и, пряча глаза, подхватываю сразу несколько сумок. Все вместе мы тащим вещи к такси.

— В Скиптон на вокзал, пожалуйста, — говорит Эдам шоферу и с улыбкой оборачивается ко мне. — Что с тобой, Фрэнки? — Улыбка сползает с его лица.

— Все нормально. — Я смотрю в заднее стекло на уменьшающиеся очертания

Роклифф-Холла, который я покидаю теперь уже в самый последний раз. — Они как раковая опухоль, — шепчу я и вспоминаю маму. Рак печени у нее перешел на кости, на лимфатические узлы. — До конца от них не избавиться.

— Ты о чем, мам?

Джози и Эдам перекидываются названиями австралийских животных. Кто-то кричит: *ехидна!*

— У кого, говоришь, раковая опухоль? — переспрашивает Эдам и бросает Джози пакетик мятных леденцов. — Ты еще про коалу забыла.

Веселая перепалка продолжается, а я достаю из сумки блокнот и трясущимися руками начинаю писать. Машина подпрыгивает на ухабах. Меня мутит. И конверта у меня нет. Когда на вокзале мы выходим из машины, я роняю исписанный листок в решетку водостока. Что же делать? Что делать?

Накрапывает дождь, и Эдам отправляет нас под крышу, а сам грузит тележку.

— Мам, ты что? Всю дорогу смурная. — Джози берет меня под руку. — Ты разве не рада?

— Я пыталась все забыть.

— В Австралии у тебя все пройдет. Это как раз то, что нам надо, мам.

Я жму ее руку.

— До сих пор не уверена, — тихо говорю я Эдаму, когда он возвращается к нам, — правильно ли сделала, что сообщила в полицию.

Он не отвечает. Просто не отходит от меня, пока поезд катится через поля к вокзалу Кингз-Кросс; играет в карты с Джози, когда та начинает скучать; бегаёт за горячим шоколадом и бутербродами в вагон-ресторан.

Четыре часа спустя мы сдаем багаж в аэропорту Хитроу на вечерний рейс. Джози зеваёт.

— Ничего, теперь уже недолго, — утешает Эдам. — Настоящее приключение!

Рядом со мной у выхода на посадку сидит мужчина с ноутбуком и просматривает фотографии детей — на пляже, на празднике, в парке. На одной долго задерживается: девчушка лет четырех-пяти в «лягушатнике», голенькая. Мужчина смотрит пристально, ухмыляется под нос, потом захлопывает крышку, барабанит по ней пальцами. И звонит по телефону. Сюсюкает, нежно улыбается, чмокает трубку и говорит: «Покочи-ночи! Обожаю мою маленькую!»

— Эдам, я сейчас!

Джози дремлет и моего исчезновения не замечает.

Я запикиваю монетки в телефон-автомат, вытаскиваю из кошелька карточку и набираю номер. В такой поздний час его, конечно, на месте нет, но я знаю, что сообщения на автоответчике он проверяет регулярно.

— Это сообщение для Марка Мак-Кормака, — четко выговариваю я, не назвавшись, и рассказываю о том, что видела в кабинете у Дикси.

Может, и ничего страшного. Но больше рисковать я не могу.

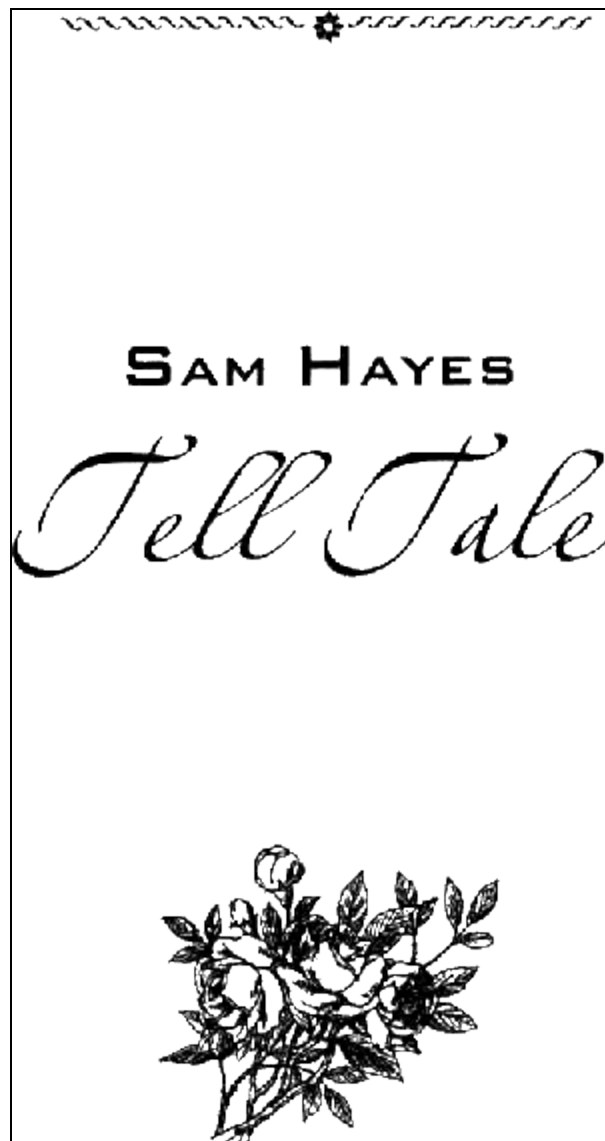
— Дело сделано, — объявляю я Эдаму, вернувшись. — Точка. — Я хватаю сумку, куртку, настороженно кошусь на других пассажиров.

— А я тут гадаю, куда ты подевалась, — отзывается Эдам. — Только что объявили наш рейс.

Потихоньку продвигается очередь на посадку. Вручив посадочный талон и шагнув в

туннель, ведущий к самолету, я в последний раз оглядываюсь и беззвучно молюсь. Позади нас молодожены, за ними пожилая пара. Я на миг с облегчением прикрываю глаза. За нашим отъездом никто не следит.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

В английском языке слово имеет два значения: 1. Жизнь после смерти, загробная жизнь. 2. Зрелые годы.